

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Емельянов С. Н.	
Уголовно-исполнительная система России: история и современность	5
Морозов В. М.	
Влияние образования на выбор профессии	7
Ананьин П. А.	
Информационная безопасность в управленческой деятельности уголовно-исполнительной системы	11
Ашин А. А.	
Проблемы применения исправительных работ в отношении несовершеннолетних	13
Бобровнический И. Н.	
Коммуникативные аспекты оперативно-розыскной деятельности	18
Веселов М. И.	
Детерминанты преступности в женских исправительных учреждениях	23
Гайсинский М. В.	
Развитие пенитенциарных учреждений Российской Федерации в свете международных стандартов обращения с осужденными	28
Зарипов З. С., Боровая О. А.	
Оперативно-розыскная функция подразделений Федеральной службы исполнения наказаний: целесообразность и основные направления осуществления	30
Зверева Е. Б.	
Социально-психологический механизм функционирования уголовного жаргона и необходимость его изучения	33
Зезюлин Ф. М.	
Самбо в системе физической подготовки сотрудников ФСИН России	37
Колесникова Н. Е.	
Личностные особенности осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима	40
Коломытцев Н. А.	
Актуальные проблемы совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации	44
Крышнев Е. Ю., Кисляков А. В.	
Криминальная активность осужденных отрицательной направленности и пути ее предупреждения	46
Левицкая А. Г.	
Право осужденных к лишению свободы на труд: реальность и перспективы	51
Новиков Р. В.	
Актуальные вопросы уголовной политики России в сфере назначения и применения наказаний к несовершеннолетним в современных условиях	58
Сенатов А. В.	
Проблемы административно-правового регулирования передачи либо попытки передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы	60
Соколов С. А.	
Организация воспитательной работы с различными группами впервые осужденных к лишению свободы женщин в первоначальный период отбывания наказания	62
Сторожук М. И.	
Законодательные ограничения личных неимущественных прав осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы	67
Янчук И. А.	
Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин: вопросы дифференциации	70

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Абдуллаев Я. Д.	
Оперативно-розыскное обеспечение судебного разбирательства уголовных дел	73
Антонов А. Г.	
Освобождение от уголовной ответственности членов преступной группы по УК РФ и закону об ОРД	81
Арбузова С. А.	
Сущность и структура государственно-правового механизма управления обеспечением прав и свобод человека и гражданина	84
Безруков А. С.	
Моделирование в праве	90
Беляков А. В.	
Физкультура и спорт как необходимые педагогические условия формирования представлений о ценностном отношении к здоровью подрастающего поколения	93
Богатова О. В.	
Значение классификации нормативных правовых актов в системе права Российской Федерации	95
Богатырев В. В., Горшкова Н. А.	
Сущность принципов-идей и принципов-начал в правовой науке	99
Бычкова Т. С.	
Обеспечение прав человека как приоритетное направление функционирования гражданского общества в механизме реализации юридической ответственности	102
Головинская И. В.	
Нормативное определение целей и задач института мировых судей как основа его дальнейшего развития	105
Головкин Р. Б.	
Обычай в механизме обеспечения правомерного поведения личности	110
Гудков А. И.	
Проблемы обеспечения тайны усыновления	114
Дегтева Д. В.	
Маргинальность как правовое явление в современной России	119
Державин С. С.	
Проблемы участия представительного органа государственной власти субъекта РФ в федеральном законодательном процессе	123
Дунаева И. В.	
Соотношение политической и государственной власти	126
Ермаков С. В.	
Проблемы установления подследственности и подсудности уголовных дел о нарушении авторских и смежных прав	129
Зайцева С. Ю.	
Влияние правовых стимулов и антистимулов на эффективность осуществления правосудия	131
Зюков А. М., Симонова М. М.	
Проблемы реализации права на изучение родного языка малыми народами России	136
Илиджев А. А.	
Значение дополнительных критериев при назначении наказания за преступления, совершенные в соучастии	139
Калинина Н. С.	
Милиция общественной безопасности: федеральная или региональная?	142
Карпов Э. С.	
Совершенствование законодательного обеспечения деятельности органов государственного финансового контроля	144
Ковалев С. Д.	
Специальная техника как научная категория: сущность, понятие	148
Коленков В. В.	
Общая характеристика противоправной деятельности этнических преступных формирований	151

Колосов А. С. <i>Обновленный институт конфискации имущества: эффективное средство в борьбе с преступностью или правовая фикция?</i>	152
Кондрашов С. А. <i>Проблемы формирования здоровьесберегающих технологий в младшем школьном возрасте</i>	157
Коробейников Н. А. <i>Проблемы уголовно-правовой защиты деятельности третейских судов в России</i>	159
Королев Ю. Ф. <i>Особенности тактики борьбы с организованными группами, совершающими тяжкие и особо тяжкие корыстно-насильственные преступления в отношении водителей большегрузного транспорта, и оперативно-розыскное прогнозирование по предупреждению и раскрытию данных преступлений</i>	163
Красильщиков А. В. <i>Специфика влияния экономических организаций на политику современной России</i>	169
Лапшин В. Е. <i>Аутодеструктивное поведение подростков: причины, приводящие к суициду</i>	172
Медведева В. В. <i>Действия органов внутренних дел при поступлении заявлений и сообщений о бытовых хулиганствах: проблемы правовой регламентации и организации деятельности</i>	173
Назарова М. Г. <i>Формирование гуманистических ценностей средствами образования и воспитания в современном мире</i>	176
Наумов И. А. <i>Некоторые аспекты проведения правовой экспертизы областных законов (на примере Владимирской области)</i>	178
Невский Н. Н., Невский А. Н. <i>Влияние виктимогенной обстановки на виктимизацию</i>	184
Овчинникова Н. А. <i>Некоторые проблемы правового регулирования профессионального спорта в России</i>	187
Пожарский Д. В., Мирзоян Э. Р. <i>Цель государства в учении Георга Еллингера</i>	190
Посашкова А. Л. <i>Взаимодействие норм ислама и правовых норм в правообразовании и правоприменении в России</i>	192
Пронькина Е. А. <i>Признак вооруженности при хулиганстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору или организованной группой: проблемы теории и судебно-следственной практики</i>	198
Пугачев Е. В. <i>Предпосылки использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве уголовно-процессуальных доказательств</i>	200
Рузевич О. Р. <i>Способы посягательства на психическую неприкосновенность личности</i>	204
Сатарова Н. А. <i>Некоторые аспекты выработки понятия «правонарушение»</i>	207
Скрячев А. М., Рыбина С. Н. <i>Социально-правовые аспекты экологической политики в Российской Федерации</i>	211
Соловьев Н. В. <i>Актуальные проблемы реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду на современном этапе развития Российского государства</i>	216
Солоухина С. В., Мамчун В. В. <i>Терминологическая адекватность как основное требование к юридическому лексикону</i>	221
Сосенков Ф. С. <i>Участие в повышении качества законодательства субъектов Российской Федерации как одно из направлений деятельности региональных общественных палат</i>	226
Трухин М. А., Бобровнический И. Н. <i>Проблемы конфликтного взаимодействия следователя и оперуполномоченного по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе в сфере образования</i>	234

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Анисимов А. В.	
<i>Превентивная политика в отношении дезадаптированных несовершеннолетних в России XVIII столетия</i>	<i>237</i>
Глухов В. А., Глухова А. В.	
<i>Формирование нормативно-правовой базы пенитенциарной системы России в XVI–XVII вв.</i>	<i>242</i>
Домрачев И. Г.	
<i>Негативные последствия судебной реформы 1864 г. в России</i>	<i>244</i>
Нарышкина Н. И.	
<i>Социальное назначение и организация деятельности монастырских тюрем в России в XVI–XIX вв.</i>	<i>248</i>
Непотенко А. В.	
<i>Преступления против семьи и нравственности в отечественном законодательстве XI–XVIII вв.</i>	<i>252</i>
Остапенко П. И.	
<i>Проблемы использования труда осужденных в тюрьмах Кубанской области 2-й половины XIX в.</i>	<i>258</i>
Фетищев Д. В.	
<i>Развитие судебной системы в России во II половине XIX в.</i>	<i>260</i>
Чирикин В. А.	
<i>Порядок и последствия выдачи преступников в соответствии с международными соглашениями: исторический опыт</i>	<i>266</i>
Шагаев В. А.	
<i>Состояние военного судопроизводства в России накануне реформ 60–70-х гг. XIX в.</i>	<i>270</i>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ОПЫТ, СОТРУДНИЧЕСТВО, ПЕРСПЕКТИВЫ

Виноградов В. В.	
<i>Исполнение наказаний и социальная работа в исправительных учреждениях Швейцарии</i>	<i>275</i>
Маринчев Н. В., Тимошук А. С.	
<i>Основания правовой идеологии Древней Индии</i>	<i>280</i>
Новиков С. С.	
<i>Ибрагим Ругова: интеллигент и политик</i>	<i>282</i>
Краснов А. Н.	
<i>Дефекты юридической техники экологического законодательства</i>	<i>285</i>

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

С. Н. Емельянов,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Несмотря на то, что тюрьма как учреждение, обеспечивающее наказание в виде лишения свободы, существует с незапамятных времен, во второй половине XIX в. организация деятельности пенитенциарной системы нуждалась в совершенствовании в связи с отсутствием в государственном аппарате управления структурного подразделения, которое на общероссийском уровне осуществляло бы нормотворческие функции в данной сфере, а также контролировало состояние различных учреждений, исполнявших наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества.

По мнению профессора М. Г. Деткова, «отсутствие постоянного контроля... вызывало двоякого рода последствия: с одной стороны, недостаточность вполне точных и достоверных сведений о положении того или другого отдельного тюремного учреждения, с другой – отсутствие единообразия в порядке действий чиновников ближайшей тюремной администрации»¹.

Совершенствовать организацию деятельности всех пенитенциарных учреждений можно было только в ходе реформы, попытка которой была предпринята в 1862–1879 гг. В указанный период функционировало несколько комиссий по тюремным преобразованиям. В их работе на разных этапах принимали участие реформаторы-практики (М. Н. Галкин-Врасский, В. А. Соллогуб), ученые-юристы (Н. А. Неклюдов, И. Я. Фойницкий), чиновники Министерства внутренних дел (далее: МВД) и

Министерства юстиции (Л. Маков, Д. Оболенский, К. Пален, К. Победоносцев)².

Комиссиями учитывался опыт организации деятельности тюрем в Англии, Ирландии, Франции, Бельгии, Германии, изучались особенности прогрессивной и оборонской тюремных систем.

Использовались также передовые сведения пенитенциарной науки, хотя, по мнению С. В. Познышева, тесной связи между пенитенциарной наукой и практикой в России XIX в. не было³. Можно отметить работы С. П. Мокринского⁴, С. В. Познышева, Н. С. Таганцева⁵, И. Я. Фойницкого⁶, внесшие значительный вклад в разработку теоретических аспектов пенитенциарной проблематики.

Одним из основных результатов работы комиссий в сфере реформирования пенитенциарной системы стало создание специального органа по управлению тюрьмами на высшем государственном уровне. В соответствии с законом Государственного Совета от 27 февраля (12 марта) 1879 г. в составе МВД было образовано Главное тюремное управление (далее: ГТУ), на которое возлагались общее руководство местными органами тюремного ведомства на всей территории империи, координация их деятельности, планирование и реализация основных направлений карательной политики государства в сфере тюремного заключения и организации деятельности тюрем.

В составе ГТУ была создана Тюремная инспекция, которая должна была проводить

² См.: Уголовно-исполнительная система. 125 лет / Под общ. ред. Ю. Я. Чайки. М., 2004. С. 19.

³ См.: Познышев С. В. Очерки тюремоведения. М., 1915. С. 130.

⁴ См., напр.: Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. Томск, 1902.

⁵ См., напр.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: Лекции: В 2 т. М., 1994.

⁶ См., напр.: Фойницкий И. Я. Тюремная реформа и тюремное ведение // Фойницкий И. Я. На досуге: Сб. юрид. ст. и исслед. с 1870 г. СПб., 1898.

¹ Детков М. Г. Тюремь, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 24.

ревизии тюрем, осуществлять общее руководство их деятельностью и вносить законодательные предложения по вопросу совершенствования организации тюремного дела. Тюремные инспектора исполняли возложенные на них обязанности по проверке тюремных учреждений на местах в соответствии с утвержденными министром внутренних дел 30 июня 1879 г. Временными правилами для первоначального руководства тюремным инспекторам во время командировок с целью осмотра и ревизии учреждений, входящих в состав карательной системы¹.

Тюремные инспектора имели право «беспрепятственного входа во все части мест заключения, личного сношения с содержащимися в означенных местах и обозрения всех дел и документов, имеющих какое-либо отношение к тюремному делопроизводству», но не вправе были самостоятельно отдавать распоряжения. Помимо информации о тюрьмах инспектора могли собирать интересующие их сведения о состоянии учреждений в губернских правлениях и иных присутственных местах².

Одновременно с созданием Тюремной инспекции был учрежден Совет по тюремным делам, который согласно назначению императора состоял из высших государственных чиновников различных ведомств. На его рассмотрение могли выноситься вопросы организации управления и устройства тюрем, пересылки заключенных. Однако Совет по тюремным делам оказался нежизнеспособным, так как не обладал властными полномочиями (вся полнота власти принадлежала ГТУ) и состоял из чиновников, работавших в других государственных ведомствах и не заинтересованных в результатах своей работы³.

И. Я. Фойницкий структуру ГТУ определял несколько иначе, подчеркивая, что в его состав входили Совет и управляющий тюрьмами. Совет (по всей видимости, по тюремным делам), согласно мнению И. Я. Фойницкого, «...имеет значение частью законода-

тельного, частью совещательного учреждения; в компетенцию Совета входят также все меры административного свойства по вопросам текущего управления»⁴. Управляющий тюрьмами (видимо, речь идет о лице, возглавлявшем Тюремную инспекцию) осуществлял непосредственное управление и надзор за всеми местами заключения через тюремных инспекторов.

ГТУ, с 1895 г. находившееся в ведении Министерства юстиции, практически в неизменном виде просуществовало вплоть до 1917 г.⁵

Несмотря на то, что образование ГТУ не решило всех организационно-правовых проблем в деятельности пенитенциарных учреждений России, само появление центрального органа управления тюремной системой, позволившего единообразно осуществлять политику в области исполнения уголовных наказаний, безусловно, можно считать выдающимся совместным достижением российской пенитенциарной науки и практики.

Сегодня в структуре УИС насчитывается 766 исправительных колоний, 217 следственных изоляторов, 160 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов, 7 тюрем, 62 воспитательных колоний для несовершеннолетних. По состоянию на 1 марта 2008 г., в указанных учреждениях содержится 892,3 тыс. человек. Кроме того, более 590 тыс. человек состоят на учете в 2445 уголовно-исполнительных инспекциях как лица, осужденные к мерам уголовно-правового характера и наказаниям, не связанным с лишением свободы.

В учреждениях и органах ФСИН России осуществляют работу 602 производственных предприятия, где созданы 316 центров трудовой адаптации осужденных, 22 лечебно- и 21 учебно-производственная мастерская.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 301 вечерняя общеобразовательная школа и 447 учебно-консультационных пунктов, 338 профессионально-технических училищ, действуют более 1150 церквей и молитвенных комнат.

¹ См.: Детков М. Г. Указ. соч. С. 56.

² См.: Детков М. Г. Наказание в царской России и система его исполнения. М., 1994. С. 91.

³ См.: Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. С. 56–57.

⁴ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. С. 392.

⁵ См.: Реент Ю. А. Полицейская система Российской империи начала XX века (1900–1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 27.

Сегодня, штатная численность персонала УИС достигла 355,3 тыс. человек, из которых 71 % составляют аттестованные сотрудники.

Образовательная и научная деятельность УИС осуществляется 7 высшими учебными заведениями (с 7 филиалами), 1 колледжем, 74 учебными центрами, Научно-исследовательским институтом ФСИН России, Научно-исследовательским институтом информационных и производственных технологий ФСИН России, 2 кадетскими школами-интернатами: Московским кадетским корпусом юстиции и Карсунским кадетским корпусом юстиции.

Сегодня УИС динамично развивается с учетом политических, социально-экономических, культурных условий общественной жизни. Укрепляются и совершенствуются основные направления деятельности, связанные, прежде всего, с реализацией норм

международного пенитенциарного права и более широким их внедрением в практику деятельности учреждений и органов ФСИН России, обеспечением социальных и правовых гарантий работников УИС и членов их семей, защитой прав и законных интересов лиц, совершивших общественно опасные деяния. Учреждения и органы УИС продолжают осуществлять объемную, социально ориентированную и государственно значимую работу по совершенствованию их деятельности.

Библиографический список

1. *Детков, М. Г.* Тюремь, лагеря и колонии России / М. Г. Детков. – М., 1999.
2. *Познышев, С. В.* Очерки тюремоведения / С. В. Познышев. – М., 1915.
3. *Фойницкий, И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – М., 2000.

В. М. Морозов,

декан факультета

внебюджетного образования

ВЮИ ФСИН России,

советник ФСИН России

доктор социологических наук, профессор

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ВЫБОР ПРОФЕССИИ

Высшее образование является важнейшим элементом развития людских ресурсов для любой страны мира в целом.

В современных условиях непрерывного образования высшая школа обеспечивает не только высокий уровень квалификации выпускников, необходимый на рынке труда, но и подготовку специалистов в различных областях знаний. Именно те, кто в процессе обучения приобрел аналитические навыки, продвигают вперед национальную экономику, являются опорой гражданского общества, учат детей, возглавляют эффективно работающие правительства и принимают важные решения, оказывающие влияние на жизнь всего общества.

Развитие знаний является главным фактором социально-экономического прогресса. Именно поэтому высшее образование необходимо для их формирования, распро-

странения и применения, а также создания технического, профессионального и интеллектуального потенциала.

Государство несет ответственность за создание стимулирующей среды, заставляющей вузы шире применять инновации и своевременно реагировать на потребности конкурентной экономики, основанной на знаниях и изменениях требований рынка труда, которому необходим высокоразвитый человеческий капитал¹.

Способность общества создавать, отбирать, адаптировать, превращать в источник прибыли и использовать знания имеет решающее значение для устойчивого экономического роста и повышения жизненного уровня населения.

В одном из докладов Всемирного банка о мировом развитии подчеркивается, что «сегодня большинство передовых в технологическом отношении экономик являются поистине экономиками, основанными на знаниях, ... создавая миллионы рабочих мест, связанных со знаниями, по множеству внезапно появившихся дисциплин»².

¹ См.: Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: Пер. с англ. М., 2003. С. 29.

² Там же. С. 7.

Специальность «юриспруденция» не является новой, поскольку юридическое образование было востребовано всегда, однако спрос на него особенно вырос в начале 1990-х гг. и не снижается до настоящего времени. Многочисленные вузы ежегодно выпускают большое количество дипломированных специалистов-юристов, и достаточно часто можно слышать рассуждения об их «перепроизводстве». Вместе с тем кризис «перепроизводства» в юридических вузах не снижает спроса на специалистов в области гражданского права, т. е. юристов-цивилистов.

Цивилисты – это судьи, нотариусы, чиновники государственных структур самых разных уровней, юрисконсульты на предприятиях, бизнес-адвокаты. Они занимаются вопросами собственности, обязательственными отношениями и работают в различных организациях. Строго говоря, цивилист – это не профессия, а специализация, но для удобства изложения, говоря о профессионале, будем иметь в виду цивилиста.

Следует отметить, что в практической области деление на специализации достаточно условно. Поэтому возможности получения работы для человека, специализировавшегося по гражданскому праву, не ограничиваются этими рамками. Как мы отметили, сегодня роль специалистов в области гражданского права возросла многократно. Однако с востребованностью юристов на рынке труда возросли и требования, предъявляемые к ним.

Как известно, многое в жизни человека зависит, прежде всего, от него самого, поэтому профессиональный успех и связанные с ним карьерный рост и материальное благополучие в первую очередь зависят не столько от профессии, специализации человека, сколько от его личности. Профессию можно рассматривать лишь как условие, возможность реализации способностей, деловых, личностных качеств. В этом плане работа цивилиста очень привлекательна. Сегодня хороший юрист – это компетентный профессионал, слово которого имеет ощутимый вес. К тому же это – элитная высокооплачиваемая профессия.

В настоящее время нередко случаи, когда лица, окончившие юридический вуз, в

своей профессиональной деятельности располагаются в более высоком ранговом порядке, чем во время учебы.

Успехи в юридической деятельности, в частности, связанные с общением, руководством людьми в особых ситуациях, определяются не только академической оценкой полученных знаний и способностей к обучению, но и целым рядом других личностных качеств, которые в учебном процессе, как правило, не реализуются и не проверяются. Как известно, среди юридических профессий есть такие, овладение которыми требует, с одной стороны, задатков, признания и образования, а с другой, большого жизненного опыта, целого ряда профессиональных навыков и умений. К таким профессиям в первую очередь относятся профессии судьи, нотариуса, бизнес-адвоката и некоторых других.

Следует отметить, что профессия юриста предъявляет к личности работника повышенные требования.

Во-первых, юридические профессии характеризуются чрезмерным разнообразием решаемых задач.

Во-вторых, юридическая деятельность при всей ее сложности и разнообразии регулируется правом, что, безусловно, накладывает отпечаток на личность каждого юриста. Уже при планировании своей деятельности любой работник мысленно сопоставляет собственные будущие действия с нормами законодательства, которые регламентируют эти действия.

Практически всем этим профессиям присуща коммуникативная деятельность, заключающаяся в общении в условиях правового регулирования, а также эмоциональная напряженность.

Специалисты, имеющие по роду занятий дело с людьми, должны быть не просто исполнителями определенных ролей, а обладать положительными человеческими качествами. В частности, каждый, кто силой обстоятельств вовлекается в ролевое общение с юристом, ожидает от него не только профессионального исполнения обязанностей, но и уважительного отношения, что налагает на работника особую ответственность, предъявляет к нему повышенные требования как к личности. Это становится

основанием для возникновения специфических норм поведения, регулирующих выполнение людьми профессиональных обязанностей и стимулирующих их внимание к самовоспитанию.

Профессиональная этика – так принято называть кодекс поведения – обеспечивает нравственный характер тех взаимоотношений между людьми, которые вытекают из их деятельности. Успешное выполнение профессиональных обязанностей предполагает соединение квалифицированности специалистов с глубоким осознанием ответственности, готовностью безукоризненно исполнять профессиональный долг.

Независимо от вида юридической деятельности стержневым принципом профессиональной морали является справедливость. Без этого нравственного качества деятель в правовой сфере теряет этический смысл. Наряду с этим от юристов требуются: объективность, беспристрастность, обеспечение прав человека и «презумпции невиновности».

Для юриста требования морали имеют особый смысл. С правосудием всегда связано представление о высоконравственных принципах: справедливости, гуманизма, честности, правдивости и т. д. Вместе с тем профессиональную мораль нельзя сводить лишь к специфическому преломлению общих норм нравственности в той или иной деятельности. В любой профессиональной морали не может быть каких-то особых норм, которые бы не вытекали из общих принципов. Так, в качестве специфических норм морали юриста часто приводят правила о недопустимости разглашения данных предварительного следствия, об адвокатской тайне и т. д., которые якобы составляют исключение из общих моральных принципов правдивости и искренности. Однако эти правила являются правовыми нормами. Правдивость и искренность как нравственные принципы нельзя рассматривать в отрыве от гражданского долга, а иногда и правовой обязанности не разглашать определенные сведения.

Неотъемлемой чертой в профессиональной деятельности любого человека является имидж. Немаловажную роль он играет и в юридической практике.

Полноценный, устойчивый, качественный имидж базируется на профессиональной компетентности, богатом юридическом опыте. При этом следует помнить, что создание имиджа – это не только работа профессионалов в данной области, но и огромные усилия самого претендента, поскольку создание собственного имиджа требует мощного самоконтроля и твердой веры в себя, в то, что делаешь. Имидж современного юриста складывается из совокупности многих аспектов, таких как: профессионализм, компетентность, этика, культура правосознания, самопрезентация и самоконтроль. Юрист любого профиля, заботясь о своей репутации, ни в коем случае не должен совершать противоправных действий.

Кроме того, в современных условиях любому профессионалу, а тем более цивилисту, необходимо знать иностранные языки, поскольку деятельность в области права приобретает международный характер. Юристов со свободным владением иностранным языком предпочитают 42 % работодателей. Он необходим также для компьютерного общения, самостоятельного перевода заинтересовавших зарубежных статей, поездок за границу. Соответственно юрист должен уметь обращаться с компьютером, так как он является «орудием», инструментом, средством труда любого специалиста, работающего с информацией. Профессиональная деятельность цивилиста связана с людьми и информацией, поэтому требует высокой точности, четкости, постоянно держит в тонусе. Время хорошего профессионала всегда четко распланировано.

Специалист в области гражданского права должен обладать рядом качеств, обеспечивающих успешность его деятельности. Прежде всего, это очень хорошие внимание, память, высокие интеллектуальные и аналитические способности. Профессионалы говорят даже о некоторой педантичности и суховатости.

Кроме того, специалист должен ориентироваться в постоянно изменяющемся законодательстве, что также отнимает много времени и требует большой работоспособности. Профессионал всегда должен «быть в курсе».

Еще одним важным качеством цивилиста является умение общаться, в частности: устанавливать контакт с людьми разных социальных слоев, слушать, в том числе выделять «фабулу» дела, четко, логично, понятно излагать свои мысли. Для этого также необходим цепкий дисциплинированный ум. Речь профессионала должна быть грамотной, правильной. Ему необходимо уметь убеждать людей, обладать ораторским искусством, быть уверенным в себе. Не менее важной составляющей умения общаться является умение «разбираться в людях», которое формируется лишь в ходе непосредственного общения с людьми и приходит с опытом.

Весьма полезно в профессиональной деятельности такое качество, как артистичность, например, при выступлении в суде. Хороший профессионал обладает также личным обаянием, что, безусловно, способствует успешному решению стоящих перед ним задач.

Немалую роль играет внешний вид цивилиста, поскольку аккуратный внешний вид демонстрирует уважение к собеседнику. Это особенно важно, например, при заключении сделок. Всем известна пословица: «Встречают по одежке...».

Хороший цивилист (да и любой другой юрист в силу особого, элитного статуса профессии) должен обладать высоким общекультурным уровнем, эрудицией, развитым самосознанием. Очень важны для цивилиста умения принимать решения и брать на себя ответственность, так как от его слов очень многое может зависеть.

Юрист обязательно должен быть стратегом, умеющим разработать линию защиты интересов клиентов, которую он будет реализовывать в ходе судебных процессов, внося при необходимости коррективы. Каждая ситуация допускает несколько вариантов трактовки, и от юриста зависит, какой вариант в итоге окажется предпочтительнее.

Таким образом, практическая деятельность цивилиста очень интересна и вместе с тем трудна. Предъявляя к специалисту высокие требования, она дает большие возможности для самореализации.

Однако для того, чтобы стать грамотным юристом, одного юридического образования недостаточно. Как правило, вчерашним студентам работодатели боятся доверять серьезные дела, поэтому практический опыт лучше приобретать до окончания института. Можно устроиться помощником юриста, секретарем в суд, регистратором в государственную контору. Зарплата будет невысокой, но главное в данном случае – опыт. В дальнейшем это позволит претендовать и на более высокую должность и зарплату. Обычно работодателей устраивает опыт работы от 2 до 3 лет.

При этом заранее следует учитывать, что чаще всего работодатели требуют от юристов знания хозяйственного, хозяйственно-договорного права, иногда – корпоративного и таможенного права.

Кроме того, гораздо больше возможностей, в том числе и в вопросах трудоустройства, имеют люди, которые наряду с юридическим получили и другое высшее образование. Например, сегодня очень востребованы юристы-экономисты. Наконец, юристы чаще, чем представители многих других профессий, берутся за организацию собственного дела и получают предложения стать партнерами в новом бизнесе.

И в заключение следует подчеркнуть, что никогда нельзя останавливаться на достигнутом. В какой бы области права студенты и курсанты юридических вузов ни нашли себе применение, им необходимо продолжать совершенствоваться. Впереди у них огромный выбор. Определившись с профессией, они могут параллельно заниматься научной деятельностью, проводить исследования и защищать диссертации на соискание ученой степени кандидата, а в дальнейшем, возможно, и доктора юридических наук.

Библиографический список

1. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы : [пер. с англ.]. – М., 2003.
2. Ломакин, Д. Юрист-цивилист (гражданское право) / Д. Ломакин, Е. Федотовская. – Режим доступа : <http://all-about-msu.ru/>.

П. А. Ананьин,
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Одним из приоритетных направлений совершенствования информационного обеспечения управления в уголовно-исполнительной системе (УИС) в современный период является повышение эффективности информационной безопасности в управленческой деятельности уголовно-исполнительных органов и учреждений, защиты функционирующей здесь информации. Актуальность решения данных вопросов обнаруживается в современной зарубежной и отечественной теории и практике управления, законодательных и других нормативных актах Российского государства, решениях правительства, министерств и ведомств.

Одной из основных причин возрастания роли и значения рассматриваемых вопросов является всеобщая актуализация собственно проблемы безопасности во всех сферах жизнедеятельности человека, функционирования общественных и государственных структур. Вместе с тем нормальная деятельность по исполнению уголовного наказания, особенно в виде лишения свободы, возможна лишь в условиях безопасности персонала, осужденных и учреждений УИС¹.

Проблемы безопасности непосредственно затрагивают процессы информатизации, поскольку последние, как уже отмечалось, тесно связаны со всеми сферами функционирования человека, общества и государства. Необходимо отметить, что процессы информатизации при неумелой их организации, появлении просчетов и издержек сами по себе могут вызывать возникновение значительных опасностей и угроз. Преимущества информатизации, хранения, переработки и передачи информации с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий тесно связаны с появлением ряда проблем

из-за уязвимости от негативных воздействий, которые могут повлечь за собой катастрофические последствия. Иными словами, сам процесс информатизации, имея объективный характер, являясь эффективным инструментом преобразования реальной действительности, при его неправильной организации может превратиться в серьезную опасность, угрозу существованию человечества, в данном случае нормальному функционированию уголовно-исполнительных органов и учреждений.

В настоящее время мировое сообщество ежедневно сталкивается с проблемами мирового масштаба: социальные и экономические кризисы, террористические акты, природные катаклизмы, многочисленные не прекращающиеся военные действия и т. д., в структуре которых важное место занимает информация. Организация информационной безопасности стала одной из национальных задач развития России на рубеже XXI в.² По мнению целого ряда ученых³, главные угрозы жизненно важным интересам не только граждан, но и государств осуществляются именно через информационную среду, и как следствие наблюдается рост информационной составляющей во всех видах национальной безопасности. При современном уровне развития информационных технологий такие воздействия могут осуществляться и в мирное время. Они способны привести к разрушению ценной для государства информации, ее искажению либо к внедрению специально созданной дезинформации в целях дезорганизации или принятия неправильных решений на соответствующем уровне государственного управления.

Наибольший интерес для информационного воздействия представляют системы критических приложений⁴. Сегодня таковыми принято

² См.: Об утверждении Концепции национальной безопасности РФ: Указ Президента РФ от 10 янв. 2000 г. № 24 // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

³ См., напр.: Информационные ресурсы региона: принципы формирования, организационная, видовая структура / А. Н. Маслова, Е. Б. Соболева, Р. Е. Павлова и др. Новосибирск, 2000; *Одесс В., Баскин А., Наумик В.* Влияние информационных технологий на рыночную инфраструктуру // Маркетинг. 2001. № 3. С. 92–99.

⁴ См.: *Юсупов Р. М., Пальчун Б. П.* Безопасность компьютерной инфосферы систем критических приложений // Вооружение, политика, конверсия. 1993. № 2.

¹ См.: *Громов М. А.* Организация безопасности в исправительных учреждениях: Учеб. пособие. Рязань, 2005. С. 3.

называть системы, нарушение которых приводит непосредственно к резкому ослаблению безопасности органов власти, государства, конкретных общественных и государственных организаций. Например, все острее встает вопрос о необходимости защиты «конфиденциальной информации, критически важной для организации или для принятия решения; целостность информации и связанных с ней процессов (создание, ввод, обработка и вывод); оперативная доступность информации в любой момент; возможность накопления информации, т. е. сохранения предшествующих вариантов; минимизация рисков путем выполнения компенсационных мероприятий; учет всех процессов, связанных с информацией»¹.

Следует также учитывать то обстоятельство, что информация, процессы информатизации, особенно в последнее время, становятся объектом многочисленных преступлений, о чем свидетельствует серьезное ухудшение криминальной ситуации в этой области. Это подтверждают статистические данные о преступности, в том числе в сфере компьютерной информации (по официальным данным МВД России, в 2003 г. совершено 7540 компьютерных преступлений; 2004 г. – 8739; 2005 г. – 10214; 2006 г. – 8889)². По мнению специалистов, в мире ежегодный прирост количества компьютерных правонарушений составляет до 500 %³.

Актуальность и необходимость детального изучения и раскрытия рассматриваемых вопросов обуславливается также недостаточностью их исследования в уголовно-исполнительной теории и практике применительно к специфике современного этапа развития российского общества и государства, УИС. Соответственно остаются не полностью изученными понятийная характеристика информационной безопасности, формы и методы защиты информации в УИС и многие другие не менее важные вопросы. С. Н. Кленов провел комплексное исследование проблем, связанных с защитой информации в УИС и имеющим значение для обеспечения безопасности ее функционирования, предупреждения дезорганиза-

ционных процессов в исправительных учреждениях и следственных изоляторах⁴.

Проведенные нами исследования показали недостаточно высокий уровень организации информационной безопасности управления в учреждениях и органах УИС. По оценкам респондентов, высокий уровень составляет 25 %, средний – 60 %, низкий – 15 %.

В настоящее время одна из проблем исследования основных аспектов информационной безопасности характеризуется недостаточной изученностью и отсутствием четко выработанных дефиниций. В Законе РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1⁵ безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Данный закон является первым документом в России, где официально сформулирована принципиально новая точка зрения на проблему безопасности. Произведено существенное расширение трактовки традиционного понятия государственной безопасности за счет учета интересов не только государства, но и личности, общества (этим в значительной мере определяется суть понятия национальной безопасности) и включения в дестабилизирующие факторы значительного спектра невоенных угроз (экономических, экологических, технологических, информационных и т. д.). Сущность и степень необходимости использования, а также границы применения информационной безопасности могут быть выработаны на строго научной основе, созданной на базе правореализующей практики. Следует отметить, что в настоящее время отсутствует единое мнение относительно понятия информационной безопасности. Об этом свидетельствует не только отсутствие единства в подходе к данному понятию на страницах учебных и научных изданий, но и в текстах официальных документов, в том числе нормативных актах⁶.

⁴ См.: Кленов С. Н. Организационно-правовые основы защиты информации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2002.

⁵ См.: Рос. газ. 1992. № 103.

⁶ См.: Ярочкин В. И. Информационная безопасность: Учеб. пособие. М., 2000; Левин В. К. Защита информации в информационно-вычислительных системах и сетях // Программирование. 1994. № 5; Копылов В. А. Информационное право: Учеб. М., 2002. С. 218–231.

¹ Громов А., Коптелов А. Роль информационной безопасности в обеспечении эффективного управления современной компанией // Финансовая газ. 2004. № 24.

² См.: www.mvd.ru/stats/

³ См.: Казаков Ю. В. Развитие законодательства об информатике // Бюл. Министерства юстиции Российской Федерации. 2003. № 6. С. 61.

Определение информационной безопасности было сформулировано в ст. 2 Федерального закона «Об участии в международном информационном обмене» от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ, согласно которой это состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организации, государства¹, который утратил силу.

Со значительными содержательными изменениями понятие информационной безопасности получило развитие в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (далее: Доктрина), утвержденной Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895. В соответствии с п. 1 Доктрины под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства².

Доктринальная формула объекта защиты соответствует объекту, идентифицированному в Законе РФ «О безопасности» как «жизненно важные интересы».

В Федеральном законе «О безопасности» и последующих разработках (среди них можно отметить «Концепцию национальной безопасности Российской Федера-

ции»³, учебное пособие А. А. Прохожева⁴) выделяется несколько укрупненных направлений (видов) безопасности: оборонная, экономическая, социальная, экологическая и информационная.

По нашему мнению, такая классификация является, с одной стороны, базовой, с другой – несколько условной. В зависимости от ситуации и особенностей геополитических условий государства, разнообразия источников опасности угроз, областей и предметов безопасности указанные направления могут быть детализированы или же могут быть выделены другие актуальные на данное время направления.

Таким образом, в условиях, когда концептуальные и научно-методологические основы информационной безопасности еще только начинают разрабатываться, первоочередной задачей при создании теории информационной безопасности следует считать формирование системы понятий, среди которых базовыми являются «безопасность информации» и «информационная безопасность».

Библиографический список

1. Барабанов, Н. П. Обеспечение безопасности информации в уголовно-исполнительной системе : монография / Н. П. Барабанов, С. Н. Кленов. – Рязань, 2003.
2. Детков, М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России / М. Г. Детков. – М., 1999.

А. А. Ашин,
*заведующий кафедрой уголовного права
и процесса факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета*
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Наказуемость является признаком, имманентно присущим преступлению, а отнесение деяния к числу преступных означает в то же время и придание ему свойства

уголовной наказуемости. Вопрос, однако, в том, какой характер наказуемости придает-ся преступлению⁵, так как от этого зависит и эффективность фактического наказания. Как считает А. Р. Ратинов, успех превентивной мотивации наказания в числе прочих причин зависит от соразмерности карательной санкции и запретного поведения⁶.

На это свойство наказуемости преступлений обратили внимание еще при создании российской уголовно-политической концепции (вторая половина XVIII в.).

³ См.: Рос. газ. 1997. № 247.

⁴ См.: Прохожев А. А. Национальная безопасность: основы теории, сущность, проблемы. М., 2001. С. 8.

⁵ См.: Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 137.

⁶ См.: Ратинов А. Р. Социально-психологические аспекты юридической теории и практики // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. С. 228–230.

¹ См.: Об участии в международном информационном обмене: Федер. закон от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3347.

² См.: Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 17 дек. 1997 № 1300 // Рос. газ. 2000. 28 сент.

Соразмерность карательного объема санкции тяжести, предусмотренного в диспозиции уголовно-правовой нормы преступления классической уголовно-правовой доктриной, относилась к уголовно-политическим основам уголовного права. Принцип пропорциональности (соразмерности) наказания преступлению получил обоснование в работах С. Е. Десницкого, А. Н. Радищева, а также был провозглашен в Наказе Екатерины II комиссии по сочинению нового Уложения¹.

В обеспечение «уравненности наказания с преступлением» наказание, предусмотренное в законе за то или иное деяние, должно быть таким, чтобы, с одной стороны, не возбуждать жалости к преступнику из-за его чрезмерной суровости, а с другой – должно быть достаточным для того, чтобы вызывать у людей уважение к закону, а преступнику не давать повода думать о безнаказанности и совершении новых преступлений.

«Любое деяние для того, чтобы быть преступным, должно быть воспрещено законом под страхом наказания, причем этот страх не есть что-либо отвлеченное, не есть фантом, только пугающий того, кто посягает на нормы права, а реально ощущаемое последствие такого посягательства, есть действительное наказание как проявление того особого юридического отношения, которое возникает между карательной властью и послушником велений авторитетной воли законодателя»².

Поскольку наказание в классическом российском уголовном праве понималось как воздаяние, постольку от наказуемости преступлений требовалось соответствие характера лишений, составляющих содержание наказания, характеру преступления.

В УК РФ система наказаний для несовершеннолетних построена по «остаточному» принципу, в связи с чем в перечень ст. 88 УК РФ вошли отдельные общеуголовные наказания, не отражающие социально-правовой

специфики несовершеннолетних как субъектов уголовно-правовых отношений. Многочисленные условия, оговорки, исключения в применении перечисленных в данной статье наказаний не только не восполняют пробела в уголовно-политических отношениях между государством и личностью несовершеннолетнего, но и не способствуют эффективности реализации уголовного закона по делам о преступлениях несовершеннолетних.

При таком состоянии уголовного законодательства, как показывает практика, едва ли не единственным наказанием, применяемым к несовершеннолетним, является лишение свободы. Таким образом, можно говорить о неоправданном усилении интенсивности пенализации в отношении лиц, не достигших возраста 18 лет, осуществляемой вопреки социальной справедливости.

В юридической литературе отмечается, что настало время, когда вопросам борьбы с безнадзорностью, правонарушениями несовершеннолетних, воспитанию подростков государством придается особое значение. Прерогативу в этом важном деле необходимо отдать альтернативным мерам, опираясь на которые направить усилия и материальные возможности на развитие у подрастающего поколения нравственных начал³.

По мнению Г. С. Гаверова, среди форм реализации уголовной ответственности ведущее место должны занимать уголовно-правовые меры, не связанные с изоляцией от общества, которые позволяют исправлять малолетних преступников в условиях семьи, школы, трудового коллектива и не накладывают на них отпечаток криминальной среды⁴.

Одним из наказаний, не связанных с изоляцией от общества, которое суд может назначить несовершеннолетним, являются исправительные работы. Вопрос о целесообразности их применения к подросткам является дискуссионным. По существу, это – вопрос о целесообразности сохранения в перечне ст. 88 УК РФ указанного вида наказания.

Одни авторы полагают, что большинство несовершеннолетних, осужденных к испра-

¹ См.: Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952; он же. Представление об учреждении законодательной, судильной и наказательной власти в Российской империи // Там же; Покровский С. А. Государственно-правовые взгляды Радищева. М., 1956; Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 22–31.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право: В 2 т. Тула, 2001. Т. 2. С. 4.

³ См.: Зарипов З. С. Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы. М., 2002. С. 17–180.

⁴ См.: Гаверов Г. С. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву. Иркутск, 1976. С. 18.

вительным работам, вряд ли вообще серьезно задумываются над их последствиями¹.

По мнению других ученых, указанное наказание не может и не должно широко применяться по отношению к подросткам; однако это не означает, что данную меру следует признать негодной, подлежащей исключению из арсенала средств, применяемых к несовершеннолетним².

Ряд специалистов выступают против назначения исправительных работ лицам, не достигшим 18 лет. По мнению М. Журавлева и П. Ильина, они не достигают своей цели тогда, когда назначаются осужденным, которые не могут их отбывать. К таким лицам авторы относят и несовершеннолетних³.

Одним из аргументов сторонников отказа от назначения исправительных работ подросткам является то, что широкий круг льгот и правовых гарантий, предоставляемых им трудовым законодательством, фактически не совместим с правоограничениями, связанными с применением данной меры наказания. В соответствии с этим в правовой литературе распространено мнение, что названный вид наказания в первую очередь рассчитан на назначение взрослым правонарушителям⁴.

Существует и диаметрально противоположная точка зрения. По утверждению Г. В. Дровосекова, наиболее целесообразной и эффективной мерой наказания, которая может применяться к несовершеннолетним, являются исправительные работы⁵.

В юридической литературе существует мнение, согласно которому имеет смысл назначать данный вид наказания за преступления, посягающие на собственность. Видимо, аналогия характера содеянного и ха-

рактера кары в этом виде наказания (материальные взыскания) поможет несовершеннолетнему лучше уяснить и осознать справедливость уголовно-правового воздействия. Тем самым усиливается и воспитательное значение наказания⁶.

Вопрос об исключении из числа наказаний, назначаемых несовершеннолетним, исправительных работ заслуживает пристального внимания и главным образом потому, что в УК РФ, кроме названного вида наказания, обязательных работ и штрафа, альтернативы лишению свободы для лиц, не достигших 18-летнего возраста, нет.

Это обстоятельство вынуждает задуматься о социальной обусловленности исправительных работ. Их основное позитивное свойство заключается в том, что они позволяют сохранить социальные связи несовершеннолетнего осужденного. Правда, не все указанные связи полезны для социальной адаптации, воспитания или исправления несовершеннолетнего осужденного. Однако умелое сочетание воспитательного воздействия, дисциплины и образования с трудом способно нейтрализовать негативное влияние криминогенной среды на несовершеннолетнего. Об этом свидетельствует, в частности, опыт А. С. Макаренко: «Труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата»⁷.

Вместе с тем надо иметь в виду, что, во-первых, система подобного воздействия на несовершеннолетнего осужденного в настоящее время еще не разработана, а опыт общественного и воспитательного воздействия на подростков с девиантным поведением, сложившийся до известной «перестройки», не используется в силу ряда объективных социально-экономических причин. Во-вторых, социальная адаптация несовершеннолетних правонарушителей не гарантирует сохране-

¹ См.: Гаверов Г. С. Проблемы наказания несовершеннолетних преступников. Иркутск, 1986. С. 189.

² См.: Алексеева Г. А. Проблемы совершенствования исправительных работ без лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1977. С. 99.

³ См.: Журавлев М., Ильин П. За правильное применение и исполнение исправительных работ // Соц. законность. 1964. № 5. С. 45.

⁴ См.: Рогова Е. В. Особенности назначения исправительных работ несовершеннолетним // Сибир. юрид. вестн. 2003. № 2. С. 15; Бузанов К. А. Особенности назначения наказания несовершеннолетним: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 53–77.

⁵ См.: Дровосеков Г. В. Основные вопросы применения наказания в виде лишения свободы к несовершеннолетним по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1965. С. 6.

⁶ См.: Бабаев М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М., 1968. С. 133.

⁷ Макаренко А. С. Сочинения: В 5 т. М., 1956. Т. 5. С. 116.

ния даже положительных социальных связей при отсутствии общесоциальных условий и предпосылок для свободной реализации позитивных интересов личности, тем более при наличии объективных препятствий к этому в условиях экономического и политического кризисов в развитии общества.

По логике законодателя, изменения, которые были внесены в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹, должны «приспособить» исправительные работы к новым социально-экономическим условиям и, следовательно, дать толчок более интенсивному применению этого вида наказания как реальной альтернативы лишению свободы.

В настоящее время исправительные работы назначаются лицу, не имеющему постоянного места работы. Они отбываются в местах, определяемых органом местного самоуправления по согласованию с органом, исполняющим наказания в виде исправительных работ, в районе места жительства осужденного (ст. 50 УК РФ).

Суды не используют предоставленную УК РФ возможность назначения исправительных работ как альтернативы лишению свободы, вероятно, потому, что отсутствие постоянного места работы у подсудимого рассматривалось как обстоятельство, препятствующее применению этого вида наказания². А отсутствие постоянного (часто и временного) места работы является обстоятельством, типичным для характеристики несовершеннолетних.

Согласование места отбывания исправительных работ, по смыслу закона, является проблемой не суда, а органов местного самоуправления и органов, исполняющих приговор. Казалось бы, это обстоятельство должно освободить суд от бремени определения мес-

та отбывания рассматриваемого вида наказания при его назначении. В то же время представляется сомнительным, что он вообще не должен заботиться о возможности исполнения судебного решения, тем более по делам несовершеннолетних, так как для исполнения приговора об исправительных работах для указанной категории лиц существуют если не непреодолимые, то весьма серьезные препятствия, вытекающие из особенностей регулирования труда работников в возрасте до 18 лет (гл. 42 ТК РФ).

Согласно ст. 265 ТК РФ запрещается использование труда несовершеннолетних работников на производстве с вредными и (или) опасными условиями, на подземных работах, на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию, на работах, связанных с переноской или передвижением тяжестей, превышающих установленные для несовершеннолетних предельные нормы. Перечень работ, на которых запрещается применение труда несовершеннолетних, а также предельные нормы тяжести утверждаются в порядке, установленном Правительством РФ с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

В связи с указанными ограничениями выбор места отбывания исправительных работ несовершеннолетним неизбежно связан со всеми этими согласованиями, что затрудняет не только определение вида трудовой деятельности, но и сам процесс трудоустройства.

Представляется, что главными препятствиями здесь являются обременения, которые должен принять на себя работодатель. Согласно ст. 266 ТК РФ последний обязан за свой счет проводить ежегодный (регулярный) медицинский осмотр несовершеннолетнего работника до достижения им 18-летнего возраста, так как это является обязательным условием приема несовершеннолетнего на работу.

Таким образом, прием на работу рассматриваемой категории лиц и их последующее использование в качестве работников требует от работодателя дополнительных и обязательных расходов материальных средств. Вряд ли работодатели с готовностью примут на себя подобные материальные обременения даже при благополучном экономическом состоянии производства, предприятия и пр.

¹ См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

² В 1997 г. исправительные работы были назначены лишь 0,7 % несовершеннолетних, в 1998 г. — в 0,3 % случаев. Судебная практика 1999–2000 гг. характеризовалась теми же показателями. В 2001 г. доля таких осужденных составила 0,4 %. В 2002–2003 гг. только 0,5 % и 0,4 % несовершеннолетних (от общего числа осужденных) соответственно было назначено наказание в виде исправительных работ, в 2004–2005 гг. — 0,4 %. В 2006–2007 гг. судебная практика характеризовалась теми же показателями.

А в свободном секторе экономики принуждение работодателя к приему на работу кого-либо вообще исключается.

Дополнительные материальные затраты как обязательное условие и неизбежное следствие приема на работу несовершеннолетнего существенно осложняют отбывание исправительных работ и в бюджетной сфере. Причины этого следующие.

Ежегодный оплачиваемый отпуск несовершеннолетним работникам предоставляется продолжительностью 31 календарный день и обязательно в удобное для работника время (ст. 267 ТК РФ).

Запрещается направлять несовершеннолетних в служебные командировки, использовать их на сверхурочных работах, в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни (ст. 268 ТК РФ). Продолжительность рабочего времени для несовершеннолетних сокращена до 4 часов.

Следовательно, интенсивное использование несовершеннолетнего работника под предлогом (или при наличии реальной потребности) производственной необходимости исключается, хотя оплата его труда должна производиться по общим расценкам.

Наконец, несовершеннолетнего работодатель не может уволить по инициативе администрации даже при наличии предусмотренных законом оснований. Такое увольнение допускается только с согласия соответствующей государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (ст. 269 ТК РФ).

В доводах в пользу применения исправительных работ как вида наказания к несовершеннолетним акцент делается на то, что существенным элементом в содержании указанного вида наказания применительно к указанным лицам должно быть максимальное использование арсенала воспитательного воздействия на осужденного (педагогического, образовательного, культурного и пр.).

В период действия УК РСФСР 1960 г. эти задачи решали комиссии по делам несовершеннолетних при исполкомах Советов народных депутатов; был образован и активно действовал институт общественных воспитателей. О результатах работы с неблагополучными подростками отчитывались отделы народного образования при соответствующих исполкомах. Наконец, активизировать эту деятельность можно было с использова-

нием идеологических рычагов в арсенале комсомольских и партийных организаций. Не обсуждая вопроса об эффективности их воспитательного и исправительного воздействия, нужно признать, что, по крайней мере, отвечающая ее задачам система существовала и так или иначе функционировала.

Таким образом, инспекции исправительных работ (в системе Министерства внутренних дел) исполняли приговор лишь в части осуществления контроля за поведением осужденного в пределах тех ограничений, которые вытекали из уголовного закона. Исправление осужденных, проведение с ними воспитательной работы не входило в круг их обязанностей.

В наши дни нормативная база системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних только формируется.

Так, Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ)¹ несовершеннолетние, осужденные к исправительным работам, включены в число лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа (ст. 5). К органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних отнесены органы: управления социальной защиты населения; управления образования, опеки и попечительства, по делам молодежи; управления здравоохранения; службы занятости; органы внутренних дел. По смыслу закона, указанные органы осуществляют лишь отдельные функции. Их сущность и круг, к сожалению, окончательно не определены.

Гарантией исполнения названного выше закона является право данных органов обращаться за защитой прав подростка в суд, органы прокуратуры, комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав (образуемую органом местного самоуправления) в случаях нарушения прав несовершеннолетнего на образование, труд, отдых, жилище и др.

Однако применительно к исправительным работам речь идет не о соблюдении прав несовершеннолетних, а о целенаправленном индивидуальном воспитательном

¹ См.: Рос. газ. 1999. 30 июня.

воздействию на осужденного. Таким образом, Основы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних никак не определяют (и вряд ли должны) содержательную сторону того, что, по мнению сторонников исправительных работ для несовершеннолетних, определяет их целесообразность как вида наказания.

В полемике по этому предмету можно допустить возможность возложения обязанности по воспитанию работника на работодателя. Однако такая постановка вопроса сама по себе беспочвенна, а главное – реализовать эту идею вряд ли удастся. Трудно преодолеть нежелание работодателей принять на свои плечи бремя обязанностей в отношении несовершеннолетнего работника. Еще труднее (если вообще возможно) побудить их изыскать материальные, человеческие и прочие ресурсы для решения задач воспитания несовершеннолетних работников, осужденных к исправительным работам. Таких механизмов в России пока нет.

Наконец, согласно ст. 50 УК РФ воспитание осужденного не входит в содержание указанных работ как вида наказания, хотя они и названы исправительными. Особенности их назначения в отношении несо-

вершеннолетних, предусмотренные в ч. 4 ст. 88 УК РФ, сведены законодателем лишь к одному обстоятельству – снижению их максимального срока до одного года.

Следовательно, надежды на то, что исправительные работы, назначаемые несовершеннолетним, решат задачи их воспитания, не имеют под собой достаточных оснований. В то же время необходимо признать, что вопросы целесообразности всегда являются открытыми. Решаются они только законодательным путем, как, например, была исключена из системы наказаний конфискация имущества. В основании этого законодательного решения был положен довод о трудностях исполнения судебного акта. Полагаем, что трудностей в реализации исправительных работ как вида наказания, применяемого к несовершеннолетним, не меньше.

Библиографический список

1. Бузанов, К. А. Особенности назначения наказания несовершеннолетним : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
2. Рогова, Е. В. Особенности назначения исправительных работ несовершеннолетним / Е. В. Рогова // Сибир. юрид. вестн. – 2003. – № 2.

И. Н. Бобровничий,

*доцент кафедры психологии, педагогики и управления в ОВД Барнаульского юридического института МВД России
кандидат педагогических наук, доцент*

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) невозможна без общения сотрудника с людьми, представителями широкой по своему диапазону социальной среды. Она представляет собой многоплановый процесс установления и развития контактов с людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности, содержанием которого являются познание, обмен информацией и воздействие на участников коммуникации для достижения поставленной цели. Именно общение формирует общность индивидов, выполняющих совместную деятельность¹.

¹ См.: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1999. С. 79.

Основными функциями общения являются информационно-коммуникативная (прием и передача информации) и регулятивно-коммуникативная (организация взаимодействия людей в их совместной деятельности).

Главная особенность коммуникативной деятельности сотрудника уголовного розыска – ее многогранность, которая состоит в том, что он вынужден общаться с людьми разного пола, возраста, имеющими разное образование, профессии, с лицами разного процессуального положения (подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями, специалистами, экспертами, защитниками, прокурорами) в разнообразных коммуникативных ситуациях.

Деятельность работников уголовного розыска по раскрытию преступлений представляет собой сложный и динамический процесс, включающий целую систему различных поисковых мероприятий, осуществляемых преимущественно специальными средствами и методами, протекающий в условиях экстремальности и стрессогенности.

В результате этой деятельности оперативный уполномоченный получает сведения о фактических данных, представляющих собой информацию либо материального (следы рук, ног, транспортных средств, орудий совершения преступления и т. д.), либо идеального (сведения о событии преступления, личности преступника, показания свидетелей, потерпевших и т. д.) свойства.

Информация, добываемая и используемая в ОРД – это сведения о лицах (сообществах физических лиц), предметах, документах, фактах, событиях, явлениях и процессах, получаемые в порядке, предусмотренном оперативно-розыскным законом и ведомственными нормативными актами по тактике ОРД, зафиксированные на материальных носителях с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, сосредотачиваемые в информационных системах и делах оперативного учета. Данная информация образует информационный ресурс оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, отличающийся конфиденциальным характером¹. Информация, циркулирующая в ОРД, призвана обеспечить решение задач ОРД и содействовать разрешению проблем уголовного процесса². Вышеприведенное определение позволяет выделить специфичные признаки информации, добываемой и используемой в ОРД.

Во-первых, в ходе ОРД собираются сведения о конкретных объектах.

Во-вторых, для того чтобы информация, полученная на различных этапах ОРД, приобрела соответствующий правовой статус, она должна добываться только на законных основаниях и с соблюдением установленных для этого условий.

В-третьих, анализируемая информация подлежит фиксации на материальных носителях, в частности, должна отражаться в оперативно-служебных документах, иметь форму фонограмм, видеозаписей, кинолент, фотопленок, фотоснимков, магнитных, лазерных дисков и др. При этом материальные (физические) носители информации и различного рода оперативно-служебные

документы призваны обеспечивать формирование информационного ресурса органа, осуществляющего ОРД.

В-четвертых, оперативно-розыскная информация имеет в основном конфиденциальный характер, в связи с чем доступ к ней ограничивается в соответствии с законодательством и устанавливается порядок ее использования в рамках уголовного процесса и иных видов правоохранительной деятельности.

В-пятых, оперативно-розыскные данные предназначены для решения не только задач, установленных для ОРД, и обязанностей, возложенных на конкретные оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД, но и задач уголовного процесса и других видов правоохранительной деятельности.

Оперативно-розыскная информация по своему характеру и содержанию, безусловно, является социальной и имеет коммуникативное назначение, связанное с получением сообщений из внешнего мира, устранением неопределенности, обнаружением связи между фактами, событиями, а также прямую и обратную связь между управляющими и управляемыми элементами различных систем.

Коммуникативные процессы получения информации основаны на общении и определены психологическими закономерностями.

В результате социологического опроса 28 из 100 сотрудников указали на отсутствие у них необходимой криминологической и психологической подготовки; 51 – недостаточность квалифицированных практических занятий по тактике сбора информации; 70 – отсутствие пособий с конкретными рекомендациями по организации и тактике индивидуальной профилактики; 47 – необходимость контактов с психологами, которые могли бы оказать квалифицированную помощь в социально-психологической диагностике личности.

В психологии под общением понимается установление и поддержание целенаправленного прямого или опосредованного контакта между людьми, так или иначе связанными друг с другом в психологическом отношении³.

В процессе общения, особенно если он регулируется системой оперативно-розыск-

¹ См.: Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Сущность, задачи, правовая основа и принципы оперативно-розыскной деятельности: Лекция. СПб., 1994. С. 3–6.

² См.: Бедняков Д. М. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 93–94.

³ См.: Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 116.

ных действий (например, проведением оперативных комбинаций, побуждающих конкретных лиц к желаемому поведению и высказываниям), обычно возникает новая ситуация, способствующая извлечению полезной оперативно-розыскной информации¹.

Основу информации в процессе общения составляют сведения, получаемые от каких-либо лиц (не должностных):

- граждан, конфиденциально содействующих подразделениям криминальной милиции: на контрактной и бесконтрактной основе²;
- в ходе оперативного контакта;
- граждан из устных и письменных заявлений (сообщений).

Вторую группу представляют сведения, носящие в той или иной мере официальный характер, поскольку они исходят от должностных лиц:

- представителей организаций;
- представителей общественности;
- оперативных работников подразделений и служб МВД РФ;
- оперативных работников органов, осуществляющих ОРД на территории Российской Федерации;
- сотрудников неоперативных аппаратов МВД РФ;
- сотрудников неоперативных аппаратов правоохранительных органов Российской Федерации;
- сотрудников международных, зарубежных правоохранительных организаций и органов.

Человек как носитель информации ее запоминает и пересказывает получателю в письменном виде или устно. При этом он может полученную от источника информацию преобразовать в соответствии с собственным толкованием ее содержания.

Очевидно, что установление психологического контакта в процессе общения требует от сотрудника не только знаний в области психологии, но и наличия определенных коммуникативных умений и навыков.

Все это необходимо потому, что оперативно-розыскная тактика представляет собой феноменальную категорию – разновидность сочетания принятия решений и

действий в условиях конфликтной ситуации. Характеристика участников конфликта (с одной стороны, правонарушители, маскирующие все, что может обнаружить не только их преступную деятельность, но и образ жизни, помыслы, ценностные ориентации, интересы; с другой – оперативный аппарат, оснащенный специальными средствами и использующий специальные методы для того, чтобы все это обнаружить), особенности условий протекания конфликта определяют и поведение сторон³.

В данном случае приемлемы категории социальной психологии, исследующей возникновение познавательной информации в состоянии конфликта.

Являясь глубоко социальным процессом, общение носит специфически личностный характер. Каждый человек обладает особым стилем или манерой общения: один замкнут, другой общителен; один испытывает потребность поделиться приобретенными знаниями, другой, предвидя варианты последствий, подчиняясь групповым установкам и целям, подавляет такое желание; третий в силу особенностей темперамента и жизненного опыта вообще никогда не испытывает потребности излагать то, что ему становится известно. В зависимости от общей позиции, ценностной ориентации люди избирательно относятся к информации в процессе общения: они отдают предпочтение одному и не фиксируют внимания на другом, охотно вступают в контакт с одними людьми и избегают других. Во многом форма и тип общения зависят от партнеров – их характера, ценностной ориентации, интеллекта, опыта и мотивации поведения. Форма и тип общения влияют на природу (качество, ценность) порождаемой информации. Между формой общения, формой высказывания и их содержанием существует неразрывное единство. А. Г. Спиркин отмечал, что «форма общения предопределяет характер речевых и иных средств обмена мыслями»⁴.

Общение проявляется прежде всего в той стихии многообразных речевых процессов, которая характеризует все виды межличностных контактов: устойчивых и

¹ См.: Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация: Моногр. М., 2000. С. 86.

² См.: Федоров А. В., Шахматов А. В. Оперативно-розыскная деятельность и граждане. СПб., 2001. С. 79.

³ См.: Овчинский С. С. Указ. соч. С. 68.

⁴ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 211.

постоянно возобновляющихся. Это житейские разговоры, обмен мнениями в различных формальных и неформальных коллективах, случайные беседы.

На формирование знаний оказывает влияние специфика человеческих общений и особенности передачи информации языковыми средствами. Языковое выражение понятий и причинных связей приводит к тому, что человек реагирует не только на материальные раздражители объективного мира, но и на ту языковую среду, в которой он находится¹. Во всех мыслительных операциях внимание направлено на содержание, значимость явлений. С помощью языковых средств формулируется суждение (заключение) относительно реально или предположительно существующих фактов, вещей, предметов. При этом люди пользуются понятийным аппаратом, соответствующим их опыту, уровню развития, профессии, возрасту, интеллекту. Языковые средства передачи информации в процессе общения имеют разный уровень и зависят от социальной окраски, эмоционального отношения к различным явлениям.

Исследователи-лингвисты отмечают, например, что форма языкового поведения быстро меняется при изменении социального положения говорящего, помимо территориальных диалектов существуют еще и социальные². В частности, социальный диалект (принятый в той или иной социальной общности субвариант речи) возникает под влиянием этнических особенностей, общений в группах с определенным уровнем и типом образования.

Для тактики получения информации весьма значимо то, что на объем получаемой информации влияют не только потребности в ее передаче, но и способы их регулирования. Влияние последних сказывается косвенным образом, угнетая или стимулируя мыслительные процессы источника информации.

Роль оперативно-розыскной тактики заключается в умении найти стимулы к воссозданию образов и наиболее полной передаче информации. Среди приемов обога-

щения информации практикуется включение внимания тех лиц, которые привлекаются к проведению оперативно-розыскных действий (например, восприятие элементов способа совершения преступлений при заранее организованном наблюдении). Участники оперативно-розыскных действий непосредственно воспринимают те или иные явления, события, следы, поступки людей в соответствии с заранее сформулированной целью (программой).

Обращаясь к методам опроса (беседы) как средству получения информации, следует заметить, что живая речь имеет помимо чисто смысловой дополнительную информацию, которую источник сообщает иногда добровольно, а иногда и против своего желания. Так, из характера речи, ее окраски мы можем судить о настроении, душевном состоянии говорящего, его желании или нежелании сообщать известные факты. В ряде случаев можно определить особенности наречия, свидетельствующие о рождении или проживании человека в той или иной местности.

Немецкий исследователь К. Купфмюллер утверждал, что дополнительная информация, содержащаяся в интонации, громкости и особенностях индивидуального голоса, при нормальном разговоре составляет примерно 75 % от смысловой информации. При очень быстром разговоре она составляет не более 50 %, а при очень медленном достигает 150 % от смысловой информации³.

Помимо речи сотрудник, получающий информацию, зрительно воспринимает мимику, жесты, последствия переживаний, имеющие внешние проявления (состояние испуга, смятения), которые также несут большой объем «психологической» информации, весьма важной в тактическом отношении. Естественно, эта информация непосредственно не «сообщает» о каких-то фактах, но может иметь весьма существенное значение для тактики отбора «смысловой» информации, а также для построения оперативно-розыскных версий.

Естественно, тактический замысел, призванный регулировать формы и тип общений, должен исходить из создания максимально благоприятных условий получения оператив-

¹ См.: Живкович Л. Теория социального отражения. М., 1969. С. 26–27.

² См.: Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7. С. 321.

³ См.: Kenny Yobn K. The California Integrated Law Enforcement information System // Police. Vol. 12. 1967. № 1.

но-розыскной информации. Соответственно подбираются негласные сотрудники, или для них избираются легенды, отрабатывается ролевое поведение, осуществляются оперативные комбинации. Фактически речь идет о роли партнеров в общении с заранее разработанной программой поведения для отбора полезной информации. При этом необходимо учитывать особенности психологии поведения человека перед лицом других людей, когда проявляются моменты соревнования, соперничества, подражания, внушения, конформизма.

Так, может произойти умножение источников знаний, объективно отражающих реальные факты и события, однако могут приумножаться и источники ложной информации, необоснованных слухов, когда высказанные домыслы и предположения трансформируются в уверенное «знание» о якобы имевших место фактах и событиях. Иными словами, приумножается разнообразие, усложняющее получение оперативно-розыскной информации.

В связи с этим является интересным решение задачи получения информации с помощью *оперативного эксперимента*, используемого для выяснения позиций, установок и осведомленности лиц – вероятных источников оперативно-розыскной информации. Проведению эксперимента обычно предшествует оперативная комбинация для создания благоприятной обстановки, в которой наблюдаются реакции изучаемых лиц на те или иные явления, факты, сведения. Результатами эксперимента могут быть либо высказывания, прямо свидетельствующие об осведомленности, либо психологические реакции, дающие основания для аналогичного вывода.

Таким образом, выбор и создание ситуаций для общения, определение целесообразных форм поведения и другие приемы создания наиболее благоприятных условий для получения информации составляют предмет оперативно-розыскной тактики. Вместе с тем любое тактическое построение основано на исходной информации: знании обстановки, дающем возможность прогнозировать ситуацию, в которой предстоит получить информацию; на предварительных данных о вероятных источниках информации и степени их осведомленности.

Коммуникативная деятельность сотрудника уголовного розыска направлена на

оказание психологического воздействия на мнения, взгляды, личностные установки, убеждения, мотивы поведения, психические состояния партнера по общению, под влиянием которого удастся добиться изменения позиции поведения партнера по общению и получить от него информацию, необходимую для раскрытия преступления и расследования уголовного дела.

Эффективность коммуникации измеряется тем, насколько удалось это воздействие.

Коммуникация в профессиональном общении сотрудника не тождественна просто обмену информацией, поскольку между ним и его партнерами по общению неизбежно возникают как функционально-ролевые, так и межличностные отношения.

Функционально-ролевые взаимоотношения обусловлены объективно заданной сотруднику социальной ролью, сложившимися у его партнеров по общению представлениями о людях, исполняющих эту роль. Стиль исполнения им социальной роли обуславливает его межличностные взаимоотношения с партнерами по общению. Данные взаимоотношения влияют на эффективность и успешность общения, причем в межличностных взаимоотношениях доминирует эмоциональное начало, проявляющееся в возникновении у общающихся лиц разнообразных эмоций, чувств, настроений. Конъюнктивные чувства сближают, объединяют сотрудника и лиц, с которыми он взаимодействует, способствуют возникновению сотрудничества, дизъюнктивные – разъединяют, порождают конкуренцию, конфликты.

Результаты проведенного нами социологического исследования, в процессе которого были опрошены 86 сотрудников уголовного розыска Алтайского края, показывают, что эффективность ОРД находится в прямой зависимости от коммуникативной компетентности лиц, ее осуществляющих (87,8 % респондентов).

Коммуникативная компетентность трактуется в психологии как система внутренних свойств регуляции коммуникативных действий, развертывающихся в определенном социальном контексте, ситуациях межличностного взаимодействия. Коммуникативная компетентность включает в себя знания, обеспечивающие продуктивность и эффективность общения, умение применять эти знания на практике в обще-

нии и владение навыками этого применения. Коммуникативная компетентность – сложное, многомерное образование. В широком смысле коммуникативная компетентность – это компетентность в межличностном восприятии, межличностной коммуникации, воздействии на личность в межличностном взаимодействии.

Вместе с тем результаты проведенного нами социологического исследования показали, что легко вступают в общение с людьми 53,3 %, испытывают затруднение в общении 46,7 % сотрудников уголовного розыска. Таким образом, более половины из них испытывают затруднения в профессиональном общении.

По мнению А. А. Крылова, коммуникативная компетентность – это развивающийся и в значительной мере осознаваемый опыт общения между людьми, который формируется в условиях взаимодействия¹. Индивидуальные личностные качества, социально-культурный и исторический опыт способствуют формированию коммуникативной компетентности в общении. К индивидуальным личностным качествам, способствующим формированию коммуникативной компетентности, относятся: экстравертированность темперамента, целеустремленность, настойчивость, самостоятельность, развитое воображение, гибкое, отличающееся переключаемостью процессов

мышление, хорошая память, выдержка, наличие достаточного уровня толерантности к стрессу, фрустрации. На пути коммуникативной деятельности сотрудника часто возникают барьеры социального или психологического характера (из-за непонимания ситуации общения, социальных, политических, религиозных различий, различий в мироощущении, мировоззрении, психологических особенностей общающихся и т. д.), которые ему приходится преодолевать. Возможное противодействие заинтересованных лиц требует от сотрудника реализации определенных поведенческих стратегий, рефлексивного управления поведением противодействующих лиц.

Таким образом, повышение уровня коммуникативной компетентности является одним из наиболее эффективных путей совершенствования ОРД.

Библиографический список

1. *Кваша, Ю. Ф.* Сущность, задачи, правовая основа и принципы оперативно-розыскной деятельности : лекция / Ю. Ф. Кваша, К. В. Сурков. – СПб., 1994.
2. *Овчинский, С. С.* Оперативно-розыскная информация : монография / С. С. Овчинский. – М., 2000.
3. *Федоров, А. В.* Оперативно-розыскная деятельность и граждане / А. В. Федоров, А. В. Шахматов. – СПб., 2001.

М. И. Веселов,
*преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В ЖЕНСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В соответствии с ч. 1 ст. 1 УИК РФ основными целями действующего уголовно-исполнительного законодательства являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, в том числе при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы. Однако на практике до-

биться такого результата не всегда получается, и лица, находящиеся в местах лишения свободы, совершают преступные деяния. Данная проблема также актуальна в женских исправительных учреждениях (ИУ). Доля преступлений, совершаемых осужденными женщинами во время отбывания наказания в виде лишения свободы, в общей структуре преступности в местах лишения свободы не велика, однако количество совершенных преступлений не уменьшается. Проведенное нами исследование с учетом данных ФСИН России показало, что с 2002 по 2006 гг. количество преступлений, совершенных женщинами в момент отбывания наказания в виде лишения свободы, выросло почти в 3 раза. Вместе с тем с 2002 по 2005 гг. общее количество лиц, находящихся в исправительных колониях для

¹ См.: Психология / Под ред. А. А. Крылова. М., 1999. С. 291.

женщин, уменьшилось почти на 20 %, однако в 2006 г. увеличилось на 14 %¹.

Все это подтверждает дальнейшее осложнение оперативной обстановки в женских исправительных колониях и необходимость развития научного исследования проблем, возникающих при осуществлении процесса исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, в отношении осужденных женщин с целью выработки рекомендаций по их разрешению. В связи с этим особое научно-практическое значение имеет исследование обусловленности общественно опасных деяний, совершаемых осужденными в период отбывания наказания. По мнению И. В. Каретникова, в исследовании детерминирующих преступность обстоятельств необходимо выделить следующие взаимосвязанные аспекты: 1) изучение общих специфических причин преступности, позволяющих объяснить факт существования данного социального явления в местах лишения свободы; 2) изучение причин конкретного преступления, способствующих раскрытию социально-психологического механизма преступного поведения; 3) изучение криминогенных и антикриминогенных условий, влияющих на изменение уровня, структуры и динамики преступности в исправительных колониях². Такой подход к исследуемой проблеме может быть использован в качестве основы для определения направлений деятельности ИУ при организации процесса противодействия преступным проявлениям со стороны осужденных, в том числе в женских исправительных колониях.

Учитывая вышесказанное, при анализе обусловленности преступности в местах лишения свободы следует рассмотреть общие причины преступности в женских исправительных колониях и условия, способствующие совершению преступлений.

Действие общих причин преступности на совершение противоправных посягательств в ИУ опосредованно, т. е. реализуется через процессы и явления, происходящие в период исполнения наказания. Имеющиеся в обществе противоречия, а также неполное и неравномерное удовлетворение потребностей оказывают опреде-

ленное влияние на сохранение в сознании осужденных антиобщественных взглядов и привычек. Антисоциальный нравственный облик, сформировавшийся до совершения преступления, не может исчезнуть у них сразу в момент помещения в исправительную колонию, так как для этого нужно время. Поэтому, учитывая, что «всякое поведение человека, в том числе антиобщественное, есть форма взаимодействия личности со средой»³, предпосылкой выяснения общих причин преступности является анализ среды осужденных, в частности, явлений и процессов, протекающих в ней.

Попадая в ИУ, осужденная вынуждена взаимодействовать как с администрацией ИУ, так и себе подобными, что обуславливает необходимость адаптироваться к новым условиям жизни, самостоятельно строить свои отношения с другими осужденными. Эти отношения являются результатом складывающихся норм и правил поведения, распространенных среди осужденных, от которых во многом зависит иерархический статус. Отношения с другими осужденными становятся основными, происходит активное обучение адекватному поведению, появляется необходимость решать новые многочисленные социально-психологические задачи. При этом эффективность решения прямо влияет на повседневную жизнь осужденной, ее взаимоотношения с администрацией ИУ и другими осужденными.

Усвоение навыков общения, стратегии поведения, способов разрешения социальных ситуаций становится жизненно важным вопросом. Отсутствие навыков общения в новой среде ведет к серьезным осложнениям во взаимоотношениях осужденных, что может порождать совершение преступлений. Мы разделяем точку зрения И. В. Каретникова в том, что социально-психологический опыт, даваемый средой осужденных, нередко бывает значительнее, чем опыт, предлагаемый администрацией ИУ⁴.

Изоляция осужденных, строго регламентированный распорядок их дня, постоянный надзор за ними, применение основных средств исправления – все это должно нейтрализовать действие тех причин, которые привели осуж-

¹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь–декабрь 2006 г.: Информ.-аналит. сб. Тверь, 2007.

² См.: Каретников И. В. Обстоятельства, детерминирующие преступность в ИТК. М., 1986. С. 4.

³ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 84.

⁴ См.: Каретников И. В. Указ. соч. С. 6.

денную в ИУ. Вместе с тем преступления во время отбывания наказания совершаются.

Данное обстоятельство позволяет говорить о существовании специфических причин преступности осужденных в ИУ, которые следует искать в той субкультуре, которая определяется в соответствии с теми социально-психологическими потребностями, которые осужденные стремятся удовлетворить во время отбывания уголовного наказания. Поведение осужденных формируется под ее влиянием и отражает особенности, складывающиеся в межличностных отношениях осужденных в связи с отбыванием наказания в виде лишения свободы.

К. К. Горяинов выделяет следующие существенные элементы данной субкультуры:

- распространенность уголовных традиций и обычаев затрудняет, а в ряде случаев блокирует применение мер оперативно-профилактического, воспитательного, психологического характера в отношении осужденных, особенно лидеров и их ближайшего окружения. Последние, опираясь на эти традиции, создают группировки отрицательной направленности, которые потенциально всегда готовы к противоправным действиям и при наличии возможностей их совершают;

- большая скрытность внутренних организационных процессов, подкрепленных развитой многоступенчатой иерархической структурой, в основе которой лежит принцип деления осужденных на «чужих» и «своих», приобретения роли и статуса для привилегированного существования в криминальной среде;

- тайное общение, обеспечивающее постоянную связь, передачу информации как между осужденными внутри колонии, так и за их пределами. Условные средства общения, их маскировка используются для приготовления и совершения преступлений, противодействия уголовному правосудию, криминальной контрразведывательной деятельности против администрации, поддержания неформальных группировок осужденных;

- поддержание дисциплины в среде, отказ от сотрудничества с администрацией, солидарность и дисциплина для тех, кто придерживается традиций и обычаев¹.

¹ См.: Горяинов К. К. Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Оперативник (сыщик). 2006. № 1 (6). С. 18.

Мы согласны с точкой зрения К. К. Горяинова, что такая среда не способна ресоциализировать осужденного, попадающего в места лишения свободы. При адаптации в такой среде у осужденных часто не наступает даже торможения криминализации, а наоборот, она усиливается. Действительно, вряд ли можно блокировать, а тем более ликвидировать криминальные наклонности у осужденной, заставляя ее находиться в течение длительного периода в окружении особо опасных преступников.

Специфика среды заключается в том, что в ней значительно чаще возникают конфликты, острая вражда; ее влияние на преступное поведение осужденных особо значимо. Если осужденная дорожит своей принадлежностью к этой среде, то стремится строго следовать принятым в ней неформальным нормам и правилам поведения.

Существующие в среде осужденных конфликтные ситуации в значительной степени влияют на социально-психологический климат в местах лишения свободы. От характера конфликтов зависит в целом оперативная обстановка в колонии. С одной стороны, осужденные преувеличивают значимость повода возникновения конфликта, с другой – разрешение конфликта происходит противоправным путем. В женских исправительных колониях большая доля конфликтов возникает в связи с распространенностью такого негативного явления, как лесбиянство. Как правило, конфликты возникают на почве ревности и нередко заканчиваются совершением преступлений.

Специфичность мест лишения свободы, их гласные правила и негласные обычаи влияют на формирование ролей, выполняемых различными категориями осужденных. За внешними признаками солидарности преступниц царит недоверие друг к другу, жестокость и пренебрежительное отношение, принципы, согласно которым во имя спасения себя преступницы не останавливаются ни перед чем. Часто за внешним примерным поведением, выполнением правил внутреннего распорядка, лояльным отношением к администрации скрывается стремление к подстрекательству осужденных на совершение различных правонарушений и преступлений, паразитическое существование за счет присваивания результатов труда других.

Таким образом, по нашему мнению, непосредственным источником, определяющим поведение осужденных и в итоге служащим специфической общей причиной преступности в женских ИУ, является система отношений между осужденными, складывающаяся в их среде и основанная на искаженных ценностных ориентациях, обычаях, традициях, неформальных нормах и правилах поведения.

Причинами, которые впоследствии могут привести к совершению преступлений, являются материальная и психологическая зависимость одной осужденной от другой или группы осужденных.

Материальная зависимость возникает в результате принятия внешне бескорыстной помощи, приобретения в долг необходимых продуктов. Неожиданное требование возратить долг в заведомо нереальные сроки вынуждает должников выполнять незаконные требования этой осужденной или группы, которые, как правило, сводятся к необходимости перевода заработанных денежных средств этим лицам, передаче приобретенных в магазине либо полученных в посылках продуктов питания, выполнения различных работ за данных лиц.

Психологическая зависимость может возникнуть в силу плохой ориентации в правилах и нормах поведения, сложившихся в среде осужденных, неуверенности в себе, неспособности постоять за себя.

Зависимое положение определенной части осужденных не только выражается в ущемлении материальных интересов, но и побуждает их выполнять другие требования: изготавливать и проносить запрещенные предметы, запугивать и избивать неугодных лиц и т. д. Вместе с тем эти лица, доведенные до отчаяния постоянными унижениями и угрозами, встают на путь совершения различных преступлений как в отношении самих обидчиков, так и с целью изоляции от этих осужденных.

Философская теория причинности социальных явлений одним из важных компонентов порождения этих явлений называет условия. Условия сами по себе не вызывают следствие, но при наличии определенной причины ускоряют развитие причинно-следственной цепочки. «Их действие на следствие всегда опосредованно причиной.

Категория «условие» связана с категорией «возможность» и ее количественным выражением «вероятность». В отличие от причины условия не содержат тех потенциальных сил, которыми обладает причина для воспроизводства следствия. Но они обеспечивают появление и действие причины. При наличии же одних только условий возможность появления следствия без причины не реализуется»¹.

В связи с этим существенной составной частью борьбы с преступностью в исправительных колониях наряду с осуществлением работы по нейтрализации действий общих причин преступности является целенаправленная деятельность администрации учреждений по выявлению и устранению условий, способствующих совершению осужденными преступлений.

На наш взгляд, к основным условиям, влияющим на уровень, структуру и динамику преступности, можно отнести различные недостатки, имеющие место в организации и осуществлении процесса отбывания наказания в исправительных колониях для осужденных женщин. Преступления, как правило, совершаются там, где должным образом не организован воспитательный процесс, слабо анализируется складывающаяся оперативная обстановка, администрация ИУ не всегда учитывает процессы и явления, происходящие в среде осужденных.

Анализ научной литературы и данных ФСИН России о состоянии, динамике преступности в женских исправительных колониях показывает, что к условиям, способствующим совершению преступлений, лежащих в сфере организации и осуществления процесса отбывания наказания в виде лишения свободы, можно отнести:

- ненадлежащее исполнение администрацией исправительных колоний уголовного и уголовно-исполнительного законодательства;
- количественные и качественные изменения состава осужденных;
- недостатки в организации деятельности исправительных колоний и управления ими;

¹ Кузнецова Н. Ф. Методологические основы изучения криминогенной детерминации. Методологические и теоретические проблемы юридической науки: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 134–135.

– незанятость трудом значительной части осужденных и недостатки в организации труда;

– недостатки в организации режима отбывания наказания, охраны и надзора за осужденными;

– низкий уровень индивидуально-воспитательной работы с нарушителями установленного режима отбывания наказания;

– некачественная оперативно-розыскная и профилактическая работа оперативных подразделений ИУ;

– текучесть, неукомплектованность, недостаточная квалификация кадров ИУ, отсутствие у них необходимых знаний по предупреждению преступлений;

– несовершенство дисциплинарной практики¹.

Данные условия влияют на уровень, структуру и динамику преступности среди осужденных не изолированно, а в тесной взаимосвязи друг с другом. Причем каждое из них воздействует в зависимости от вида режима, характера производства и т. д. В то же время основными подразделениями, на которые согласно действующему уголовно-исполнительному законодательству в числе других возложена задача «выявления, предупреждения и раскрытия готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания»², являются оперативные подразделения. На наш взгляд, в первую очередь это недостатки в их деятельности, определяющие в совокупности обозначенные условия, способствующие совершению преступлений в женских ИУ.

Анализ данных ФСИН России о совершенных преступлениях в женских исправительных колониях позволяет утверждать, что существует устойчивая тенденция, проявляющаяся в том, что в более чем 50 % случаев совершения преступлений оперативные подразделения не обладали информацией о намерениях осужденных, которые совершили преступные деяния. Вместе с тем на объектах оперативного

обслуживания³, на которых совершались данные деяния, имелись источники оперативной информации.

Больше половины осужденных на момент совершения преступления являлись злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания или были склонны к совершению различных противоправных деяний и состояли на профилактическом учете.

Данные факты убедительно демонстрируют недостатки в организации и проведении оперативно-розыскной деятельности в тех оперативных подразделениях женских исправительных колоний, где было допущено совершение преступлений.

Таким образом, преступность в женских ИУ детерминируется совокупностью явлений и процессов объективного и субъективного порядка, имеющих на конкретный период времени. Совокупность явлений и процессов, происходящих при исполнении наказания в виде лишения свободы, имеет динамичный характер, следовательно, в обусловленности преступности в женских ИУ не может быть однозначного детерминизма. Однако, на наш взгляд, рассмотренные причины и условия являются существенными, так как их устранение значительно улучшит оперативную обстановку в данных учреждениях.

Библиографический список

1. *Антонян, Ю. М.* Социальная среда и формирование личности преступника / Ю. М. Антонян. – М., 1975.

2. *Горяинов, К. К.* Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе / К. К. Горяинов // *Оперативник* (сыщик). – 2006. – № 1(6).

3. *Каретников, И. В.* Обстоятельства, детерминирующие преступность в ИТК / И. В. Каретников. – М., 1986.

4. *Кудрявцев, В. Н.* Причины правонарушений / В. Н. Кудрявцев. – М., 1976.

5. *Кузнецова, Н. Ф.* Методологические основы изучения криминогенной детерминации. Методологические и теоретические проблемы юридической науки : сб. науч. тр. / Н. Ф. Кузнецова. – М., 1986.

¹ См.: *Каретников И. В.* Указ. соч. С. 41–42.

² См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Ч 1 ст. 84. М., 2003.

³ В данном случае подразумеваются отряды осужденных, производственные цеха, столовая, банно-прачечный комбинат, медицинская часть и т. д.

М. В. Гайсинский,
*старший преподаватель цикла уголовного
права, уголовного процесса и криминалистики
Пермского колледжа
Федеральной службы исполнения наказаний*

**РАЗВИТИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ
ОБРАЩЕНИЯ С ОСУЖДЕННЫМИ**

Одним из основных факторов, определяющих развитие пенитенциарной системы, практики исполнения наказаний, выступают международные правовые акты в области прав человека, борьбы с преступностью и обращения с осужденными.

Общепризнанными принципами международного права, имеющими значение для российской уголовно-исполнительной системы, являются: принцип защиты права на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность; принцип недопустимости дискриминации; запрет пыток и опытов над заключенными; свобода религиозного убеждения и запрет религиозного принуждения; регистрация с целью предупреждения незаконного содержания под стражей; контакты заключенных с внешним миром; принцип адаптации; содержание, ориентированное на общество.

Международные пенитенциарные стандарты рекомендуют государствам поощрять использование мер, не связанных с тюремным заключением, принимать во внимание потребности правонарушителя с точки зрения его возвращения к нормальной жизни в обществе¹.

В развитие данного требования Российская Федерация взяла курс на гуманизацию процесса исполнения уголовных наказаний и увеличение числа видов наказания, альтернативных лишению свободы. В настоящее время около 2/3 осужденных, в отношении которых функция исполнения наказания возложена на учреждения и органы УИС, отбывают наказания, не связанные с лишением свободы, или к ним применяются иные меры уголовно-правового характера. При этом подавляющее большинство из

них (88 %) осуждены условно, 7,6 % – отбывают исправительные работы, 1,5 % – обязательные работы².

28 февраля 1996 г. Россия подписала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее: ЕКПЧ) и через два года ратифицировала ее Федеральным законом «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ³, который устанавливает, что Российская Федерация признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека (далее: ЕСПЧ) обязательной по вопросам толкования и применения ЕКПЧ и ее протоколов.

В соответствии с ЕКПЧ дополнительной судебной инстанцией стал ЕСПЧ, который вправе принимать заявления от физических и юридических лиц, конвенционные права которых нарушены государством, под чьей юрисдикцией они находятся. Одним из условий приемлемости индивидуальных жалоб является исчерпание внутренних средств защиты.

Кроме того, ЕКПЧ предусматривает, что государство-участник может передать на рассмотрение ЕСПЧ вопрос о любом нарушении ее положений и протоколов другим государством-участником.

В этой связи можно утверждать, что ЕКПЧ с ее контрольным механизмом носит не межгосударственный, а надгосударственный характер.

Контроль за соблюдением прав человека перестал быть только национальным, внутренним делом европейских государств, так как толкование ЕКПЧ, даваемое ЕСПЧ для национальных судов и правоохранительных органов, является обязательным.

В 1999 г. по линии УИС ЕСПЧ возбудил 8 дел, в 2000 г. – 14, в 2001 г. – 25, в 2002 г. – 46, в 2003 г. – 15, в 2004 г. – 13, в 2005 г. – 5⁴.

В настоящее время значительную часть исков, поступающих в ЕСПЧ из России, направляют граждане, отбывшие или отбывающие уголовные наказания. В основном они предъявляют претензии к следственным органам, судебному заседанию, но есть жа-

² См.: там же. С. 21.

³ См.: Рос. газ. 1998. 7 апр.

⁴ См.: *Леонов А.* Контроль Европейского суда по правам человека за соблюдением прав человека при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы и содержания под стражей // *Вестник уголовно-исполнительной системы.* 2005. № 2.

¹ См.: Международные стандарты исполнения и отбывания наказаний и российская уголовно-исполнительная система: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. М., 2006. Ч. 1. С. 16.

лобы и на плохие условия содержания в исправительных учреждениях. Рассматривая такие дела, ЕСПЧ исходит прежде всего из необходимости соответствия национального законодательства требованиям европейских международных стандартов, при этом учет социально-экономических возможностей государства отходит на второй план.

Такой подход прослеживается в рассмотренном ЕСПЧ деле «Калашников против Российской Федерации», по результатам которого суд признал некоторые условия содержания данного гражданина под стражей не соответствующими принятым в европейских странах требованиям¹.

По результатам рассмотрения этого дела Президент России поручил Министерству юстиции ускорить работу по приведению условий содержания в учреждениях УИС в соответствие с европейскими стандартами в области прав человека и международными обязательствами Российской Федерации, которые она взяла на себя при вступлении в Совет Европы.

Делегации Европейского комитета по предупреждению пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее: ЕКПП), посещая исправительные учреждения, изучают, как обращаются с лицами, лишенными свободы, для того, чтобы защитить их от пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

При этом членам делегации ЕКПП разрешается посещать любое учреждение уголовно-исполнительной системы, в котором содержатся осужденные к лишению свободы с правом передвижения внутри такого учреждения без ограничений. Инспекторам ЕКПП предоставляется полная информация об указанных учреждениях, им разрешается беседовать наедине с лицами, лишенными свободы, а также вступать в контакт с любым человеком в целях получения интересующей информации.

Во время визита делегация ЕКПП вправе осуществлять проверки в различных регионах страны, иногда даже не уведомляя российские власти о месте своего пребывания. По итогам каждого визита Комитет мини-

стров представляет Совету Европы доклад о выявленных нарушениях прав человека в местах изоляции от общества с рекомендациями по их устранению.

Руководствуясь данными рекомендациями, директор ФСИН России Ю. И. Калинин дал указание о снятии жалюзи с окон камер, об ограничении ношения специальных средств на территории исправительных учреждений, усилении мер по выполнению санитарно-эпидемиологического надзора на объектах УИС, устранении недостатков в деятельности штрафных изоляторов и приведении условий содержания там в соответствие с действующим законодательством.

В отношении осужденных к пожизненному лишению свободы разрешено применять наручники при передвижении вне камер только в тех случаях, когда они своим поведением дают основание полагать, что могут совершить побег либо причинить вред окружающим.

Действующее в нашей стране уголовно-исполнительное законодательство в целом соответствует требованиям, сформулированным в Европейских пенитенциарных правилах и других международных актах.

Однако международные стандарты обращения с осужденными отличаются от российских аналогов более комфортными условиями содержания осужденных.

Для того чтобы приблизиться к европейскому уровню, России, по нашему мнению, необходимо принять меры к доведению минимальной нормы жилой площади на каждого осужденного к лишению свободы до 4 квадратных метров, улучшить питание осужденных, обеспечить каждого отбывающего наказание индивидуальным спальным местом и чистыми постельными принадлежностями, средствами личной гигиены, одеждой, обувью, поддерживать на должном уровне санитарно-гигиеническое состояние помещений, в которых проживают и работают осужденные.

С целью улучшения медицинского обслуживания осужденных необходимо увеличить штат средних медицинских работников в исправительных учреждениях, улучшить снабжение учреждений УИС всеми необходимыми медикаментами.

В заключение следует отметить, что международные стандарты представляют собой один из самых важных рычагов улучшения деятельности УИС нашей страны.

¹ См.: Всероссийское совещание по проблемам соблюдения законности и прав человека в учреждениях и органах УИС Минюста России. М., 2003. С. 9.

Сегодня в России уже взят курс на гуманизацию режима отбывания наказания, сокращение численности осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы, активизировалась работа по улучшению бытовых условий содержания осужденных, совершенствуется организационно-штатная структура учреждений и органов УИС. При этом преобразования в уголовно-исполнительной системе должны сопровождаться глубокой и всесторонней переработкой нормативно-правовой базы деятельности пенитенциарных учреждений.

З. С. Зарипов,

*профессор кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
доктор юридических наук, профессор
Академии права и управления*

Федеральной службы исполнения наказаний

О. А. Боровая,

*адъюнкт кафедры уголовного права
Академии права и управления*

Федеральной службы исполнения наказаний

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ФУНКЦИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

С переходом в ведение Министерства юстиции Российской Федерации территориальные управления Федеральной службы исполнения наказаний приобрели совершенно другое качество: они стали равноправными участниками отношений в регионах наряду с УВД, прокуратурой, УФСБ и другими правоохранительными органами при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Пункт 8 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет органы Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции как «органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность».

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, решают определенные настоящим Федеральным законом задачи исключительно в пределах своих компетенций, установленных соответствующими законодательными актами Российской Федерации.

Оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную

Библиографический список

1. *Леонов, А.* Контроль Европейского суда по правам человека за соблюдением прав человека при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы и содержания под стражей / А. Леонов // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* – 2005. – № 2.

2. *Международные стандарты исполнения и отбывания наказаний и российская уголовно-исполнительная система : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч.* – М., 2006. – 2 ч.

деятельность, вправе проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы¹.

Взятый курс на гуманизацию российской уголовно-исполнительной системы, стремление к максимальному приближению условий содержания осужденных к международным нормам и стандартам, расширению прав осужденных и более эффективной правовой и социальной защиты их личности, а также нахождение сложной силовой структуры в гражданском ведомстве выдвигает на передний план далеко не праздные вопросы о роли и значении оперативно-розыскной функции в этой системе.

В этой связи учеными высказываются разные, порой диаметрально противоположные, мнения². Так, например, объявляется оперативно-розыскная деятельность чуть ли не анахронизмом, что она не совместима с новыми подходами в обращении с осужденными. Однако заявления об ухудшении и даже

¹ См.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Новосибирск, 2006. С. 11–12; а также: *Корнеева Н.* Лишенный свободы – прежде всего человек // *Фемида.* 2002. № 4. С. 58.

² См., напр.: *Корнеева Н.* Указ. соч. С. 58; *Галлиев С. Ж.* Оперативно-розыскная функция органов юстиции: этап адаптации и развития // Концептуальные подходы к дальнейшему развитию уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан: Материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Алматы, 13–14 июля 2002 г. Алматы, 2002. С. 100–103; *Скаков А. Б.* Предупреждение преступности в исправительных учреждениях: меры по обеспечению безопасности персонала и осужденных // Концептуальные подходы к дальнейшему развитию уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан: Материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Алматы, 13–14 июля 2002 г. Алматы, 2002. С. 52–54.

разрыве традиционных связей между службами МВД России и Федеральной службы исполнения наказаний и негативном воздействии этого процесса на борьбу с преступностью оказались беспочвенными. Сотрудничество стало плодотворнее и результативнее. В ходе совместной работы при содействии оперативных работников уголовно-исполнительной системы с органами внутренних дел России раскрыто 82 тыс. преступлений¹.

Оперативными аппаратами уголовно-исполнительной системы во взаимодействии с правоохранительными органами осуществляется комплекс мероприятий по реализации Постановления Правительства Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму» от 6 июня 2007 г. № 352². Сотрудниками оперативных аппаратов исправительных колоний получено более 7 тыс. сообщений, более 6 тыс. направлено в правоохранительные органы для проверки, по результатам которой органами внутренних дел раскрыто 1767 преступлений, вновь возбуждено 32 уголовных дела, привлечено к уголовной ответственности 32 преступника, изъято 29 единиц огнестрельного оружия, 3,4 кг взрывчатого вещества, 3 взрывных устройства, 632 патрона различного калибра³.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы России состоят на оперативном учете более 650 группировок отрицательной направленности, многие из которых организованы по этническому признаку. Преступные группировки насчитывают в своих рядах свыше 2,5 тыс. активных членов, 2 тыс. лидеров и авторитетов преступной среды, 800 лиц, осужденных за бандитизм, и 30 – за совершение террористических актов⁴.

Особенно актуально этот вопрос стоит в настоящее время, когда резко увеличилось стремление преступных группировок получить доступ к закрытой информации, создать в правоохранительных структурах «свои» позиции путем подкупа, компрометации, угроз физической расправы, оказания давления че-

рез коррумпированные связи на органы управления. Все чаще преступные группы прибегают к слежке за отдельными сотрудниками уголовно-исполнительной системы, сбору установочных и характеризующих данных. Возросло количество насильственных посягательств на жизнь и здоровье сотрудников исполнительской системы, членов их семей⁵.

Необходимо подчеркнуть, что без надлежащей организации оперативно-розыскной деятельности невозможно осуществление таких важнейших направлений, поставленных перед уголовно-исполнительной системой, как:

- организация обеспечения правопорядка и законности в учреждениях и органах, исполняющих наказания, безопасности персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территории, а также содержащихся в них осужденных;

- выявление, раскрытие, пресечение и предупреждение готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания;

- содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение;

- осуществление дознания в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Поэтому вполне закономерно, что Федеральная служба исполнения наказаний в соответствии с законодательством Российской Федерации и возложенными на него задачами в числе других функций осуществляет и организует оперативно-розыскные действия в учреждениях, исполняющих наказания, принимает меры по ее совершенствованию, взаимодействует с оперативными, следственными и другими территориальными подразделениями органов внутренних дел в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений⁶.

Оперативно-розыскная функция уголовно-исполнительной системы нашла свое за-

¹ См.: Калинин Ю. Человека от тюрьмы защищать надо // Известия. 2006. 25 июня. С. 9.

² См.: СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2921.

³ См.: Барабанов Н. П., Березенко Л. А. Криминологические, уголовно-правовые и организационные меры предупреждения формирования преступных групп и их криминальной деятельности в исправительных учреждениях. Рязань, 2003. С. 183–184.

⁴ См.: там же. С. 185.

⁵ См.: Барабанов Н. П., Березенко Л. А. Указ. соч. С. 187.

⁶ См.: Щерба Э. Т. Организационно-правовые основы розыскной работы Федеральной службы исполнения наказаний и МВД России в отношении лиц, совершивших побег из исправительного учреждения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2007. С. 3–4.

конодательное закрепление в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Статья 13 данного закона называет Федеральную службу исполнения наказаний одним из органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Особенности практической реализации оперативно-розыскной функции органов пенитенциарной системы конкретизированы и детализированы в ведомственных нормативных актах, в том числе принятых совместно с другими федеральными органами исполнительной власти. В этих нормативах для оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы в числе других сформулированы такие задачи, как: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; осуществление мер по розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, без вести пропавших граждан; обеспечение порядка и условий исполнения наказаний, безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, раскрытие, пресечение и предупреждение готовящихся и совершаемых преступлений в исправительных учреждениях правонарушений и нарушений установленного порядка отбывания наказаний; розыск осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания; содействия в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

Успешное выполнение этих задач предполагает правильную организацию оперативно-розыскной деятельности и всемерное ее совершенствование.

Законодательство РФ определяет следующие направления реализации оперативно-розыскных функций оперативными службами уголовно-исполнительной системы:

- предупреждение и раскрытие преступлений и правонарушений со стороны осужденных;
- содействие оперативным службам МВД России в выявлении и раскрытии ранее совершенных преступлений лицами, содержащимися в исправительных учреждениях;
- выявление и нейтрализация лидеров организованных преступных групп, «воров в законе», «положенцев», содержателей «воровских общаков», иных авторитетов уголовной

преступной среды и направление такой информации заинтересованным субъектам ОРД;

- использование всего арсенала сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, а также возможностей оперативных и кинологических служб органов внутренних дел для выявления каналов поступления в места лишения свободы наркотических и психотропных веществ, а также лиц, причастных к таким преступлениям;

- выявление членов террористических и экстремистских организаций и пресечение их преступных намерений;

- контроль и отслеживание всех изменений в уголовно-преступной среде, взаимоотношений ее лидеров;

- организация розыска осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания в виде лишения свободы;

- оперативное обслуживание подразделений внутренних войск, занимающихся охраной и конвоированием осужденных.

Длительное функционирование системы в составе ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД в условиях тоталитарного государства, когда права человека нарушались, наложило свой тяжелый отпечаток на приемы и методы оперативной работы, придавая им преимущественно карательный, насильственный характер. Сегодня перед уголовно-исполнительной системой стоит задача, ни в коей мере не пренебрегая, а, напротив, всячески берегая и творчески применяя накопленный опыт организации негласной работы, освободить деятельность оперативных аппаратов от устаревших догм, укоренившихся стереотипов, развивать ее в духе демократизации и гуманизации в сфере борьбы с преступностью и исполнения уголовных наказаний.

Гуманизация уголовной политики в Российской Федерации и ее коррекция в сторону смягчения для лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести или преступления по неосторожности, приведет к тому, что в местах лишения свободы останутся опасные преступники, составляющие ядро преступного мира. Это актуализирует организацию оперативно-розыскной деятельности среди данного контингента, так как тайные способы подготовки и совершения преступлений требуют и тайных способов противодействия им.

Участники международной конференции, посвященной альтернативным тюремному заключению видам наказания, были единодушны в вопросах разграничения профессиональной и бытовой преступности, применения имеющихся сил, средств и методов соразмерно видам и срокам наказания с учетом личности виновных. Совершенно прав О. В. Филимонов, подчеркивая, что «...снижение санкций не должно касаться особо тяжких преступлений, преступлений против жизни, здоровья граждан, террористических актов»¹.

Таким образом, очевидны необходимость и целесообразность целевого применения оперативно-розыскных сил, средств и методов в уголовно-исполнительной системе, что, в свою очередь, делает актуальной проблему соответствующей профессиональной подготовки персонала. Учитывая ее исключительную сложность и значимость, необходимо закрепить в Концепции уголовно-исполнительной системы следующие направления ее решения:

- совершенствование программы курса «Оперативно-розыскная деятельность органов юстиции» для учебных заведений Министерства юстиции Российской Федерации;
- создание специального учебно-методического центра, обеспечивающего единую политику в подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров оперативного профиля;
- корректировка ведомственных нормативных актов, регламентирующих деятельность оперативных аппаратов уголовно-ис-

Е. Б. Зверева,

старший преподаватель кафедры профессиональной языковой подготовки ВЮИ ФСИН России

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЖАРГОНА И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

В настоящее время в России наблюдается процесс призонизации (от англ. prison –

¹ Филимонов О. Уголовное наказание, не связанное с лишением свободы // Концептуальные подходы к дальнейшему развитию уголовно-исполнительной системы: Материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Алматы, 13–14 июня 2002 г. Алматы, 2002. С. 137.

полнительной системы в соответствии с требованиями времени;

- повышение качества занятий в системе текущей служебной подготовки кадров уголовно-исполнительной системы;
- подготовка указаний и методических рекомендаций по наиболее актуальным вопросам оперативно-розыскной работы;
- развертывание научных исследований по актуальным проблемам теории оперативно-розыскной деятельности²;
- издание учебных пособий, учебников, книг, монографий по различным направлениям оперативно-розыскной деятельности, уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, целесообразность осуществления оперативно-розыскной функции подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний получила четкое законодательное и нормативное подтверждение, а необходимость и актуальность ее не вызывает никаких сомнений. На первый план выдвигается задача ее квалифицированной реализации в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Щерба, Э. Т. Организационно-правовые основы розыскной работы Федеральной службы исполнения наказаний и МВД России в отношении лиц, совершивших побег из исправительного учреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Вологда, 2007.

тюрьма), т. е. стихийное распространение тюремной субкультуры в национальной культуре.

Ни в одной другой стране мира нет такого явного интереса к фольклору деклассированных элементов.

В последние 10–15 лет уголовный жаргон активно внедряется в общепринятый литературный язык и постепенно становится его законной частью. В общенародный язык переходят слова, относящиеся к специализированному жаргону наркодельцов,

² Аналогичные исследования проведены и в Республике Казахстан в связи с переводом уголовно-исполнительной системы из МВД в Минюст (см.: Галлиев С. Ж. Указ. соч. С. 100–103).

грабителей, террористов и др. Многие политики и чиновники не гнушаются употреблением жаргона в своих публичных выступлениях. Средства массовой информации пестрят лексикой подобного рода. Наиболее известными из таких слов являются следующие: «беспредел» – высшее беззаконие, «заказать» – подготовить заказное убийство, «разборки» – выяснение отношений между враждующими криминальными группировками, «отморозок» – преступник, злостно нарушающий воровские законы, «тусовка» – сборище, «стрелку забить» – назначить встречу, «наезд» – угроза, шантаж и т. п. Настораживает то, что мы эти слова в своей речи перестали замечать, считая их литературными.

Таким образом, субкультура преступного мира стремится стать культурой целого народа. В ответе на вопрос о том, чем это опасно, необходимо рассмотреть социально-психологический механизм функционирования уголовного жаргона.

Лексика деклассированных элементов имеет множество названий: арг, жаргон, байковый язык, язык преступников, воровской язык, тюремно-лагерный жаргон, феня, рыбий язык, блатная музыка и т. п. Уголовный жаргон имеет свою лексику и фразеологию, включающую в настоящее время примерно 16–18 тыс. слов. Он базируется на лексике и грамматике общенационального языка, только привычные и понятные всем слова в арг приобретают совершенно иной смысл. Например, слово «академия» в языке преступников обозначает не высшее учебное заведение, а тюрьму или колонию, поскольку воспринимается деклассированными элементами как своеобразная школа жизни¹. Словосочетание «играть на пианино» обозначает процесс снятия отпечатков пальцев, а вовсе не игру на музыкальном инструменте и т. п. Заимствованные из разговорного и литературного языков слова могут применяться в уголовном жаргоне по принципу сходства («седлать коня» – угнать мотоцикл (поза мотоциклиста напоминает всадника на лошади), а также по принципу противоположности (например, кличку «кудрявый» часто получает абсолютно лысый человек). Большое количество слов арг заимствует

из других языков, что свидетельствует о международных связях в среде преступного мира. Например, слово «мент» было заимствовано в начале XX в. из польского блатного жаргона (польск. *mente* – полицейский, военный), слово «фрайер» пришло из немецкого языка (нем. арг *freier* – жертва шулера, мошенника), а слово «герла» – искаженное английское *girl* – девушка².

Арг в преступной среде выполняет много важных функций, основной из которых является конспиративная, так как преступники вынуждены скрывать от работников правоохранительных органов и законопослушного населения свои преступные планы, намерения, способы преступных действий. Основные слова жаргона обозначают содержание и характер совершаемых преступлений, предметы и орудия преступления, способы ухода от наказания: «фомка» – воровской ломик, «удочка» – приспособление для квартирных краж через окно или форточку, «леща кинуть» – ограбить пьяного, «загнать» – продать краденые вещи и т. д.

Кроме того, арг призван обслуживать внутреннюю жизнь криминального сообщества, связанную с дележом добычи, развлечениями, половыми отношениями. Уголовный жаргон обозначает также членов преступного сообщества, их права и обязанности, род их деятельности, систему их взаимоотношений.

Арг является важным средством самоутверждения в преступной среде. С помощью уголовного жаргона преступники утверждают свое мнимое превосходство над другими людьми, законопослушными гражданами.

Лексика преступников, как зеркало, отражает жизнь этих людей. С помощью жаргонных слов преступник выражает свое мировоззрение, он даже бравирует им. Известный исследователь воровского жаргона М. А. Грачев справедливо отмечает, что все основные человеческие ценности в сознании деклассированных элементов подвергнуты сомнению или откровенному презрению: общество, семья, любовь, дружба, честь, самопожертвование, милосердие и т. п.³ Анализ

² См.: там же. С. 125.

³ См.: Грачев М. А. От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона. СПб., 2005. С. 356.

¹ См.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001. С. 32.

тюремного жаргона позволяет утверждать это вполне определенно. Например, в аргоне нет слов, которые обозначали бы любовь.

Писатель В. Шаламов «лакмусовой бумажкой всякой этики» считал отношение к женщине. Для преступников женщина – только лишь средство для удовлетворения половых потребностей. Поэтому в аргоне около 180 слов, обозначающих женщину легкого поведения.

Ложью в среде преступников является и культ матери. Они утверждают, что мать – это единственная женщина, которую они любят и уважают. Однако исследователи аргона отмечают множество циничных обозначений этому святому понятию. Кроме того, словом «мама» у деклассированных элементов обозначается женщина-главарь преступной группировки. Даже популярная в криминальной среде татуировка «не забуду мать родную» обозначает не мать, которая родила, а воровскую шайку, членом которой является преступник¹.

Почти каждый преступник считает себя человеком религиозным, верующим, однако при этом вера в Бога у деклассированных элементов сочетается со звериной жестокостью и крайним цинизмом. Изначально признаком «вора в законе» была татуировка в виде креста с ангелом, выколотая на груди. Нередко заключенные наносят на тело татуировки в виде Богородицы с младенцем. Преступник искренне верит в то, что Бог не осудит его, он верит в свое «правое» дело².

Преступники, занимающиеся кражей церковной утвари, употребляют свои аргонизмы для обозначения икон, крестов и других христианских святынь: словом «Ванька» называют икону с изображением Иоанна Предтечи, словом «коля» – икону одного из самых почитаемых русских святых – Николая Угодника, «поленом» называют любую икону, а «мамкой» или «девкой» – икону с изображением Богородицы³. Все это свидетельствует о том, что у деклассированных элементов вера в Бога не истинная, а показная.

Анализ фольклора преступных элементов (песен, пословиц, поговорок) позволяет сделать вывод о том, что у деклассированных элементов нет жалости к человеку, так как жалость, по мнению преступников, унижает их достоинство.

Таким образом, «аргон прививает людям извращенные взгляды и убеждения, насаждает отвращение к труду, жестокость и бесчеловечность, восхваляет «красоту» преступного образа жизни, воровскую хитрость, культ силы, презрение к общечеловеческим ценностям, искажает и извращает правосознание личности»⁴. Поэтому главная опасность жаргона состоит в том, что законопослушные граждане, употребляя аргон, постепенно начинают мыслить криминальными категориями. Криминализация мышления, в свою очередь, может повлечь за собой криминальные действия. Агрессивные слова – порождение наших мыслей, и наоборот, мысли – порождение наших агрессивных слов. Блатное слово прививает нам человеконенавистническую мораль преступников. К сожалению, это одна из причин криминализации всего населения и прежде всего подрастающего поколения.

Борьба с уголовным жаргоном может быть более успешной, если педагоги и сотрудники уголовно-исполнительной системы будут знать механизм его функционирования и причины распространения среди населения страны. Особенно это касается работников колоний и тюрем, следователей и оперативных работников, поскольку именно им приходится иметь дело с контингентом, для которого аргон – основа словарного запаса.

По распространенности уголовного жаргона можно изучать уровень развития преступности в стране, судить об изменениях, происходящих в характере преступности, появлении новых видов преступной деятельности, о новых способах совершения преступлений, а также появлении новых воровских законов или их трансформации⁵. Любое новое явление в криминальной среде немедленно осмысли-

¹ См.: Грачев М. А. Указ. соч. С. 144.

² См.: там же. С. 265.

³ См.: там же. С. 176.

⁴ Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура. Тверь, 1994. С. 159.

⁵ См.: там же. С. 149.

вается и обозначается. В последнее время, например, можно уже говорить о формирующемся жаргоне террористов.

Арго – важное средство изучения личности преступника, его принадлежности к определенному преступному сообществу (воры, грабители, рэкетеры, проститутки и т. п.). С помощью уголовного жаргона преступник вполне может, сам того не желая, выдать себя. Конечно, несведущий человек ничего не поймет из таких слов, как «чердак» (нагрудный карман верхней одежды), «шоп» (задний карман брюк), «хапушник» (вор, вырывающий из рук сумки, вещи, деньги), «пеха» (боковой, внутренний карман в пиджаке), «каин» (скупщик или приемщик краденого). Однако, например, следователю, знающему уголовный жаргон, это многое скажет о преступниках-карманниках, о том, с кем был связан преступник, действовал в группе или в одиночку, давно ли занимается преступной деятельностью и т. п. Таким образом, сотрудники уголовно-исполнительной системы должны знать язык своих подопечных, чтобы хорошо их понимать и вовремя предотвращать нежелательные действия.

Незнание уголовного жаргона сотрудниками исправительных учреждений может негативно отразиться на их деятельности. Например, предотвращение таких криминальных действий, как подготовка к побегу из тюрьмы или колонии, пронос запрещенных предметов, «прописка» новичков, факты насилия и других осуществлялось бы эффективнее, если бы те, кто по долгу службы общается с преступниками, знали уголовный жаргон¹.

Однако возникает вполне закономерный вопрос о том, можно ли служителям правопорядка самим употреблять в своей речи уголовный жаргон, общаясь с преступниками. Многие считают, что не только можно, но и нужно, поскольку это способствует лучшему налаживанию личного контакта с преступником. Следующим распространенным аргументом, который работники правоохранительных органов выдвигают в пользу употребления уголовного жаргона, является то, что преступники не понимают другого языка.

По нашему мнению, данные аргументы являются ложными. Если работнику правоохранительных органов для того, чтобы понятно выразить свою мысль, нужно обязательно употреблять уголовный жаргон, можно предположить, что у этого работника маленький словарный запас. Русский литературный язык насчитывает приблизительно 100–120 тыс. слов. Это огромный выбор для того, чтобы доступно и просто выразить свою мысль так, чтобы ее понял абсолютно любой человек.

Правоохранительные органы призваны осуществлять не только карательную, но и воспитательную функцию. Воспитывает прежде всего личность самого служителя правопорядка, а не те истины, которые он изрекает, и не те требования, которые он предъявляет к своим подопечным, а то, как он себя ведет, как сам следует провозглашаемым постулатам. Работнику правоохранительных органов необходимо показывать себя как человека культурного и грамотного. Преступники должны чувствовать в нем личность иного масштаба, чем они сами, чтобы признать за ним право учить, воспитывать, контролировать.

Следует принять во внимание тот факт, что среда, в которой по долгу службы находится человек, накладывает отпечаток на его поведение, мышление, речь. Работники уголовно-исполнительной системы часто сетуют на то, что, постоянно общаясь с деклассированными элементами, трудно удержаться от употребления подобных слов. В связи с этим, по мнению психологов и лингвистов, необходимо читать художественную литературу, чаще ходить в театры и расширять круг своего общения, чтобы вступать в речевые контакты не только с представителями своей профессии. Все это позволит повысить уровень речевой и общей культуры.

Библиографический список

1. Грачев, М. А. От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона / М. А. Грачев. – СПб., 2005.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб., 2001.
3. Пирожков, В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) / В. Ф. Пирожков. – Тверь, 1994.

¹ См.: Пирожков В. Ф. Указ. соч. С. 150.

Ф. М. Зезюлин,
заместитель начальника
ВЮИ ФСИН России по строевой части
кандидат педагогических наук, профессор

САМБО В СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

Самозащита без оружия является важнейшим компонентом профессиональной подготовленности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). Сложность и характер служебной деятельности сотрудников предполагает риск нападения правонарушителя, в том числе вооруженного различными предметами или самодельным оружием. Следует отметить, что сотрудник УИС, исполняя служебные обязанности внутри учреждения, т. е. непосредственно контактируя с осужденными, не имеет права иметь при себе оружие. Исключением являются случаи захвата заложников, побега осужденных или массовых беспорядков в учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Поэтому в соответствии с приказом Минюста России «Об утверждении наставления по физической подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы» от 12 ноября 2001 г. № 301 ежегодно проверяется подготовленность сотрудников к применению умений и навыков самозащиты без оружия. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо рассмотреть некоторые особенности системы самозащиты, применяемой в профессиональной подготовке сотрудников ФСИН России.

В настоящее время существуют десятки различных видов единоборств и боевых систем от восточных до американских, причем каждая из них освещается как совершенная. В конце 20-х гг. XX в. вновь создаваемые силовые структуры России и армия остро нуждались в специальной подготовке сотрудников для выработки у них специальных навыков самозащиты и нападения. Существующие боевые искусства не могли использоваться в полном объеме, так как были обременены различными национальными ритуалами и условностями. Кроме того, существовала политическая подоплека решения данной проблемы.

При создании отечественной системы самозащиты (самбо) ее основатели в первую очередь учитывали эффективность приемов и их доступность для изучения в

минимально короткие сроки. При этом приемы отбирались не только с учетом богатого опыта боевых искусств народов России, но и из всех известных в то время зарубежных систем. С момента своего зарождения и в настоящее время система самбо находится в постоянном развитии. Практики и теоретики внесли большой вклад в развитие системы самбо (пополнялось содержание, техника и тактика). Огромную роль в этом сыграли такие корифеи самбо, как В. А. Спиридонов, В. С. Ощепков, А. А. Харлампиев, Е. М. Чумаков и многие другие¹. С течением времени система самбо стала не только средством защиты и нападения, но и прекрасным средством физической подготовки и воспитания населения и в первую очередь молодежи. Неслучайно в свое время часть системы была включена в нормы ГТО 2-й ступени. Об эффективности системы самбо свидетельствует и то, что к настоящему времени из нее выросло два полноправных вида спорта: борьба самбо и боевое самбо, по которым проводятся соревнования самого высокого уровня вплоть до чемпионатов мира, как среди мужчин, так и среди женщин, причем судейство международных соревнований ведется на русском языке в отличие от других видов спорта. В последние годы в соревнованиях по так называемым боям без правил победителями часто становятся спортсмены, которые профессионально занимались именно самбо.

Анализ исследований, посвященных использованию системы самбо в профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов, позволяет сформулировать основные цели и задачи при занятиях самбо: формирование у занимающихся специальных навыков и умений защиты и нападения; развитие физических качеств; обучение тактике действий в реальных ситуациях противоборства; воспитание морально-волевых и нравственных качеств; воспитание патриотизма; образование в области физической культуры и спорта.

Анализируя содержание системы самбо, следует отметить, что она является одной

¹ Андреев В. М., Чумаков Е. М. Борьба самбо. М., 1967; Чумаков Е. М. Сто уроков самбо. М., 1971; Спиридонов В. А. Самозащита без оружия. М., 1928; Харлампиев А. А. Самозащита без оружия. М., 1958.

из самых богатых среди боевых систем самозащиты и видов спорта по подбору приемов и технических действий. Существующие классификации самбо А. А. Харлампиева, Е. М. Чумакова и других авторов содержат множество различных приемов и технических действий, причем этот арсенал постоянно обновляется за счет внедрения новых, ранее не применявшихся приемов или их вариантов. В содержание системы самбо входят не только броски, удары, болевые и удушающие приемы, но и специальные приемы задержания и сопровождения, отражения нападения невооруженного и вооруженного правонарушителя, в том числе вооруженного огнестрельным оружием, приемы освобождения от захватов и обхватов, наружного осмотра, приемы и действия с использованием подручных средств, личного оружия и специальных средств.

Формы и методы подготовки сотрудников правоохранительных органов в системе самбо основаны и используются с учетом основных педагогических принципов и научных достижений в области теории и методики физической культуры и спорта, в том числе опыта подготовки спортсменов высокого класса. Российские спортсмены, выступая на чемпионатах мира и Европы по борьбе самбо и боевому самбо, как правило, не имеют себе равных.

Особенность применения приемов системы самбо состоит в том, что они используются в конфликтных ситуациях, которые имеют огромное количество вариантов своего продолжения. Соответственно подготовка сотрудников правоохранительных органов должна осуществляться с учетом данных условий. Применение задач репродуктивно-поискового и вариативно-реконструированного характера способствует формированию сотрудника правоохранительных органов, владеющего необходимым объемом прикладных двигательных навыков, физических, специальных и психических качеств, обеспечивающих успешное решение экстремальных ситуаций, сохранение здоровья и высокую профессиональную работоспособность. В силовых противоборствах при прочих равных условиях успеха достигает тот, кто лучше овладел арсеналом приемов и умеет импровизировать в постоянно меняющихся услови-

ях¹. Если обучение ограничивается отработкой боевых приемов на не оказывающем сопротивления партнере, то даже доведенные до совершенства они мало помогут в реальном силовом противоборстве. Только спарринги, учебные индивидуальные единоборства (в том числе спортивные) с предельными нагрузками и стремлением к победе создают внешнюю и внутреннюю (психофизическую и психологическую) модель профессионально-боевых действий, а поэтому они должны стать непременным элементом содержания физической подготовки².

Подготовленность сотрудника правоохранительных органов к эффективному применению навыков и умений самбо в ситуациях нападения правонарушителя, в том числе вооруженного, складывается из нескольких групп компонентов, которые взаимосвязаны между собой: физическая, техническая, психологическая и индивидуально-тактическая подготовленность. Отсутствие любой из указанных групп компонентов может привести к трагическим последствиям. Можно знать приемы самбо и успешно демонстрировать их на своем партнере, однако это не означает, что сотрудник правоохранительных органов сможет их применить в условиях жесткого физического и психологического противодействия со стороны осужденного. Для того чтобы успешно применять приемы самбо, надо не просто знать способы их выполнения, но и быть готовым физически, иметь соответствующую психологическую подготовленность, так как ситуации применения приемов самбо, как правило, экстремальны и требуют решительных и четких действий. Успешность применения приемов самозащиты сотрудником правоохранительных органов зависит также от его тактической подготовленности, как и когда именно провести прием с учетом складывающейся конкретной ситуации.

Личностно-психические компоненты, мобилизующие к действию, определяют характер поведения при выполнении приемов самбо и означают психическую готовность к

¹ См.: Миленин В. В. Физическая и огневая подготовка в системе многоступенчатого образования // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований. 1996. № 3. С. 30.

² См.: Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика: Учеб. пособие для вузов. М., 2002.

овладению двигательным действием. Эти компоненты готовности могут складываться не одновременно. В процессе занятий по физической подготовке необходимо целенаправленно воздействовать на них с тем, чтобы обеспечить заблаговременную подготовку к разучиванию каждого нового действия, предусмотренного учебной программой. Собственно физическая готовность к разучиванию действий, требующих значительных проявлений тех или иных физических качеств (скоростно-силовых, выносливости, гибкости, ловкости и т. д.), обеспечивается развитием соответствующих качеств, причем не столько непосредственно перед началом разучивания действий, сколько на протяжении всех предшествующих периодов физической подготовки. При обучении необходимо помнить, что приемы надо не просто знать, но и уметь их применять, т. е. быть подготовленным к применению в любой ситуации. А. М. Столяренко отмечает следующее: «обучающему необходимо постоянно помнить, что одной обученности человеку мало для того, чтобы реализовать ее на практике, ибо человек делает что-либо, когда он знает, умеет, способен, хочет»¹.

По мнению многих специалистов, комплексное воспитание физической, технической и психологической подготовленности у сотрудников правоохранительных органов особенно успешно при их участии в спортивных поединках по правилам боевого самбо².

Отличительной особенностью деятельности сотрудников УИС в условиях агрессивного поведения осужденных является конфликтное взаимодействие двух сторон, имеющих противоположные цели. Отражение нападения проходит в постоянных и быстро изме-

няющихся ситуациях, требующих от них адекватных действий в создавшейся обстановке. В. В. Парин отмечал, что встреча с любым неожиданным фактором вызывает в организме человека прежде всего реакцию тревоги, которая характеризует конфликтность предстоящей деятельности³. Непредвиденность развития конфликтной ситуации, вызывая стрессовую реакцию организма, может привести к отрицательным результатам. Поэтому важнейшее педагогическое направление оптимизации процесса обучения специализированным приемам в системе самбо заключается в том, чтобы сотрудник правоохранительных органов мог успешно применять их в экстремальных ситуациях. При проведении занятий по самозащите без оружия необходимо всегда предусматривать меры по обеспечению безопасности обучаемых, несоблюдение которых нередко заканчивается травмами занимающихся. К таким мерам относятся: тщательная подготовка места проведения занятий и инвентаря; наличие исправного защитного снаряжения; содержание и методика проведения занятия должны соответствовать функциональной и технической подготовленности занимающихся; соблюдение последовательности выполнения приемов, действий и упражнений; правильное применение приемов страховки и само страховки при выполнении рискованных упражнений.

В заключение следует отметить, что система самбо возникла в связи с жизненной необходимостью совершенствования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, и тот, кто забывает об этом, рискует не только своим здоровьем, но и самой жизнью.

Библиографический список

1. Об утверждении наставления по физической подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы Минюста России : приказ Минюста России от 12 нояб. 2001 г. № 301.

2. *Столяренко, А. М.* Экстремальная психопедагогика : учеб. пособие для вузов / А. М. Столяренко. – М., 2002.

3. *Столяренко, А. М.* Общая педагогика : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям / А. М. Столяренко. – М., 2006.

³ См.: *Парин В. В.* О вероятном, о не вероятном. М., 1968.

¹ *Столяренко А. М.* Общая педагогика: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям. М., 2006. С. 309.

² См.: Современные технологии спорта высших достижений в профессиональной подготовке сотрудников силовых ведомств // Материалы Международного научного конгресса. М., 2006; *Непомнящий С. В.* Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел: Учеб. пособие для образоват. учреждений МВД России. Волгоград, 2000; *Зезюлин Ф. М.* Самбо. Теория, методика, практика: Учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. Владимир, 2005; *Зезюлин Ф. М., Логвинов А. В.* Комплексная оценка готовности сотрудника к действиям против вооруженного правонарушителя: Материалы заседаний «круглого стола». Владимир, 1999. С. 97–99.

Н. Е. Колесникова,
*старший психолог
психологической лаборатории ФГУ ИК-4
Федеральной службы исполнения наказаний
по Псковской области*

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В КОЛОНИИ СТРОГОГО РЕЖИМА

В современном российском обществе, испытывающем значительные трудности, отмечается заметный рост преступности. По данным статистики, в сравнении с 1990 г. она увеличилась в 2,3 раза. В 2002 г. в российских тюрьмах отбывали наказание более миллиона осужденных¹. Более того, очевидна тенденция к утяжелению преступления с каждым новым совершенным правонарушением. В настоящее время система отбывания наказаний ориентирована на условно-досрочное освобождение, что позволяет осужденному освободиться, сократив срок отбывания наказания. В связи с этим важнейшей задачей пенитенциарной психологии является изучение личности преступника, создание программ ресоциализации, позволяющих осужденному адаптироваться на свободе.

Ограничение свободы является основной формой наказания преступника. Общеизвестно, что социальная среда оказывает большое влияние на личность человека. Среди важнейших особенностей социальной среды мест лишения свободы следует отметить изоляцию от общества, регламентацию поведения во всех сферах жизнедеятельности, принудительное включение в однополюсные социальные группы, сложившуюся стратификацию среды, действие неформальных норм поведения. Естественным для осужденного, помещенного в такие условия, является приобретение в той или иной мере черт, свойственных данному социуму. В рамках настоящей статьи изучены психологические особенности личности, помещенной в особые условия, а именно личностные особенности мужчин, отбывающих наказание в колонии строгого режима.

Сбор информационных данных об осужденном начинается с момента его прибытия в исправительное учреждение. Каждый

осужденный проходит недельный карантин (отдельное содержание прибывших в колонию лиц). Задача психолога заключается в сборе информации о каждом прибывшем, проведении социально-психологического тестирования, выяснении запроса осужденного на психологическое сопровождение.

Для сбора и хранения информации нами используется специально разработанная карта учета, заполняемая по мере работы с осужденным. Карта состоит из двух частей: первая позволяет получить представление о социальном статусе осужденного; вторая содержит информацию о психологических особенностях его личности, полученную в результате тестирования. Для этого используются: тест на измерение самооценки В. Волкова²; методика изучения качественных эмоциональных характеристик Л. А. Рабинович³; опросник К. Томаса (самооценка направленности контакта)⁴; опросник Б. И. Додонова для изучения эмоциональной направленности личности⁵, методика определения уровня депрессии; многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла⁶.

Математико-статистический анализ эмпирических данных осуществлялся с помощью компьютерной программы SPSS 11.5 for Windows и предполагал определение M (среднего значения) и δ (среднего квадратичного отклонения).

Представленные ниже данные являются результатом анализа информации, собранной за период с 2002 по 2006 г. Работа проводилась на базе ФГУ ИК-4 Федеральной службы исполнения наказаний по Псковской области, которое является колонией строгого режима.

Можно выделить следующие особенности лиц, отбывающих наказание в колониях строгого режима.

Возрастные особенности и уровень образования

В данную группу входят мужчины от 19 до 59 лет ($M = 32,12$; $\delta = 0,55571$), имею-

² См.: Котельникова Н. И., Рыбакова Н. А. Психосоциальная работа с женщинами в условиях группового взаимодействия: Науч.-метод. пособие. Псков, 2003. С. 77.

³ См.: там же. С. 78.

⁴ См.: там же. С. 83.

⁵ См.: Колесникова Н. Е., Манойлова М. А. Социально-психологические факторы развития эмоциональной сферы осужденных: Науч.-метод. пособие. Псков, 2006. С. 37.

⁶ См.: там же. С. 69.

¹ См.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С. 222.

щие преимущественно среднее образование – 80 осужденных (62,9 %; $M = 2,03313$; $\delta = 0,61398$); 23 осужденных (18,1 %) имеют неполное среднее образование; 24 (18,8 %) – среднее техническое. Постоянная работа и стабильный заработок на свободе отмечались у 91 осужденного (71,65 %).

Семейное положение

К данной группе относятся преимущественно одинокие – холостые, разведенные или овдовевшие – мужчины (78 человек – 61,41 %; $M = 1,9453$, $\delta = 0,89$), большинство из них не имеют детей (87 клиентов – 68,50 %). Таким образом, человек, отбывающий наказание, обычно не обременен семьей и детьми.

Анализ полученной информации показал, что в большинстве случаев осужденные воспитывались в социально неблагополучных условиях – 73 человека (59,34 %; $M = 1,7422$; $\delta = 0,66695$). К таким условиям относятся, во-первых, неполные семьи, где воспитывающую функцию осуществляет мать (63 человека – 49,61 %). Отец, как правило, ребенку неизвестен: либо отбывает наказание, либо болен алкоголизмом. Во-вторых, воспитание опекунами (обычно в связи с лишением родителей их прав) либо в социальном учреждении (10 клиентов – 7,87 %).

Отношение к законности и правопорядку

Характерно наличие прежних судимостей, взысканий, пребывание в колониях. Результаты анализа свидетельствуют о том, что лиц, впервые отбывающих наказание в колонии строгого режима, – 55 (43,41 %), осуждены повторно 72 человека (56,59 %).

В колонии строгого режима наиболее часто встречаются следующие виды преступных деяний: преступления против жизни и здоровья (убийство; тяжкие телесные повреждения, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью); преступления против собственности (кража, разбой, грабеж); преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности; преступления против общественной безопасности (хулиганство, незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка оружия, хищение либо вымогательство оружия); преступления против здоровья населения и общественной нравственности (незаконные изготовление, хранение, перевозка, пересылка, сбыт наркотических или психотропных веществ).

Состав преступления

Сравнение данных о прежних и настоящих судимостях осужденных позволяет отметить существенное увеличение (в 4,9 раза) числа тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан (в первом случае они составили 10 преступлений (7,87 %), во втором – 49 (38,58 %). Существенно возросло число (примерно в 7,5 раза) преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (незаконные изготовление, хранение, перевозка, пересылка, сбыт наркотических или психотропных веществ): в первом случае они составили 2 преступления (1,57 %), во втором – 15 (11,81 %). Кроме того, в 2 раза увеличился срок отбывания наказания (5–10 лет в среднем в колонии строгого режима по сравнению с 1–5 годами в колонии общего режима).

Наиболее часто к гражданам, осужденным к лишению свободы, в качестве поощрения за правопослушное поведение в период отбывания наказания применяется условно-досрочное освобождение. Гражданам, входящим в изучаемую группу, в период прошлого отбывания наказания государством сокращались сроки 53 раза (41,72 %; $M = 1,5250$; $\delta = 0,67275$), из них условно-досрочное освобождение применялось 41 раз (32,28 %), акт помилования или амнистии – 12 раз (9,44 %).

В период отбывания наказания на осужденных распространяется действие Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, регулирующих поведение осужденных в колонии. Отклонения в поведении наказываются следующими видами взысканий: замечанием, выговором, помещением в штрафной изолятор и в строгие условия содержания. Среди респондентов всего наказаны 84 человека (66,14 %; $M = 1,9213$; $\delta = 0,80284$), из них выговоры получили – 22 (17,32 %), помещены в штрафной изолятор – 29 (22,83 %), в строгие условия содержания – 6 человек (4,72 %), беседы проведены с 27 осужденными (21,25 %).

С помощью методики Р. Кеттелла получена следующая психологическая характеристика «среднего» осужденного.

Осужденный имеет вялую динамику эмоциональных переживаний, несколько заторможен, более формален в контактах, скрытен, сдержан, подозрителен, осторожен. В большей степени чуждается людей, избегает коллективных мероприятий, в

деятельности не гибок, у него достаточно выражена конфликтность.

У лиц, отбывающих наказание, в эмоционально перегруженных ситуациях (в местах лишения свободы такими являются любые ситуации) проявляется импульсивность, стереотипность поведения, регрессия. Они не уверены в себе и пассивны, проявляют осторожность, сдержаны в контактах, озабочены возможными последствиями, стараются относиться ко всему слишком серьезно, подозрительно. Здесь проявляется характерная для данной оценки корыстность, эгоистичность, приспособление к ситуации.

Осужденные имеют сверхчувствительную симпатическую нервную систему, что заставляет их остро реагировать на любую угрожающую ситуацию, чаще опираться на свои эмоции, чувства, чем логику и разум, больше доверять своей интуиции. Осужденным присуща нетерпеливость, требовательность (данное свойство, по многочисленным наблюдениям, является ярко выраженной чертой характера). Кроме того, у них низкая эмоциональная зрелость. Они завистливы, ревнивы, раздражительны, склонны к соперничеству, не терпят конкуренции. Данным особенностям сопутствует высокий уровень беспокойства, тревожности, а также фиксация на неудачах. Осужденные ориентированы на внутренние стимулы и идеи, прямолинейны, непосредственны и бестактны, эмоционально не дисциплинированы. Осужденные в общении не могут избежать острых конфликтных ситуаций, их поведение отличается грубостью. Они затрудняются в анализе мотивов поведения окружающих, имеют пессимистические предчувствия, противоречивую самооценку, недостаточную личностную идентичность, тревожно-депрессивный фон настроения. Им свойственно в большей степени переживание социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач. Эти люди впечатлительны, ранимы, чувствительны к замечаниям и порицаниям. В обществе им свойственно держаться замкнуто и обособленно. Они хотят чувствовать себя абсолютно свободными в своем поведении и старательно избегают любых форм обязательности в межличностных отношениях, предпочитают все делать сами, иметь свободный выбор в принятии решений. Вообще они чрезвычайно ценят свою автономию. С другой стороны, в местах лишения

свободы осужденные живут большими общностями, компактно и в силу необходимости должны ориентировать свое поведение на групповые нормы и ценности, стремиться к социальному одобрению. Интеллектуальное развитие осужденных можно оценить как среднее с тенденцией к росту.

При совершении преступлений осужденные испытывали гедонистические, практические, альтруистические и коммуникативные эмоции. Такой эмоциональный ряд можно объяснить, во-первых, тем, что люди, совершающие преступления, стремятся к удовольствиям (прежде всего к развлечениям), однако не умеют или не желают работать для того, чтобы иметь возможность эти удовольствия оплатить средствами, заработанными в рамках закона. Во-вторых, граждане, совершающие преступления, нередко делают это в компании, отчасти помогая кому-то, отчасти желая быть нужным и принятым данной группой. В-третьих, практические эмоции, сопровождающие процесс совершения преступления, ориентированы на острые ощущения, получаемые субъектом, и удовольствие от конечного результата.

Самооценка занимает одно из важнейших мест в структуре личности, способствуя познанию собственных возможностей, внутреннего мира, нравственных качеств. По мнению Д. В. Сочивко и В. М. Литвишкова, это позволяет осужденному «найти себя в системе общественных отношений, в деятельности, в общении с другими людьми»¹. Результаты исследования показали, что заниженную самооценку имеют 49 осужденных (38,51 %), нормальную – 49 (38,51 %), завышенную – 29 (22,81 %). Таким образом, неадекватная самооценка наблюдается у 78 осужденных (61,13 %). При заниженной самооценке поведение осужденных регулируется преимущественно внешними влияниями, часто случайными и нежелательными. Этому способствует неуверенность в себе, искаженные нравственные понятия и представления, постоянный страх выглядеть хуже других. Завышенная самооценка способствует возникновению

¹ Сочивко Д. В., Литвишков В. М. Пенитенциарная антропология. Опыт систематизации психолого-педагогической теории и практики в местах лишения свободы. М., 2006. С. 57.

гипертрофированного самолюбия, которое в сочетании с аморальными способами самовыражения приводит личность к отклонению в поведении.

Для изучения поведения осужденных в конфликтной ситуации была использована двухмерная модель К. Томаса. Наиболее востребованными коппинг-стратегиями в конфликте являются приспособление и компромисс. Стратегию приспособления в конфликте как принесение в жертву собственных интересов ради спокойствия используют 80 клиентов (62,99 %; $M = 6,9922$; $\delta = 2,1314$). Эта стратегия поведения осужденных практикуется в качестве способа адаптации с целью обеспечения безопасного существования в условиях закрытого исправительного учреждения. Компромисс используется как некий договор взаимной уступки. Ее используют 78 клиентов (61,42 %; $M = 6,7266$; $\delta = 2,02626$). Данные стратегии предполагают самоподавление, ведущее к накоплению негативной энергии.

Для выявления доминирующих эмоциональных переживаний использовалась методика изучения качественных эмоциональных характеристик Л. А. Рабинович. Доминирующие эмоциональные переживания создают индивидуальный эмоциональный фон, в который окрашиваются все внешние воздействия человека. Все эмоциональные составляющие находятся в средних значениях, т. е. можно предположить, что одинаково востребованными является радость ($M = 30,7$ – 59 клиентов), гнев ($M = 24,25$ – 82 осужденных), страх ($M = 17,89$ – 76 осужденных). Эмоцией, получившей наибольшее количество высоких оценок (у 58 осужденных (45,31 %)), является радость, соответственно наиболее востребованный эмоционально окрашенный фон – радость. Из личных бесед с осужденными было выявлено, что проявление любой другой эмоции (печали, гнева, обиды и т. д.) предполагает повышенное внимание к собственной персоне со стороны других осужденных, которые добавляют негативных переживаний, что впоследствии может вылиться в серьезный групповой конфликт. Таким образом, радость является своего рода защитой внутреннего мира от вмешательств извне. Следует отметить, что данная цифра требует перепроверки в связи с тем, что в исследуемой группе достаточно высокой является депрессия. Наименьшее количество высоких

оценок получила категория страха – 1 осужденный (0,78 %). В связи с этим в личных беседах осужденные нередко отмечают: «Я не боюсь смерти – нельзя бояться! Я лучше умру, чем стану обиженным».

В процессе изучения эмоциональных характеристик необходимо проверить уровень депрессии в данной выборке. Как оказалось, из 128 человек не испытывают депрессии только 22 (17,18 %) осужденных, соответственно 106 (82,81 %; $M = 23,7891$; $\delta = 14,58165$) осужденных имеют тот или иной уровень развития депрессии. Минимальный и легкий уровень присутствует у 55 (42,96 %) осужденных, умеренная и выраженная депрессия – у 49 (38,28 %) осужденных, глубокая – у 1 (0,78 %). Таким образом, следует отметить наличие депрессии у достаточно большого количества осужденных. Это накладывает отпечаток на процесс отбывания наказания: с одной стороны, осужденный вынужден показывать своему сообществу, что у него радостный фон настроения, а с другой (внутренней) – находиться на том или ином уровне развития депрессии. Такая двойственная жизнь оказывает существенное влияние на психическое здоровье личности человека, отбывающего наказание.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Социальный портрет среднестатистического осужденного следующий: воспитывался в неполной семье, имеет среднее образование, как правило, не женат; имеет неквалифицированную работу и стабильный, но невысокий доход; ранее совершал преступления против собственности, средний срок отбывания наказания – от 1 до 4 лет, из мест лишения свободы освобождался условно-досрочно. В настоящее время судим за совершение тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан, а также за преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Средний срок отбывания наказания в настоящее время – от 5 до 10 лет; в период отбывания наказания осужденный имеет действующие взыскания.

2. К личностным особенностям среднестатистического осужденного относятся: неадекватная самооценка (завышенная или заниженная); избирательность в общении, скрытность, сдержанность. Он не гибок, конфликтен. Уровень интеллектуального развития выше среднего. Полагается на интуитивное осмысление происходящего, не уверен в себе, осторожен,

пассивен, эгоистичен, умеет приспособиться к ситуации. У него высокий уровень тревожности, подозрительности, самоконтроля со склонностью к напряжению, беспокойству. Он обособлен, стремится к самостоятельности и независимости. В его поведении наиболее выраженными являются гедонистические, практические, альтруистические и коммуникативные эмоции. Основной фон внешнего проявления настроения осужденного окрашен радостью. Однако внутреннее состояние характеризуется наличием депрессии различной степени тяжести. По нашему мнению, механизм ее возникновения следующий: радость осужденного является временным состоянием и сменяется печалью, а со временем – депресси-

Н. А. Коломытцев,
начальник кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время в России увеличилось общее количество преступлений. Так, анализ статистических данных показал, что только в 2005 г. оно возросло почти на 25 %¹. В течение 2006 г. в Российской Федерации зарегистрировано около 4 млн уголовно наказуемых деяний². Преступность стала агрессивнее, изощреннее и более технически оснащенной. Возросло количество преступлений против собственности, в том числе кражи, грабежи, мошенничество. Кроме того, масштабы коррупции представляют реальную угрозу национальной безопасности. Рост преступности зависит от многих составляющих и факторов. В связи с этими, а также учитывая иные обстоятельства, глава государства потребовал ввести гражданский контроль за деятельностью правоохранительных органов. Все вышеуказанное подчеркивает актуальность совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

¹ См.: Нургалеев Р. Дойти до участкового // Рос. газ. 2006. 18 февр. С. 1, 4.

² Подробно см.: Фалалеев М. Порядок на улице разбитых фонарей // Рос. газ. 2007. 9 февр. С. 1, 9.

ей, закономерным выходом из которой для данной категории граждан служит гнев.

Библиографический список

1. Гилинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский. – СПб., 2004.
2. Головей, Л. А. Практикум по возрастной психологии / Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. – СПб., 2001.
3. Колесникова, Н. Е. Социально-психологические факторы развития эмоциональной сферы осужденных : науч.-метод. пособие / Н. Е. Колесникова, М. А. Манойлова. – Псков, 2006.

Общеизвестно, что любое понятие определяется его сущностью. Наука уголовного права понимает под сущностью наказания кару. Это положение базируется на норме закона (ч. 1 ст. 43 УК РФ), который установил, что наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда.

Однако наказание в России не является лишь карой. Гуманизм правовой системы общества проявляется в том, что кара, являясь элементом наказания, не абсолютируется, предполагает другую сторону содержания уголовного наказания – воспитание, вступает в единство с ней. По нашему мнению, данные основные элементы составляют содержание наказания.

Выяснению сущности, содержания и исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы способствует правильное понимание его целей. В действующем уголовном законодательстве несколько иначе, чем в прежних нормах, определены цели наказания.

Представляется, что законодатель не назвал четко цели наказания как принудительного средства уголовного закона. Поэтому, на наш взгляд, возможно изложить ч. 2 ст. 43 УК РФ в следующей редакции: «Наказание применяется в целях восстановления принципа социальной справедливости, исправления осужденных, предупреждения совершения новых преступлений осужденными и другими лицами». Такая формулировка закона будет способствовать более целенаправленному достижению специальной и общей превенции, а также снижению рецидива преступлений.

В настоящее время пожизненное лишение свободы установлено в виде альтернативы смертной казни (ч. 1 ст. 57 УК РФ). Однако имеются также иные правила неприменения пожизненного лишения свободы. Практика пожизненного лишения свободы обнаружила пробелы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Так, ч. 5 ст. 79 УК РФ определяет перспективы освобождения лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, если судом будет признано, что они не нуждаются в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыли не менее 25 лет лишения свободы. Кроме того, в ст. 176 УИК РФ установлены еще более строгие особенности представления осужденных, пожизненно лишенных свободы, к условно-досрочному освобождению. Это существенно затрудняет исполнение наказания в отношении рассматриваемой категории лиц и расходится с деятельностью персонала учреждений большинства государств, применяющих пожизненное заключение.

Сказанное позволяет ввести ч. 4 в ст. 321 УК РФ, предусматривающую назначение пожизненного лишения свободы за убийство при отягчающих обстоятельствах или действиях, дезорганизующих нормальную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, совершенных лицом, осужденным при особо опасном рецидиве преступлений.

Наряду с этим вполне правомерно дополнить ст. 126 и 127 УИК РФ предписаниями о том, что в исправительных колониях особого режима отбывают наказание мужчины, осужденные за особо опасный рецидив преступлений, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы, а также возможность применения к ним повышенных мер изоляции и надзора.

По нашему мнению, реализация указанных предложений позволит совершенствовать правоприменительную практику данного вида наказания и вместо смертной казни шире использовать пожизненное лишение свободы для лиц, осужденных при особо опасном рецидиве преступлений.

На наш взгляд, в законодательном пересмотре нуждается вопрос о максимальных пределах наказания в виде лишения свободы. Его решение находится в рамках соотношения задач общей и специальной профилактики общественно опасных деяний. Вместе с тем ст. 56 УК РФ предусматрива-

ет еще более длительные (до 25–30 лет) сроки лишения свободы по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Полагаем, что это правило назначения наказания нельзя не назвать спорным, так как оно может способствовать совершению самых тяжких преступлений в исправительных учреждениях, а также после освобождения осужденных из колоний и тюрем.

Таким образом, в УК РФ понятие уголовной ответственности наполнено разным смыслом. В нем не устранены противоречия в определении социально-правовой сущности уголовной ответственности. На наш взгляд, предложенный перечень видов наказания в УК РФ следует сократить, оставив в нем лишь апробированные отечественной и мировой практикой. Сказанное о недостатках уголовного закона во многом относится и к УИК РФ.

В условиях объединения управлений учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности (так называемые лесные исправительные колонии) с территориальными управлениями в регионах актуальной остается проблема трудоустройства многих осужденных. В соответствии с ч. 2 ст. 96 УИК РФ не допускаются передвижения без конвоя или сопровождения за пределами колонии субъектов особо опасного рецидива, иных категорий лишенных свободы. Это предписание не дает возможности осужденным при особо опасном рецидиве преступлений реализовать свои права и обязанности в полном объеме. С нашей точки зрения, резервы принципа гуманизма, трудоустройства осужденных, совершенствования правового регулирования условий отбывания наказания далеко не исчерпаны.

Вышеизложенное позволит внести в ст. 96 УИК РФ норму, разрешающую передвижение без конвоя за пределами лесных колоний строгого режима лицам, отбывающим лишение свободы и осужденным к этому виду наказания при особо опасном рецидиве преступлений, отбывшим 2/3 срока наказания.

Реализация данного предложения будет стимулировать осужденных к исправлению и соблюдению принципа социальной справедливости при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы.

Кроме того, использование труда осужденных за пределами исправительных учреждений решает проблему трудовой занятости 18 % осужденных.

Возрастание требований по борьбе с преступностью обязывает персонал уголовно-исполнительной системы повышать уровень воспитательной работы и совершенствовать ее применение. Воспитательная работа является одним из основных средств исправления осужденных. Однако в названии главы 15 УИК РФ термин «воспитательная работа» отсутствует. Вместо указанного термина введено название «воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы». Наряду с этим в законе сформулированы задачи воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, ее основные формы и методы (ст. 109, 110 УИК РФ).

По нашему мнению, название главы действующего законодательства не ориентирует персонал колоний и тюрем на организацию и проведение воспитательной работы с осужденными. В исправительных учреждениях сложилась практика проведения воспитательной работы с осужденными, которая учитывается при определении степени исправления лишенных свободы, применении к ним мер поощрения и взыскания. Сказанное позволяет нам внести предложение об изменении названия главы 15 УИК РФ. На наш взгляд, название «Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы» будет более совершенной правовой основой для проведения воспитательных мероприятий с осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ в основном учитывает формирование новых социально-экономических, других отношений, связанных с созданием в стране новой государственности. При этом были исполь-

зованы правовые решения, выработанные законодательной практикой ряда стран.

Вместе с тем многие статьи (4, 8, 22, 55, 68, 69, 87, 110, 119, 122, 123) УИК РФ изложены без учета экономических проблем, возможностей для строительства и оборудования уголовно-исполнительной системы, отдельных рекомендаций международных стандартов обращения с осужденными. В связи с этим данный закон требует тщательной научной доработки и принятия определенных организационно-правовых мер во избежание сохранения в нем положений, не способствующих предупреждению преступности и борьбе с ней.

Совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, на наш взгляд, должно быть направлено на социальную переориентацию назначения и исполнения наказания, прежде всего в отношении лиц, ранее неоднократно судимых, с максимальным учетом международных актов о правах человека, принципов законности, гуманизма, справедливости, дифференциации и индивидуализации исправительного воздействия на осужденных.

Библиографический список

1. Стручков, Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части / Н. А. Стручков. – М., 1984.
2. Яковлева, Л. В. Новые законодательные возможности изменения условий содержания осужденных к лишению свободы и их реализация в практике ИТУ / Л. В. Яковлева // Совершенствование законодательства и практики учреждений, исполняющих наказания, на основе Конституции РФ. – М., 1995.

мость организации деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС) на основе принципов социальной справедливости, законности, гуманизма, уважения прав человека, предъявления более высоких требований к защите гражданских прав, законных интересов и безопасности персонала и осужденных.

В настоящее время функционирование учреждений и органов УИС связано с существующими трудностями в трудовой занятости осужденных, проведении с ними эффективной воспитательной работы, ресурсном обеспечении исправительных учреждений (ИУ), внедрении в практику деятельности

Е. Ю. Крышнев,

*заместитель начальника оперативного отдела
ФГУ Т-2 УФСИН России
по Владимирской области*

А. В. Кисляков,

*начальник организационно-научного отдела
научного центра ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

КРИМИНАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ПУТИ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Демократические преобразования в российском обществе обусловили необходи-

ИУ современных инженерных и технических средств охраны и надзора и т. д.

Вместе с тем эффективность выполнения служебных задач, поставленных перед ИУ, во многом зависит от профессионально квалифицированного персонала, материально-бытового и медико-санитарного обеспечения осужденных, производственного потенциала учреждений ФСИН России, уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной характеристики лиц, отбывающих лишение свободы, состояния и уровня пенитенциарной преступности и т. д. Особое место среди указанных факторов занимает криминальная активность группировок осужденных отрицательной направленности, осложняющая оперативную обстановку в ИУ и нередко направленная на совершение пенитенциарных преступлений насильственного и корыстно-насильственного характера.

Анализ основных показателей форм статистической отчетности ФСИН России показал, что в последнее время при условии удовлетворительного финансирования особо выделяется криминогенность той части осужденных, которые отрицательно зарекомендовали себя в период отбывания наказания. К их числу следует отнести «криминальных авторитетов», «воров в законе», «положенцев», «смотрящих», активных членов группировок осужденных отрицательной направленности. К указанной категории осужденных достаточно сложно применять предусмотренные ст. 9 УИК РФ основные средства исправления (режим, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие) и практически невозможно достичь основных целей уголовного наказания – исправление осужденного и предупреждение с его стороны новых преступлений (ст. 43 УК РФ).

Принимаемые в последние годы законодательные новеллы в области пенитенциарного права не в полной мере способствуют достижению главной цели реформенных преобразований в УИС – сокращение численности «тюремного» населения страны. Напротив, в динамично развивающемся российском обществе продолжает усугубляться ситуация, связанная с ростом общеуголовной преступности вообще и в условиях ИУ, в частности.

Так, согласно официальной статистической информации, за последние три года наблюдается положительная динамика роста преступлений, совершаемых осужденными в период отбывания наказания в виде лишения свободы. В 2007 г. (по отношению к 2005 г.) увеличилось количество преступлений: дезорганизация нормальной деятельности исправительных учреждений – на 33 %, совершение побегов – 23 %, причинение умышленного тяжкого вреда здоровью – 20 %. В 2006 г. было совершено 369 нападений на сотрудников УИС, последствием которых стало причинение вреда их жизни и здоровью¹.

Сравнительные данные о состоянии преступности в ИУ за первую половину 2007 г. по отношению к аналогичному периоду 2006 г. также свидетельствуют об увеличении совершения осужденными таких насильственных преступлений, как убийства (+37,5 %), причинение тяжких телесных повреждений (+57,1 %), побег из-под надзора (+67,6 %) и др.² Ряд противоправных деяний (в том числе групповых) вызвали негативный общественный резонанс и неоднозначную оценку со стороны органов государственной власти.

Изучение детерминирующих факторов совершения пенитенциарных преступлений свидетельствует о разнообразии причинного комплекса совершения указанных деяний, а также о специфике условий, способствующих реализации преступного умысла.

Примерно 73 % всех преступлений в местах лишения свободы совершаются вследствие «применения неформальных санкций за нарушение тюремных законов» (чаще всего эти санкции применялись за сотрудничество с администрацией ИУ). «Правила» тюремной субкультуры требуют того, чтобы об этом знали все осужденные и чтобы во многих случаях это происходило на их глазах³. Ранее в юри-

¹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2006 года): Информ.-аналит. сб. Тверь, 2007. С. 40.

² См.: там же. С. 43.

³ См., напр.: Сапунов В. В. Влияние тюремной субкультуры на криминогенную ситуацию в исправительных учреждениях // Ведомости УИС. 2002. № 3. С. 7; Филатов А. М. Противодействие неформальным нормам преступного мира – пенитенциарный аспект // Преступление и наказание. 2003. № 7. С. 11.

дической литературе аналогичные выводы были сделаны В. И. Быстрых¹.

Согласно проведенным С. В. Назаровым исследованиям, примерно 65 % пенитенциарных преступлений против жизни и здоровья людей совершаются при свидетелях с целью запугивания основной массы осужденных; в 86 % случаев преступления совершаются с использованием заточек, ножей, кастетов и иных, как правило, самодельных орудий².

Уровень латентности пенитенциарных преступлений также вызывает определенное беспокойство, поскольку «...многие акты криминального насилия со стороны осужденных остаются незафиксированными, например, по причине боязни потерпевших расправ с ними»³.

Кроме того, выборочное изучение уголовных дел, связанных с совершением преступлений против личности в ИУ, свидетельствует о возникновении конфликтов между осужденными именно в сфере личностно-бытовых отношений (61,1 %) ⁴.

Состояние дисциплины и дисциплинарной практики за 2006 г. подтверждает повышение уровня нарушений порядка отбывания наказания со стороны осужденных к лишению свободы. Кроме того, наблюдается положительная динамика злостных нарушений по всем видам учреждений: в следственных изоляторах – на 200,8 %; тюрьмах – 26,3 %; ИК – 8,9 %; ЛИУ – 7,3 %. Всего было выявлено более 19 тыс. злостных нарушений в 2005 г. и около 27 тыс. в 2006 г. ⁵

В ходе проведения в 2006 г. обысковых и досмотровых мероприятий в ИУ ФСИН России было изъято 9982 руб., 16462,8 л спиртных напитков, 36,72 кг наркотических ве-

ществ; 13934 единиц сотовых телефонов (наличие сотовой связи позволяет осужденным осуществлять криминальную деятельность не только в ИУ, но и за его пределами); 29734 единицы колюще-режущих предметов (из них около 54 % изымается на производственных участках) ⁶. Использование указанных предметов часто носит выраженный криминальный характер.

По мнению Н. П. Барабанова и А. Н. Журавлева, «изъятие у осужденных запрещенных к использованию в исправительном учреждении предметов, изделий и веществ, особенно спиртных напитков, наркотиков, денег, холодного и огнестрельного оружия свидетельствует о том, что каналы и источники их поступления и приобретения полностью не выявлены и не перекрыты. Наличие таких предметов, изделий и веществ способствует упрочению позиций групп отрицательной направленности, насаждению «воровских» традиций, образованию долговой зависимости осужденных, созданию конфликтов между ними, совершению преступлений, организации подкупов сотрудников с целью получения незаконных льгот или вовлечение в преступную деятельность» ⁷.

Приведенные показатели связаны с увеличением и ухудшением криминогенного состава осужденных к лишению свободы. В настоящее время почти каждый четвертый осужденный (23,1 %) отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой или грабеж; 46,3 % осужденных отбывают наказание во второй раз и более, что свидетельствует об их устойчивой криминальной мотивации и нежелании вести законопослушный образ жизни ⁸. Ю. И. Калинин отмечал, что в учреждениях ФСИН России содержится до 70 % осужденных с различными формами деструктивного поведения, в том числе больных алкоголизмом, наркоманией, страдающих психическими аномалиями и т. п.

¹ См.: Быстрых В. И. Правовые способы предупреждения отрицательного влияния малых групп осужденных в исправительных учреждениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 14–15.

² См.: Назаров С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Моногр. / Под ред. А. А. Магомедова. Владимир, 2002. С. 56–57.

³ Там же. С. 62.

⁴ См.: Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: Моногр. / Под общ. ред. Ю. И. Калинина; Владим. юрид. ин-т. Владимир, 2005. С. 163.

⁵ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2006 года). С. 40.

⁶ См.: там же. С. 41.

⁷ Барабанов Н. П., Журавлев А. Н. Теоретические и организационные основы анализа оперативной обстановки в исправительных учреждениях: Лекция. Рязань, 2006. С. 13.

⁸ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2006 года). С. 18–19.

Следует отметить, что в учреждениях ФСИН России уменьшается количество положительно характеризующихся осужденных (условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким, перевод в другое ИУ с более лояльным видом режима) за счет увеличения количества осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений, имеющих несколько судимостей, являющихся злостными нарушителями порядка отбывания наказания.

Это связано также с активизацией деятельности «когорты» осужденных, причисляющих себя к так называемым «порядочным арестантам». Микроклимат таких лиц содержит элементы криминальной субкультуры и требует самостоятельного рассмотрения.

Так, в 2007 г. нами было проведено экспресс-исследование (анкетирование 436 сотрудников ИУ различных видов режима в 12 субъектах РФ), направленное на выявление современных особенностей проявления субкультуры осужденных к лишению свободы, а также ее влияния в процессе отбывания наказания.

Анализ анкетных данных показал, что 89 % от общего числа респондентов указали на наличие в ИУ осужденных, причисляющих себя к так называемым «порядочным арестантам», 70 % подтвердили не только наличие в среде осужденных действующих канонов субкультуры, но и активность их проявления во взаимоотношениях между ними. В ответе на вопрос о помещениях на территории ИУ, в которых наиболее ярко выражены элементы субкультуры, 41 % респондентов указали на помещение отряда; 26 % – штрафные изоляторы, помещения камерного типа. Почти 67 % сотрудников отметили значительное омоложение состава осужденных отрицательной направленности.

Вызывают определенный интерес доминирующие факторы, формирующие мотивацию вновь прибывших осужденных к вступлению в группировку осужденных отрицательной направленности, существующую в ИУ. Так, 45 % сотрудников указали на то, что создание в криминальной группировке улучшенных материально-бытовых и медицинских условий служит основой для вступления в нее осужденных, прибывших в ИУ; 39 % отметили

возможность получения в группировке так называемого «запрета» (наркотики, алкоголь, холодное оружие, средства сотовой связи, доступ к коррумпированным сотрудникам ИУ и т. д.).

Большинство респондентов подтвердили факты совершения регулярных нарушений и злостных нарушений режима отбывания наказания осужденными отрицательной направленности.

На вопрос об основной задаче, стоящей перед лидером группировки отрицательной направленности, ответы распределились следующим образом: 49 % отметили создание максимальных удобств при отбывании наказания и облегчение доступа к материальным благам; по мнению 42 % респондентов, следует довести до минимума вмешательство персонала в жизнь осужденного; 9 % указали на возможность вступления в неслужебные связи с сотрудниками ИУ.

В механизме криминальной деятельности осужденных отрицательной направленности важное значение имеет деятельность групп осужденных, являющихся членами самостоятельных организаций (секция дисциплины и порядка, противопожарная, санитарная секции и т. д.), и их взаимоотношение с отрицательно характеризующимися осужденными.

Так, 46 % респондентов отметили, что осужденные отрицательной направленности используют положительно характеризующихся осужденных в своих криминальных целях; 36 % указали на враждебное отношение членов группировки к «активистам»; 15 % – безразличное отношение осужденных отрицательной направленности к членам самостоятельных организаций.

Вышеуказанные данные свидетельствуют о существенном влиянии субкультурных особенностей среды осужденных на практическую деятельность ИУ и построение системы активной криминальной деятельности осужденных отрицательной направленности.

Кроме того, насаждаемая лидером группировки и его ближайшим окружением субкультура часто выступает дестабилизирующим фактором во взаимоотношениях между осужденными и администрацией ИУ, различными категориями осужденных в период отбывания наказания, осужденными и их родственниками и т. д.

Вышеизложенное подчеркивает актуальность заявленной в публикации проблемы и свидетельствует о необходимости выработки организационно-правового и профилактического механизма противодействия криминальным проявлениям со стороны группировок осужденных отрицательной направленности.

Кроме того, дефицит квалифицированных сотрудников УИС, обеспечивающих процесс исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, недостаточное количество персонала основных структурных подразделений ИУ не могут способствовать эффективному обеспечению контроля за поведением лиц, содержащихся в учреждениях ФСИН России, и следовательно, осложняют оперативную обстановку в целом.

На наш взгляд, к правовым мерам профилактического характера, позволяющим не только снизить уровень криминогенной напряженности в ИУ, но и выполнить предупредительную функцию в отношении осужденных, намеревающихся совершить новое преступление, необходимо отнести следующие:

1. Дополнить УК РФ составами преступлений, предусматривающими, во-первых, ответственность за злостное неповиновение требованиям представителей администрации ИУ (ст. 188 УК РСФСР, прим. 3); во-вторых, за передачу запрещенных предметов лицу, заключенному под стражу или осужденному к лишению свободы (ст. 168 УК РСФСР).

2. Дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» п. «о», изложив его в следующей редакции:

«о) совершение умышленного преступления в период отбывания наказания».

3. Уточнить редакцию следующих норм УИК РФ:

С целью предупреждения влияния отрицательно характеризующихся осужденных на оперативную обстановку в ИУ и по месту их криминальной деятельности до осуждения закрепить в ч. 4 ст. 73 УИК РФ принцип направления указанной категории осужденных в исправительные учреждения различных субъектов РФ.

Необходимо дополнить содержание ст. 173 УИК РФ ч. 8, изложив ее в следующей редакции:

«В отношении осужденного, допускающего систематические злостные нарушения установленного порядка исполнения и от-

бывания наказания в виде лишения свободы, начальник исправительного учреждения (следственного изолятора) вправе направить в суд ходатайство о продлении срока отбывания наказания».

Кроме того, следует привести в соответствие с предложенной редакцией нормы УК РФ и УПК РФ.

Вместе с тем необходимо возобновить исполнение уголовного наказания в виде смертной казни в отношении лиц, признанных судом виновными в совершении особо тяжких преступлений против личности.

В заключение следует отметить точку зрения В. Н. Кудрявцева, который указывал, что «...какие бы материальные цели не ставил перед собой честный человек, средством для их достижения в конечном счете служит его трудовая деятельность; в отличие от преступника он избирает законные, правомерные средства. Именно выбор противоправных средств удовлетворения своих материальных потребностей и превращает юридически нейтральный проступок в преступление»¹.

Представленная мысль известного криминолога весьма точно может отражать свой смысл по отношению к осужденным, содержащимся в ИУ, поскольку во многом от того, каким образом организованы администрацией ИУ варианты выбора поведения осужденными (приобретения материальных ценностей), будет зависеть, реализуется преступный умысел совершения пенитенциарного преступления или правонарушения или нет, имеется ли реальная возможность у лиц отрицательной направленности влиять на оперативную обстановку в ИУ или нет.

Библиографический список

1. Барабанов, Н. П. Теоретические и организационные основы анализа оперативной обстановки в исправительных учреждениях : лекция / Н. П. Барабанов, А. Н. Журавлев. – Рязань, 2006.

2. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения : монография / под общ. ред. Ю. И. Калинина ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2005.

3. Федореев, П. Р. Отрицательно характеризующиеся осужденные в местах лишения свободы / П. Р. Федореев ; отв. ред. А. С. Михлин. – М., 2006.

¹ Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 266.

А. Г. Левицкая,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
Владимирского государственного
университета
кандидат философских наук

**ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ТРУД:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Конституционное право лиц, осужденных к лишению свободы, на труд как понятие, а также особенности осуществления этого права в правоприменительной практике РФ являются в современных условиях становления рыночной экономики наиболее сложными и противоречивыми, что делает их анализ особенно актуальным.

В тех странах, где в виде наказания за преступление может назначаться лишение свободы, сопряженное с каторжными работами, положение о запрете принудительного или обязательного труда не считается препятствием для выполнения данного вида работ по приговору суда, назначившего такое наказание.

Новый вариант Европейских пенитенциарных правил, который вступил в силу с 1 января 2006 г., ориентирует пенитенциарную систему на реализацию главной цели – подготовку осужденных к жизни на свободе. Основной составляющей наказания должен стать сам факт лишения свободы и связанные с ним некоторые ограничения. Однако труд, как и возможность получения новых профессий, является и сердцевинной, и стержневым фактором подготовки к жизни на свободе.

УИК РФ в ч. 1 ст. 1 называет исправление осужденных в числе приоритетных целей уголовно-исполнительного законодательства. При этом общественно полезный труд и профессиональная подготовка традиционно включены в перечень главных средств исправления осужденных (ч. 2. ст. 9 УИК РФ).

В течение длительного времени основными целями труда осужденных к лишению свободы считались цели экономические, воспитательные и оздоровительные. Однако на современном этапе все более актуальными становятся проблемы социализации личности осужденных, поскольку общество осознает, что решение именно

этих проблем в конечном итоге обеспечит исправление лиц, лишенных свободы¹.

Социальная ценность труда осужденных и его целей также возрастают сегодня, так как их содержание напрямую связано с вопросами реализации прав и законных интересов осужденных и их семей. Данный аспект выделяют и исследователи, считая, что труд осужденных к лишению свободы преследует воспитательные, экономические, социальные и оздоровительные цели².

Представляется справедливой позиция авторов, которые полагают, что роль труда как основа всего воспитательного процесса обуславливается, прежде всего, его исключительной универсальностью и многообразием воспитательных возможностей, которые могут быть использованы в работе исправительных учреждений³.

Вместе с тем актуальные ценнейшие воспитательные возможности трудовой деятельности сводились и сводятся на нет, минимизируются как ранее имевшими место погоней за планом, выполнением его любой ценой, так и отсутствием сегодня трудовых мест в исправительных учреждениях, отодвигая таким образом воспитательные цели труда на последний план и в целом дискредитируя гуманистические социально-нравственные идеи.

Ряд юристов (Н. А. Стручков, А. Е. Наташев) также полагают, что основными целями уголовного наказания являются исправление лиц, совершивших преступление, реабилитация их правового статуса, возвращение к достойной жизни, т. е. при определении целей наказания исходят из преобладания исправления в соответствии с принципом гуманизма⁴.

Особо следует подчеркнуть чрезвычайно актуальное на современном этапе важнейшее положение, высказанное учеными-пенитен-

¹ См.: Уголовно-исполнительная система – 125 лет. М., 2004. С. 259–260

² См.: Шамсунов С. Х. Теоретико-методологические основы организации труда и социализации личности осужденных к лишению свободы / Человек: преступление и наказание. 2005. № 3. С. 8.

³ См., напр.: Зубков А. И. Социально-правовые и организационные проблемы труда осужденных к лишению свободы: Учеб. пособие. Рязань, 1980. С. 8.

⁴ См.: Стручков Н. А., Наташев А. Е. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 136.

циаристами, что решающее влияние труда на формирование личности человека обусловлено не самим фактором затраты в трудовом процессе той или иной энергии, а характером связей человека в процессе труда и через труд – с другими людьми. Именно эта сторона трудовой деятельности определяет способность последней оказывать влияние на нравственное состояние личности, что особенно важно, так как воспитание осужденного – это, прежде всего, нравственное воспитание. Личность может исправиться, если внешние воздействия при известном положительном отношении к ней превращаются во внутренние свойства, становятся личностным состоянием человека¹.

Необходимо также отметить, что безделье осужденных к лишению свободы может выступить значительным дестабилизирующим фактором деятельности уголовно-исполнительной системы. И, наоборот, активное участие в трудовой деятельности способно помочь осужденным справиться с кризисными психическими состояниями, легче переносить ожидание освобождения.

Приоритетность социальных целей труда осужденных является одной из важнейших фундаментальных предпосылок ресоциализации лиц, лишенных свободы, адаптации к жизни в обществе после их освобождения и реализации их субъективных прав и законных интересов.

Таким образом, в современных условиях на первый план выдвигаются социальные цели труда осужденных к лишению свободы (что отнюдь не умаляет целей воспитательных, экономических и оздоровительных)². Безусловно, это будет способствовать осуществлению конечной цели реформирования уголовно-исполнительной системы – совершенствование деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, а также реализации Концепции Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)»³.

Как было отмечено выше, труд осужденных в условиях исправительных учреждений России признается одним из основных средств их исправления. В ст. 103–107 УИК РФ содержатся требования, предъявляемые к организации и оплате труда лиц,

лишенных свободы, соответствующие международным стандартам.

По мнению Т. Н. Минязовой, анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что трудовые отношения осужденных в отличие от свободных граждан вытекают не из гарантированного Конституцией РФ права на труд, а из установленной УИК РФ обязанности трудиться⁴. И в этом смысле осужденные по закону защищены от безработицы. Однако в действительности значительная доля лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в силу объективных причин лишена возможности работать.

Кроме того, в ч. 2 ст. 10 УИК РФ закреплено, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ. Одним из таких ограничений является то, что осужденные не могут по своему усмотрению избрать место и род деятельности. Данное обстоятельство обусловлено их обязанностью находиться в пределах исправительного учреждения. При привлечении осужденных к труду на предприятиях уголовно-исполнительной системы возникающие в этой связи общественные отношения могут иметь место только между ними самими и администрацией исправительного учреждения⁵.

Справедливой представляется позиция А. И. Зубкова, согласно которой возможности исправительных учреждений, выраженные в ограниченности профиля производственной базы, часто не совпадают с видами труда и трудовыми операциями, соответствующими субъективным устремлениям самих осужденных, что делает невозможным применение для них полной свободы трудового договора⁶. Однако, несмотря на столь значительное ограничение, право лиц рассматриваемой категории на выбор рода деятельности и профессии все

⁴ См.: Минязова Т. Н. Правовое положение осужденных в РФ. М., 2003. С. 134.

⁵ См.: Ивахин Д. И. Правовое положение осужденных к лишению свободы в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2003. С. 98.

⁶ См.: Зубков А. И. Социально-правовые, экономические и воспитательные проблемы труда осужденных в условиях развития рыночных отношений // Проблемы труда осужденных в условиях становления рыночной экономики: Материалы науч.-практ. семинара. Домодедово, 1996. С. 26.

¹ См.: Шамсунов С. Х. Указ. соч. С. 9.

² См.: там же.

³ См.: СЗ РФ. 2006. № 25. Ст. 2748.

же обеспечено целым рядом мер, в частности: созданием в системе исправительных учреждений новых собственных предприятий, возможностью применения труда осужденных на предприятиях других министерств и ведомств (естественно, находящихся на территории исправительного учреждения либо в непосредственной близости от него), а также бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям.

Таким образом, налицо противоречие: у лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, свобода труда сочетается с обязанностью трудиться. В связи с этим проблема принципа обязательности труда для осужденных к лишению свободы в научных публикациях современных авторов является одной из самых остро дискуссионных.

По нашему мнению, *осужденные прямо ограничены в праве на труд*: во-первых, законодательством; во-вторых, возможностями соответствующего учреждения; в-третьих, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, устанавливающими перечень работ, на которых запрещено использовать труд осужденных. Кроме того, им не разрешается проводить забастовки; запрещено прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов (ч. 4, 6 ст. 103 УИК РФ).

Согласно п. 6 ст. 103 УИК РФ отказ от работы или прекращение работы являются злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания и могут повлечь применение мер взыскания и материальную ответственность. Таким образом, отказ от работы и прекращение работы официально возведены законодателем в ранг злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания. В ч. 1 ст. 116 УИК РФ уточнено, что только без уважительных причин отказ от работы или прекращение работы считаются злостным нарушением осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания.

Однако перечня уважительных причин для отказа от работы или прекращения работы в документах не содержится. Не находим мы его и в постатейном комментарии к УИК РФ, в котором лишь отмечено, что «любой отказ осужденного к лишению свободы от работы без уважительной причины (не только в связи с участием в забастовке)

признается злостным нарушением им установленного порядка отбывания наказания»¹. Отсюда представляется целесообразным указать в соответствующих нормативно-правовых актах исчерпывающий перечень уважительных причин.

Как известно, в условиях рынка в России сложилась катастрофическая ситуация с трудоустройством осужденных. Можно утверждать, что она является одной из основных проблем в местах лишения свободы. В связи с этим, выступая на Коллегии Министерства юстиции в марте 2006 г., Президент РФ В. В. Путин отметил, что наиболее актуальная тема в сфере улучшения условий содержания осужденных – организация производства в исправительных учреждениях. Сейчас лишь треть заключенных задействованы в производственных процессах². Ранее министр юстиции Ю. Чайка констатировал, что многие осужденные предавались вынужденному безделью, поскольку администрация не могла предоставить им рабочие места³.

Н. Н. Дерюга и А. Я. Петров замечают по данному поводу: «Как оценивать фактор добросовестного труда в качестве стимула для перевода осужденного на облегченный режим (ст. 124 УИК РФ), если большая часть осужденных не работает? Или ч. 1 ст. 127 УИК РФ, в которой предусмотрено, что труд осужденных организуется с учетом требований содержания осужденных в камерах»⁴.

Таким образом, очевидное стремление законодателя в сохранении принципа обязательности труда осужденных в местах лишения свободы в непростой экономической ситуации вызывает удивление. Кроме того, сегодня мировое сообщество все более признает принцип добровольности труда (в том числе и в местах лишения свободы) всеобщим и приоритетным.

¹ Постатейный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (по сост. на 1 сент. 2007 г.) / Под ред. Ю. И. Калинина. М., 2007. С. 434.

² См.: Рос. газ. 2006. 18 марта.

³ См.: Чайка Ю. Уголовно-исполнительная система России становится открытой // Рос. юстиция. 2003. № 10. С. 2.

⁴ См.: Дерюга Н. Н., Петров А. Я. Принцип обязательного труда для осужденных и его развитие в Уголовно-исполнительном кодексе России // Государство и право. 1998. № 4. С. 81–84.

Декларативное провозглашение принципа обязательности труда при фактической невозможности его реализации ставит администрацию пенитенциарных учреждений в достаточно сложное положение. По мнению Н. Н. Дерюги и А. Я. Петрова, по сути, идет дискредитация Закона. Получается, что администрация сама нарушает Закон, не выполняя предписаний ч. 1 ст. 103 УИК РФ, согласно которым она обязана привлекать осужденных к общественно полезному труду¹.

Отсюда вывод ученых: надо отказаться от принципа обязательности труда и заменить его принципом добровольности труда в условиях изоляции. Как показывают неоднократные социологические исследования (в том числе проведенные Н. Н. Дерюгой в колониях Дальневосточного региона) и фактическая обстановка на местах, это не отразится на трудоустройстве осужденных, так как большинство из них, независимо от провозглашаемых принципов, испытывают желание трудиться и требуют от администрации предоставления работ. Например, в 1996 г. в исправительных учреждениях Хабаровского края зафиксировано всего четыре «отказчика» от работы².

Следовательно, в целях исключения коллизии между УИК РФ и Конституцией РФ по запросу должностных лиц или органов, указанных в ст. 125 Конституции РФ, Конституционному Суду РФ следовало бы внимательнейшим образом проанализировать этот вопрос и привести УИК РФ в соответствие с Основным законом.

Осужденные вправе требовать работу, подчеркивают юристы³, а внимание государства в сложившейся ситуации должно быть обращено на улучшение трудового использования лиц, лишенных свободы, поиск новых форм их привлечения к труду. Так, например, согласно ч. 1 ст. 103 УИК РФ осужденные к лишению свободы могут привлекаться к труду не только на предприятиях исправительных учреждений и других государственных предприятий, но и на предприятиях иных форм собственности, при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных.

Кроме того, осужденные вправе заниматься индивидуальной трудовой деятель-

ностью. В определенной мере они могут реализовать и конституционное право на свободное использование своих способностей для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ). В этом проявляется влияние новых социально-экономических реалий, утвердившихся в нашей стране за последнее десятилетие. Однако, как было отмечено выше, далеко не всегда можно учитывать желание осужденных заниматься тем или иным видом деятельности, получать желаемую профессию, а значит, нуждается в дальнейшем совершенствовании процесс организации труда в исправительных учреждениях.

Следует отметить, что речь идет не о любом труде осужденного как средстве занять его чем-либо во избежание разлагающего физического бездействия, а о труде созидающем, производительном, полезном как для общества, так и для самого осужденного. Отсутствие у осужденных работы порождает дополнительные социальные проблемы не только для него, но и для его семьи, близких.

Как правило, труд осужденных принципиально отличается от той деятельности, которой он занимался на свободе, а многие лица вообще не приучены работать. Кроме того, любой труд, осуществляемый в местах лишения свободы, является принудительным, т. е. по приговору суда, и обусловлен местом дислокации исправительного учреждения. Поэтому следует согласиться с мнением Т. Н. Миняевой, что такой труд вызывает внутреннюю сопротивляемость у осужденных⁴.

К числу прав осужденных к лишению свободы в области труда также относится и право на ежегодный оплачиваемый отпуск. В соответствии с ч. 4, 5 ст. 104 УИК РФ его продолжительность варьируется от 12 до 24 дней в зависимости от социально-правовых характеристик личности осужденного (женщина, мужчина старше 60 лет и др.). Такой отпуск может предоставляться осужденным с выездом либо без выезда за пределы исправительного учреждения. Однако на практике реализация данного права связана со значительными трудностями. Это обусловлено, по нашему мнению, существующими пробелами в правовой базе и нарушениями, допус-

¹ См.: Дерюга Н. Н., Петров А. Я. Указ. соч.

² См.: там же

³ См., напр.: Миняева Т. Н. Указ. соч. С. 137.

⁴ См.: там же. С. 138.

каемыми администрацией исправительных учреждений в предоставлении осужденным права на оплачиваемый отпуск. Полагаем, для урегулирования данного вопроса необходимо подготовить специальный подзаконный нормативно-правовой акт¹.

Еще одной, не менее острой, проблемой является оплата труда осужденных к лишению свободы.

На протяжении всего периода существования пенитенциарной системы в России заработок осужденных оставался стабильно низким и не мог стимулировать к эффективному труду.

В ч. 1. ст. 105 УИК РФ закреплено, что осужденные к лишению свободы имеют право на оплату труда в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде.

Размер оплаты труда осужденных, отработавших полностью определенную на месяц норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда, а при неполном рабочем дне или неполной рабочей неделе (что в настоящее время является нормой в местах лишения свободы) оплата производится пропорционально отработанному осужденным времени или в зависимости от выработки.

Однако, как отмечают Н. Н. Дерюга и А. Я. Петров, внешне гуманная по содержанию норма по оплате труда осужденных, приравнивающая их по формальным критериям к свободным гражданам, фактически дискредитируется условиями и основаниями удержаний из их заработной платы и иных доходов². Так, согласно ст. 99, 107 УИК РФ из заработной платы, пенсий или иных доходов осужденных к лишению свободы удерживаются: алименты, подоходный налог, отчисления в Пенсионный фонд Российской Федерации, иные обязательные платежи, стоимость питания, одежды и коммунально-бытовых услуг (кроме стоимости специального питания и специальной одежды). Удержания по исполнительным листам или другим исполнительным документам производятся из оставшейся суммы в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом РФ.

По мнению указанных авторов, приведенный перечень удержаний свидетельствует об очевидной несостоятельности и абсурдности приведенного выше положения ст. 105 УИК РФ. Согласно указанному перечню всякая заработная плата осужденного неизменно будет сведена к минимуму, если действовать механизм удержаний в полном объеме. Единственный «островок безопасности» заложен в ч. 3 ст. 107 УИК РФ, в соответствии с которой в исправительных учреждениях на лицевой счет осужденных зачисляется независимо от всех удержаний не менее 25 % начисленных им заработной платы, пенсии и иных доходов, а на лицевой счет осужденных мужчин старше 60 лет, осужденных женщин старше 55 лет, осужденных, являющихся инвалидами первой и второй групп, несовершеннолетних осужденных, осужденных беременных женщин, осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка исправительного учреждения, – не менее 50 % начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов.

Практика показывает, что заработок осужденных часто не покрывает даже расходов на питание. Администрация мест лишения свободы вынуждена изыскивать денежные средства на эти и другие нужды, не получая необходимых сметных ассигнований на указанные цели. В этой связи странным кажется введение нового вида удержаний для осужденных: возмещение коммунально-бытовых услуг. Причем расходы на питание, одежду и коммунально-бытовые услуги удерживаются ежемесячно в пределах фактических затрат, произведенных в данном месяце. Очевидно, что попытка реанимировать (хотя бы частично) самоокупаемость мест заключения обречена на провал. Более того, она не отражает общей стратегии реформирования уголовно-исполнительной системы, направленной на движение в сторону тюремной организации отбывания наказаний, характерной для развития цивилизованных стран. И с точки зрения социальной справедливости идея возмещения физических затрат за счет осужденного выглядит дефектной.

Таким образом, отсутствие материальных и духовно-нравственных предпосылок для реализации указанных положений УИК РФ ведет не только к его декларативности, но и дискредитации в этой части и не может служить стимулом для исправления осужденных.

¹ См.: *Ивашин Д. И.* Указ. соч. С. 107

² См.: *Дерюга Н. Н., Петров А. Я.* Указ. соч. С. 83–84.

Следовательно, необходимо отказаться от попытки декларативного реагирования на требования международных норм по правам человека и гражданина в области пенитенциарной политики. Фактические обстоятельства объективного характера требуют постепенного перехода на государственное (муниципальное) финансирование расходов на содержание исправительных учреждений. В перспективе надлежащее трудоустройство осужденных и вознаграждение за их труд должно быть симулирующим фактором, влияющим на их творческий потенциал и способствующим успешной адаптации на свободе после освобождения¹.

Вместе с тем экономисты подчеркивают, что улучшение содержания осужденных и обеспечение их социальной защищенности должны стать производными от роста их собственной трудовой активности, наличия мотивов и стимулов к труду, прямой заинтересованности в конечных результатах не только индивидуального, но и коллективного труда всего производственного объединения (цеха, бригады, отряда)².

Именно поэтому при рыночных условиях необходимо в полном объеме реализовать принцип экономического стимулирования, в том числе совершенствовать механизм оплаты труда осужденных, повышая роль и значение их заработной платы, что, в свою очередь, может выступать эффективным стимулом для развития производства в системе исполнения наказаний и одним из важнейших резервов как совершенствования экономики, так и включения социально-нравственных стимулов ресоциализации осужденных.

Следует отметить, что на момент вступления в силу УИК РФ (1 июля 1997 г.) происходящая в стране экономическая реформа коренным образом изменила отношения собственности и привела к значительным переменам в организации заработной платы работников предприятий. По сути, единство тарифных ставок и должностных окладов (а значит, и расценок) работников производственных отраслей экономики страны, характерное для советских времен, перестало су-

ществовать с начала 90-х гг. прошлого века. В настоящее время весь комплекс вопросов, связанных с оплатой труда, определением численности персонала, организаций и нормированием труда большинство хозяйственных субъектов решают самостоятельно. Прямое государственное регулирование ограничилось лишь установлением минимального размера оплаты труда и определением ставок заработной платы работникам бюджетной сферы. Таким образом, о численных значениях «норм и расценок, которые устанавливались бы законодательством о труде», речь давно не идет, как указывают экономисты³.

Изложенное, по их мнению, справедливо и по отношению к производственным подразделениям уголовно-исполнительной системы. Чтобы добиться эффективности их деятельности, следует повысить качество нормирования труда работающих осужденных. В противном случае нормы, действующие на производстве исправительных учреждений, по-прежнему не будут иметь ни нравственно-психологического, ни воспитательного, ни экономического значений, а лишь служить инструментом регулирования сдельной зарплаты осужденных, «подгоняющим» размер последней под заранее установленную величину.

Кроме того, наряду с оплачиваемой работой администрация мест лишения свободы обязана привлекать осужденных к работам без оплаты труда в соответствии с требованиями ст. 106 УИК РФ. Обязательность привлечения осужденных к таким работам зависит от решения администрации исправительного учреждения и ряда условий, таких как соблюдение очередности, в свободное от работы время, не более двух часов в неделю. Вместе с тем, как справедливо отмечает В. В. Круглов, нормами уголовно-исполнительного законодательства не определены юридические последствия исполнения обязанности осужденных трудиться без оплаты труда, т. е. отсутствуют законодательно закрепленные стимулы, поощряющие участие осужденных в работах без оплаты труда, и только невыполнение этой обязанности может повлечь для осужденного применение мер дисциплинарного взыскания. В связи с этим В. В. Круглов предлагает расширить

¹ См.: Дерюга Н. Н., Петров А. Я. Указ. соч.

² См.: Погудин О. А. О необходимости реформирования механизма заработной платы осужденных к лишению свободы // Теоретические и практические проблемы исполнения уголовных наказаний: Сб. науч. ст. Рязань, 2004. С. 110.

³ См.: там же. С. 113.

совокупность мер, поощряющих участие осужденных в работах без оплаты труда (строительство часовен, храмов, участие в сельскохозяйственных работах по производству продуктов питания для исправительных учреждений и т. п.)¹.

Таким образом, исследование проблем права осужденных на труд позволяет сделать некоторые выводы. Предыдущая Федеральная целевая программа «Реформирование уголовно-исполнительной системы на 2002–2006 годы» унаследовала прежнюю идеологию всеобщей трудовой занятости осужденных к лишению свободы. В связи с этим справедлива, на наш взгляд, позиция профессора А. И. Зубкова, который полагает, что необходимо более активно влиять на изменение законодательной базы, создать четко продуманную и поступательную программу законодательных инициатив на перспективу: коренным образом пересмотреть статьи УИК РФ, регламентирующие порядок привлечения осужденных к труду, определить статус службы социальных работников².

Важной стратегической задачей является реформирование производственного сектора уголовно-исполнительной системы. В соответствии с Концепцией Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» его потенциал будет переориентирован на получение осужденными профессий, необходимых в конкретном регионе.

Меняются цели привлечения осужденных к труду. Унаследованная от прошлого система исполнения наказаний строилась прежде всего на индустриализации системы как придатка промышленности страны, смещались цели в задачах пенитенциарной системы – из тюрем делали заводы. Сейчас главная цель привлечения осужденных к труду – помочь человеку адаптироваться в обществе после освобождения, привить ему жизненно важные навыки³.

¹ См.: Круглов В. В. Генезис правового статуса осужденных к лишению свободы в Российском государстве (1917–1997 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 148–151.

² См.: Материалы международной научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития» // Преступление и наказание. 2005. № 8. С. 8.

³ См.: Чайка Ю. Указ. соч. С. 3.

Средством достижения указанной цели, о чем неоднократно заявляло руководство Федеральной службы исполнения наказаний, должны служить центры трудовой адаптации осужденных и производственные мастерские. При этом сохраняет свою силу установка на комплексное решение проблем производственного сектора уголовно-исполнительной системы, привлечение к труду максимально большого числа осужденных⁴.

Отсюда в число приоритетных задач организации труда осужденных входит решение правовых и организационных вопросов переориентации производственного труда в труд адаптационный (учебный, реабилитационный). Благоприятным условием для этого стало списание в 2005 г. задолженности, возникшей в 1993–2001 гг. в результате недофинансирования уголовно-исполнительной системы из федерального бюджета, с предприятий исправительных учреждений по платежам в федеральный бюджет и государственные социальные внебюджетные фонды⁵.

Достаточно закономерными в свете требований международных стандартов в сфере социальной реабилитации осужденных к лишению свободы представляются предложения ученых-пенитенциаристов и практиков уголовно-исполнительной системы о разработке на основе имеющейся отечественной законодательной базы Концепции организации и совершенствования правового регулирования труда указанной категории осужденных⁶.

Кроме того, преодолению кризиса и последующей стабилизации производственных отношений в уголовно-исполнительной системе будут способствовать дальнейшее улучшение ее финансово-экономического обеспечения на федеральном и региональном уровнях, изменении статуса и

⁴ См.: Материалы международной научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития». С. 7.

⁵ См.: Об урегулировании задолженности по обязательным платежам федеральных государственных унитарных предприятий, учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, а также начисленных на нее пеней: Постановление Правительства РФ от 7 нояб. 2005 г. № 660 // СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4676.

⁶ См.: Шамсунов С. Х. Современные проблемы организации труда и социальной реабилитации осужденных с учетом требований международных стандартов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 5. С. 3.

организационно-правовой формы подведомственных предприятий уголовно-исполнительной системы, использование их собственных предпринимательских возможностей для создания новых рабочих мест и обеспечения занятости осужденных.

Библиографический список

1. Дерюга, Н. Н. Принцип обязательности труда для осужденных и его развитие в

Уголовно-исполнительном кодексе России / Н. Н. Дерюга, А. Я. Петров // Государство и право. – 1998. – № 4.

2. Миняева, Т. Н. Правовое положение осужденных в РФ / Т. Н. Миняева. – М., 2003.

3. Шамсунов, С. Х. Теоретико-методологические основы организации труда и социализации личности осужденных к лишению свободы / С. Х. Шамсунов // Человек: преступление и наказание. – 2005. – № 3.

Р. В. Новиков,

адъюнкт

*Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Уголовная политика представляет собой «совокупность целей, направлений, норм, методов и принципов деятельности государства, специфическим институтом которого является система уголовной юстиции в области уголовно-правовой защиты общественных отношений»¹.

В течение продолжительного времени уголовная политика нашего государства основывалась на приоритете карательных элементов в сфере применения наказаний и соответственно предусматривала широкое использование наказаний, связанных с лишением свободы, как основного средства борьбы с преступностью.

Однако в настоящий момент на фоне общего вектора развития Российского государства, направленного на вступление Российской Федерации в мировое и европейское сообщество, активно происходят процессы реформирования системы уголовных наказаний, как в сфере законодательного регулирования, так и в области их практического применения. Это выражается, прежде всего, в гуманизации существующих видов наказаний, приведении их в

соответствие с требованиями международных стандартов.

Своеобразным индикатором, так называемой лакмусовой бумажкой, эффективности системы наказаний и ее ориентированности на соблюдение общепризнанных в мировом сообществе стандартов назначения и применения наказаний, по нашему мнению, является политика государства в сфере применения норм уголовной репрессии к несовершеннолетним, совершающим преступления, как наиболее уязвимой категории лиц.

Необходимо признать, что в данной сфере российская уголовно-правовая политика по многим параметрам занимает передовые позиции.

Так, российское уголовное законодательство предусматривает целый комплекс уголовно-правовых ограничений, связанных с применением к несовершеннолетним различных видов наказаний. К ним мы можем отнести нормы, устанавливающие общие начала назначения и применения наказания к несовершеннолетним (ст. 18, 20, 61 (п. «б» ч. 1), 87 УК РФ), а также положения ст. 88 УК РФ, непосредственно касающиеся применения того или иного вида наказаний к несовершеннолетним.

В соответствии с уголовным законодательством к несовершеннолетним не применяются отдельные виды наказаний, такие как смертная казнь и пожизненное лишение свободы (ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 УК РФ). Кроме того, по отношению к ним предусмотрены определенные льготы при освобождении от уголовной ответственности и наказания, снятии с них судимости (ст. 90, 95 УК РФ), а также при применении условно-досрочного освобождения (ст. 93 УК РФ).

Таким образом, нормы отечественного законодательства во многом способствуют реализации требований международных

¹ Перминов О. Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 2. С. 247.

нормативных правовых актов в данной сфере применения уголовного закона, в частности, положений ст. 17, п. 17.2; 18; 19 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»)¹.

В то же время необходимо отметить, что многие положения закона на практике встречают определенные трудности при их непосредственной реализации.

Особую сложность в современных условиях представляют назначение и применение к несовершеннолетним наказаний, не связанных с изоляцией от общества. С одной стороны, УК РФ предусматривает достаточно широкий спектр наказаний, альтернативных лишению свободы, которые могут быть применены к несовершеннолетним: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, исправительные и обязательные работы. С другой стороны, следует признать, что законодательная конструкция норм уголовного закона, регулирующих данные виды наказания, рассчитана в большей степени на общую массу лиц, совершающих преступления. Следовательно, в большинстве случаев не отражает специфики такой категории преступников, как несовершеннолетние. Отсюда следует, во-первых, отсутствие фактической возможности применения некоторых видов альтернативных наказаний к несовершеннолетним; во-вторых, возможность применения большинства альтернативных наказаний к несовершеннолетним только в ограниченном количестве случаев.

В качестве примера приведем некоторые официальные данные Судебного департамента Пермского края. Так, за 2004–2005 гг. из общего числа несовершеннолетних осужденных (3988 – в 2004 г., 3808 – в 2005 г.) наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью ни разу не было применено в отношении несовершеннолетних. Назначение наказания в виде штрафа имело тенденцию к снижению: 355 – в 2005 г. против 477 – в 2004 г. Наказание в виде исправительных работ назначалось только в 40 случаях. Обязательные работы в 2005 г. были назначены 130 раз.

В этой связи особую актуальность приобретает международное сотрудничество по обмену опытом в сфере назначения и применения наказаний к несовершеннолетним между Россией и наиболее развитыми странами Западной Европы. В частности, исходя из опыта некоторых зарубежных стран, ряд отечественных ученых предлагает в рамках решения проблем назначения наказаний несовершеннолетним создать специальную систему ювенальных судов². Заслуживают внимания предложения по совершенствованию действующей системы наказаний за счет внедрения технических средств контроля за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, так называемых электронных браслетов, которые достаточно широко используются в странах Западной Европы.

Однако, по нашему мнению, этого недостаточно. Необходимо также принять меры к детальной разработке и законодательному закреплению механизма реализации существующих мер наказания, которые бы в полной мере учитывали возрастные и иные особенности личности несовершеннолетнего и связанную с ними фактическую возможность отбывания им того или иного вида наказания.

Наше мнение подтверждают и результаты опроса, проводившегося среди сотрудников прокуратуры по надзору за соблюдением законов при исполнении наказаний по Пермскому краю. Большинство сотрудников отметили следующее:

1) действующая система наказаний, применяющихся к несовершеннолетним, неэффективна;

2) применение таких наказаний, как: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью и исправительные работы – к несовершеннолетним нецелесообразно.

В то же время некоторые сотрудники высказывают мнение, что к несовершеннолетним целесообразно было бы применять такой вид наказания, как ограничение свободы.

Полагаем, что это предложение в достаточной мере обоснованно при условии внесения некоторых изменений в порядок и ус-

¹ См.: Рос. юстиция. 1991. № 12–14.

² См.: Бакаев А. А., Лелеков В. А., Остапенко Н. И. О мерах по совершенствованию правового обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних // Рос. следователь. 2003. № 5.

ловия его отбывания, касающихся непосредственно объема ограничений прав и свобод осужденного. Так, с 2006 г. на рассмотрении в Комитете по законодательству Государственной Думы находится законопроект «О введении в действие положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ о наказании в виде ограничения свободы и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации».

В данном законопроекте предусмотрены, во-первых, содержание осужденного не в исправительных центрах, а дома с введением определенных ограничений (например, запрет посещения определенных мест и т. п.); во-вторых, использование электронных и иных технических средств наблюдения для предупреждения преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказаний и получения необходимой информации о местонахождении осужденных. На наш взгляд, в такой форме наказание в виде ограничения свободы может в полной мере быть применено не только к взрослым преступникам, но и к несовершеннолетним.

А. В. Сенатов,
*преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

**ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕДАЧИ
ЛИБО ПОПЫТКИ ПЕРЕДАЧИ ЗАПРЕЩЕННЫХ
ПРЕДМЕТОВ ЛИЦАМ, СОДЕРЖАЩИМСЯ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Криминогенная обстановка в исправительных учреждениях (далее: ИУ) уголовно-исполнительной системы России в последние годы характеризуется ростом числа преступлений и количества осужденных. Кроме того, повышается активность лидеров преступной среды, которым нередко удается успешно насаждать преступную идеологию в среде осужденных.

Как свидетельствуют статистические данные, в первом полугодии 2007 г. в исправительных колониях (далее: ИК) зарегистрировано 579 преступлений, что на 9,2 % больше по сравнению с аналогичным периодом про-

Таким образом, в современных условиях одним из наиболее приоритетных направлений уголовной политики, на наш взгляд, должно стать совершенствование норм уголовного закона, регламентирующих назначение и применение наказаний к несовершеннолетним, совершающим преступления, как отдельной категории лиц. Это особенно важно потому, что от того, насколько эффективна уголовная политика в отношении данной категории лиц сегодня, во многом зависит уровень преступности в России в недалеком будущем.

Библиографический список

1. Бакаев, А. А. О мерах по совершенствованию правового обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних / А. А. Бакаев, В. А. Лелеков, Н. И. Остапенко // Рос. следователь. – 2003. – № 5.
2. Перминов, О. Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики / О. Г. Перминов / «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 2.

шлого года¹. Нередко при совершении преступлений осужденные используют в качестве орудий самодельные колюще-режущие предметы, конструктивно схожие с холодным оружием, которые являются запрещенными предметами. Также к запрещенным предметам, способствующим совершению преступлений, относятся алкогольные напитки, наркотические средства, мобильные телефоны. С помощью последних, например, осужденные нередко корректируют действия граждан, находящихся за пределами ИУ, по передаче или перебросу через основное ограждение учреждений наркотических средств. Так, в 2006 г. было изъято: спиртных напитков промышленного производства при доставке на территорию ИУ 15503 единицы; наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов при доставке на территорию ИУ 35968,43 г; сотовых телефонов при доставке на территорию ИУ 9055 штук². Данные тенденции оставались неизменными и в 2007 г.

¹ См.: Сводный отчет о деятельности УИС за 2006 год: Аналит. сб. Тверь, 2007.

² См.: Сводный отчет о деятельности УИС за первое полугодие 2007 года: Аналит. сб. Тверь, 2007.

Основными способами доставки запрещенных веществ и предметов, продуктов питания, которым осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать (далее: запрещенные предметы), являются: переброс через основное ограждение; пронос на режимную территорию родственниками осужденных и передача их в комнате длительных свиданий; провоз на транспортных средствах вольнонаемными сотрудниками; пронос аттестованными сотрудниками; сокрытие в посылках, передачах, бандеролях, письмах.

В соответствии с действующим законодательством рассмотрим, какие предметы являются запрещенными и какая ответственность, предусмотрена административным законодательством за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в ИУ. Пункт 8 ст. 82 УИК РФ гласит, что перечень веществ и предметов, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, устанавливается Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Данный перечень состоит из 26 пунктов, но нас интересуют лишь те из них, которые наиболее часто передаются осужденным и способствуют совершению правонарушений и преступлений в ИУ. К ним относятся:

- деньги, ценные вещи;
- все виды алкогольных напитков, пиво;
- наркотические средства, психотропные, токсические и сильнодействующие вещества, их аналоги, лекарственные препараты без медицинских показаний, предметы медицинского назначения;
- средства связи и комплектующие к ним, обеспечивающие работу¹.

Статья 19.12 КоАП РФ влечет наложение административного штрафа с конфискацией запрещенных предметов за передачу либо попытку передачи любым способом лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторах или изоляторах временного содержания и иных местах содержания под стражей, предметов, веществ или продуктов питания, приобретение,

хранение или использование которых запрещено законом². Согласно административному законодательству при задержании лица на режимной территории с запрещенными предметами, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом в соответствии со ст. 23.4 КоАП РФ, должностные лица органов и учреждений уголовно-исполнительной системы составляют протокол (ст. 28.2 КоАП РФ) об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.5, ст. 19.6, 19.7, 19.12 настоящего Кодекса.

Согласно приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 28 июня 2002 г. № 182 в ИУ уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях:

- начальники объединений исправительных учреждений, исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений (больниц, предназначенных для медицинского обслуживания осужденных), следственных изоляторов, специальных подразделений по конвоированию, их заместители;
- начальники отделов (отделений) объединений исправительных учреждений, исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений (больниц, предназначенных для медицинского обслуживания осужденных), следственных изоляторов, специальных подразделений по конвоированию, их заместители;
- начальники пожарных частей ведомственной противопожарной службы, их заместители;
- оперативные дежурные, начальники караулов объединений исправительных учреждений, исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений (больниц, предназначенных для медицинского обслуживания осужденных), их заместители;
- дежурные помощники начальников, начальники караулов следственных изоляторов, их заместители³.

Проникновение запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы оказывает отрицательное влияние на оперативную обстановку, а уровень организации борьбы с этим явлением не адекватен предъявляемым требованиям. Анализируя ситуа-

¹ См.: Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2005. № 17.

² См.: Рос. газ. 2001. 31 дек.

³ См.: там же. 2002. 11 июля.

цию с применением административного законодательства к лицам, пытающимся передать запрещенные предметы, автор приходит к выводу, что должностные лица ИУ нередко в результате своей некомпетентности или нежелания при задержании гражданина на режимной территории с запрещенными предметами не составляют протоколов об административных правонарушениях, тем самым освобождая лицо от административной ответственности и не оказывая должного профилактического эффекта на гражданина (речь идет не о наркотических средствах, так как для установления их характера и количества необходимо проведение специального исследования). Кроме того, в некоторых ИУ сотрудники оперативных аппаратов для составления протоколов об административных правонарушениях вызывают участковых уполномоченных милиции того района, на территории которого находится данное учреждение. В результате в ожидании сотрудника милиции тратится большое количество времени, а вопрос административного задержания лица, совершившего административное правонарушение в ИУ, остается не решенным. Проблема возникает и с заполнением протоколов об административных правонарушениях, а также наличием бланков таких протоколов.

Для решения названных проблем необходимо внести необходимые изменения в существующие ведомственные нормативные правовые акты Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний и обязать соответствующих должностных лиц хра-

нить в дежурных частях ИУ и следственных изоляторах протоколы об административных правонарушениях, а также ввести в отчетность такие показатели:

- количество задержанных лиц на режимной территории с запрещенными предметами;
- количество составленных протоколов об административных правонарушениях;
- сумма административного штрафа за совершенное административное правонарушение.

Соответствующие изменения ведомственных нормативных правовых актов и введение перечисленных показателей отчетности позволят существенно повысить эффективность работы оперативных аппаратов в данном направлении оперативно-служебной деятельности и значительно сократить число административных правонарушений.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 31 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.
2. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 3 нояб. 2005 г. № 205 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. – 2005. – № 47.
3. Об утверждении Перечня должностных лиц Министерства юстиции Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 28 июня 2002 г. № 182 // Рос. газ. – 2002. – 11 июля.

С. А. Соколов,
*старший преподаватель
кафедры уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ ВПЕРВЫЕ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ЖЕНЩИН В ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Воспитательную деятельность сотрудников исправительных учреждений (ИУ) необходимо строить прежде всего на глубоко знании как групповых, так и инди-

видуальных особенностей осужденных. Основанием для классификации, наиболее полно отражающей социально-демографические и социально-психологические особенности женщин, впервые осужденных к лишению свободы, является их прежний образ жизни.

Анализ образа жизни осужденных женщин позволяет не только определить причины совершения ими преступных деяний, но и способствует правильному, дифференцированному выбору средств, форм и методов воспитательного воздействия на них с целью исправления.

Данная классификация позволяет выделить среди женщин, впервые осужденных к

лишению свободы, три наиболее типичные группы.

К первой группе относятся женщины, чей образ жизни определяет деформация отношений в служебной сфере, выраженная в использовании своего служебного положения в корыстных целях.

Во вторую группу входят женщины, чей образ жизни определяется деформацией отношений в общении с окружающими, что проявляется в основном в семейно-бытовой сфере и выражается в насильственных действиях по отношению к окружающим, в том числе членам семьи.

Третью группу составляют женщины, чей образ жизни определяет деформация отношений в основных сферах жизнедеятельности, включая семейно-бытовую и трудовую. Это приводит к утрате социально полезных связей с обществом и проявляется в аморальном поведении, тунеядстве, пьянстве и т. п.

Результаты проведенных социологических исследований и практика работы свидетельствуют о том, что предложенная классификация не только охватывает наиболее типичные характеристики, но и дает возможность более детальной дифференциации.

У большинства женщин, впервые осужденных к лишению свободы, первоначальный период отбывания наказания характеризуется определенными переживаниями, связанными с фактом осуждения и водворения в места лишения свободы, а также адаптацией к условиям ИУ¹. В первоначальный период отбывания наказания необходимо проводить мероприятия по активному изучению личности и содействию ее адаптации в условиях исправительной колонии. Деятельность начальника отряда в данный период отличается наиболее активным изучением личности осужденной с тем, чтобы эффективно и перспективно строить воспитательную работу. Кроме того, необходимо проводить следующие мероприятия, ускоряющие процесс адаптации осужденной к требованиям администрации, условиям жизнедеятельности в исправительной колонии: ознакомительную беседу, порядок приема в коллектив, изучающую беседу, трудоустройство.

¹ См.: Петрова Т. С. Особенности исправления и перевоспитания женщин, впервые осужденных к лишению свободы: Учеб. пособие. Уфа, 1989. С. 41.

Эффективность применения указанных форм и методов воспитательного воздействия во многом зависит от реализации принципа педагогической целесообразности при распределении прибывших по отрядам и бригадам. При этом важно соблюдать равномерность соотношения в отрядах численности выделенных нами групп. Однако изучение состава отрядов в некоторых подразделениях показало, что в настоящее время приоритет имеет производственный принцип комплектования отрядов. В свою очередь, характер производства определяет различную концентрацию осужденных выделенных групп в отрядах.

Распределение осужденных по отрядам еще во время их нахождения в карантинном помещении позволяет начальнику отряда своевременно оформить тетради индивидуальной воспитательной работы и внести некоторые дополнения в общую программу с учетом материалов личных дел, прежнего образа жизни, а также продумать содержание ознакомительных бесед.

Так, выясняя в ознакомительной беседе с осужденными их отношение к прежнему образу жизни, содеянному, степень осознания вины, отношение к мере наказания, начальник отряда, в зависимости от принадлежности осужденной к той или иной группе, по-разному строит беседу и ставит различные задачи.

У женщин первой группы ввиду высокой латентности их преступной деятельности, требующей немалых затрат времени и усилий для разоблачения, период времени между совершением преступления и поступлением в исправительную колонию довольно значителен. Наиболее острые переживания у них в указанный период связаны с фактом ареста, разоблачением и осуждением. Кроме того, лиц, входящих в данную группу, угнетает ожидание публичного разоблачения, решения суда, размеры назначенного иска; у многих теряется вера в себя, свои силы и в будущее: у некоторых именно в этот период появляются мысли о суициде. Однако с течением времени эти переживания теряют свою остроту и вытесняются другими, связанными с предстоящей встречей с другими осужденными, материальным и моральным дискомфортом. Осужденные указанной группы намного острее, чем женщины двух других групп, переживают предстоящую длительную разлуку с семьей.

ей. Переживания, связанные с первоначальной адаптацией, выражаются в подавленности, равнодушии к жизни коллектива и мерам воспитательного воздействия. В начальный период женщины данной группы ко всему относятся настороженно, остро воспринимают факты равнодушного отношения, еще более замыкаясь в себе. В общении с окружающими, в том числе с начальником отряда, они осторожны и недоверчивы, однако даже в этот период у некоторых из них наблюдается высокомерное, надменное отношение к другим осужденным, вызванное неверной оценкой своей преступной деятельности, принижением его общественной опасности. Поэтому в беседе с женщинами данной группы важно выяснить не столько отношение к прежнему образу жизни, сколько к характеру преступной деятельности, объекту посягательств, размерам нанесенного ущерба, а также намерения осужденной в отношении возмещения данного ущерба, объяснение и восприятие мотивов преступной деятельности.

Некоторые женщины первой группы, пытаясь оправдать свою преступную деятельность, обвиняют во всем соучастников преступления, юридически грамотно высказывают недовольство мерой наказания, намерение подать жалобу в отношении несправедливости приговора, требуют пересмотра дела. В данном случае только тщательная подготовка начальника отряда к данной беседе позволит ему, опираясь на конкретные факты из личного дела осужденной, доказать степень ее вины и справедливость меры наказания. Это позволит большинству осужденных избежать в дальнейшем оправдания прежнего образа жизни и своей преступной деятельности.

Немаловажную роль в высокомерном отношении к окружающим играет сопоставление ими материального уровня прежнего образа жизни и образа жизни женщин других групп, что для большинства лиц данной группы является основным критерием ценности личности.

При проведении ознакомительной беседы большое значение имеет постановка перспективных задач перед осужденной. Начальник отряда, планируя индивидуальную воспитательную работу, ориентируется на определенную конечную цель, намечает конкретные недостатки осужденной, которые необходимо устранить, а также

положительные качества, требующие восстановления, с целью вернуть личность к общественно полезной деятельности.

Как правило, женщины, входящие в первую группу, характеризуются стремлением к условно-досрочному освобождению, привязанностью к семье. Это в дальнейшем позволяет проявить активность в труде и общественной работе. Следует отметить, что первоначальный период адаптации к условиям отбывания наказания в исправительной колонии эта активность подавляется резким несоответствием настоящего окружения прежнему (до ареста) и переживаниями, связанными с адаптацией, что необходимо учитывать начальнику отряда при постановке первоначальных задач и сроков их исполнения.

В первоначальный период отбывания наказания переживания женщин второй группы при аналогичных по длительности сроках наказания выражены несколько слабее. У большинства лиц данной группы социально полезные связи неустойчивы, родственные привязанности часто поверхностны. Их характеризует повышенная терпимость к социально неодобряемому поведению, меньшая избирательность в выборе круга лиц для общения, что приводит к установлению контактов с другими осужденными еще в период нахождения в следственном изоляторе. Им свойственны менее глубокие переживания, связанные со следствием, судом. Большинство лиц данной группы – молодежь, которую отличает легкомысленное, несерьезное отношение к своему будущему, поэтому потеря свободы угнетает эту категорию женщин в меньшей мере, чем женщин первой группы.

По прибытии в исправительную колонию женщины второй группы быстрее адаптируются к новым условиям жизни в силу меньшей притязательности как в моральном, так и материальном отношении. Необходимо отметить, что в начальный период отбывания наказания переживания у женщин среднего возраста, входящих в данную группу (при условии, что насильственные действия не были характерны и преступление было спровоцировано самим потерпевшим), несколько глубже и острее, чем у молодых женщин той же группы.

В ознакомительной беседе с лицами второй группы наиболее важно выяснить их взаимоотношения с потерпевшими, а также родными и близкими. При попытке этих

женщин (особенно из числа молодежи) оправдать свои действия необходимо доказать их неправомерность, обращаясь к материалам личного дела, законодательству и конституционным правам и обязанностям граждан. У лиц, подлежащих обучению в школе, важно выявить отношение к предстоящему обучению. Кроме того, в ознакомительной беседе с женщинами данной группы необходимой является постановка перспективных задач с последующим контролем за их исполнением и оказанием помощи в их решении.

Женщины второй группы более открытвенны в беседе, менее расположены характеризовать себя положительно. Лица более старшего возраста, как правило, угнетены совершенным преступлением, большинство из них считают наказание справедливым и заслуженным. Женщины данной группы очень редко пишут жалобы на приговор или заявления на помилование.

Результаты бесед с женщинами третьей группы показали, что у них слабо выражены переживания, связанные с начальным периодом отбывания наказания, что определено почти полной потерей социально полезных связей, деградацией личности на почве злоупотребления спиртными напитками, утратой родственных привязанностей, в том числе материнских чувств, поскольку большинство лиц данной группы лишены родительских прав.

Крайняя непритязательность к условиям быта и окружающей среды способствует быстрой адаптации лиц указанной группы к условиям мест лишения свободы.

В ознакомительной беседе с женщинами третьей группы необходимо выявить их отношение к образу жизни до ареста. Как правило, они признают вину, однако не видят взаимосвязи между прежним образом жизни и совершенным преступлением, поэтому меру наказания воспринимают как возмездие за совершенное преступление.

Результаты проведенного нами исследования показали, что женщины первой группы основное внимание в рассказах уделяют эпизодам, связанным со значительными материальными расходами, выездами на курорты, пышными свадьбами детей, наличию материальных ценностей. Многие выражают недовольство размером назначенного иска, жалуются на сослуживцев.

У женщин второй группы воспоминания в основном связаны с конфликтами в семье

или с соседями, неприязненными отношениями и обидами, однако многие из них умалчивают о том, что причиной этого часто являлся неправильный образ жизни. У молодых женщин данной группы, еще не имеющих семьи, рассказы в основном связаны с праздным времяпрепровождением, они неприязненно относятся к родственникам, требовавшим от них правильного поведения.

У женщин третьей группы воспоминания связаны с далеким прошлым, когда у них была семья, неудавшейся личной жизнью. Следует отметить, что часто воспоминания обрываются, так как большинство из них не хотят вспоминать время употребления спиртных напитков. Осужденные данной группы редко упоминают в беседе родных, поскольку связи с ними давно приобрели неприязненный характер из-за их неправильного образа жизни.

При постановке определенных задач на будущее женщины первой группы уверены в своих желаниях и знают способы достижения своих целей; женщины второй группы в основном хотят устроить свое будущее; формирование перспективных линий у женщин третьей группы крайне затруднено вследствие равнодушия большинства из них к своей судьбе и неверия в свои силы. В связи с этим выявление каких-либо положительных привязанностей осужденных данной группы необходимо еще в ознакомительной беседе.

Следующей характерной формой воспитательного воздействия в первоначальный период отбывания наказания является «ритуал» приема прибывших осужденных в коллектив отряда¹.

Женщины первой группы в большинстве случаев относятся к порядку приема как к необходимой формальности, держатся независимо и спокойно, на вопросы отвечают с чувством собственного достоинства, а иногда и показного высокомерия.

Следует отметить, что женщины второй группы среднего возраста ведут себя иначе, волнуются, могут расплакаться, теряются. Молодые женщины стараются держаться независимо, могут повести себя дерзко, пытаясь за напускной грубостью скрыть внутреннее напряжение.

¹ См.: Стурова М. П. Взаимодействие индивидуальных и коллективных форм воздействия на личность осужденных. Л., 1975. С. 36.

Женщины третьей группы в зависимости от степени их социальной запущенности ведут себя по-разному: спокойно, вульгарно или равнодушно, со всем соглашаясь.

Существует положительная практика объединять порядок приема прибывших в коллектив отряда осужденных с порядком освобождения из исправительной колонии. Позитивное воспитательное значение имеет приглашение на данные мероприятия членов совета воспитателей отряда, представителей администрации. Их выступления с рекомендациями прибывшим, напутствием освобождающимся оказывают сильное эмоциональное воздействие на женщин всех групп, в чем проявляются особенности воспитательного воздействия на осужденных женщин. Важными являются выводы освобождающихся, сделанные ими за время пребывания в местах лишения свободы, о планах на будущее, поскольку оказывают положительное влияние на восприятие вновь прибывшими традиций коллектива.

Для более глубокого изучения личности осужденных женщин через 2–3 месяца, а при необходимости чаще, проводятся изучающие беседы как с целью выявления изменений в личности осужденных, так и оказания им помощи.

Необходимость организации воспитательного процесса с учетом знания личности осужденной обуславливает наиболее интенсивное ее изучение в начальный период отбывания наказания. Поэтому начальник отряда должен взять под контроль переписку осужденных, из которой можно получить сведения об их взаимоотношениях в коллективе, отношении к труду.

Контроль за перепиской осужденных первой группы необходим для выявления дополнительных возможностей по досрочному погашению иска, уровня материальных запросов личности. В переписке осужденных второй группы целесообразно выявить характер взаимоотношений с семьей, отношение к потерпевшим и их родственникам. В переписке женщин третьей группы особую важность приобретает выявление начальником отряда наличия устойчивых социально полезных связей.

Контроль за взаимоотношениями осужденных с окружающими необходим во всех трех группах. Однако, по нашему мнению, он более значим для женщин

второй группы, склонных к созданию конфликтных ситуаций.

При воздействии на личность осужденной начальнику отряда следует совершенствовать программу ее изучения путем внесения в нее дополнений, таких, например, как осуществление контроля за отношением к учебе, специальности, режимным требованиям и конкретным осужденным.

Следует отметить, что неперенным условием успешного исправления каждой трудоспособной осужденной женщины является ее включение в общественно полезную деятельность, трудоустройство в соответствии с индивидуальными особенностями, состоянием здоровья, имеющейся специальностью, интересами, поскольку трудоустройство ускоряет установление определенных взаимоотношений в процессе труда, формирует трудовую и общественную активность личности¹.

Как правило, женщины первой группы трудоустраиваются сразу по прибытии в отряд. Трудоустройство женщин второй группы несколько затягивается из-за их меньшей подготовленности к квалифицированным работам. Несмотря на то, что женщины третьей группы более других нуждаются в привитии трудовых навыков, их трудоустройство почти во всех учреждениях проводится в последнюю очередь. Подобное положение часто объясняется не только отсутствием фронта работ, но и краткими сроками лишения свободы осужденных данной группы.

Следует отметить, что по длительности и результативности первоначальный период отбывания наказания женщин, впервые осужденных к лишению свободы, различен для всех выделенных групп, несмотря на применение одних и тех же форм и методов воспитательного воздействия.

Библиографический список

1. Адаптация осужденных к среде ИТУ / под ред. В. И. Селиванова. – Рязань, 1981.
2. Потемкина, А. Т. Осужденные женщины, отбывающие наказание в ИК / А. Т. Потемкина. – М., 1997.
3. Сморого, В. А. Особенности исправления и перевоспитания отдельных категорий осужденных / В. А. Сморого. – Рязань, 1980.

¹ См.: Зубков А. И. Социально-правовые и организационные проблемы труда осужденных к лишению свободы. Рязань, 1980. С. 56.

М. И. Сторожук,
*преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний*

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ
НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Гражданские права – это наиболее обширная группа прав и свобод личности. Их реализация регламентирована Конституцией РФ и поставлена под жесткий контроль правоохранительных органов. В то же время лица, отбывающие наказания в виде лишения свободы, могут быть ограничены в их реализации в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Рассмотрим некоторые ситуации, когда гражданские права осужденных ограничиваются федеральным законодательством.

Статья 20 Конституции РФ провозглашает *право человека на жизнь* во всех ее формах и проявлениях. Это право возникает с момента рождения человека и продолжается до его смерти. В Российской Федерации, невзирая на предусмотренную Конституцией РФ возможность применения смертной казни, а также закрепление данного вида наказания в УК РФ (п. «н» ст. 44), она не применяется в результате выполнения нашим государством обязательств при вступлении в Совет Европы. Даже лишение человека жизни (эвтаназия) по его просьбе с целью избавления от предсмертных страданий рассматривается как нарушение права на жизнь. Так, в ст. 45 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 54871¹ устанавливается, что «медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтана-

зии – удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами». Данное право, пожалуй, является единственным, которое не подвергается ограничению со стороны законодательства Российской Федерации, а наоборот, охраняется на всех уровнях – национальном, региональном², международном³.

Часть 1 ст. 21 Конституции РФ закрепляет *право личности на человеческое достоинство*. Достоинство как право включает в себя охрану чести, репутации и доброго имени человека. Содержание этого права выражается в ряде отраслей права – трудовом, административном, гражданско-процессуальном и особенно гражданском.

Большую смысловую нагрузку в ч. 1 этой статьи несет слово «ничто». Ни преступление (каким бы тяжким оно ни было), ни обездоленность и нищета, заставляющие просить подаяние, ни тяжелая, позорная по общепринятым представлениям болезнь (душевное или венерическое заболевание, СПИД) – ничто не может служить основанием для умаления достоинства личности.

Посыгательство на достоинство человека может быть как средством физического, так и психического воздействия. В связи с этим в ч. 2 названной статьи установлен запрет на применение пыток и других жестоких или унижающих человеческое достоинство методов обращения с людьми. Указанная норма воспроизводит требования ст. 5 Всеобщей декларации прав человека⁴ и ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах. Не лишены данного права и осужденные, о чем прямо говорит ст. 12 УИК РФ. В частности, там сказано, что они имеют право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказания. Они не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, не зависимо от их согласия не могут быть подвергнуты медицинским и

² См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 2 // Права человека: Сб. междунар. док. М., 1990.

³ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах. Ст. 6 // Права человека. Основные международные документы: Сб. док. М., 1989.

⁴ См.: Рос. газ. 1995. 5 апр.

¹ См.: Рос. вести. 1993. 9 сент.

иным опытам, которые ставят под угрозу их жизнь и здоровье. Вместе с тем уголовно-исполнительное законодательство связывает сохранение данного права с соответствующим поведением осужденного. Например, Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1¹ разрешает в необходимых случаях применять к осужденным физическую силу, специальные средства и оружие (ст. 28–31).

Право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленное в ст. 22 Конституции РФ, принадлежит каждому гражданину России, иностранцу, лицу без гражданства, лицу с двойным гражданством. Здесь определены два правовых института: неприкосновенность личности, закрепленная в ст. 21–22, и неприкосновенность личной жизни, закрепленная в ст. 23–25 Конституции РФ.

В ст. 22 Конституции РФ право на свободу связано с личной неприкосновенностью. Под правом личной неприкосновенности следует понимать гарантированную государством личную безопасность и свободу человека, состоящую в недопущении, пресечении и наказуемости посягательств: 1) на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность и половую свободу (физическая неприкосновенность); 2) честь, достоинство, нравственную свободу (нравственную неприкосновенность); 3) нормальное течение психических процессов (психическую неприкосновенность); 4) индивидуальную свободу человека, выражающуюся в предоставленной ему возможности располагать собой, своим свободным временем, по своему усмотрению определять место пребывания, не находиться под наблюдением или охраной.

Неприкосновенность личности защищена уголовным, уголовно-процессуальным, гражданским и административным законодательством.

В ч. 2 ст. 22 Конституции РФ перечислены самые строгие ограничения свободы и личной неприкосновенности, для приме-

нения которых необходимо судебное решение: арест, заключение под стражу и содержание под стражей и т. д. При исполнении наказания в виде ограничения свободы они должны постоянно находиться в пределах исправительного центра, не покидать его без разрешения администрации, проживать, как правило, в специально предназначенных общежитиях и не покидать их в ночное время (пп. «в», «г» ч. 3 ст. 50 УИК РФ). Ранее указанные нормы Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» также дают право сотрудникам уголовно-исполнительной системы ограничивать данные права.

Право на личную неприкосновенность (безопасность) осужденных установлено в ст. 13 УИК РФ. При наличии угрозы личной безопасности осужденный переводится в безопасное место, либо в отношении его принимаются иные меры, устраняющие данную угрозу.

Статья 23 Конституции РФ в первой части устанавливает право на *неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну*. Оно означает предоставленную человеку и гарантируемую государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. Вся эта информация не подлежит цензуре. В то же время при отбывании уголовных наказаний, например в виде лишения свободы, данное право несколько ограничено федеральным законодательством. В частности, ч. 2 ст. 91 УИК РФ закрепляет право администрации исправительного учреждения подвергать цензуре получаемые и отправляемые осужденными письма и телеграммы. Однако переписка осужденного с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией, созданной в соответствии с законодательством РФ, Европейским судом по правам человека цензуре не подлежит. В исключительных случаях, осуществление цензуры возможно при пе-

¹ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

реписке осужденного с его защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях. В данном случае администрация исправительного учреждения должна располагать достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц.

Конституция РФ запрещает сбор и хранение информации о частной жизни лица без его согласия, а также предоставляет возможность каждому защищаться от клеветы и измышлений (ст. 24). Данные права для осужденных несколько усечены. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством администрация исправительных учреждений вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля за ними (ст. 83 УИК РФ), посылки, передачи и бандероли, приходящие на их имя, подвергаются досмотру (ч. 4 ст. 90 УИК РФ), получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция подвергается цензуре (ч. 2 ст. 91 УИК РФ) и т. д.

Неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ) означает право личности на государственную охрану арендуемого или принадлежащего ему на правах собственности жилого и подсобного помещения от незаконных вторжений, как должностных лиц, так и отдельных граждан. В то же время осужденные к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, данного права лишены. Они проживают, как правило, в общежитиях, камерах, запираемых помещениях, которые администрация имеет право посещать и в которых при необходимости проводить обыски и досмотры (ст. 82 УИК РФ).

Весьма важное место в данной группе занимает право, закрепленное в ст. 27 Конституции РФ, *на свободное передвижение, избрание места пребывания и жительства*. Конкретизирующий данное конституционное право Закон РФ «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ» от 25 июня 1993 г. № 5242-1¹ предусматри-

вает его судебную защиту, а также возможность лица обжаловать в административном порядке действия или бездействие государственных органов и иных лиц, нарушивших это право.

Осужденные, особенно к наказаниям, связанным с ограничением или лишением свободы, могут передвигаться лишь в пределах исправительного учреждения (п. «в» ч. 3 ст. 50 УИК РФ), либо за его пределами, но в границах, установленных администрацией исправительного учреждения по согласованию с органами местного самоуправления (например, при предоставлении права передвижения без конвоя – ч. 4 ст. 96 УИК РФ), либо в пределах территории субъекта Российской Федерации по месту отбывания наказания (при разрешении осужденным к ограничению свободы, отбывающим наказание в колониях-поселениях, заочно обучаться в учреждениях среднего и высшего профессионального образования – ч. 9 ст. 50, ч. 4 ст. 129 УИК РФ).

Таким образом, несмотря на то, что лица отбывающие наказания в виде лишения свободы, сохраняют за собой статус гражданина РФ, многие их личные неимущественные права ограничиваются, что обеспечивает достижение целей уголовного наказания и выполнение задач, стоящих перед учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания. В связи с изложенным целесообразно говорить о правах осужденных, понимаемых в абсолютном значении (которые ни в какой мере и ни при каких условиях не могут быть ограниченными) и относительными (которые на основании Конституции РФ могут быть усечены).

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2002.
2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2008.

¹ См.: Рос. газ. 1993. 10 авг.

И. А. Янчук,
адъюнкт кафедры
уголовно-исполнительного права
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН: ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Институт изменения условий отбывания наказания осужденных является одним из основных средств дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы. Он строится на принципах прогрессивной системы, основывающейся на практике исполнения наказаний в Англии и Ирландии, и призван обеспечить справедливость наказания, а также стимулировать правопослушное поведение осужденных. Именно поэтому данный правовой институт играет значительную роль в достижении целей уголовных наказаний, так как благодаря ему разделяется объем карательного воздействия через последовательную корректировку правового положения осужденных в зависимости от их поведения. В связи с этим в УИК РФ предусмотрен различный правовой статус осужденных в зависимости от условий их содержания. Он отличается количественными характеристиками предоставляемого права (получение посылок, передач и бандеролей, краткосрочные и длительные свидания и др.), а также установлением дополнительных прав, законных интересов и ограничений (разрешение на проживание вне колонии под надзором, содержание в запираемых помещениях и др.). В то же время А. Л. Санташов, на наш взгляд, обоснованно критикует современное состояние дифференциации условий отбывания наказания, отмечая, что исходя из смысла прогрессивной системы вышеобозначенные отличия должны носить стимулирующий или устрашающий характер, сопровождаться значительными изменениями в исполнении наказания, а это происходит не всегда¹. Так, в отношении осужденных женщин, отбы-

вающих наказания в исправительных колониях общего режима, установлено одинаковое, как на обычных, так и на облегченных условиях содержания, количество краткосрочных свиданий, что является отступлением от принципа дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы. По нашему мнению, учитывая роль краткосрочных свиданий в процессе ресоциализации осужденных, следовало бы скорректировать их количество для лиц, содержащихся в облегченных условиях. Это приведет к более существенному различию в объеме воздействия на осужденных, содержащихся на разных условиях, что увеличит преимущества добросовестного отношения к отбыванию наказаний и стимулирует правопослушное поведение лиц, лишенных свободы.

Наряду с этим в пенитенциарной науке вызывает критику перевод в запираемые помещения осужденных, содержащихся в строгих условиях отбывания наказания. В частности, Г. В. Иванова высказывает мнение о том, что осужденные женщины, содержащиеся в строгих условиях, находятся в полной изоляции, в силу чего никакого позитивного воздействия со стороны коллектива на них не оказывается, поскольку человек, по сути, живет сам по себе, особо не обремененный необходимостью считаться с чьим-либо мнением, приспосабливаться к установившимся в данном социуме порядкам и правилам². Действительно, трудно отрицать неэффективность и нецелесообразность полной изоляции осужденных. При этом также осложнено проведение воспитательной работы с ними, в ходе осуществления которой должны превалировать индивидуальные формы.

Следует, однако, отметить, что вызывает возмущение только содержание женщин в запираемых помещениях, функцию которых часто выполняют камеры штрафных изоляторов. Остальные ограничения, связанные с нахождением женщин в рассматриваемых условиях, критике не подвергаются. Поэтому, полагаем, следует содержать осужденных, переведенных на строгие условия отбывания наказания, в одном запираемом помещении не изолированно

¹ См.: Санташов А. Л. Исполнение лишения свободы в отношении несовершеннолетних: вопросы законодательной техники и дифференциации: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. С. 132–133.

² Источник: Шматков В. ИК-5: уроки жизни // Преступление и наказание. 2006. № 10. С. 17.

друг от друга и ни в коем случае не использовать для этих целей камеры штрафных изоляторов. Вопрос же об отмене строгих условий считаем несвоевременным, поскольку, как известно, теперь значительно сужены пределы дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин, потому как их нельзя переводить для отбывания наказания ни в тюрьму, ни в исправительную колонию строгого режима. С отменой строгих условий главную роль в осуществлении воздействия на злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания будут исполнять меры взыскания, которые вряд ли справятся с поставленной задачей. На наш взгляд, при существующих пределах дифференциации и состоянии общей правовой и нравственной культуры осужденных применение строгих условий совершенно обоснованно.

Основаниями дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы при переводе осужденных на облегченные условия содержания согласно ч. 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124 УИК РФ являются: истечение определенного срока, отсутствие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестное отношение к труду. В то же время названные выше правовые нормы содержат формулировку «могут быть переведены», что указывает на наличие других оснований перевода на облегченные условия, не закрепленных в данных статьях. Иными словами, осужденному при наличии вышеперечисленных оснований дифференциации можно изменить условия содержания, а можно и не менять. Отсутствие в законе строго определенного перечня оснований перевода на облегченные условия отбывания наказания имеет определяющее значение в решении данного вопроса комиссией исправительного учреждения, что в отдельных случаях может нарушать права осужденных. К тому же при отказе в таком переводе осужденный не имеет права обжалования. Для выхода из сложившейся ситуации мы предлагаем три варианта. Во-первых, поддержать предложение Ю. М. Ткачевского и Е. А. Вакариной в части замены формулировки «могут быть переведены»

на «должны быть переведены»¹. Во-вторых, внести в соответствующие нормы УИК РФ исчерпывающий перечень оснований изменения условий отбывания наказания. В-третьих, разработать и включить в УИК РФ комплексную систему оценки поведения и исправления осужденного и на ее основе принимать решение об изменении условий содержания. Последний вариант нам представляется наиболее приемлемым, но его реализация требует проведения широкого комплексного исследования правовых, психологических и педагогических вопросов исполнения и отбывания наказаний. Следует, однако, отметить, что нечто подобное уже существовало в пенитенциарной науке и практике в виде критериев исправления, но в последнее время утратило свою значимость.

Рассматривая основания дифференциации исполнения наказания, относящихся к переводу на строгие условия содержания, следует подробнее остановиться на распространенной в пенитенциарной науке точке зрения. Такие ученые, как Ю. М. Ткачевский, В. С. Епанешников и Г. А. Аванесов, утверждают, что основанием изменения условий отбывания наказания является определенная линия поведения осужденного². Иными словами, претерпевание осужденным ограничений, связанных с нахождением в строгих условиях отбывания наказания, выступает элементом прогрессивной системы и налагается за совокупное поведение осужденного, а не за конкретное деяние. В этом, кстати, состоит одно из отличий рассматриваемого института от мер

¹ См.: Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 87; Вакарина Е. А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 163.

² См.: Ткачевский Ю. М. Проблемы прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний // Проблемы совершенствования уголовных наказаний. Рязань, 1983. С. 20; Епанешников В. С. Дисциплинарные меры воздействия на осужденных к лишению свободы как институт исправительно-трудового права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 15; Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). М., 1968. С. 10.

поощрения и взыскания. Между тем, если обратиться к уголовно-исполнительному законодательству, то можно обнаружить, что данный тезис приемлем только при переводе на облегченные условия. На строгие же условия переводятся осужденные, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. А для признания таковым, согласно п. 3 ст. 116 УИК РФ, достаточно совершить одно злостное нарушение, за которое наложено взыскание, предусмотренное пунктами «в», «г», «д» и «е» ч. 1 ст. 115 УИК РФ. Получается, что при переводе в строгие условия отбывания наказания может учитываться не совокупное поведение осужденного, а единичный проступок, за который, к тому же, уже наложена мера взыскания. Таким образом, вопреки распространенному среди ученых-пенитенциаристов мнению сложилась ситуация двойной наказуемости, противоречащая действующему законодательству, что уже освещалось в юридической науке¹. В то время как, например, согласно ст. 117 УИК Республики Беларусь злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания признается осужденный, совершивший несколько проступков, что представляется оправданным². Поэтому полагаем целесообразным внести в п. 3 ст. 116 УИК РФ изменения и изложить его в следующей редак-

ции: «Осужденный, совершивший указанные в частях первой и второй настоящей статьи нарушения, признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания при условии назначения ему двух и более взысканий, предусмотренных пунктами «в», «г», «д» и «е» части первой статьи 115 и пунктом «б» статьи 136 настоящего Кодекса». Данное нововведение, на наш взгляд, позволит оптимизировать дифференциацию исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы.

Библиографический список

1. Аванесов, Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система) / Г. А. Аванесов. – М., 1968.
2. Вакарина, Е. А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001.
3. Санташов, А. Л. Исполнение лишения свободы в отношении несовершеннолетних: вопросы законодательной техники и дифференциации : дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2006.
4. Ткачевский, Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю. М. Ткачевский. – М., 1997.

¹ См., напр.: Александров Ю. К. Плюсы и минусы Уголовно-исполнительного кодекса РФ // Правозащитник. 1999. № 1. С. 64.

² См.: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (по сост. на 19 марта 2007 г.). Минск, 2007. С. 124–125.

Я. Д. Абдуллаев,
*старший преподаватель кафедры
оперативной работы органов внутренних дел
Нижегородской академии МВД России*

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

Формирование нового социально-экономического уклада, преобразования государственно-правового строя сопровождаются многочисленными издержками. Объективные трудности и субъективные просчеты в проведении масштабных реформ повлияли на интенсификацию криминогенных процессов, рост криминального, в том числе вооруженного, насилия. Произошел количественный рост преступлений, сама преступность изменилась качественно в более опасную для общества сторону. Это усложнило борьбу правоохранительных органов с преступностью.

Существенным образом изменились и правовые условия этой борьбы. С принятием УПК РФ в уголовном процессе был узаконен состязательный порядок рассмотрения уголовных дел, расширились права защиты. Судебная стадия стала действительно, а не декларативно определяющей стадией уголовного процесса, в ходе которой решается вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Соответственно именно на этой стадии сосредоточены усилия сторон по выяснению обстоятельств дела и его правовой стороны. Наличие сильной защиты со стороны финансово обеспеченных, обладающих широкими связями преступников, попавших на скамью подсудимых, осложняет работу обвинителя и суда по объективному разрешению уголовного дела и вынесению справедливого приговора. Нередки провокации, попытки оказания незаконного давления на свидетелей обвинения, участников судопроизводства. С введением суда присяжных заседателей ожесточенность судебных споров, отмечающая-

ся фактами лжесвидетельства, попытками дискредитации обвинения, манипулирования мнением судей, возросла многократно. Это объективно обуславливает потребность в содействии государственному обвинителю и суду со стороны оперативных аппаратов, осуществлении ими оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства уголовных дел.

Между тем тема оперативно-розыскного обеспечения производства по делу в суде до последнего времени оставалась на периферии интереса наук криминального цикла – криминалистики, уголовного процесса, теории оперативно-розыскной деятельности¹. Исследование проблематики оперативно-розыскного обеспечения уголовного дела велось почти исключительно применительно к досудебной части уголовного процесса². На практике не всегда существует понимание важности этого направления оперативно-розыскной деятельности. Несмотря на то, что уже имеется положительный опыт проведения оперативно-розыскного обеспечения по сложным уголовным делам о тяжких преступлениях, он не обобщается и не распространяется.

¹ В числе редких исключений можно назвать такие работы: *Поляков М. П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 175–177; *Чуркин А.* Оперативно-розыскные мероприятия в судебном следствии // Рос. юстиция. 1999. № 4. С. 21; *Самоделкин С. М.* Оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства тяжких преступлений (правовые и организационные вопросы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

² См., напр.: *Александров А. И.* Оперативно-розыскное сопровождение уголовного преследования организованных преступных групп: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006; *Жданов А. А.* Оперативно-розыскное сопровождение расследования грабежей и разбойных нападений с проникновением в жилище: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003; *Попов Н. М.* Оперативное обеспечение досудебной подготовки в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1997.

Отсутствуют сколько-нибудь значимые теоретические разработки, монографические исследования по данной теме. На наш взгляд, сотрудники оперативных подразделений должны быть нацелены, с одной стороны, на оказание содействия прокурору в поддержании обвинения, а с другой стороны, на противодействие незаконным, безнравственным попыткам защиты разрушать дело обвинения. Внепроцессуальная деятельность должна не столько сопровождать, сколько обеспечивать гласную открытую деятельность государственного обвинителя в судебном заседании. Область такого взаимодействия очень обширна: пресекать воздействие на участников процесса со стороны обвиняемых и их окружения; выявлять и разоблачать в суде действия защиты, направленные на формирование ложного алиби подсудимого, фабрикацию оправдательных доказательств; принимать меры защиты в отношении участников стороны обвинения, судей, присяжных заседателей.

Следует отбросить теоретически бесильные, а практически вредные представления о том, что оперативно-розыскная деятельность, как и доказывание, имеет целью установление объективной истины. Концепт «объективной истины» изжил себя (по крайней мере, в советском его «изводе»)¹. В современных условиях, когда состязательность стала доминантой судопроизводства, когда доказательства вполне официально разделились на доказательства обвинения и доказательства защиты, а каждая из сторон стала своего рода хозяйкой своих доказательств и стремится к нейтрализации доказательств противника, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо концептуально определиться: с кем они – со стороной обвинения или со стороной защиты?

Ответ, думаем, очевиден. Со стороной обвинения. Бытующие в теории оперативно-розыскной деятельности представления, унаследованные с «позднесоветских» времен, об оперативном обеспечении и применении результатов оперативно-розыскной деятельности устарели и не отвечают потребностям состязательной, обвинительной

идеологии. Это касается, в частности, утверждений о том, что оперативно-розыскная деятельность беспристрастна, объективна и направлена в равной степени на выяснение обстоятельств, как в пользу обвинения, так и защиты.

Мы считаем, что вся деятельность органов предварительного расследования и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, должна быть объединена в одно понятие – досудебная подготовка уголовного иска. Уголовный иск – это официальное обвинение, которое формулирует и обосновывает прокурор². В суде прокурор как официальный носитель обвинительной власти поддерживает государственное обвинение (уголовный иск). Обвинительная власть, возглавляемая прокуратурой, – это система органов исполнительной власти государства, основной функцией которых является борьба с преступностью, охрана правопорядка. Органы, наделенные законом полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность, входят в систему обвинительной власти. Эти органы работают на обвинение. Цель их деятельности – раскрыть преступление, изобличить обвиняемого, получить доказательства его виновности. Очевидно, что оперативно-розыскная деятельность должна быть квалифицирована как публичное уголовное преследование. Этот вывод вытекает из того, что задачи оперативно-розыскной деятельности согласно ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ³ осуществляются с целью решения задач уголовного преследования. По сути, в рамках предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности проводится одна и та же работа: выявление лиц, совершивших преступления, изобличение их в содеянном, получении

² См. об этом: Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47; он же. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62.

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 1997. № 29. Ст. 3502; 1998. № 30. Ст. 3613; 1999. № 2. Ст. 233; 2000. № 1 (ч. 1). Ст. 8; 2001. № 13. Ст. 1140; 2003. № 2. Ст. 167; № 27 (ч. 1). Ст. 2700; 2004. № 27. Ст. 2711; № 35. Ст. 3607; 2007. № 31. Ст. 4011.

¹ См. об этом: Александров А. Концепция объективной истины // Рос. юстиция. 1999. № 1. С. 23–24.

доказательств виновности обвиняемых, принятие мер принуждения к тем, кто препятствует привлечению к уголовной ответственности виновников преступления, принятие мер по возмещению причиненного преступлением вреда, ликвидация причин и условий, способствовавших совершению преступления. Оперативный работник так же, как следователь и дознаватель, – «слуга» прокурора. Он выполняет черновую работу, которая воплощается в официальной позиции обвинения – «обвинительном деле». Таким образом, оперативно-розыскная деятельность входит в понятие уголовного преследования.

В идеале должна быть стерта всякая грань между данными, полученными оперативно-розыскным путем, и данными, которые добыты следственным путем. Ведь любые сведения, полученные в правоохранительных целях, по природе своей являются всегда первичными, независимо от того, кто их добыл – оперативный или следственный работник. Порой вторичное использование в уголовном процессе данных, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, влечет определенное искажение, а впоследствии – следственные и судебные ошибки. Все собранные в ходе досудебного производства стороной обвинения сведения надо трактовать как обвинительный материал. Судебную (процессуальную) форму доказательств (судебных) предварительные данные о виновности обвиняемого получают только после представления и исследования их в суде.

Пока мы не говорим, что все вышесказанное стало уже свершившимся фактом, однако логика развития идей, заложенных в современное уголовно-процессуальное законодательство, такова, что рано или поздно приведет к признанию того, о чем мы говорим. Поэтому уже сейчас есть основания использовать их для построения теоретических конструкций.

Впрочем, вернемся к реалиям. Они, кстати, тоже дают аргументы для выстраивания концепции оперативно-розыскного обеспечения поддержания государственного обвинения в суде.

В современных условиях судебного следствия в значительной мере стирается фор-

мальная грань между фактическими данными, собранными сторонами во время досудебного производства по уголовному делу. С одной стороны, все больше материалов, полученных, например, защитником в ходе адвокатского расследования, претендует на статус доказательств. С другой стороны, мы встречаемся с легализацией в суде данных, полученных оперативным путем. Проверку на допустимость проходят в суде и те материалы, которые были собраны следственным путем, и те, что были получены иными способами, не запрещенными законом. Происходит это путем перекрестного допроса и других следственных действий, проводимых в ходе судебного разбирательства уголовных дел.

Уголовное преследование, составной, неотъемлемой частью которого является оперативно-розыскная деятельность, во время судебного разбирательства вступает в заключительный фазис. Необходимо рассматривать оперативно-розыскную деятельность, осуществляемую под руководством прокурора во время судебного процесса, как продолжение уголовного преследования, но новыми средствами, в новых условиях.

Укажем наиболее важные моменты, связанные с пониманием сущности и содержания оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства, а также и деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения.

1. Оперативно-розыскное обеспечение судебного разбирательства уголовных дел представляет собой основанную на законодательных и подзаконных актах деятельность оперативных аппаратов, осуществляемую путем проведения оперативно-розыскных мероприятий при тесном взаимодействии с прокурорами и другими участниками процесса, состоящую из системы мер доказывания по уголовному делу, нейтрализации противодействия криминальной среды, установления истины по делу и исполнения функции защиты участников судебного процесса.

2. В структуру оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства и поддержания обвинения входят следующие элементы: а) устранение угрозы разрушения или ослабления доказательственной ба-

зы стороны обвинения; б) обеспечение подготовки обвинителя к поддержанию обвинения и представлению обвинительных доказательств; в) оперативно-розыскное обеспечение деятельности прокурора и других участников судебного процесса со стороны обвинения (потерпевшего, его представителя, гражданского истца, его представителя) в стадии назначения судебного заседания; г) содействие суду в проведении объективного, полного расследования обстоятельств дела; д) взаимодействие со службой судебных приставов в обеспечении порядка судебного разбирательства; е) предотвращение и устранение препятствий для проведения судебного заседания.

3. Основным направлением оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства уголовных дел является содействие судебному доказыванию. Работники оперативных аппаратов должны оказывать содействие государственному обвинителю в подготовке доказательств обвинения и их представлению суду (прежде всего путем обеспечения безопасности ключевых свидетелей обвинения, пресечения попыток со стороны криминалитета оказать на них воздействие). Кроме того, работники оперативных аппаратов должны оказывать содействие государственному обвинителю в проверке оправдательных доказательств, самостоятельно полученных защитой и представляемых суду (прежде всего путем предоставления прокурору разведывательной информации об источниках получения адвокатом сведений, данных о личности предполагаемого свидетеля защиты, его прошлом, характере отношений с участниками процесса).

4. Субъектов оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства уголовных дел следует классифицировать на две группы: первая – субъекты, непосредственно участвующие в данном процессе, – работники оперативных аппаратов; вторая – субъекты, опосредованно участвующие в судебном разбирательстве, воздействуя на него своими управленческими решениями: руководители различных подразделений органов внутренних дел, а также прокурор района (города, субъекта РФ).

5. В современных условиях, когда состязательность стала доминантой судопроиз-

водства, когда доказательства вполне официально разделились на доказательства обвинения и доказательства защиты, и каждая из сторон стала ответственной за представление своих доказательств и стремится к нейтрализации доказательств соперника, концептуально важно определиться в том, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в первую очередь призваны оказывать содействие судебному уголовному преследованию, т. е. прокурору и другим участникам процесса со стороны обвинения. Уголовное преследование, составной, неотъемлемой частью которого является оперативно-розыскная деятельность, во время судебного разбирательства вступает в заключительный фазис. Необходимо рассматривать оперативно-розыскную деятельность во время судебного процесса как продолжение уголовного преследования, но осуществляемую новыми средствами, в новых условиях. Поэтому оперативно-розыскное обеспечение судебного разбирательства подразумевает в первую очередь содействие поддержанию государственного обвинения в изобличении подсудимых в совершенных ими преступлениях, т. е. в доказывании обоснованности и законности обвинения. Именно таким образом, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, вносят свой вклад в установление истины по делу в судебном заседании.

6. На стороне обвинения лежит обязанность представить суду доказательства, полученные в ходе досудебного производства, которыми подтверждаются обоснованность и законность обвинения. Сделано это должно быть в форме, исключающей разумные, неустранимые сомнения у судьи (присяжного) в достоверности представленных доказательств виновности подсудимого. Убедительность доказательства обвинения складывается из множества составляющих: психолингвистического, эмоционального факторов; языка тела и т. д. На наш взгляд, от оперативно-розыскного обеспечения может зависеть многое в плане психического и физического состояния допрашиваемого, его готовности к допросам в суде, его способности к противостоянию адвокату, подсудимому; его эмоциональный настрой (уверенность в своей безопасности, понимание своей роли и

значения своих показаний). Наконец, даже внешний вид того, кто дает показания. То есть вся черновая работа по подготовке свидетеля к даче показаний в суде должна быть проделана обвинением при тесном взаимодействии с оперативными службами. Укреплять доказательства обвинения можно и нужно оперативными средствами.

Важнейший участок работы с доказательствами в суде – это легализация данных, полученных оперативным путем в стадии судебного разбирательства уголовных дел. На практике достаточно редко случается так, что прокуратура представляет уже на стадии судебного разбирательства те данные, которые были получены в ходе оперативно-розыскной деятельности. Как правило, они легализуются на стадии предварительного расследования. Однако иногда происходит и так, что прокурор в суде заявляет ходатайство о допросе нового свидетеля обвинения или приобщении иных материалов к делу. При всей спорности подобного тактического маневра обвинительной власти он иногда проходит, и суды удовлетворяют такого рода ходатайства. Полагаем, что прокурорам надо шире использовать возможность, предоставляемую ч. 4 ст. 271 УПК РФ, иными словами, прибегать к ключевым свидетелям обвинения до решающего этапа и заявлять ходатайство о допросе в качестве свидетеля лица, явившегося в судебное заседание. Задача оперативно-розыскного обеспечения в подобной ситуации должна сводиться к тому, чтобы сформулировать убедительную легенду, почему данный свидетель не был допрошен на предварительном расследовании и не был включен в список свидетелей обвинения и почему он появился именно сейчас. В случае необходимости ее надо поддержать соответствующими материалами, которые следует представлять суду (например, свидетельствующими о том, что о важном свидетеле стало известно только что).

Особый интерес представляет проблема легализации в ходе судебного следствия данных, добытых оперативным путем посредством проведения следственных действий в судебном заседании.

Так, весьма часто возникает необходимость в допросе работников, проводивших

оперативно-розыскные мероприятия, оглашении документов, в которых фиксировались результаты оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ). Иногда в суде требуется проводить допрос следователя, дознавателя, понятых и других участников судопроизводства или оперативно-розыскной деятельности, которые могли бы подтвердить достоверность сведений, полученных в ходе проведения тех или иных следственных действий или ОРМ.

В контексте нашей темы речь идет, прежде всего, о судебном допросе оперуполномоченных, проводивших те или иные мероприятия, а также начальника органа, проводившего ОРМ. Полагаем, что в случае крайней необходимости с применением нормы, предусмотренной ч. 5 ст. 278 УПК РФ, могут быть допрошены и лица, предоставлявшие информацию на конфиденциальной основе, а также оперативные сотрудники, внедренные в преступные сообщества. В подобных ситуациях требуется проведение оперативно-следственных комбинаций, т. е. системы ОРМ, судебных допросов и других процессуальных действий (оглашения документов, например), которые направлены на достижение единой цели – получение в условиях гласного, состязательного процесса убедительного доказательства, подтверждающего виновность подсудимого.

Очень негативно воспринимают присяжные ограничение права защиты на допрос свидетелей обвинения непосредственно в суде, какими бы причинами не объяснялась невозможность их явки в суд. Прокурору во взаимодействии с органами, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, необходимо принять все меры, чтобы ключевые свидетели обвинения были представлены суду.

Оперативные сотрудники могут быть привлечены для оказания содействия в подготовке к проведению в суде свидетельствования, а также других следственных действий – опознания, следственного эксперимента и пр.

Часто прослушивание записи телефонных переговоров оказывает на суд и других участников судебного следствия весьма сильное впечатление. Важно умело обыграть в суде это действие.

Представленные в качестве доказательств распечатки фонограмм телефонных и иных переговоров, полученных в результате проведения следственного действия (ст. 186 УПК РФ) или ОРМ, имеют специфику. Одной из часто возникающих проблем при этом является истолкование смысла тех или иных выражений, употребляемых лицами, чьи переговоры фиксировались. Затруднения возникают в связи с употреблением сленга, условных слов. Возникающие двусмысленности объясняются заинтересованными лицами в свою пользу. Как правило, сторона защиты в судебном заседании старается придать невинный смысл выражениям подсудимого. Поэтому сотрудники, проводившие соответствующие мероприятия, должны дать суду такие показания относительно, например, контекста разговора, факторов, характеризующих личность разговаривавших, которые сняли бы все сомнения в истолковании смысла сказанного ими.

Большое убедительное воздействие на состав суда оказывают результаты использования видеозаписи, других технических средств, которые зафиксировали те или иные обстоятельства, имеющие значение по делу в ходе ОРМ или следственных действий. Важно при представлении такого рода данных в суде обосновать законность, допустимость их получения. Опять же исключительно важную роль при этом имеют показания лиц, проводивших данное ОРМ или следственное действие. Их показания должны работать на усиление доказательственного значения обвинительных доказательств.

В суде допрашиваются оперативные сотрудники, которые осуществляли применение специальных и иных технических средств, в ходе проведения тех или иных ОРМ (оперативного эксперимента, прослушивания телефонных и иных переговоров). Подчас эти показания имеют самостоятельное значение, а не только обеспечивают убедительность результатов оперативно-розыскного мероприятия, применения технического средства. Понятно, что организация и подготовка таких показаний осуществляются в тесном взаимодействии прокуратуры с органом, осуществлявшим данное ОРМ.

Неправильной следует считать существующую и по сей день практику, когда оперативно-розыскные органы пытаются

оказать воздействие на внутреннее убеждение судьи, так сказать напрямую информируя об обстоятельствах, которые не могут быть представлены официально в судебном заседании и соответственно не могут быть проверены защитой.

Как показывает опыт, в суде присяжных очень важна демонстрационная составляющая при предъявлении доказательств – вещественных доказательств, просмотра видеозаписи, звукозаписи, но также и при даче показаний. Присяжным надо показать прибор в действии, объяснить его характеристики и возможности, прокомментировать результаты его применения после того, как они будут продемонстрированы в судебном заседании. Важно, чтобы при этом работник оперативно-технического подразделения выглядел беспристрастным, искренним, непредвзятым человеком, профессионалом своего дела.

Иногда, к сожалению, после допроса таких лиц в суде остается сомнение в объективности полученных результатов. То, что понятно специалисту, совершенно непонятно человеку, не сведущему в этой области знаний. Нужно готовиться к допросу перед присяжными, уметь объяснять им на доступном уровне технические процессы и устройства технических средств. Важно также быть готовым к перекрестному допросу со стороны защиты.

Значит, элементом оперативно-розыскного обеспечения поддержания государственного обвинения в суде как составной части оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства являются подготовка и представление в суде тех оперативных работников, которые получали информацию по делу при проведении ОРМ. Важно заботиться о презентабельности, убедительности показаний в суде с участием присяжных заседателей.

7. Защита свидетелей обвинения, потерпевших и других лиц, чьи показания представляются прокуратурой в суде в качестве доказательств – это второе направление взаимодействия.

При подготовке к судебному заседанию и в ходе судебного разбирательства должны быть приняты все необходимые меры по сохранению доказательств обвинения, подлежащих представлению. В числе прочего здесь имеется в виду и такая проблема, как

подготовка к даче показаний в суде свидетелей, экспертов, специалистов обвинения. Оперативные сотрудники могут оказать помощь прокурору в получении информации об их личности и связях. Они могут провести профилактические мероприятия, направленные на то, чтобы у них не возникло желания уклониться от дачи показаний или изменить их в сторону защиты.

Помимо вопросов, решаемых в рамках Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ¹ (а многие из них должны решаться во взаимодействии прокуратуры с органами, осуществляющими ОРД), есть целый комплекс проблем организационного, психологического характера: как доставить, где разместить этих людей, как оградить от нежелательных контактов в здании суда и т. п. Прокурору этим некогда заниматься. Поэтому помощь обвинению в организации представления доказательств в суде есть существенный момент взаимодействия прокуратуры и оперативных органов.

8. Защита судей, присяжных, прокурора. Опять же акцент сделаем не на общеизвестных вещах, вытекающих из законодательства, регламентирующего статус судьи и прокурора и порождающие соответствующие обязанности у специальных органов, а на том, какие существенные проблемы появляются в связи с функционированием суда присяжных.

В частности, обязанность оперативных служб состоит в том, чтобы помочь прокурору в отборе присяжных заседателей; вовремя информировать о таких качествах кандидата в присяжные заседатели, которые представляют потенциальную опасность для обвинения, беспристрастной оценки доказательств. Взаимодействие с прокурором на этапе формирования скамьи присяжных заседателей оперативники должны привести к формированию аудитории, максимально готовой к восприятию дела обвинения. Полезной может оказаться проверка кандидатов в присяжные по специальным учетам, которые ведутся в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Далее, в ходе судебного процесса подчас проявляется тенденциозность некоторых присяжных. Если появляются данные о том, что стороной защиты, лицами из окружения обвиняемых ведется работа с кем-то из присяжных, необходимо принимать срочные меры. Своевременное выявление этой угрозы и пресечение таких попыток – залог объективного вердикта.

То же самое можно сказать о случаях, когда присяжный пытается получить информацию об обстоятельствах дела самостоятельно, вне судебного заседания. Проблема состоит и в том, чтобы вывести из комплектного состава присяжных того или иного заседателя, не настроив против обвинителя других присяжных заседателей. Лучший вариант – в неформальной обстановке поговорить с таким человеком, чтобы разрешить возникшую проблему самоотводом, предварительно проинформировав председательствующего. Полагаем, что такие вопросы уместнее решать именно оперативникам. В идеале лучше прибегать к полнейшей изоляции, ограждению присяжных заседателей на время заседания, вплоть до ограничения на данный период их возможности пользоваться любыми средствами связи либо пользоваться ими под установленным законом постоянным контролем правоохранительных органов.

9. Еще одним актуальным моментом оперативно-розыскного обеспечения государственного обвинения является пресечение незаконного, как, впрочем, и любого другого давления на свидетелей обвинения. Адвокаты имеют право проводить опрос лица, допрошенного в качестве свидетеля. Иногда последствия такого опроса сказываются на показаниях этого свидетеля в суде. Можно ли стороне обвинения безучастно относиться к этому? Ответ очевиден – нет. В отношении ключевых свидетелей обвинения должны быть предприняты меры, исключающие какое бы то ни было влияние на них со стороны противника, хотя бы угрозы безопасности их и не было. При выявлении оперативным путем угрозы следует немедленно принимать меры, предусмотренные: ст. 11 (ч. 3); ст. 166 (ч. 9); ст. 186 (ч. 2); ст. 193 (ч. 8); ст. 241 (п. 4 ч. 2); ст. 278 (ч. 5) УПК РФ по защите свидетелей, экспертов, потерпевших и других участников, – от незаконного воздействия на них противной стороны.

¹ См.: СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

10. Особо надо сказать о работе с понятыми, которые участвовали в проведении следственных действий, имеющих важное доказательственное значение для обвинения. Надо фиксировать контакты защиты с понятыми. Весьма распространенной на этом участке является атака защиты на дело обвинения, например, вызвать в судебное заседание для допроса в качестве свидетелей понятых, которые участвовали в тех или иных следственных действиях. Иногда этому предшествует опрос этих лиц адвокатом. В некоторых случаях можно говорить о давлении, подкупе этих лиц стороной защиты. Значит, надо принимать контрмеры. Заявление соответствующего ходатайства со стороны защиты представляет собой сигнал к активным действиям по предотвращению подобного развития событий. Однако надо уже с самого начала процесса иметь в виду такую угрозу и действовать на предупреждение, включая «перевербовку» потенциальных свидетелей защиты.

11. Разоблачение попыток фальсификации доказательств со стороны защиты. Весьма распространенной стала подготовка защитниками лжесвидетелей. Изобличение таковых в суде представляет серьезную трудность. Адвокаты тщательно готовят ложное алиби для своих подзащитных.

Для перекрестного допроса лжесвидетелей прокурору необходима исчерпывающая информация о личности, слабых и сильных сторонах; о связях таких людей с подсудимым; о негативных фактах из их биографии, в том числе конфликтах с законом; о предвзятости, которая проявлялась в том или ином виде, и т. п. Подобные сведения должны дать оперативная проверка такого рода людей. На допросе это должно быть использовано для проверки их показаний, а если будет надо – дискредитации их показаний, подрыва доверия к ним самим. Следовательно, нужна оперативная разработка потенциальных лжесвидетелей (нередко представление таких лиц в качестве свидетелей становится известно заранее).

Таким образом, оперативная информация, полученная о личности, биографии свидетелей, специалистов, представляемых защитой суду, должна дать исходный материал для разработки тактики перекрестного допроса этих лиц. У прокурора должен быть материал, позволяющий работать с

таким человеком в суде, так как затруднительно это делать с лицом, о котором ничего не известно.

И последнее, о чем надо сказать в рамках данной статьи, касается атмосферы в зале судебного заседания. Иногда из-за присутствия многочисленных родственников подсудимых и лиц, им сочувствующих, она становится враждебной для обвинения. Надо работать над тем, чтобы судебное заседание проходило в спокойной, рабочей обстановке. Все дестабилизирующие моменты должны вовремя выявляться и устраняться. В этом вопросе необходимо взаимодействие со службой судебных приставов.

Оперативное сопровождение поддержания государственного обвинения не сводится к фиксации и контролю контактов подсудимого с другими лицами в зале судебного заседания (хотя это немаловажный момент). Обвинителю следует совместно с оперативными подразделениями в необходимых случаях продумать и реализовать комплекс мероприятий по нейтрализации воздействия (в том числе предполагаемого) подсудимых и их окружения на свидетелей, экспертов обвинения, потерпевших, понятых и других участников судопроизводства в зале суда. Иногда даже реакция зала на те или иные действия юриста в суде бывает значима для присяжных. По возможности необходимо создавать максимально комфортные условия для действий обвинителя в судебном заседании, и, если удастся, – омрачить настроение адвокатов. Подобные действия должны осуществляться в рамках закона, но при этом носить жесткий, наступательный характер.

Таким образом, предлагаемая концепция оперативного сопровождения выступает апологией наступательности, агрессивности действий органов обвинительной власти, в лице прокуратуры, оперативно-розыскных органов на «судебном фронте». Задача у них одна – преступник должен быть привлечен к уголовной ответственности, но решение должен принять независимый суд по результатам гласного, состязательного процесса.

Органы обвинительной власти и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, должны взаимодействовать не только в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, но и в судебных.

Состязательность должна, наконец, найти свое отражение в системе теоретических

построений науки оперативно-розыскной деятельности и соответственно в планах обучения оперативных сотрудников, а также практического взаимодействия с прокуратурой.

Библиографический список

1. Александров, А. И. Оперативно-розыскное сопровождение уголовного пре-

следования организованных преступных групп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.

2. Александров, А. С. Понятие и сущность уголовного иска / А. С. Александров // Государство и право. – 2006. – № 2.

3. Чуркин, А. Оперативно-розыскные мероприятия в судебном следствии / А. Чуркин // Рос. юстиция. – 1999. – № 4.

А. Г. Антонов,

заместитель начальника

Кузбасского института

*Федеральной службы исполнения наказаний
по научной работе*

кандидат юридических наук

ОСВОБОЖДЕНИЕ

ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ЧЛЕНОВ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ ПО УК РФ И ЗАКОНУ ОБ ОРД

Борьба с организованной преступностью в последние годы приобрела особенно актуальный характер в связи с ростом числа преступных деяний, квалифицируемых ст. 210 УК РФ. Так, по данным ГИАЦ МВД России в нашей стране в 2006 г. зарегистрировано 255 таких преступлений, из них 166 расследованы либо разрешены. При этом выявлено 513 лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации)». По данным И. Михеева, из числа указанных лиц, привлеченных к уголовной ответственности, осуждалось только от 5 до 25 %¹. В связи с высокой латентностью организованной преступности можно полагать, что приведенные цифры не отражают реальной картины, а следовательно, остро стоят проблемы выявления, раскрытия и доказывания преступления, предусмотренного данной нормой. От их успешного решения, заключающегося, прежде всего, в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средствах, зависит раскрытие преступлений, совершенных в рамках преступного сообщества (преступной организации). В частно-

сти, на их решение направлено примечание к ст. 210 УК РФ и ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее: ФЗ об ОРД)².

Согласно примечанию к ст. 210 УК РФ «лицо, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». То есть закон побуждает участника преступного сообщества (преступной организации) к самообнаружению, помощи в раскрытии преступления, предусмотренного соответствующей статьей. Такая помощь может выражаться в предоставлении конкретной информации.

В отечественном законодательстве есть и норма, предусматривающая освобождение от уголовной ответственности члена преступной группы, совершившего преступления в ходе деятельности такой группы. Так, в соответствии с абз. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД «лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возмещившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством РФ». Таким образом, исходя из логическо-

¹ См.: Михеев И. Квалификация преступных деяний по ст. 210 УК РФ // Законность. 2006. № 6. С. 53.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

го толкования рассматриваемой нормы, можно полагать, что она распространяется и на преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ, так как здесь речь идет о самом участии в преступной группе. В связи с этим возможна конкуренция между исследуемыми нормами. Однако прежде всего спорна возможность установления освобождения от уголовной ответственности вне уголовного законодательства России.

ФЗ об ОРД допускает освобождение от уголовной ответственности за преступления различной категории, в том числе и особо тяжкие, но не повлекшие тяжких последствий. При этом его положения не коррелируют с нормами об освобождении от уголовной ответственности, закрепленными в УК РФ. Так, например, к ч. 1 ст. 75 УК РФ оно не относится, поскольку здесь содержится условие: после совершения преступления лицо должно явиться с повинной, а оно может быть и судимым. Помимо этого освобождение от уголовной ответственности в данном случае – не право, а обязанность правоприменителя¹. Однако положение, содержащееся в ст. 18 ФЗ об ОРД, впоследствии не получило последующего закрепления в уголовном законодательстве. Уголовный кодекс РФ не рассматривает сотрудничества преступника с правоохранительными органами в качестве непосредственного основания освобождения его от уголовной ответственности за совершенные в преступной группе преступления. Как отмечается в юридической литературе, отсутствие подобной нормы в УК РФ осложняет работу правоохранительных органов по выявлению преступных групп (преступных сообществ), изобличению их организаторов и других активных участников в совершенных ими преступлениях².

Вместе с тем для правильного и единообразного понимания законодательства России необходима унификация терминов в исследуемых нормах. В ст. 35 УК РФ указаны конкретные виды преступных групп, которые должны получить закрепление в

ФЗ об ОРД. Поскольку категория «преступная группа» носит обобщающий характер, то к ней могут относиться все виды преступных групп, указанных в ст. 35 УК РФ. Группа лиц и группа лиц по предварительному сговору не носят повышенной общественной опасности. Об этом свидетельствует отсутствие указания в УК РФ на отдельное закрепление ответственности за создание, руководство и участие в них. Повышенной общественной опасностью обладают организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). За их создание, руководство и участие в них в УК РФ предусмотрена самостоятельная ответственность вне зависимости от совершенных в их рамках преступлений. Поэтому назрела острая необходимость закрепления в ФЗ об ОРД именно этих видов преступных групп, а не преступной группы как таковой.

Необходимо также конкретизировать круг субъектов, указанных в ст. 18 ФЗ об ОРД – членов организованной группы или преступного сообщества (преступной организации). В связи с этим ограничивать ли их круг только участниками, или включить и организаторов, руководителей преступной группы? Безусловно, налицо направленность исследуемой нормы по отношению к второстепенным участникам организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), так как они менее общественно опасны относительно других участников, а несовершение тяжких и особо тяжких преступлений мотивирует их к самообнаружению. Однако главная цель ст. 18 ФЗ об ОРД – обнаружить и ликвидировать организованную группу или преступное сообщество как структуру, чтобы она перестала существовать. Тем самым не лишено смысла распространение исследуемого основания освобождения от уголовной ответственности и на создателей и руководителей организованной группы или преступного сообщества. Ведь сегодня уголовный закон различает организаторов, руководителей и участников указанных объединений, а исследуемая статья не конкретизирует субъектов, используя лишь одно понятие «член преступной группы». Полагаем, что целесообразно предусмотреть освобождение от уголовной ответственности для организаторов и руководите-

¹ См.: Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Законность. 1999. № 5. С. 21.

² См.: Аликперов Х. Д., Курбатова К. Ш. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности // Государство и право. 2000. № 1. С. 56.

лей преступного сообщества за само его создание или руководство им при условии, что деятельность такого сообщества не начала осуществляться. В УК РФ закреплены самостоятельные преступления, заключающиеся в создании организованной группы (например, ст. 209 УК РФ) или преступного сообщества (преступной организации) (например, ст. 210 УК РФ).

Если же такая деятельность имела место (планирование, приготовительные действия и т. д.), то освобождение от уголовной ответственности за создание или руководство организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) возможно, если в рамках преступного сообщества не совершено тяжкого или особо тяжкого преступления против личности. В случае наличия последних общественная опасность первого лица организованной группы или преступного сообщества достаточно велика, и по криминологическому обоснованию его нельзя освободить от уголовной ответственности.

В процессуальном смысле применение такого освобождения иногда может быть выгодно для государства. Что касается организатора или руководителя преступного сообщества, то распространение на них действия норм ст. 18 ФЗ об ОРД имеет большое процессуальное значение. При задержании такого лица его преступная деятельность не всегда прекращается. Руководство может осуществляться и из учреждений, исполняющих уголовные наказания, путем использования конспиративных контактов, подкупа, угроз и т. д. Если даже во время следствия руководитель преступного сообщества откажется продолжать свою деятельность и будет помогать следствию, то многие преступления, спланированные указанным сообществом, могут быть предотвращены, и деятельность его будет прекращена. В данном случае процессуальный интерес не конкурирует с уголовно-правовым. Ведь отмеченные действия и их результаты могут свидетельствовать о снижении общественной опасности виновного. Мотивация у руководителя преступного сообщества будет меньше, чем у рядового участника, так как он несет ответственность за все преступления, совершенные сообществом. Только за некоторые из

них он может быть освобожден от уголовной ответственности. Это может выступать стимулом для главы преступного сообщества в сотрудничестве с правоохранительными органами. Вместе с тем распространение на организатора или руководителя организованной группы (преступного сообщества) действия нормы об освобождении от уголовной ответственности может стать и весомым уголовно-процессуальным инструментом компетентных органов, учитывая, что от уголовной ответственности как таковой лицо не освобождается. Вопросы уголовной ответственности данного лица за совершенные организованной группой (преступным сообществом) преступлений решаются отдельно.

В правовой литературе было высказано мнение о возможности непосредственного применения абз. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД в следственно-прокурорской и судебной практике. Отстаивающие эту позицию ученые полагают, что при коллизии между нормами УК РФ и ФЗ об ОРД следует отдавать предпочтение последнему, поскольку он по сравнению с УК РФ предусматривает более мягкие меры ответственности и освобождает от нее, в связи с чем существенно улучшает положение виновного¹.

С такой позицией категорически нельзя согласиться. Во-первых, при конструировании абз. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД едва ли предполагалось, что она станет самостоятельным основанием освобождения от уголовной ответственности. Не случайно в абз. 4 есть слова «в соответствии с законодательством Российской Федерации (в соответствии, а не в порядке, предусмотренном законодательством. — А. А.)». Во-вторых, согласно ст. 1 УК РФ «законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». На наш взгляд, это распространяется и на законы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности. Если бы одни законы предусматривали уголовную ответственность, а другие — освобождение от нее, то это противоречило бы установленному в УК РФ принципу единства источников уголовного права.

¹ См.: Аликперов Х. Д., Курбатова К. Ш. Указ. соч. С. 58.

Таким образом, все предложенные положения ст. 18 ФЗ об ОРД должны быть закреплены и в соответствующих статьях УК РФ. Сегодня уже есть примечание к ст. 210 УК РФ, которое закрепляет освобождение от уголовной ответственности участников преступного сообщества (преступной организации) за осуществление деятельности в нем. Однако не лишены смысла действия по предусмотрению и других положений, касающихся освобождения от уголовной ответственности создателей и руководителей преступного сообщества (преступной организации), а также создателей, руководителей и участников организованной группы. Причем, как указано выше, не только относительно создания, руководства или участия в конкретных преступных объединениях, но и относительно преступлений, совершенных в их составе. Освобождение от уголовной ответственности создателей, руководителей или участников организованной группы или преступного сообщества при совершении преступлений небольшой или средней тяжести

С. А. Арбузова,
*начальник кафедры общеправовых дисциплин
Самарского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний*

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Конституция РФ закрепляет в ст. 2 положение о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Однако государство всего лишь соглашается считать эти права и свободы существующими и действительными, а также не нарушать их, при этом данное обстоятельство еще не является показателем свободы индивида в границах государственного союза. Населению важно, чтобы государство активно реализовывало политику, направленную на установление в обществе таких ценностных ориентиров. Очевидность данного положения не означает простоты его воплощения в жизнь, поскольку сущность государства является двой-

(при условии способствования раскрытию преступлений, изобличению соучастников и возмещению ущерба, причиненного преступлениями) может найти закрепление в гл. 11 «Освобождение от уголовной ответственности» УК РФ в качестве самостоятельной нормы. Освобождение от уголовной ответственности не только участников преступного сообщества (преступной организации), но и создателей, руководителей или участников организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) возможно закрепить в примечаниях к соответствующим статьям (например, ст. 208, 209, 210 УК РФ).

Библиографический список

1. Михеев, И. Квалификация преступных деяний по ст. 210 УК РФ / И. Михеев // Законность. – 2006. – № 6.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2007.

ственной. С одной стороны, государство есть форма организации общества, ставшая следствием определенного развития социальных отношений, двигателем которых являлся человек. С другой стороны, государство, будучи наделенным властью, становится обособленным институтом, формирующим интересы, отличные от интересов общества.

Следствием дуализма интересов является различие в «надлежащих» и «фактических» целях государственной власти. При обсуждении целей государства «смешивают обычно три разных вопроса: для чего существует государство? какую цель имеет в истории всякое определенное государство? какую цель имеет государство в данную эпоху для всех членов и для всего общества?»¹. Полагаем, что первые два вопроса представляются неразрешимыми. Относительно последнего можно сказать, что сегодня нравственность и эгоизм в отношениях личности и государства совпадают, поскольку «государственная власть пришла уже к убеждению, что самосо-

¹ Гумплович Л. Общее учение о государстве. Спб., 1910. С. 271.

хранение и благополучие ее зависит от счастья и благосостояния народа, поэтому непосредственной целью ее деятельности является народное счастье и благосостояние»¹. Для достижения этой цели государство должно решить определенные задачи, к числу которых относят установление правового порядка, хозяйственное устройство, духовное развитие населения². Цели и задачи государства как социального института выступают определяющим элементом в реализации его функций³.

Вопрос о функциях государства рассматривается юридической наукой по-разному. В. В. Лазарев и С. В. Липень определяют функцию государства как основное направление деятельности по решению стоящих перед ним задач⁴. Некоторые ученые акцентируют внимание на необходимости, однородности, постоянстве и целесообразности этих направлений, их объективной обусловленности⁵. А. Б. Венгеров говорит о государственных функциях как о комплексе предмета и содержания государственной деятельности на определенном направлении и средствах и способах ее реализации⁶, соединяя категории «функция» и «форма осуществления функции». Не подвергая детальному анализу дискуссию по данной проблеме, полагаем, что сущность дефиниции «функция» отражается в следующем определении: «функция государства – объективно необходимое, целостное основное направление деятельности государств, осуществляемое в жизненно важной сфере общественных отношений, выражающее его сущность и социальное назначение и имеющее законодательную регламентацию»⁷. Посредством реализации имеющихся функций государ-

ство достигает соответствия между своими потребностями и потребностями общества.

Нельзя не отметить, что понятие функции тесно связано с понятием государственного управления как целенаправленного организующе регулирующего воздействия государства на общественные процессы. С одной стороны, государственное управление является способом государственной деятельности (т. е. формой осуществления функций), с другой стороны, функциональный аспект – это одна из характеристик государственного управления. Н. И. Глазунова, занимающаяся изучением проблем государственного управления, справедливо отмечает, что управленческие функции различаются в зависимости от объема управляющего воздействия: функции госуправления, воздействующие на общество в целом; функции исполнительной власти как административное управление государственными делами; функции конкретной публичной службы; функции индивидуального должностного лица⁸.

Не сводя все государственные функции лишь к управленческим, полагаем, что справедливо будет говорить о разном уровне государственных функций вообще: интегративных, непосредственно связанных с целями государства; функций отдельных ветвей власти; функций конкретной публичной службы; функций индивидуального должностного лица.

Функции первого уровня призваны реализовать задачи, стоящие перед всей системой государства. *Конституционные нормы ст. 2 определяют как раз такую функцию – обеспечить признание, соблюдение и защиту прав и свобод граждан*. Нужно сказать, что обеспечение прав и свобод человека и гражданина не всеми рассматривается как функция. Например, М. Н. Марченко считает, что это «основная цель, задача... любого уважающего себя и своих граждан государства и общества»⁹, другие авторы называют обеспечение основных прав и свобод человека целями механизма государственной власти¹⁰. В международно-правовых документах весь

¹ Гумплович Л. Указ. соч. С. 272.

² См.: Ильин И. А. Теория государства и права / Под ред. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 141–144.

³ См.: Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. С. 48.

⁴ См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: Учеб. 2-е изд. М., 2000. С. 66.

⁵ См.: Пахоленко Н. Б. От тоталитаризма к демократии: о функциях государства в переходный период // Политические проблемы теории государства. М., 1993. С. 29.

⁶ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учеб. 3-е изд. М., 1999. С. 141.

⁷ Бухтерева М. А. Формы реализации функций государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 4.

⁸ См.: Глазунова Н. И. Система государственного управления: Учеб. М., 2002. С. 397.

⁹ Марченко М. Н. Теория государства и права: Учеб. 2-е изд. М., 2006. С. 335.

¹⁰ См.: Бобылев А. И. Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 104.

комплекс прав человека рассматривается как задача, «к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства»¹. Считаем, что изложенные точки зрения не совсем верно отражают суть данного социального явления. Цель – это обусловленный определенными мотивами некий конечный результат, на который направлено любое действие. Высшей целью государства выступает, как уже отмечалось, достижение благосостояния человека и всего общества, социальная справедливость, и в этом состоит социальное назначение государства. Таким образом, цель государства заключается в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Всеобщая декларация человека расценивает реализацию правового комплекса, в ней закрепленного, в качестве задачи, так как конструкции, содержащиеся в декларативных международных документах, имеют форму «мягкого права», а не жестких юридических предписаний. Функция же – это характеристика динамическая, связанная с конкретной государственной деятельностью.

Согласно толковому словарю «реализовать» значит осуществить, исполнить, тогда как «обеспечить» – сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым². Поэтому обеспечение прав и свобод человека и гражданина является способом их реализации. *Таким образом, через функцию обеспечения отношение государства к субъективным правам личности трансформируется от их пассивного признания до воплощения в государственно-властной деятельности.* Обеспечение заключается в создании надлежащих условий для реализации прав и свобод граждан, в организации самого процесса осуществления их личностью, а также в охране и защите этих прав.

Выполнение функции обеспечения прав и свобод человека и гражданина осуществляется с помощью определенного механизма, структура которого обуславливается самой функцией.

В юридической литературе правовая категория «механизм» используется достаточно широко. Говорят о таких понятиях, как: «ме-

ханизм государства», «механизм правотворчества», «механизм государственной власти», «механизм государственно-правового регулирования», «механизм реализации личных конституционных прав граждан», «социально-психологический механизм перевода прав и обязанностей личности в реальное поведение», «механизм обеспечения законности»³. Вообще термин «механизм» означает внутреннее устройство системы чего-либо, совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо явление⁴. Иными словами, механизм – это совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих динамическую систему.

Анализ существующих точек зрения на проблему функционирования механизма обеспечения прав и свобод человека⁵ позволяет утверждать, что комплексный характер механизма обеспечения прав личности, изученный с различных сторон, содержит в себе ряд элементов, имеющих самостоятельное значение для эффективного функционирования последнего. Так, обращая внимание в субъектном составе всех изученных механизмов на государство как институт, деятельность которого лежит в основе реализации прав и свобод человека, считаем возможным выделить управленческий элемент в государственной деятельности, поскольку, как уже отмечалось, государственное управление является формой осуществления функций государства вообще и функции обеспечения, в частности. При этом управление должно рассмат-

³ См.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1966; Бобылев А. И. Указ. соч. С. 104; Толкачев К. Б. Методологические и правовые основания реализации личных конституционных прав и свобод человека и гражданина и участие в ней органов внутренних дел. СПб., 1997; Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1987.

⁴ См.: Словарь русского языка. М., 1989. Т. 2. С. 262.

⁵ См.: Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина (теоретико-правовое исследование). Саратов, 1996; Бутылин В. Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан. Тюмень, 2001; Анохин Ю. В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007; Чесноков А. А. Государственный механизм защиты прав личности в СССР и Российской Федерации (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

¹ Преамбула Всеобщей декларации прав человека // Права и свободы человека и гражданина: международные и российские правовые акты. Самара, 1997. С. 6.

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 571, 693.

риваться как реализация государственного администрирования. В данном случае оно является, наряду с законодательной, судебной и контрольно-надзорной составляющей, одной из подсистем. Поэтому можно говорить о государственно-правовом механизме управления обеспечением прав и свобод человека и гражданина как исполнительной подсистеме общего механизма обеспечения прав и свобод личности. Сущность рассматриваемого механизма проявляется через сущность самого обеспечения. Как правило, говорят о трех видах деятельности, однако в содержательном плане единства нет. Так, Ю. А. Анохин рассматривает обеспечение как создание предварительных условий; как процесс охраны и защиты прав и свобод личности и, наконец, как итог, результат деятельности личности, государства и всего общества, выражающийся в фактической реализации прав и свобод личности¹. Н. В. Витрук, исследуя механизм реализации основных прав и свобод, включает в него систему гарантий конституционных прав и свобод, сам процесс реализации и охрану (защиту) конституционных прав, относя к обеспечению систему гарантий².

По нашему мнению, определение содержания обеспечения, предложенное Ю. А. Анохиным, не вполне логично, поскольку результат любого процесса не является однопорядковой категорией по отношению к компонентам процесса. Кроме того, в идеале можно представить реализацию как естественный процесс, не нуждающийся в гарантиях и опеке государства, без чего теряется смысл обеспечения. Точка зрения Н. В. Витрука также не отражает сущности обеспечения в полном объеме. Охрана (защита) прав в публичных правоотношениях подчеркивает значение государства «как охранительного учреждения, ставшего необходимым вследствие тех бесчисленных посягательств, которым подвергается человек и которые он в состоянии отражать не в одиночку, а в союзе с другими людьми»³. Охраняя

(защищая), государство устраняет возможность возникновения препятствий (или сами препятствия) на пути реализации субъективных прав, тем самым обеспечивая их.

Таким образом, считаем, что сущность обеспечения состоит в триаде видов деятельности, которые должны рассматриваться в единстве и взаимосвязи. Первый из них – гарантирование, т. е. создание условий для реализации права или его восстановления.

Под гарантиями ученые-правоведы понимают меры, обеспечивающие возможность реализации физическим лицом принадлежащих ему прав и свобод. С. В. Калашников склонен рассматривать гарантии как «совокупность средств, способов и процедур, создающих условия, при которых личность может реально защищать и отстаивать на законном основании предусмотренные Конституцией и законодательством свои права и интересы»⁴. В научной литературе представлены различные виды гарантий. Так, О. Е. Кутафин выделяет политические, экономические, социальные, организационные, правовые и процессуальные⁵. А. И. Павловский не выделяет процессуальных гарантий, но находит основания для духовных⁶. М. В. Баглай и Б. Л. Железнов полагают, что гарантии не должны выходить за рамки правовой сферы и могут быть разделены на общие гарантии и гарантии правосудия⁷.

Нам представляется, что применительно к обеспечению прав и свобод гарантии должны означать средства, способы и процедуры, создающие условия для наиболее полной реализации физическими лицами и их объединениями принадлежащих им прав и свобод. В связи с этим гарантии могут быть экономическими, политическими,

⁴ Калашников С. В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод // Государство и право. 2002. № 10. С. 18.

⁵ См.: Государственное право Российской Федерации: Курс лекций для юрид. ин-тов и фак. / Под ред. О. Е. Кутафина. М., 1993. Т. 1. С. 220.

⁶ См.: Павловский А. И. Административно-правовые гарантии прав и свобод в сфере охраны общественного порядка: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 33–35.

⁷ См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1997. С. 246–258; Железнов Б. Л. Механизм государственной защиты основных прав и свобод // Вестн. ТИСБИЗ. Казань, 2002. № 3. С. 89.

¹ См.: Анохин Ю. В. Указ. соч. С. 18.

² См.: Витрук Н. В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан // Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 201.

³ Шопенгауэр А. Избранные произведения / Сост., авт. вступ. ст. и прим. И. С. Нарского. М., 1992. С. 139–140.

специальными (юридическими). Одни из них непосредственно касаются института прав и свобод личности, другие – опосредованно. Духовные гарантии могут быть отнесены скорее к свойствам социальной среды, в которой обеспечение будет наиболее успешным. Безусловно, все гарантии между собой взаимосвязаны. Так, для обеспечения гражданину права на труд и свободный выбор работы государство обязано не только развивать предпринимательство, отношения свободного рынка, поддерживать национальную валюту, но и осуществлять правовое регулирование отношений между работником и работодателем. При этом право на свободу убеждений гарантируется многопартийностью в политической системе и правовым закреплением данного принципа в Конституции РФ.

Вторым проявлением обеспечения выступает организация самого процесса осуществления личностью своих субъективных прав (в правовой литературе этот процесс нередко относят к организационным гарантиям). Например, ст. 41 Конституции РФ закрепляет право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Государство обеспечивает реализацию этого права посредством создания системы здравоохранения, определения основных направлений ее функционирования, организации взаимодействия между уровнями этой системы, ее отдельными звеньями, координации действий всех субъектов в указанной сфере.

Третий вид деятельности – охрана и защита прав и свобод человека и гражданина. Сегодня в научных кругах существуют разные подходы к определению этих терминов. Л. О. Красавчикова трактует понятие «охрана прав» широко: «...Гражданско-правовая охрана личной жизни представляет собой систему установленных... государством гражданско-правовых мер и способов *обеспечения* (курсив наш. – А. С.) свободы гражданина определять свое поведение в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, исключающей вмешательство в личную жизнь со стороны других лиц, кроме случаев, прямо предусмотренных законом»¹. В. Д. Ардашкин,

С. Н. Кожевников, И. Л. Петрухин считают, что правоохрана – это, прежде всего, государственное принуждение, включающее в себя институт ответственности, институт защиты, институт предупреждения и институт процессуального обеспечения². Суть следующего подхода состоит в том, что в понятие «охрана прав» включается как недопущение посягательств на субъективное право, предохранение его от нарушений, так и активное восстановление нарушенного права³. Ученые, придерживающиеся этой точки зрения, соотносят «охрану прав» и «защиту прав» как целое и часть целого. Близки к ним и те исследователи, которые отождествляют термины «защита прав человека» и «охрана прав человека», поскольку «деятельность, направленная на устранение препятствий в осуществлении прав и обязанностей, в том числе и споров, на борьбу с неисполнением обязанностей и злоупотреблением правом, составляет содержание охраны (защиты) прав...»⁴.

Каждая позиция имеет свои слабые стороны. Так, нельзя признать основательным рассмотрение охраны прав как государственное принуждение, поскольку им не исчерпываются правоохранительные отношения. Такой подход не предусматривает самозащиту как вариант охранительной деятельности. Против отождествления охраны и защиты выступают В. Н. Бутылин, К. Б. Толкачев, А. Г. Хабибуллин, А. С. Мордовец, А. А. Магомедов, которые полагают, что эти категории следует различать по сути и содержанию. При этом имеется в виду следующее: охрана прав и свобод есть состояние правомерной реализации прав и свобод под контролем социальных институтов, но без вмешательства последних.

² См.: Ардашкин В. Д. Правоохранительный механизм: понятие, научный инструментарий // Охранительный механизм в правовой системе социализма: Межвуз. сб. / Под ред. Н. В. Витрука. М., 1989. С. 8; Кожевников С. Н. Восстановительные меры по советскому законодательству // Науч. тр. Свердловск, 1975. Вып. 42. С. 9; Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 58, 59.

³ См.: Тарасова В. А. Охрана прав граждан в пенсионном обеспечении. М., 1978. С. 23, 24.

⁴ Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 203.

¹ Красавчикова Л. О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. С. 33.

Защита необходима тогда, когда осуществление прав и свобод затруднено, но они еще не нарушены. Если права и свободы нарушены, то их надо не защищать, а восстанавливать¹.

Соглашаясь с Л. О. Красавчиковой в том, что охрану и защиту можно рассматривать в качестве элемента обеспечения, мы считаем возможным говорить не о поглощении одного понятия другим, а о том, что они соотносятся как частное (охрана и защита) и общее (обеспечение). Частное включает в себя сущностные характеристики общего, но вместе с тем обладает спецификой, что вполне дает возможность говорить о существовании механизма обеспечения прав и свобод человека и его части – механизмов охраны и защиты прав и свобод человека. Что касается вопроса о внутрисистемном соотношении «охраны прав» и «защиты прав», приходится признать, что он находит отражение лишь в теоретических трудах, тогда как законодатель не проводит четкой границы между данными понятиями. Например, ст. 38 Конституции РФ говорит о материнстве, детстве, семье как институтах, находящихся под защитой государства, а ст. 21 Конституции РФ – об охране государством достоинства личности. «Восстановление права» – термин, не получивший распространения в правовых актах.

Статическая характеристика предложенного механизма включает в себя цели, задачи, принципы и структуру: объектов, субъектов, совокупность специальных средств, приемов и процедур обеспечения прав и свобод, а также взаимосвязи между ними. Целью его является повышение эффективности реализации государственной функции обеспечения прав и свобод человека. Для достижения выбранной цели возможно говорить о необходимости решения следующих задач в рамках рассматриваемого механизма: формирование устойчиво функционирующей системы управления

обеспечением прав личности; поиск и нейтрализация факторов, деформирующих такую систему; организация внутри- и внесистемного взаимодействия ее активных элементов с учетом интересов населения.

Таким образом, через установление сущности и структуры государственно-правового механизма управления обеспечением прав и свобод человека и гражданина данная категория может быть определена следующим образом: *государственно-правовой механизм управления обеспечением прав и свобод человека и гражданина является одной из подсистем (исполнительной) механизма обеспечения прав и свобод человека и представляет собой базирующуюся на определенных принципах, взятую в единстве систему принципов, средств, приемов и процедур правового и неправового характера, при помощи которых достигается повышение эффективности реализации государственной функции обеспечения прав и свобод человека*. Действие рассматриваемого механизма выражается через динамическую составляющую его объектов – поведение участников общественных отношений, характеризуется взаимосвязью внешних и внутренних факторов. Ими в немалой степени определяется и результативность функционирования механизма. Если результатом государственной деятельности в рамках механизма управления обеспечением прав личности становится невозможность фактической реализации декларируемого права, то можно говорить о неэффективности существующего механизма, повлекшего дисфункцию обеспечения.

Библиографический список

1. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник / А. Б. Венгеров. – 3-е изд. – М., 1999.
2. Глазунова, Н. И. Система государственного управления : учебник / Н. И. Глазунова. – М., 2002.
3. Ильин И. А. Теория государства и права / И. А. Ильин ; под ред. В. А. Томсинова. – М., 2003.
4. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 2-е изд. – М., 2000.

¹ См.: Бутылин В. Н. Указ. соч.; Толкачев К. Б., Хабибуллин А. Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. Уфа, 1991. С. 65–80; Мордовец А. С., Магомедов А. А., Силантьева Л. В., Чинчиков А. А. Права человека и деятельность органов внутренних дел. Саратов, 1994. С. 93.

МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПРАВЕ

Метод моделирования давно используется как в естественных, так и в общественных науках. Однако лишь с их бурным развитием в настоящее время моделирование нашло широкое распространение в различных областях научного знания. Тем не менее в юридической науке проблемы моделирования исследованы недостаточно¹.

Право в той или иной степени пронизывает все сферы человеческой деятельности. В этой связи, по верной мысли В. А. Леванского, «количество всевозможных моделей правовых систем и их элементов, рассматриваемых как подсистемы, т. е. количество моделей, выделяемых по объектам отражения, по предмету моделирования, поистине неисчерпаемо»².

«Моделирование – это процесс познания природных и социальных явлений путем конструирования в сознании аналога социальной реальности. Мысленно сформулированный законодателем тот или иной вариант идеального поведения, представления о социальных явлениях облекается в форму модели. Средства выражения модели разнообразны: естественный язык, формулы, конструкции, цифры и т. п.», – отмечает В. К. Бабаев³.

Исследование любого правового явления логично начинать с изучения этимологии слов, отражающих его сущность. Кроме того, «углубленные знания о свойствах слов (словосочетаний, предложений и т. п.) помогают постичь логику юридического мышления, умело формулировать научные гипотезы, идеи, теории, концепции и оперировать на практике различными юридическими категориями и конст-

рукциями»⁴. Слово «модель» имеет латинские корни и в переводе означает меру, образ, способ и др. Первоначально оно употреблялось в строительном искусстве. Заимствованное у римского зодчего Витрувия оно уже в средние века обозначало масштаб (половина диаметра колонны), в котором выражались все пропорции здания. В связи с этим в европейских языках появляются слова: «moule» (старофранцузский), «mould» (староанглийский), «model» (староголландский), – имеющие значение формы, образца и вообще чего-то, сделанного на основе измерения. В XVI в. итальянское слово «modello» – образец, прообраз перешло в другие языки. Так возникли: французское «modele», английское «model» и немецкое «Modell», русское «модель» с аналогичными значениями образцовой формы, по которой что-то создается в изобразительном искусстве⁵.

В. А. Штофф отмечает, что в научной литературе встречаются попытки настолько широкого применения понятия «модель», что оно отождествляется с понятием теории. «В отличие от теории, модель характеризуется обязательно наглядностью, это связано с тем обстоятельством, что модель всегда приурочена к определенным пространственно-временным координатам»⁶. Полагаем, что данное утверждение справедливо для естественно-научных отраслей знания. Применительно же к гуманитарной области и, в частности, юриспруденции такая позиция неприемлема, поскольку именно теория здесь является сферой приложения научного знания.

Как известно, все модели можно разделить на две группы: модели вещественные, или материальные, и модели логические, или идеальные. На первый взгляд термин «материальные» по отношению к правовой тематике выглядит достаточно странно. Вряд ли посредством органов чувств возможно ощутить, почувствовать материальную природу какой-либо правовой нормы или юридиче-

¹ Об этом см., напр.: *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора: Учеб. пособие для вузов. М., 2003. С. 238, 239.

² *Леванский В. А.* Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986. С. 35.

³ *Теория государства и права: Учеб. / Под ред. В. К. Бабаева.* М., 2002. С. 370.

⁴ *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества: Учеб. пособие: В 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 37.

⁵ См.: *Штофф В. А.* Роль моделей в познании. Л., 1963. С. 8, 9.

⁶ Там же. С. 10.

ской конструкции. Между тем в редких случаях можно представить себе материальные модели и в сфере права. В качестве примера таковых А. Ф. Черданцев приводит кибернетические модели¹, а В. А. Леванский – макет места преступления, изготовленный для криминалистической экспертизы².

Классифицируя существующие в правовой сфере модели считаем возможным выделить такой классификационный критерий, как *форма отображения*. По данному критерию все правовые модели следует разделить на материальные, теоретические (объективированные³) и метатеоретические (идеальные). Пример материальных моделей мы уже привели. Ко второй группе можно было бы отнести правовые нормы, юридические конструкции, правовые принципы, правовые аксиомы и т. п., к третьей группе – правовые парадигмы, стиль правового мышления, правовые методы и т. п.

Следует также признать, что моделирование применительно к праву можно рассматривать с двух сторон.

С одной стороны, право представляет собой идеальный образец (модель) важнейших общественных отношений, и следовательно, может использоваться для их познания и изучения. Право регулирует общественные отношения, предоставляя образцы должного поведения субъектов. С данных методологических позиций моделирование нужно рассматривать как составную часть социологического подхода к теории правовой системы общества. «В социологическом подходе центральное место отводится исследованиям конкретных форм поведения и социальных ролей субъектов права, социально-правовых отклонений (юридических конфликтов, рисков, ошибок, правонарушений и т. д.) и их последствиям, взаимосвязи отношений (в том числе правовых) между людьми, их коллективами, организациями», – отмечает В. Н. Карташов⁴.

С другой стороны, право как сложная система само является объектом моделирования, результатом которого выступают различные модели правового материала: модели правовых норм, юридические конструкции, образцы индивидуальных актов (договоров, судебных и следственных актов и др.)⁵. В качестве идеальной модели реальной правовой структуры можно рассматривать и структурные ряды правовых категорий⁶. В обозначенном смысле можно говорить о собственно-правовом моделировании, т. е. моделировании права «самого в себе».

Исследование вопросов моделирования в праве предполагает уточнение содержания термина «правовая модель». В качестве одного из немногочисленных примеров редуцирования модели в правовую сферу можно привести определение А. В. Халдеева, который, анализируя правовую модель жилого помещения в Жилищном кодексе РФ, понимает под ней (правовой моделью) «идеальный, воспроизведенный в нормах права образ, представляющий завершённую систему юридических признаков и характеристик физического объекта или явления»⁷. Учитывая разнообразие видов правовых моделей приведенное определение не может претендовать на единственно верное, так как даже при первом приближении не охватывает таких их разновидностей, как материальные (демонстрационные).

В диссертационных исследованиях, где термин «правовая модель» вынесен в название работ, авторы вообще не определяют своего методологического кредо по поводу его содержания⁸. Так, например, Б. Б. Цы-

⁵ См.: Хохлов С. А. Техника договорной работы // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сб. ст. М., 2001. С. 207.

⁶ См.: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 150, 151.

⁷ Халдеев А. В. О правовой модели жилого помещения в Жилищном кодексе РФ // Журн. рос. права. 2006. № 8. С. 104.

⁸ См., напр.: Воронцова Л. С. Правовая модель евразийского патента и гармонизация патентного законодательства: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; Чернега О. А. Правовая модель благотворительности и благотворительных организаций: гражданско-правовой и социологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Цыбиков Б. Б. Правовая модель Российского государства на современном этапе: Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006.

¹ См.: Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 240.

² См.: Леванский В. А. Указ. соч. С. 28.

³ Отметим, что не следует путать объективацию с материализацией. Объективироваться могут и идеальные фрагменты правовой действительности, их же материализация в реальном мире невозможна.

⁴ Карташов В. Н. Указ. соч. С. 39.

биков в качестве одной из задач исследования называет следующую: «...проанализировать понятие, природу и сущность категорий «государство», «правовая система», «правовая модель», изучить их функциональные характеристики»¹. Однако данный автор в своей работе не анализирует понятия «правовая модель», т. е. Б. Б. Цыбиков решил поставленную перед собой задачу не в полном объеме.

В тексте диссертационного исследования О. А. Чернега «Правовая модель благотворительности и благотворительных организаций: гражданско-правовой и социологический аспекты» термин «правовая модель» вообще не употребляется. Данную работу логичнее было бы назвать, например, так: «Благотворительность и благотворительные организации в сфере правового регулирования: гражданско-правовой и социологический аспекты». То же самое мы можем сказать и о работе В. С. Воронцовой «Правовая модель евразийского патента и гармонизация патентного законодательства».

В качестве базового определения модели для его дальнейшего редуцирования в правовую сферу воспользуемся дефиницией, предложенной В. А. Штофом: «...мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте»². Анализируя данное определение, А. Ф. Черданцев отмечает, что «модель может выполнять различные функции, в том числе и не связанные с получением новой информации, например описательную, демонстрационную функции»³. Он же в качестве характерных черт моделей выделяет следующие: модель является формой отражения действительности; модель создается в результате абстракции, идеализации; модель и исследуемый объект находятся между собой в отношении соответствия; модель служит средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного яв-

ления; модель, выступая в качестве заместителя объекта, дает информацию об объекте, является промежуточным звеном между теорией и действительностью, имеет содержательный характер⁴.

Придав приведенным чертам моделей статус существенных условий и не забывая о том, что правовые модели могут быть и материальными, мы предлагаем свое определение правовой модели. Итак, *правовая модель – это созданная в результате абстракции, идеализации (для теоретических и метатеоретических моделей) или наблюдения (для материальных моделей) форма отражения правовой (или окружающей) действительности, находящаяся в отношении соответствия с исследуемым объектом, служащая средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного явления (или наглядности в описании объектов материального мира), дающая информацию об объекте или выполняющая специальную описательную (демонстрационную) задачу.*

Данное определение не претендует на окончательность, оно лишь является еще одним шагом на пути познания такого сложного и многомерного явления, как моделирование в праве. Кроме того, по нашему мнению, в отношении определения содержания термина «модель» применительно к тому или иному правовому явлению следует идти по пути формулирования термина «имущество» в гражданском праве. Как отмечает Е. А. Суханов, «понятие имущества в гражданском праве многозначно. Поэтому необходимо всякий раз путем толкования уяснять значение этого термина в конкретной правовой норме»⁵.

Библиографический список

1. Леванский, В. А. Моделирование в социально-правовых исследованиях / В. А. Леванский. – М., 1986.
2. Штоф, В. А. Роль моделей в познании / В. А. Штоф. – Л., 1963.
3. Штоф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штоф. – М., 1966.

¹ Цыбиков Б. Б. Указ. соч. С. 7.

² Штоф В. А. Моделирование и философия. М., 1966. С. 19.

³ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 240.

⁴ См.: там же.

⁵ Гражданское право: Учеб.: В 4 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2005. Т. 1: Общая часть. С. 399.

А. В. Беляков,
*преподаватель кафедры боевой
и тактико-специальной подготовки
ВЮИ ФСИН России*

**ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ КАК НЕОБХОДИМЫЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦЕННОСТНОМ ОТНОШЕНИИ
К ЗДОРОВЬЮ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ**

В последние годы в России обострилась проблема состояния здоровья населения, в частности, увеличилось количество подростков, страдающих от наркотической, алкогольной и никотиновой зависимости. Основными причинами, негативно влияющими на состояние их здоровья, также являются: снижение уровня жизни и качества питания, ухудшение условий учебы, отдыха и состояния окружающей среды, увеличение чрезмерных стрессовых нагрузок, в том числе снижение уровня физической подготовленности и физического развития.

В настоящее время физической культурой и спортом в стране занимается всего 8–10 % молодежи, тогда как в экономически развитых странах мира этот показатель достигает 40–60 %¹. В связи с этим в отечественных государственных образовательных стандартах вопросы здоровьесбережения отнесены к дисциплинам федерального компонента, что подчеркивает их значимость в формировании здорового образа жизни у учащейся молодежи. Здоровьесберегающее образование подрастающего поколения является комплексной проблемой обучения, воспитания и развития, решение которой должно осуществляться на базе целостной, содержательной и технологичной системы «семья – школа».

Важную роль играет при этом педагогический аспект, реализация которого предполагает обучение каждого россиянина эффективным способам поддержания здоровья, воспитания на основе здоровьесберегающих знаний, средств, а также эмоционально-ценностных отношений к своему здоровью и здоровью других людей.

Для решения этих задач требуются определенные педагогические условия, включающие физическую культуру и спорт, ко-

торые являются наиболее универсальными способами физического и духовного оздоровления подрастающего поколения.

В условиях становления в нашей стране рыночной экономики и демократического общества, с принятием Россией мировых ценностей и идеалов общенациональная модель физкультурно-спортивного движения как важная составляющая здорового образа жизни должна решать следующие задачи:

1. Сохранение и укрепление физического и психического здоровья молодых людей.

2. Конструктивное воспитание подрастающего поколения, способного противостоять таким негативным явлениям, как наркомания, пьянство, табакокурение, девиантное поведение и т. д.

3. Формирование жизненно важных двигательных умений и навыков, разностороннее развитие физических способностей учащейся молодежи.

4. Развитие народных систем физического воспитания, позволяющих полностью раскрыть национальные традиции народов России, их самобытность в рамках единой государственной системы.

5. Доступность занятий физической культурой и спортом для всех слоев населения.

6. Поддержание демографической политики, нацеленной на увеличение рождаемости здоровых детей.

7. Подготовка к профессиональной деятельности и воинской службе.

8. Обеспечение способности широких слоев населения, особенно молодежи, адаптироваться к сложным ситуациям и противостоять повышенным стрессовым нагрузкам.

9. Создание новой парадигмы информирования освещения в средствах массовой информации (особенно на телевидении) вопросов физической культуры, спорта и здорового образа жизни и др.

Приоритет в работе, связанной с развитием физкультурно-спортивного движения, отдан физическому воспитанию и формированию здорового образа жизни дошкольников, учащихся образовательных школ и колледжей, студенческой молодежи, так как сегодня на повестке дня стоит проблема, требующая срочного решения, – низкие физическая подготовленность и физическое развитие несовершеннолетних. Реальный объем двигательной активности учащихся и студентов не обеспечивает полноценного

¹ См.: Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие. М., 2001.

развития и укрепления здоровья подрастающего поколения. В связи с этим постоянно увеличивается число несовершеннолетних (молодых людей), отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе. Так, по данным за 2006 г., уровень гиподинамии среди школьников достиг 80 %¹.

В настоящее время в стране действует Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 29 апреля 1999 г. № 80-ФЗ², в котором физическая культура и спорт рассматриваются как одно из средств профилактики заболеваний, укрепления здоровья, поддержания высокой работоспособности человека, воспитания патриотизма граждан, подготовки их к защите Родины, развития и укрепления дружбы между народами. Существующие недостатки физического воспитания и развития спорта среди подростков, детей и молодежи объясняются комплексом нерешенных вопросов, среди которых:

- слаборазвитая материально-техническая база; ограниченный объем учебного времени, отведенного на обязательные занятия по физической культуре;
- издержки в профессиональной подготовке педагогических кадров, в содержании и формах физкультурно-оздоровительной работы, особенно среди дошкольников;
- ориентация педагогической деятельности на количественные показатели;
- отсутствие традиций семейного физического воспитания; несогласованность действий органов народного образования, здравоохранения, физической культуры и спорта и др.

Вместе с тем фундамент здоровья и положительного отношения к физической культуре у человека закладывается в детстве. Ухудшающееся здоровье молодого поколения диктует необходимость заняться этой проблемой безотлагательно.

Основные усилия в воспитании здорового, физически крепкого подрастающего поколения сегодня направлены:

- на повышение ответственности родителей за здоровье детей;

- совершенствование программно-методического и организационного обеспечения физического воспитания в учебных заведениях;

- внедрение новых эффективных форм организации спортивных занятий;

- создание индустрии недорогих, но практичных и гигиеничных товаров и тренажеров для занятий физической культурой;

- массовое издание популярной литературы, видеокассет и компьютерных программ по физической культуре;

- создание при образовательных учреждениях комплексных физкультурно-спортивных центров, включающих спортивный зал, бассейн, плоскостные сооружения.

Физическое воспитание должно реализовываться: через уроки физкультуры; дополнительные (факультативные) занятия, в том числе с учащимися, имеющими отклонения в состоянии здоровья; физкультурно-оздоровительные мероприятия в режиме дня; внеклассные формы занятий (спортивные секции, занятия в спортивных школах, самостоятельные занятия); спортивно-массовые и физкультурно-оздоровительные мероприятия. Все это поможет обеспечить каждому ребенку двигательную активность не менее 8–10 часов в неделю.

В решении проблем вовлечения в активные занятия физической культурой детей и молодежи особое внимание необходимо обратить на проведение детьми досуга совместно с родителями. Концепция семейного активного отдыха должна быть признана приоритетной. В эту зону отдыха должны входить сеть спортивно-оздоровительных учреждений, региональных оздоровительных трасс и троп, вдоль которых формируется типовая или нестандартная инфраструктура (спортивные городки, экостадiony, туристско-оздоровительные комплексы).

Практика показывает, что физическая культура и спорт являются эффективным средством профилактики асоциального поведения в молодежной среде. Занятия детей, подростков и молодежи в клубах не только улучшают их здоровье и физическую подготовку, но и обеспечивают им более интересный и содержательный досуг. Сегодня в стране действуют более 7000 клубов, оснащенных спортивным оборудованием и инвентарем, где работают высококвалифицированные педагогические кадры.

¹ См.: Пащенко А. Ю. Педагогические условия организации учебной и внеучебной здоровьесоздающей деятельности учащихся. М., 2006.

² См.: СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2206.

По экспертным оценкам, физическая культура и спорт дают возможность уменьшить заболеваемость детей, подростков и молодежи на 10–15 %, что может сэкономить для государства 2,1 млрд руб. в год, а также сократить преступность среди молодых людей на 10 %, будет способствовать снижению расходов на их содержание в исправительных учреждениях на 700 млн руб. в год¹.

Настоящими центрами физкультурно-спортивного досуга по месту жительства должны стать подростковые клубы, дошкольные учреждения, школы, учреждения профессионального образования, физкультурно-спортивные комплексы предприятий и коммерческих структур.

В целях кардинального улучшения состояния массового физкультурного движения по месту жительства, формирования здорового образа жизни детей, подростков и молодежи необходимо активизировать работу муниципальных властей по созданию материально-спортивной базы по месту жительства и определению механизма оплаты инструкторов-методистов.

Значительную роль в формировании представлений о ценностном отношении к здоровью несовершеннолетних играют средства массовой информации, которые проводят массированные информационно-пропагандистские кампании, использующие широкий спектр разнообразных средств, и осуществляют это с целью формирования престижного имиджа спортив-

ного стиля жизни, уважения собственного здоровья и здоровья окружающих.

Здоровье – это та вершина, на которую каждый должен подняться сам. Большинство людей ценность здоровья осознают только тогда, когда оно находится под серьезной угрозой или в определенной степени утрачено. Только тогда возникает мотивация, установка вылечить болезнь и стать здоровым. Поэтому потребность быть физически и психически здоровыми, духовно-нравственными и творческими личностями, понимающими смысл жизни у молодых людей необходимо сформировать как можно раньше. Физическая культура и спорт должны сыграть в этом деле важную роль.

Библиографический список

1. Виленский, М. Я. Здоровый образ жизни учащейся молодежи как условие культурной жизнедеятельности / М. Я. Виленский // Физическая культура – основа здорового образа жизни. – М., 1995. – № 4.2.
2. Виноградов, П. А. Актуальные проблемы развития физической культуры и формирования здорового образа жизни населения России / П. А. Виноградов. – М., 1995.
3. Герасименко, Н. Ф. Законодательное регулирование вопросов охраны здоровья подростков. Роль образования в укреплении здоровья / Н. Ф. Герасименко, В. С. Царькова // Образование в области здоровья и укрепление здоровья среди детей, подростков и молодежи в России. – М., 1999.

О. В. Богатова,

*декан факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета
кандидат юридических наук, доцент*

ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СИСТЕМЕ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Понимание сущности нормативного правового акта как способа волеизъявления позволяет классифицировать все акты на

несколько категорий, объединяющих отдельные виды актов по критерию формирования и выражения воли и социального интереса. Здесь можно выделить: акты прямого волеизъявления всего народа; акты представительных (законодательных) органов власти; акты прямого волеизъявления определенной социальной общности; акты делегированного волеизъявления определенной общности; акты властного государственного веления; акты властного веления отдельного субъекта нормотворчества (ограниченность полномочий специальным предметом регулирования, числом лиц, кому адресованы (только предприниматели, работники, работодатели, покупатели и продавцы и т. п.) и соответствие волеизъ-

¹ См.: Пономарчук В. А. О повышении роли физической культуры и спорта в формировании здорового образа жизни россиян. М., 2002.

явлению, выраженному народом непосредственно и через представительные органы власти. Каждая из названных категорий характеризуется также особенностями субъекта, принимающего нормативные правовые акты (его компетенция, место и роль в иерархии государственной власти в Российской Федерации).

Рассмотрим каждый из перечисленных видов более подробно.

1. Акты прямого волеизъявления народа. Принимаются по исключительно важным вопросам государственного устройства и общественной жизни. Процедура их принятия представляет собой всеобщее голосование (референдум). Результат непосредственно обусловлен прямым выражением воли властвующего и самоуправляемого субъекта – народа. Акты, принятые на референдуме, не могут быть отменены или изменены в ином порядке. Такие нормативные правовые акты занимают верхнюю строку в иерархии правовых велений по достоверности, определения интереса и закрепления воли субъекта правотворчества, а следовательно, и по юридической силе содержащихся в них предписаний для той общности, для которой они приняты. Имеется в виду, что именно посредством референдума могут быть выявлены воля и социальный интерес всего народа наиболее точно и достоверно. Однако принятие большого количества нормативных правовых актов путем референдума невозможно из-за сложности организационной процедуры и многочисленности задействованных субъектов волеизъявления.

Интересным является соотношение понятий плебисцит и референдум: они очень близки по своему смыслу. В некоторых странах (например, Франция, США) термин «плебисцит» считается синонимом референдума. Однако, несмотря на их близость по содержанию, данные категории полностью не совпадают.

Единство между ними выражается в том, что плебисцит и референдум выступают в качестве институтов непосредственной демократии, представляющими собой своеобразные виды народного голосования, опроса населения по тому или иному важнейшему вопросу их жизнедеятельности с целью принятия соответствующего решения (положительного или отрицательного).

Отмеченное единство не отрицает определенного различия между плебисцитом и референдумом, которое можно свести к следующим положениям:

- в историческом аспекте плебисцит характеризуется более длительным периодом существования, чем референдум. Об этом говорит само слово «плебисцит», которое буквально означает «решение собрания плебеев». Иначе говоря, возникновение плебисцита тесно связано с древней историей развития Римского государства. Референдум характеризуют последующие периоды совершенствования непосредственной демократии;

- опрос населения в плебисците устраивается, как правило, с целью определения судьбы соответствующей территории. В отличие от этого, референдум представляет собой голосование избирателей по различным существенным вопросам государственной или общественной жизни (законопроекты, конституции, поправки к конституции, какая-либо проблема, касающаяся международного статуса страны или внутривнутриполитического положения);

- в правовом аспекте референдум представляет обязывающее решение, внесенное народом, которое должно найти отражение в законе или действиях правительства, а плебисцит является формальным выражением общественного мнения, которое может служить ориентиром для правительства в отношении определенного вопроса;

- плебисцит имеет факультативный характер и проводится в случае необходимости по инициативе государственного органа, а референдум – постоянный институт, предусмотренный в основном законе государства с четко обозначенными субъектами – инициаторами;

- референдум характеризуется четко обозначенными пределами использования, как правило, речь идет о недопустимости вынесения на голосование вопросов чрезвычайного или безотлагательного характера, требующих специальной подготовки, а также ответы на которые заранее известны (в России на референдум не могут выноситься вопросы, касающиеся изменения статуса субъектов Федерации, досрочного продления сроков полномочий Президента РФ). При плебисците таких четко выраженных ограничений не наблюдается.

2. Акты представительных (законодательных) органов власти. Эти акты можно

назвать актами делегированного волеизъявления народа, поскольку принимаются они органом, формируемым путем прямых выборов населением. Каждый из членов такого законодательного органа является представителем определенной группы, общности по территориальному или политическому принципу, т. е. в своей направленности в процессе выработки и закрепления норм, они не свободны от возложенной на них обязанности выражать интересы общности, делегировавшей их в указанный орган. Каждый из этих представителей, выражая волю определенной общности, является представителем воли всего народа, поскольку, во-первых, в высшем законодательном органе страны представлена вся совокупность территориальных и политических элементов, составляющая народ в целом, а во-вторых, процедура принятия нормативных правовых актов в таком органе предусматривает возможность выражения такого интереса и воли (начиная от внесения законопроекта, поправок и до окончательного голосования).

3. Акты прямого волеизъявления определенной социальной общности. Это нормативные правовые акты, принятые на референдумах в отдельных национально-территориальных и территориальных образованиях (в субъектах Российской Федерации и на муниципальном уровне). Для таких актов свойствен интерес, присущий для конкретной общности, выделяющейся из всего населения страны. Именно по особо важным вопросам политической, социальной и экономической жизни этих образований и проводятся местные референдумы, на которых принимается их основной нормативный правовой акт – устав (конституция республики), а также решаются иные важнейшие вопросы. Степень достоверности выявления интереса в таких нормативных правовых актах исключительно высока, а выражение волеизъявления происходит напрямую и фиксируется непосредственно в принимаемом акте.

4. Акты делегированного волеизъявления определенной общности будут иметь такие особенности выражения интереса и воли, которые присущи нормативным правовым актам, принятым органом законодательной власти с тем лишь отличием, что представленный интерес отражает местные

условия, расстановку социальных и политических сил в отдельном регионе.

5. Акты властного государственного веления. К их числу могут быть отнесены нормативные предписания, принимаемые органами государственной власти от имени государства, наделенные полномочиями принимать общеобязательные акты властного характера: указы президента, постановления правительства. Такие нормативные правовые акты не несут в себе выражения интереса народа непосредственно либо путем прямого поручения, однако они могут приниматься только на основании норм, имеющих в своем содержании непосредственное или опосредованное выражение воли и социального интереса всего народа. Веление государства при этом направлено на исполнение воли, выраженной в первых из названных видов нормативных правовых актов. К этой же категории можно отнести нормативные правовые акты, принимаемые органами судебной власти.

Официальная доктрина в настоящее время не признает решения органов судебной системы источниками права¹, однако Конституция РФ наделяет один из органов судебной системы – Конституционный Суд Российской Федерации – полномочиями принимать решения, которые являются общеобязательными, вступают в силу с момента их провозглашения и не могут быть отменены. То есть эти решения имеют фактически юридическую силу нормативного правового акта и большинством современных исследователей расцениваются как источники права². Автор статьи разделяет эту точку зрения, согласно которой решения Конституционного Суда Российской Федерации по своей природе являются регулятором отношений, относящимся к неопределенному кругу лиц и общеобязательны. Кроме того, они выносятся относительно закона, который прежде всего является источником права, и отменяют его, что не может само по себе не изменять того регулирования, на которое направлен такой акт.

¹ См.: Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 2000. С. 296.

² См.: Колесников Е. В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права // Правоведение. 2001. № 2. С. 32–45.

Природа решений органов судебной власти имеет характер правоприменения, что не позволяет суду самостоятельно и произвольно создавать новые нормы, независимо от наличия конкретных правоотношений и другого нормативного правового акта. Например, в решениях о толковании Конституции РФ Конституционный Суд РФ выявляет смысл уже существующих, принятых народом, правил государственного регулирования, тоже и в решениях о признании неконституционными положений действующих нормативных правовых актов.

Таким образом, по сути, устанавливая новое регулирование, решения судов представляют собой веления от имени государства (это подтверждается и формально – все решения судов выносятся именем Российской Федерации), направленные на исправление ошибок в форме нормативных правовых актов органами законодательной и исполнительной власти. То есть это веление от имени государства, выражающее социальный интерес всего народа. Социальный интерес в конституционализации действующих нормативных правовых актов, безусловно, присущ народу как первичному носителю власти в государстве.

Как правило, государственное веление, содержащееся в нормативных правовых актах, издаваемых различными органами исполнительной и судебной власти от имени государства, направлено на регламентацию действий отдельных категорий участников правоотношений, а не на все субъекты права в целом, как законы, принятые на референдуме, и законы, издаваемые органами представительной власти. Например, постановлением правительства устанавливается порядок регистрации граждан по месту жительства и месту пребывания (утверждаются Правила регистрации). Но производится это регулирование исключительно в соответствии с законом о свободе передвижения и конституционными нормами, принятыми парламентом (закон) и народом на референдуме (конституция). Правила регистрации соответственно распространяются не на всех лиц, свободно перемещающихся по территории страны, а лишь тех, кто пребывает в определенном месте определенный период либо меняет свое место жительства или пребывания.

6. Акты властного веления отдельного субъекта нормотворчества, принимаемые не от имени государства в целом, а содержащие волеизъявление обособленного органа, наделенного соответствующими полномочиями. Это акты органов исполнительной власти различного рода отраслевых компетенций (министерства, ведомства и т. п.), органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, локальные нормативные правовые акты отдельных предприятий, учреждений, организаций и т. п. Властное веление такого рода специализированного нормотворца обусловлено его полномочиями в сфере его деятельности.

Как правило, его веления распространяются на ограниченный круг участников общественных отношений (работники предприятия либо отраслевые субъекты – занимающиеся деятельностью в сфере конкретной отрасли экономики, предприниматели, плательщики определенного вида налога и т. п.).

Такие властные предписания могут быть приняты исключительно в узких рамках ограниченного усмотрения, обусловленного обязательным выражением воли не только органа, принимающего данный акт, но и всех субъектов правотворчества, воля которых закреплена в актах, стоящих выше на иерархической лестнице нормативных правовых актов. Здесь должна быть четкая ограниченность волеизъявления специальным предметом регулирования (присущего той или иной отрасли деятельности такого органа), кругом лиц, которому адресованы предписания, и рамками полномочий по выражению собственного волеизъявления, устанавливаемыми в соответствии с интересом, выраженным народом непосредственно и через представительные органы власти, а также отраженным в актах, принимаемых от имени государства в целом.

Приведенная дифференциация нормативных правовых актов позволяет представить их систему в сущностном проявлении и обосновать другие классификации по формальным признакам: юридической силе; иерархии органов, принявших тот или иной нормативный правовой акт; способу оформления и придания юридической силы; порядку принятия; содержащимся в них видам предписаний и т. д. То есть это сущностная классификация, по основным признакам, которые свойственны природе нормативного правового акта как

источника права. При помощи такой дифференциации можно установить место и роль каждого нормативного правового акта в системе источников права не только по его внешнему выражению (форме), наименованию, органу, его принявшему или по какому-либо иному формальному признаку. Здесь становится возможным определить действительное место нормативного правового акта по его правовой природе, его истинному регулятивному потенциалу, влиянию на общественные отношения, определяемому именно степенью выражения и закрепления воли и социального интереса народа – единственного носителя власти в нашем государстве.

По мнению автора, такая классификация является основной в установлении как мес-

та каждого акта в системе права, так и их соотношения, взаимодействия, пределов регулирования каждого из нормативных правовых актов, степени общеобязательности и возможности того или иного органа принимать определенные акты в зависимости от степени приближенности к возможности выражения воли и интереса народа.

Библиографический список

1. Колесников, Е. В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права / Е. В. Колесников // Правоведение. – 2001. – № 2.

2. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М., 2000.

В. В. Богатырев,

*заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук, доцент

Н. А. Горшкова,

курсант ВЮИ ФСИН России

Сущность принципов-идей и принципов-начал в правовой науке

На современном этапе в теории права активно исследуются различные виды юридических норм, институтов и отраслей. В то же время, на наш взгляд, слишком мало внимания уделяется изучению *норм-принципов*, составляющих, как известно, основу регулирования общественных отношений. Именно в принципах наиболее ярко отражена сущность права во всем многообразии составляющих ее сторон и закономерностей. Кроме того, необходимо отметить, что сложившееся в отечественной правовой науке представление о принципах сформировалось в основном на базе узконормативного правопонимания и поэтому имеет существенные недостатки.

На наш взгляд, одной из важнейших проблем юриспруденции являются классификация правовых принципов, выделение критериев, которые давали бы основание рассматривать те или иные из них в качестве основных или неосновных для права в целом или отдельной отрасли.

Прежде всего следует отметить, что выделение в праве тех или иных норм либо руководящих идей, конкретизированных в качестве принципов, в определенной мере носит оценочный характер. Этим объясняется тот факт, что разные авторы приводят разные перечни принципов права и других правовых явлений. Так, каждый правовед стремится внести свой вклад в разработку системы принципов и «зачастую называет какие-то другие принципы, не отмеченные ранее»¹, руководствуясь при этом своим опытом и опираясь на собственное мировоззрение. Такой оценочный подход, по нашему мнению, действительно оказывает определенное влияние на выделение той или иной общей идеи и закрепляет ее в форме правового принципа. Однако надо учитывать, что далеко не каждый принцип, сформулированный таким образом, будет отражать объективную действительность. Это обстоятельство не позволит ему стать руководящим началом, основным направлением деятельности для всей системы права.

Таким образом, гносеологический аспект исследования классификации принципов обусловлен их идеологичностью, детерминированностью не только объективными социальными закономерностями, но и абстрагирующей деятельностью сознания

¹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 63.

человека, творческой активностью его разума. Содержание руководящих положений напрямую зависит от способности юридического мышления проникнуть в сущность общественных процессов, выявить главное, необходимое, основное. Полученные результаты формулируются в виде фундаментальных правовых понятий, которыми и становятся в гносеологическом плане юридические принципы.

В этой связи мы предлагаем рассмотреть следующую возможную классификацию принципов права. Она представлена их дифференциацией на *принципы-идеи* и *принципы-начала*.

Рассматривая *принцип-идею*, в первую очередь стоит заметить, что данная правовая категория является **диспозитивной**, что подразумевает относительную свободу субъектов права в процессе выбора своего поведения. Данный факт во многом обуславливает специфику принципов-идей в связи с тем, что большинство норм и принципов российского законодательства, как правило, имеет общеобязательный характер. Руководствуясь принципом-идеей, субъект реализует собственную позицию не выходя за рамки общепризнанных норм.

Прежде чем проанализировать принцип-идею, обратимся к уточнению его составляющих терминов. Так, в некоторых научных источниках сами понятия «принцип» и «идея» рассматриваются как синонимы¹, т. е. принцип – это и есть идея. Такой подход вполне оправдан с позиции философии. Идея – основное понятие философии и метафизики. На идеи опирался, прежде всего, Платон. Он утверждал, что «мир идей и есть мир подлинного, то есть вечного и неизменного бытия»². Однако истинное понимание теории идей, на наш взгляд, выразил Г. Гегель. Он считал, что идеи выступают в качестве основных принципов познания мирового развития³. Таким образом, идея в философской трактовке для целого ряда мыслителей выступает как основа всего сущего.

С правовой точки зрения мы предлагаем характеризовать идею как некую **модель** поведения субъектов правоотношений. Формируясь в виде базы для правового регулирования, идея находит свое последующее нормативно-правовое выражение в законодательстве. Это происходит в результате ее материализации в принципах, поскольку принцип как таковой является своеобразной аксиомой, т. е. положением, не требующим доказывания либо уточнения. В этой связи идея логически определяет сущность принципа, который будет нести в себе ее смысловую нагрузку и определяться уже в качестве не просто принципа права, а принципа-идеи. Следовательно, в данном аспекте рассматривать идею и принцип как равнозначные понятия будет не вполне корректно.

Обосновывая высказанную позицию относительно особого положения принципов-идей в правовой науке, нельзя не отметить, что в настоящее время сформулировано огромное количество всевозможных принципов права. Некоторые из них имеют большую теоретико-эмпирическую основу, нежели другие. Чтобы подчеркнуть такую смысловую важность какого-либо принципа, оправданно обозначать его в качестве *принципа-идеи*. На первый взгляд такая тавтология является излишней, потому что согласно целому ряду мнений принцип права и есть руководящая идея⁴. Поскольку мы не выступаем сторонниками данной позиции, перед нами встает вполне логичный вопрос, на каком основании мы можем относить правовые категории к разряду принципов-идей?

Решить возникшую проблему возможно, опираясь на качественный подход к классификации принципов. В соответствии с ним, если та или иная руководящая идея содержит в себе такие общечеловеческие идеалы, которые характеризуются стабильностью, преемственностью, создают универсальную модель взаимоотношений между субъектами, то правомерно обозначать их термином принцип-идея, подчеркивая тем самым их особую важность и приоритет перед другими принципами права. Наи-

¹ См., напр.: Словарь иностранных слов. М., 1979. С. 409.

² Цит. по: Философия: Учеб. для вузов / Под ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. М., 2004. С. 67.

³ См. подробнее: Стретерн П. Гегель за 90 минут. М., 2004. С. 31.

⁴ См., напр.: Бабаев В. К. Теория государства и права: Учеб. М., 2002. С. 222.

более ярким примером принципов-идей служит система принципов международного права, обладающих высшей юридической силой на планете Земля.

Принципы-начала как правовое явление существуют в рамках императивных предписаний, исходящих непосредственно от органов государства. В частности, при рассмотрении их применительно к Конституции РФ выясняется, что ее программные установления носят нормативный характер, так как они осуществляют общеобязательное регулирующее воздействие на развитие общественных отношений. Это происходит посредством закрепления правовых ориентиров и целевых установок¹. Иными словами, конституционные нормы предстают в виде принципов-начал и отличаются тем, что обладают нормативным характером. Законодатель для того и закрепил эти принципы в Основном законе, чтобы придать им общеобязательный характер.

Роль принципов-начал заключается в том, что «они аккумулируют, обобщают наиболее важные *социально значимые* явления и процессы материальной и духовной жизни общества, дают им оценку и вводят их в рамки принятых в государстве нормативов»².

Можно утверждать, что принципы-начала представляют основные направления деятельности в силу того, что они тесно связаны с регулированием общественных отношений, оказывают направляющее воздействие на всю правовую систему и действуют именно в качестве правовых установок, которыми **обязаны** руководствоваться все правотворческие и правоприменительные органы, все граждане, должностные лица и общественные объединения. Как правомерно отмечает А. Голощапов, конституционные принципы оказывают регулирующее воздействие не только в рамках отрасли конституционного права, но и определяют ведущее направление и тенденции правового регулирования общественных отношений в целом, устанавливая «основные начала правотворчества и правоприменения»³.

¹ См.: Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 79.

² Лучин В. О. Конституция РФ: проблемы реализации. М., 2002. С. 11.

³ Голощапов А. Прямое действие конституционных норм и принципов // Законность. 2005. № 7. С. 47.

Принципы-начала, как правило, формулируются на основе научного и практического опыта. В этом плане они являются «важнейшим компонентом господствующей правовой идеологии»⁴. То же самое можно утверждать и о принципах-идеях. Их грамотное соблюдение и применение в практической деятельности свидетельствуют о высоком уровне правосознания и правовой культуры граждан и должностных лиц. Однако современная ситуация характеризуется развитием правового нигилизма. В связи с этим юридические знания отдельной личности могут представлять опасность для всего общества, такая личность без труда сможет его обойти. На наш взгляд, только грамотное выражение правовых норм позволяет направить развитие сознания в нужное русло. Безусловно, такими нормами являются принципы-идеи и принципы-начала, которые содержат значительно больше «моральной нагрузки», чем все другие нормы права, к тому же они обладают устойчивостью и стабильностью. Мораль является внутренним регулятором на уровне подсознания личности. Для достижения такого же эффекта формулировка нормы права в виде принципа-начала является, как нам кажется, идеальной.

Провозглашение и реализация принципов-начал должны способствовать становлению оценки права как высшей ценности в обществе, изменению сущности взаимодействия личности и государства в пользу осуществления взаимных прав и обязанностей, построению системы взаимоотношений внутри общества на основе гуманизма⁵. Личность должна воспринимать правовые принципы не как внешнее воздействие, а как ценностный идеал.

Итак, нами были установлено, что принцип-идея являет собой некую диспозитивную категорию. Это подразумевает относительную свободу субъектов права в процессе выбора своего поведения. Данный факт во многом обуславливает специфику принципов-идей в связи с тем, что боль-

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 68.

⁵ См.: Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. М., 1994. С. 273.

шинство норм и принципов российского законодательства, как правило, имеет общеобязательный характер. Руководствуясь принципом-идеей, субъект реализует свою собственную позицию, не выходя за рамки общепризнанных норм.

В отличие от принципов-идей принципы-начала имеют нормативный, руководящий характер, предписывают, как следует поступать в каждом конкретном случае, не оставляя субъекту права выбора. Здесь принципы, бесспорно, выступают в виде требований (в высшей степени обобщенных правил) в различных сферах человеческой деятельности¹.

Таким образом, становится очевидным, что принципы-идеи регламентируют поведение в той или иной деятельности и как регуляторы *существуют относительно независимо от этой деятельности* в виде руководяще-нормативных идей, требований, которыми следует (но не обязательно) руководствоваться. Принципы-начала, в свою очередь, выступают в роли социальных регуляторов и *должны входить в содержание этих регуляторов, пронизывать их и выражать их содержание*. Так, если вновь обратиться к Конституции РФ, можно выделить общую группу конституционных норм, которые регулируют важнейшие общественные отношения путем закрепле-

ния конституционных принципов и целей, обеспечивающих и направляющих развитие всего правотворчества. В данном случае важно, что они не являются представительными, т. е. в них *отсутствует связь между конкретными правилами и обязанностями*, что вполне характерно для принципов-идей. Однако большую часть конституционных предписаний составляют именно принципы-начала, призванные обеспечить стабильность в общественных отношениях в процессе их прямой реализации всеми субъектами.

Что касается международного права, то регламентация отношений осуществляется в большей мере посредством принципов-идей. Они создают определенную **модель** взаимоотношений акторов в международном общении, закрепляют общечеловеческие идеалы, которые характеризуются стабильностью, универсальностью и преемственностью.

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М., 1981. – 2 т.
2. Голощапов, А. Прямое действие конституционных норм и принципов / А. Голощапов // Законность. – 2005. – № 7.
3. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. – М., 2001.

Т. С. Бычкова,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сегодня вопрос обеспечения всеобщего уважения прав человека приобрел особую актуальность. Любое государство, желая быть полноправным членом мирового сообщества, должно соотносить свое социальное регулирование с требованиями международных стандартов в области прав человека и с позицией институтов гражданского

общества, в том числе и в процессе реализации юридической ответственности.

Права и свободы человека в соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность политической системы и гражданского общества, а также основные цели, стратегические задачи внутренней и внешней политики Российского государства.

Вместе с тем идеал свободной личности не означает, что поведение человека ничем не ограничивается и что он свободен от ответственности перед другими. Поэтому можно согласиться с мыслью В. Гумбольдта о том, что для охраны безопасности одних граждан необходимо ограничивать права других людей со стороны государства. Всякое другое ограничение частной

¹ См.: Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 58.

свободы лежит вне государственной деятельности¹. Сказанное вполне применимо к обеспечению прав человека в процессе реализации юридической ответственности за совершенные противоправные деяния.

Современный этап развития российской государственности, серьезные общественные преобразования в стране свидетельствуют о том, что наряду с формированием новых гражданских и государственных институтов в России осуществляется правовая реформа, неотъемлемым элементом которой выступают реформирование механизма реализации юридической ответственности. Одним из главных свойств развивающегося гражданского общества, обусловленных подобным развитием, является его рефлексия, т. е. способность самого общества к осознанию своей роли в стране по отношению к государству, его гражданам. В нашей стране подобная рефлексия проходила разные исторически обусловленные стадии:

- долгие годы в условиях государственного приоритета силовых регуляторов общественных отношений гражданское общество находилось в зачаточном состоянии и иначе быть не могло;

- на фоне использования социокультурного регулятора общественных отношений период 60-х гг. прошлого века был characterized распространением идеологии противостояния государству как таковому, а потому ряд общественных институтов рассматривали, прежде всего, свою роль в активном ему противоборстве. Таким образом, в этот период общество выступало как оппонент, а в отдельных случаях даже как противник государства;

- сегодня есть все предпосылки для перехода от второй стадии рефлексии к третьей, когда общество выступает партнером государства.

Гражданское общество в его современном понимании представляет собой совокупность межличностных отношений, необходимый способ сосуществования людей, основанный на разуме, свободе, праве и демократии при целесообразно необхо-

димом вмешательстве государства. Именно это создает условия для гармоничного использования двух регуляторов общественных отношений: регламентированного (силового) и договорного (социокультурного), что создает основу для участия гражданского общества в механизме реализации юридической ответственности.

Представляется, что деятельность гражданского общества по обеспечению прав человека в механизме реализации юридической ответственности будет наиболее показательна при исследовании сферы уголовной ответственности, так как именно в этом случае права человека подлежат максимальному ограничению, что, в свою очередь, предопределяет наибольший объем деятельности по их обеспечению со стороны гражданского общества.

Сегодня существовавшее долгое время противопоставление общества и государства устраняется, так как государство осознает свою ответственность перед гражданским обществом. Государство создает условия для прогрессивного развития общества. Оно обеспечивает соблюдение правовых норм, эффективность управления, необходимые социальные потребности.

Нужно отметить, что в условиях возросшего внимания к проблемам применения юридической ответственности со стороны органов власти, реализации принятых решений по оказанию государственной поддержки исправительных учреждений созданы благоприятные условия для повышения эффективности работы общественных формирований, принимающих участие в реформировании уголовно-исполнительной системы.

В целом естественные права на жизнь, достоинство, неприкосновенность личности, свободу совести, мнений, убеждений, автономии частной жизни и другие являются необходимыми условиями устройства жизни человека в цивилизованном обществе и должны быть безоговорочно признаны и охраняемы государством и самим обществом.

Анализ действующего законодательства позволяет говорить о четырех уровнях обеспечения прав человека при реализации юридической ответственности в виде лишения свободы: международно-правовой; конституционный; отраслевой; специаль-

¹ См.: Гумбольдт В. Опыт установления пределов государственной деятельности // Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М., 1999. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. С. 348.

ный¹. Представленные уровни обеспечения прав человека тесно взаимосвязаны, иерархичны и не существуют друг без друга, однако наиболее ярко особенности пенитенциарной системы отражает специальный уровень охраны прав.

В вопросах обеспечения прав человека при реализации юридической ответственности в международном законодательстве не прослеживается какой-либо системности, что объясняется следующими обстоятельствами: документы разрабатывались и принимались в различные периоды истории, разными поколениями юристов и политиков, кроме того, далеко не каждое естественное право нашло прямое отражение в специальном законодательстве, а могут быть закреплены лишь отдельные правомочия. Тем не менее в специальных международно-правовых актах заложены основы международного института прав человека в целом и их ограничений, в частности. Указанные положения пактов и конвенций применимы и в нашей стране, поскольку согласно ст. 15 и 17 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы России.

Рассматривая роль гражданского общества в обеспечении прав человека в процессе реализации юридической ответственности в целом необходимо отметить, что защита нарушенного права может осуществляться в юрисдикционной и неюрисдикционной формах (например, самозащита гражданских прав, предусмотренная ст. 14 ГК РФ). Считается, что для мест государственной изоляции присуща лишь юрисдикционная защита². Однако она носит всегда комплексный характер. Ее инициация начинается в порядке самозащиты, а в дальнейшем протекает в процедуре, регламентированной правовыми нормами. Тем не менее же основная масса защитных действий в столь контролируемых государством

условиях реализуется в юрисдикционной форме и складывается из установления соответствующих юридических норм и действий по их реализации.

При этом деятельность различных институтов гражданского общества является важной формой неюрисдикционной защиты прав человека в процессе реализации как в целом юридической ответственности, так и уголовной ответственности в частности, а также механизмом реализации конституционных гарантий законности в рассматриваемой сфере.

В современных условиях роль гражданского общества определяется провозглашенным и гарантируемым приоритетом прав и свобод человека. Именно институты гражданского общества выступают ключевым звеном негосударственной системы охраны прав и свобод на основе применения властно-правового принуждения к субъектам, посягающим на права и свободы, и принятия разносторонних и действенных мер по предупреждению преступлений и других правонарушений, перевоспитанию правонарушителей, побуждению их к правомерному поведению.

Применительно к обеспечению прав человека в процессе реализации юридической ответственности в сферу интересов гражданского общества входят контроль за соблюдением установленных законодательством Российской Федерации прав задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, порядка и условий их содержания, а также оказание помощи по социализации и правовому воспитанию лицам, в отношении которых применялись меры юридической ответственности.

Сегодня исправительные учреждения и содержащиеся в них осужденные являются предметом особой социальной заботы государства. Однако не все разделяют эти взгляды, не все готовы заботиться о питании, физическом и психологическом здоровье осужденных, о теплом помещении с телевизором для них, о получаемом осужденными образовании и их возможности трудиться.

Такую неподготовленность общества следует учитывать, если одной из задач воспитательной и социальной работы с осужденными является их ресоциализация,

¹ Обычно выделяют три уровня охраны частной жизни: международный, конституционный, отраслевой.

² См., напр.: Беллевич А. Ю. Конституционное право на информацию и его защита в условиях пенитенциарной системы Российской Федерации (На примере Владимирской области): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 65.

т. е. возвращение их в общество полноценными гражданами с возможностью реализации своих социальных ролей.

В связи с этим представляется, что до решения организационных вопросов сотрудничества необходимы морально-нравственное осознание и признание необходимости взаимного диалога. Исправительные учреждения должны предоставить в допустимом объеме информацию с тем, чтобы негосударственным элементам гражданского общества помочь разобраться в трудностях, с которыми сталкиваются как персонал исправительных учреждений, так и осужденные, находящиеся в местах лишения свободы. Именно гражданское общество может поддерживать субъектов юридической ответственности и оценить степень сложности их положения.

Регулярные контакты исправительных учреждений и представителей гражданского общества служат основой для создания

благоприятного, конструктивного механизма сотрудничества, которое и в дальнейшем может осуществляться по различным направлениям деятельности исправительных учреждений. Кроме того, социальные институты могут помочь и в поиске потенциальных работодателей, а также в психологической подготовке к встрече общества с лицом, отбывшим срок наказания.

Библиографический список

1. Беллевич, А. Ю. Конституционное право на информацию и его защита в условиях пенитенциарной системы Российской Федерации (На примере Владимирской области) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

2. Гумбольдт, В. Опыт установления пределов государственной деятельности / В. Гумбольдт // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 3. Европа. Америка: XVII–XX вв. – М., 1999.

И. В. Головинская,
*заведующая кафедрой
социально-экономических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

НОРМАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ КАК ОСНОВА ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Накануне принятия Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» учеными, практиками, законодателями высказывались различные точки зрения по вопросу о целесообразности и необходимости введения института мировой юстиции. Среди предложений, изложенных по данному вопросу, были следующие: обоснование полного отказа от такого института¹, увеличение количества судей федеральных судов за счет штатной численности мировых судей или же учреждение мировых судей и отнесение их к федеральной системе судов общей юрисдикции в качестве низшего звена судебной системы и наделенного ограниченной компетенцией.

Против высказанных предложений аргументированно выступал Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев. Называя главной целью создания мировой юстиции облегчение для граждан доступа к правосудию, максимальное приближение суда к населению, он отмечал, что «...простое увеличение численности судей... означало бы экстенсивное развитие судебной системы, развитие ее вширь. В то же время увеличение объема и усложнение гражданских дел, усиление действия принципа диспозитивности в уголовном судопроизводстве, растущие требования к качеству правосудия диктуют настоятельную необходимость углубления специализации судей и разделение компетенции между судами различных звеньев»². Вторым определяющим фактором в деле создания мировой юстиции, по мнению В. М. Лебедева, является федеративное устройство России, которое базируется на четком разделении предметов ведения между федеральным центром и субъектами РФ и определении предметов их совместного ведения. «В то же время отнесение мировых судей к еди-

¹ См.: Чечина Н. А. Мировые судьи в Российской Федерации (судебная реформа и новое законодательство) // Правосудие. 1999. № 4 (227).

² Настольная книга мирового судьи: Учеб.-метод. пособие / Под ред. проф. В. М. Лебедева. М., 2002. С. V.

ной судебной системе Российской Федерации, единый с федеральными судьями высокий статус, общие правила судопроизводства и обязательность решений мировых судей на всей территории Российской Федерации укрепляют и цементируют связь федеральной государственной власти с регионами», – писал В. М. Лебедев¹. Кроме того, важным положительным результатом для облегчения доступа граждан к правосудию после введения мировых судей должно стать уменьшение нагрузки на федеральных судей районных судов, что, в свою очередь, повлияет на сокращение сроков рассмотрения в судах уголовных и гражданских дел и послужит реализации основополагающего права человека, установленного международными нормами – права на справедливое судебное разбирательство без неоправданных задержек, в разумные сроки.

За введение института мировых судей выступал В. М. Жуйков, по мнению которого, «исходя из закрепленного в Конституции Российской Федерации принципа разделения государственной власти и федерального устройства Российской Федерации, субъекты Российской Федерации так же, как и сама Российская Федерация, должны иметь свои органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Следовательно, наличие судов (или судей) субъектов Российской Федерации со своей компетенцией является велением Конституции Российской Федерации»².

В противовес мнению о том, что институт мировых судей создается в целях облегчения работы районных судов, оппоненты небезосновательно заявляли, что задача разгрузки федеральных районных судов может быть решена менее сложным и более экономичным путем – увеличением числа районных судей. Простое увеличение количества судей не потребует затрат на разработку и принятие законов о мировых судьях, организацию и оснащение участков

мировых судей, оплату технического аппарата этих судей и многих других расходов³.

Аргументами в пользу того, что районные суды с введением мировых судей не смогут надеяться на реальную их разгрузку, были доводы о введении апелляционного производства по жалобам на решения мировых судей, которые предстояло разрешать районным судам. Эти же аргументы приводились в отношении убеждений о сокращении сроков рассмотрения дел. По мнению противников введения мировой юстиции, рассмотрение дел мировыми судьями должно привести к созданию еще одной инстанции в дополнение к существующим трем, что сделает судопроизводство более громоздким, усложнит прохождение дел по инстанциям и, естественно, увеличит сроки разрешения дел и количество дел в районных судах⁴.

Разумеется, на момент введения института мировых судей практика их деятельности отсутствовала. Были лишь прогнозы, хотя и основанные на сравнительном анализе статистических данных о работе федеральных судов.

Многие ученые говорили об отсутствии каких бы то ни было оснований для восстановления института мировых судей. Общественность ожидала совершенствования судебной реформы в сторону суда профессионалов, а Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ⁵ установил совершенно иное⁶.

Противоречивые, а порой полярные, точки зрения о необходимости введения института мировых судей во многом обусловлены отсутствием единой государственной концепции мировой юстиции, которая содержала бы конкретные цели и задачи этого нового правового института.

В. В. Дорошков отмечает, что «следует признать справедливыми упреки отдельных ученых, утверждавших, что при разработке и внедрении института мировых судей на

¹ Настольная книга мирового судьи. С. VI.

² Жуйков В. М. О роли мировой юстиции в Российской Федерации. Настольная книга мирового судьи, рассматривающего гражданские дела: Практическое пособие / Под ред. А. Ф. Ефимова, И. К. Пискарева. М., 2002. С. 11–12.

³ См.: Мирза Л. С. Мировая юстиция – элемент развития судебной системы // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 1. С. 356.

⁴ См.: Чечина Н. А. Указ. соч.

⁵ См.: Рос. газ. 1998. 22 дек.

⁶ См.: Мирза Л. С. Указ. соч. С. 356.

федеральном уровне не было единой концепции понимания целей его создания и стоящих перед ним задач. Законодатель не вполне ясно представлял их значимость. Поскольку слово «мировые» ассоциировалось с чем-то негосударственным, то и расценивалось как малозначительное»¹. Между тем при формировании института мировой юстиции речь шла об определении статуса звена судов общей юрисдикции².

Г. Борисов и А. Хапилин констатируют, что неясность цели создания данного института изначально заключается уже в том, что сам термин «мировой судья» является некорректным, тем более что в Концепции судебной реформы в РСФСР, утвержденной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1³, в качестве звена судебной системы назван мировой суд, а не мировой судья⁴. Кроме того, указанные авторы, обращая внимание на высокую нагрузку федеральных судей, говорят, что «перерастая определенный порог, она влечет массу негативных последствий. Поэтому цель введения института – специализация внутри системы судов общей юрисдикции с целью повысить эффективность их деятельности»⁵.

Авторы также отмечают, что в Концепции судебной реформы в РСФСР речь шла фактически о создании особой системы судов общей юрисдикции, самостоятельных, со своими целями и задачами. То, что было сделано на практике, вряд ли отвечает этой цели. Согласно ст. 118 Конституции РФ правосудие в России осуществляется только судом, поэтому термин «мировой судья» некорректен по сути. Кроме того, Г. Борисов и А. Хапилин справедливо замечают, что термин «мировой судья» употребляется в Федеральном законе «О мировых судьях в Российской Федерации» в различных значениях: с одной стороны, это физиче-

ское лицо, обладающее определенным статусом, с другой – звено судебной системы. Подобное положение, по мнению этих авторов, нельзя считать приемлемым⁶. Разделяя изложенную точку зрения, заметим, что ни один закон, регламентирующий полномочия и деятельность мировых судей, не дает определения терминов «мировой судья», «мировой суд», «мировая юстиция», «институт мировых судей». Считая также, что понятия «мировой суд» и «мировой судья» не являются тождественными, полагаем, что законодательство должно оперировать ими в зависимости от смыслового содержания тех или иных норм.

В последнее время некоторые авторы предприняли попытки формулирования определений изложенных терминов⁷. Подход к формулировкам предопределен направлениями их исследований. Нам представляется, что с учетом того, что процессуальная деятельность мировых судей является главенствующей среди всего комплекса предоставленных им полномочий, определения указанных терминов могли бы быть следующими:

- мировая юстиция – правовое явление, в совокупности отражающее отношения, которые возникают в связи с организацией и осуществлением деятельности мировых судов и мировых судей как низового звена судебной системы, а также механизм правового регулирования их деятельности;

- институт мировых судей – форма организации мировых судов и мировых судей, а также совокупность норм права, регламентирующих осуществление полномочий мировыми судьями в мировых судах в процессе разрешения ими уголовных, гражданских и административных дел;

- мировой суд – государственный орган судебной власти, состоящий из мировых судей и аппарата суда, разрешающий в качестве суда первой инстанции в установленном федеральным законом и законом субъекта РФ порядке уголовные, гражданские и административные дела единолично в составе мирового судьи;

¹ Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004. С. 75.

² См.: Борисов Г., Хапилин А. От мировых судей – к мировым судам // Рос. юстиция. 2002. № 3. С. 39–40.

³ См.: Ведомости Верхов. Суда РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

⁴ См.: Борисов Г., Хапилин А. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ См.: там же. С. 39–40.

⁷ См.: Сачков А. Н. Правовая модель мирового суда: принципы современного конструирования // Рос. юстиция. 2007. № 3. С. 46.

– мировой судья – должностное лицо, наделенное федеральным законом и законом субъекта РФ полномочиями по разрешению уголовных, гражданских и административных дел в мировом суде.

Говоря о том, что целесообразность создания института мировых судей была обусловлена главной целью – обеспечением доступности правосудия и снижением сроков рассмотрения дел, многие авторы отмечают, что в полной мере достичь желаемого результата на практике не удалось. В районах, где законом предусмотрено несколько судебных участков, нет возможности их раздельного размещения, вследствие чего мировые судьи размещаются все вместе или в зданиях федеральных судов, или в отдельных зданиях (помещениях). Кроме того, законодателем не учтены правила о подсудности. Так, по гражданским делам подсудность дела определяется местом проживания ответчика. Для гражданина, подающего иск, вряд ли можно считать более доступным тот судебный участок, на территории которого проживает ответчик. А с учетом того, что такой гражданин не обладает информацией о распределении судебных участков в другом районе или городе и установленных местными законами территориях судебных участков, то утверждение об обеспечении доступности правосудия для граждан вообще становится сомнительным.

Проведенный нами критический анализ юридических документов по вопросам целеполагания института мировых судей позволяет сделать следующие выводы.

Определение цели любого правового института, в том числе и института мировых судей, должно быть основано на построении теоретической модели реализации ожиданий общества и государства от его создания, учете требований юридической науки и правил юридической техники в законотворчестве, основополагающих принципов построения институтов государственной власти, прогнозе взаимоотношений нового института с действующими структурообразующими элементами системы государственных органов, в том числе судов, взаимоотношений нового института с обществом.

Вместе с тем в государственно-правовом аспекте единая цель к моменту создания мировых судов не была выработана. Под-

тверждением этого являются результаты системного анализа Концепции судебной реформы в РСФСР, федерального и региональных законов о мировых судьях.

Так, с учетом того, что в Концепции судебной реформы в РСФСР цель введения мировой юстиции прямо не установлена, ее определение возможно в контексте общих задач и направлений реформирования судебной системы, отраженных в данном документе: создание федеральной судебной системы; утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, не зависимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной; дифференциация форм судопроизводства, специализация судебной деятельности; обеспечение благоприятного баланса гарантий для граждан при использовании простых процессуальных форм в низших звеньях судебной системы в ходе дальнейшего движения дела, в частности, путем предоставления лицу по его жалобе права на полный пересмотр дела в вышестоящем суде.

В Федеральном законе «О мировых судьях в Российской Федерации» цель их введения не указана. По аналогии с данным Федеральным законом большинство субъектов РФ при подготовке региональных законов о мировых судьях также не указали цели их создания¹.

На современном этапе развития мировой юстиции некоторыми исследователями предпринимались попытки формулирования целей мировой юстиции. Так, в работе А. Н. Сачкова проведен анализ государственно-правовых аспектов создания и деятельности мировых судей, что позволило ему с учетом количественной и качественной

¹ См., напр.: О мировых судьях в городе Москве: Закон г. Москвы от 31 мая 2000 г. № 15 // Вестн. мэрии Москвы. 2000. № 15; О мировых судьях в Ростовской области: Област. закон от 26 апр. 1999 г. № 31-ЗС // Наше время. 1999. № 76; О порядке назначения и деятельности мировых судей в Саратовской области: Закон Сарат. обл. от 16 марта 1999 г. № 12-ЗСО // Сарат. вести по понедельникам. 1999. 22 марта; О мировых судьях Санкт-Петербурга: Закон г. Санкт-Петербурга от 24 окт. 2000 г. № 552-64 // Новое в законодательстве Санкт-Петербурга. 2000. № 16; О мировых судьях в Республике Татарстан: Закон Республики Татарстан от 17 нояб. 1999 г. № 2440 // Ведомости Гос. Совета Татарстана. 2000. № 1(1). Ст. 1.

оценки степени значимости тех или иных требований общества и государства к политико-правовому институту мировой юстиции изложить его стратегические цели и задачи. По мнению А. Н. Сачкова, стратегической целью политико-правового института мировой юстиции является эффективное удовлетворение правовых интересов общества и государства с помощью его институциональных возможностей, которые обусловлены его местом и ролью в обществе и государстве, а также объемом и содержанием правовых требований к нему¹.

На наш взгляд, предложенная формулировка является несколько обобщенной, не отражающей конкретного предназначения исследуемого института. Под нее можно подвести почти любой государственно-правовой институт.

Не претендуя на достижение абсолютной истины в изложении целей, задач, способов их реализации и направлений дальнейшего развития мировой юстиции, полагаем возможным считать:

а) целью создания мировой юстиции образование низового звена судебной системы, наделенного в установленном федеральным законом порядке ограниченной компетенцией по отношению к другим судам общей юрисдикции по осуществлению правосудия и организующего деятельность преимущественно с применением примирительных и упрощенных процедур судопроизводства, для обеспечения эффективности деятельности российской судебной системы и повышения авторитета суда, реализации принципа федерализма, разделения компетенции между судами, оперативности и качества правосудия, доступности правосудия для граждан;

б) задачами, стоящими перед мировой юстицией, повышение эффективности деятельности судебной власти в Российской Федерации, создание наиболее оптимальной модели организации деятельности мировых судов и применение примирительных и наиболее рациональных, упрощенных судебных процедур, направленных на оперативность защиты прав, свобод и законных интересов граждан;

в) способами реализации целей и задач и направлениями дальнейшего развития мировой юстиции следующие:

– приведение федеральных правовых актов, регламентирующих статус, полномочия и деятельность мировых судей, в соответствие с Конституцией РФ, целями и задачами создания и деятельности мировой юстиции;

– внесение изменений в действующее законодательство, определяющее статус и порядок осуществления деятельности мировых судей, а также в процессуальное законодательство, непосредственно применяемое мировыми судьями при осуществлении установленных полномочий;

– изменение существующего порядка учреждения судебных участков и должностей мировых судей;

– установление нового порядка формирования и деятельности судебной инстанции по пересмотру решений, постановленных мировыми судьями;

– изменение процессуальной подсудности дел, отнесенных к компетенции мировых судей;

– разработка нормативов служебной нагрузки мировых судей и соразмерное увеличение численности должностей мировых судей и работников их аппарата;

– повышение правовой культуры мировых судей и работников их аппарата.

Исследование мнений практиков по вопросам деятельности мировых судей еще раз убеждает в том, что законодатель не точно определил цели создания мировых судов, не в полной мере оценил задачи, стоящие перед формируемой новой судебной структурой, что не могло не отразиться на качестве законов субъектов РФ о мировых судьях, определяющих основы формирования и организации их деятельности.

Ученые и практики, как до введения института мировых судей, так и с момента принятия Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» по настоящее время излагали и продолжают высказывать различные мнения относительно необходимости нового звена в судебной системе, каждое из которых вполне обоснованно и аргументированно. Между тем так или иначе, но Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» принят и действует. Разумеется, как и любой другой законода-

¹ См.: Сачков А. Н. Российская мировая юстиция в институционально-правовом измерении: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 71–72.

тельный акт, регламентирующий деятельность новой структуры, он требовал доработки, апробации на практике, дополнений и изменений. Многие вопросы оставались неурегулированными. Однако спустя почти десять лет после принятия Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» можно уверенно говорить как о целесообразности этого правового акта, так и о необходимости дальнейшего реформирования института мировых судей с учетом тех целеполаганий и общественных ожиданий, для достижения которых он и принимался.

Р. Б. Головкин,

начальник кафедры

государственно-правовых дисциплин

ВЮИ ФСИН России

доктор юридических наук, профессор

ОБЫЧАЙ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Непрекращающиеся реформы российского общества изменили не только действующее право, но и глубоко затронули механизмы его реализации, которая внешне выражается в правомерном поведении. Большое значение в обеспечении правомерного поведения и реализации права имеет обычай. Значительная роль обычая в обеспечении правомерного поведения обуславливается спецификой его возникновения и регулирования поведения людей¹. Под обычаем чаще всего понимают правила поведения, которые в результате многократного применения входят в привычку людей и таким образом регулируют их поведение².

Взаимоотношения права и обычая довольно подробно изучены, однако акцент в

¹ См.: Гофман А. Б., Левкович В. П. Обычай как форма социальной регуляции // Сов. этнография. 1973. № 1. С. 15.

² См.: Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 113; Головкин Р. Б., Мамчун В. В. Теория государства и права: Конспекты лекций. Владимир, 1996. С. 42; Зыкин И. С. Обычай в советской правовой доктрине // Сов. государство и право. 1981. № 3. С. 128; Свечникова Л. Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) // Государство и право. 1998. № 9. С. 98–102; Головкин Р. Б. Религиозно-традиционное регулирование. Владимир, 1998. С. 52 и др.

Библиографический список

1. Дорошков, В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности / В. В. Дорошков. – М., 2004.

2. Сачков, А. Н. Правовая модель мирового суда: принципы современного конституирования / А. Н. Сачков // Рос. юстиция. – 2007. – № 3.

3. Чечина, Н. А. Мировые судьи в Российской Федерации (судебная реформа и новое законодательство) / Н. А. Чечина // Правосудие. – 1999. – № 4.

данных исследования смещен в сторону влияния права на обычай. Так, чаще всего выделяются четыре основных направления взаимодействия права и обычаев:

1) право активно поддерживает прогрессивные традиции и обычаи прошлого, способствует восприятию и утверждению в жизни общества лучших народных традиций и обычаев, отвечающих интересам советских людей, целям строительства социализма и коммунизма;

2) право служит верным средством борьбы в преодолении старых традиций и обычаев – вредных пережитков прошлого, оставшихся от прежних формаций, препятствует возникновению таких традиций и обычаев, которые не отвечают общим интересам и прогрессивному развитию нашего общества;

3) право не препятствует возникновению и формированию новых традиций и обычаев, их распространению и утверждению в повседневной общественной и частной жизни людей;

4) воздействие обычая на право чаще всего выражается в формировании правовых обычаев³.

В общем, соглашаясь с таким подходом, следует отметить, что представленные направления в большей степени характеризуют лишь воздействие права на обычаи. На наш взгляд, влияние обычая на право не

³ См., напр.: Кулажников М. П. Право, традиции и обычаи в советском обществе. Ростов н/Д, 1972. С. 53; Головкин Р. Б. Право в системе нормативного регулирования современного российского общества. Владимир, 1999. С. 112.

исчерпывается формированием правовых обычаев, а может транслироваться на право через правовое поведение личности.

Правовое поведение, являясь феноменом социально-правовой действительности, проявляется в различных формах и объективируется в деятельности участников общественных отношений. Характер, масштаб и направление данного поведения во многом определяются не только особенностями самой личности, ее осознанием общественных и личных перемен, самосознания и правосознания, но и степенью совершенства техники правотворчества и реализации правовых регуляторов. В связи с этим технико-юридические явления, обеспечивающие поведение личности, требуют глубокого анализа, в том числе процессы влияния на правовое поведение личности имеющихся и складывающихся обычаев. Анализ исследования влияния обычаев через правовое регулирование на правомерное поведение позволит выработать на данной основе механизмы, блокирующие социальную нестабильность и обеспечивающие рост доли правомерности в правовом поведении личности.

Для более качественного анализа воздействия обычаев на правомерное поведение необходимо обратиться прежде всего к оценке самого правомерного поведения. Традиционно правомерное поведение определяется как вид правового поведения, соответствующий правовым предписаниям¹. Наряду с этим большинство авторов, затрагивающих проблему правомерного поведения, говоря о соответствии поведения правовым нормам, часто выделяют виды правомерного поведения, которые не во всем соответствуют правовым предписаниям. Так, например, весьма распространена классификация, в рамках которой выделяются следующие виды правомерного поведения: правоактивное, правопассивное и ординарное². Встречаются и иные классификации, например, Л. П. Рассказов выделяет по форме выражения *активное пове-*

дение (например уплата налогов) и *пассивное поведение* (например воздержание от правонарушения). По мотивам поведения он различает: а) *маргинальное поведение* – поведение, соответствующее праву из-за боязни государственного принуждения; б) *конформистское поведение* (например, пассивное соблюдение личностью норм права, приспособление своего поведения к мнению других; в) *привычное поведение* – действия в силу образовавшейся привычки, не противоречащей праву; социально-активное поведение, направленное на решение социальных задач и основанное на целесообразности правомерного поведения³.

Представляется, что некоторые указанные виды правомерного поведения не во всем соответствуют правовым предписаниям. Следовательно, основываясь на вышеизложенном определении понятия правомерного поведения, можно сделать вывод, что данные некоторые виды не являются правомерным поведением. Для того чтобы было полное соответствие правовым мерам, поведение должно корреспондировать формам реализации законодательства, т. е. личность должна соблюдать запрещающие нормы, воздерживаться от действий, запрещенных законом под угрозой применения юридической ответственности. Личность должна исполнять обязывающие нормы, т. е. действовать активно в соответствии с ее обязанностями. Личность должна использовать управомочивающие нормы, т. е. осуществлять имеющиеся права.

Если отсутствует представленное выше соответствие, нельзя говорить, что поведение адекватно правовым предписаниям. Вместе с тем не следует его в полном объеме называть противоправным или правонарушением. По нашему мнению, с учетом данных обстоятельств необходимо следующее.

Во-первых, к противоправному поведению следует относить только поведение, нарушающее нормы-запреты, а также неисполнение обязывающих норм, если они подкрепляются правовыми запретами, предусматривающими ответственность за нарушение обязанности (например уклонение от воинской обязанности). Противоправное поведение можно подразделить на два ви-

¹ См., напр.: Бабаев В. К. Правомерное поведение // Теория государства и права. М., 2002. С. 482; Рассказов Л. П. Теория государства и права. М., 2008. С. 409.

² См., напр.: Кожевников С. Н. Правовая активность личности. Н. Новгород, 1994.

³ См.: Рассказов Л. П. Указ. соч. С. 410–412.

да: объективно-противоправное поведение и правонарушение.

Во-вторых, к правомерному поведению нужно относить только поведение, реализующее правовые предписания в форме соблюдения исполнения и использования.

В-третьих, все поведение, которое не соответствует мерам, содержащимся в праве, можно обозначить как неправомерное. Представляется, что неправомерное поведение помимо противоправного типа поведения включает в себя медиальный тип поведения, иногда называемый лиминальным¹. Правомерное поведение противоположно противоправному. В соответствии с законом единства и борьбы противоположностей между ними существует зона взаимоперехода², которую можно обозначить в качестве медиального поведения, которое неправомерно, но и не противоправно (например, уклонение от реализации активного избирательного права).

Таким образом, с учетом изложенного анализа правомерное поведение – это предусмотренный правовыми мерами тип правового поведения, характеризующийся социальной необходимостью и полезностью, выражающийся во внешне проявляемых моторных и психических реакциях человека на внутренние и внешние раздражители.

Данной трактовке правомерного поведения соответствуют и обычные средства обеспечения этого варианта правового поведения. Для изучения механизма влияния обычаев на правовое поведение было проведено социологическое исследование, осуществлявшееся в два этапа: 1) устный опрос; 2) анкетирование.

На первом этапе исследования был проведен опрос 78 жителей и гостей г. Владимира. Интервью проводилось при поддержке студентов юридического факультета Владимирского государственного университета и курсантов Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний на основании разработанных автором опросных листов. Устный опрос был относительно ано-

нимным, т. е. устанавливались лишь общие демографические данные пола, возраста и образования. Было опрошено 20 мужчин (средний возраст – 30 лет), 58 женщин (средний возраст – 28 лет); 15 % из них имели только среднее образование, 62 % – среднее специальное и 23 % – высшее.

На втором этапе проводилось анкетирование 40 преподавателей и 70 студентов неюридических специальностей Владимирского государственного педагогического университета. Анкетирование было анонимным, принимались во внимание, как и на первом этапе, общие демографические характеристики (за исключением возраста). При подготовке отчета об анкетировании преподавателей и студентов выявлены весьма несущественные различия, следовательно, уровень образования в рассматриваемом исследовании не имел значения, поэтому результаты опросов преподавателей и студентов обобщались.

Опросные листы и анкеты для всех категорий лиц состояли из 6 групп вопросов: 2 личностно-биографического плана и 4 относительно исследуемой проблемы. По теме исследования вопросы подразделялись на две группы: 1) вопросы, направленные на выявление объема понятия и основных параметров правомерного поведения; 2) вопросы, касающиеся обеспечения правомерного поведения в современной России с помощью обычаев.

Гипотеза опроса предполагала, что правомерное поведение в сознании лиц, не имеющих юридического образования, – это поведение, за которое лицо не может быть привлечено к юридической ответственности, а также поведение, при котором лицо исполняет свои обязанности и может осуществлять имеющиеся права. Обеспечивается правомерное поведение за счет привычки, сформированной на основе многократного повторения поведения. Формирующее влияние на привычку действовать правомерно влияет угроза применения юридической ответственности и образцы поведения, принятые в окружении личности.

1. В качестве основных элементов правомерного поведения назывались следующие. На свободу осуществлять имеющиеся права указали 85 % интервьюированных и 87 % проанкетированных. Неиспользова-

¹ См. подробнее: *Фортова Л. К.* Правовое поведение несовершеннолетних и его детерминация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

² См.: *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. М., 1998. С. 818–820.

ние имеющегося права к правомерному поведению отнесли 96 % респондентов устного опроса и 100 % проанкетированных. Исполнение обязанности в качестве элемента правомерного поведения назвали 88 % проинтервьюированных и 92 % проанкетированных. Соблюдение запрещающих правовых норм как варианта правомерного поведения отметили все респонденты. Указали на моральную обоснованность правомерного поведения 98 % проинтервьюированных и 99 % проанкетированных. Противоправность аморальных поступков отметили 90 % жителей и гостей г. Владимира, 92 % преподавателей и студентов. Информацию о том, какие деяния правомерны, а какие неправомерны, получили из текстов соответствующих законов и подзаконных актов лишь 12 % опрошенных и 14 % проанкетированных. В качестве источников информации о правовых нормах чаще всего назывались: средства массовой информации, кинофильмы, друзья, соседи, сослуживцы и однокурсники, родители, учителя средней школы и преподаватели вузов.

В целом большинство респондентов отметили предусмотренные гипотезой элементы правомерного поведения, на основании которых можно заключить, что правомерное поведение – это любое поведение, не вступающее в противоречие с требованиями правовых норм. При этом в обыденном сознании нарушение требований правовых норм практически тождественно правонарушению.

2. Обеспечение правомерного поведения в современной России обосновывается качеством правовых регуляторов, которые отражают общечеловеческие представления о справедливости, отметили 20 % проинтервьюированных и 32 % проанкетированных. На то, что человек действует в большинстве случаев правомерно, основываясь на принятых в его окружении образцах поведения, указали 72 % проинтервьюированных и 78 % проанкетированных. Тот факт, что правомерное поведение обеспечивается государственным принуждением, отметили 96 % респондентов первой группы и 98 % второй. На иные способы и средства обеспечения правомерного поведения указали 24 % проинтервьюированных и 36 % проанкетированных. Среди

иных способов обеспечения правомерного поведения чаще всего упоминалось воспитание в семье.

В целом по оценке результатов опроса гипотеза исследования подтвердилась. Правомерное поведение в сознании лиц, не имеющих юридического образования, – это поведение, за которое лицо не может быть привлечено к юридической ответственности, а также поведение, при котором лицо исполняет свои обязанности и может осуществлять имеющиеся права. Правомерное поведение обеспечивается за счет привычки и угрозы применения юридической ответственности.

Таким образом, с учетом проведенного исследования можно отметить ряд обстоятельств субъективно-объективного плана, которые существенно влияют на поведение, опосредованное правовыми нормами, и свидетельствуют о влиянии на него складывающихся на основе права обычаев.

Во-первых, заложенные в правовых нормах образцы правомерного поведения реализуются населением, не имеющим юридического образования, в большей части на основе стереотипов правовой психологии, нежели на четких, технически выверенных основах правовой идеологии. К реальным текстам законов большинство людей обращаются от случая к случаю. Чтение юридических текстов без соответствующей подготовки не только не проясняет смысла реализации права, но и может сформировать неверное представление о соответствии поведения правовым предписаниям. Так, например, многие устно опрошенные граждане считают, что должны соблюдать свои права, что вступление в брак реализуется в форме исполнения и т. д.

Во-вторых, восприятие и оценка правовой информации у исследованной категории лиц наслаивается на интерпретационный план сознания, который следует рассматривать в качестве особой системы показателей восприятия, истолкования и оценки правовой информации. Разнородная входящая обычно-правовая информация (от друзей, родственников, телевидения) вступает во взаимодействие с существующим интерпретационным планом личности, усваивается сознанием и часто находится в психологической коллизии с предписаниями правовых норм, созданных по идеаль-

ным технико-юридическим моделям. Данный процесс может иметь позитивный и ретроспективный аспекты и происходить по двум направлениям: от правовой модели в сознании к возможному будущему поведению и, наоборот, от прошлого поведения к его правовой оценке.

В-третьих, выбор варианта поведения зависит не только от целей, отраженных в законе, но и от поставленной перед лицом цели. Телеологические аспекты правового поведения зависят от вида субъекта и от объекта. Однако следует учитывать инерцию в правосознании исследованной категории лиц. Информацию о праве лица, не имеющие юридической подготовки, получают, как правило, с запозданием, а имеющаяся у них информация о данном социальном регуляторе и переходящая от предшествующих поколений, сформировавшихся в условиях советского строя, вызывает недоверие к юридическим предписаниям и страх перед ними. Отсюда возникают медийальные привычки, граничащие с противоправным поведением (например, среди водителей широко распространен обычай предупреждать световыми сигналами встречный транспорт о наличии подвижного поста дорожно-патрульной службы).

А. И. Гудков,
заведующий кафедрой
юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ

Усыновление имеет своей целью установление семейных отношений. Поскольку каждая семья нуждается в защите, то в большинстве случаев требуется обеспечение тайны усыновления. Статья 139 СК РФ гласит, что тайна усыновления ребенка охраняется законом, а дела об установлении усыновления ребенка согласно положениям ст. 273 ГПК РФ суд рассматривает в закрытом судебном заседании.

Такая тайна является, с одной стороны, определенной гарантией защиты интересов

В-четвертых, структурирование и переход правовой психологии на внешний поведенческий уровень может осуществляться как осознанно, так и бессознательно, особенно в случае многократных повторений определенного варианта поведения. Иными словами, общепринятость в рамках референтной группы и многократная повторяемость – это основа стабильного поведения. Поэтому даже в условиях стресса человек будет реализовывать правовую норму, если это вошло в привычку.

Таким образом, в случаях отсутствия жесткой конфронтации между правом и групповыми установками правомерное поведение в подавляющем большинстве случаев является поведением, складывающимся на основе права и сформировавшихся на его основе обычаев, в виде привычки действовать в рамках данной социальной группы.

Библиографический список

1. Головкин, Р. Б. Религиозно-традиционное регулирование / Р. Б. Головкин. – Владимир, 1998.
2. Кулажников, М. П. Право, традиции и обычаи в советском обществе / М. П. Кулажников. – Ростов н/Д, 1972.
3. Рассказов, Л. П. Теория государства и права / Л. П. Рассказов. – М., 2008.

как усыновляемых, так и усыновителей, а с другой стороны, может рассматриваться как одно из средств охраны неприкосновенности частной жизни, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, что признано Конституцией РФ и закреплено в качестве одного из начал современного семейного законодательства России (ст. 1 СК РФ).

Тайне усыновления юридическая наука уделяет достаточно много внимания¹, но, прежде всего, это внимание акцентируется на правовых гарантиях тайны усыновления, а не на существовании ее².

Так, например, В. Л. Чертков в первую очередь рассматривает ее с позиций право-

¹ См.: Семейное право зарубежных социалистических стран / Под ред. В. П. Грибанова и А. М. Беляковой; Сост. Е. М. Ворожейкин. М., 1979. С. 361.

² См.: Короткова Л. П. Обязанности граждан по воспитанию детей // Сов. государство и право. 1983. № 12. С. 109.

вой охраны личных прав гражданина¹. По сути это верно, ведь прежде всего о ней можно говорить с учетом интересов граждан: не будь этих интересов, вопрос о тайне усыновления не возникал бы. Вместе с тем ее можно рассматривать и с позиций целесообразности, а некоторые авторы полагают возможным определять ее как существенный признак института усыновления².

Конечно, в большинстве случаев нужно создать уверенность у ребенка и окружающих в том, что воспитывающие его лица являются родителями по происхождению. Однако сохранение тайны усыновления не только в отношении детей, но даже и в отношении окружающих, часто не реально.

Существует даже мнение, что вообще строго хранить тайну усыновления от ребенка нецелесообразно³.

Сторонники такого мнения предлагают установить условия, обеспечивающие тайну усыновления лишь в отдельных случаях: при усыновлении маленьких детей или оформлении отношений, сложившихся в раннем возрасте ребенка, когда сохранение тайны усыновления как секрета личной жизни граждан вполне объяснимо. В остальных же случаях педагогическая целесообразность соблюдения этой тайны сторонникам указанной точки зрения представляется достаточно спорной.

Решение вопроса о целесообразности сохранения тайны усыновления, прежде всего, должно быть основано на самом понятии «тайна».

Тайна – это сведения, факты, в разглашении которых не заинтересовано лицо ввиду того, что они непосредственно касаются прав или благ, которыми это лицо дорожит. В данном случае таким благом оказывается нормальное взаимоотношение в семье, а также интерес в том, чтобы окружающие воспринимали отношения между ребенком и усыновителем как между родственниками по происхождению. В тех случаях, когда воз-

можно ограждение факта усыновления либо от окружающих, либо от детей (а чаще и от тех, и от других), обеспечение тайны усыновления обязательно. И беспредметен разговор о целесообразности ее соблюдения при обстоятельствах, когда факт усыновления известен многим, т. е. не является секретом.

Высказывая сомнения в необходимости сохранения тайны усыновления, А. М. Нечаева, например, ссылается на законодательство зарубежных стран и на педагогические исследования. По ее мнению, «недооценивать педагогическую нецелесообразность тайны усыновления, следуя сложившемуся стереотипу, значит заведомо исказить существо отношений по усыновлению»⁴.

Подобное суждение высказывается и другими авторами. Так, А. З. Дзугаева приводит сведения о так называемом «открытом» усыновлении, принятом в Великобритании, США, Канаде. При таком усыновлении дети знают своих родителей по происхождению, и даже не исключается их участия в жизни усыновленных детей. Этот ученый, ссылаясь на практику английских юристов, отмечает, что, по их сведениям, для ребенка и его психики значительно лучше, когда он изначально знает, что он усыновлен, нежели когда он узнает об этом от посторонних лиц (именно тогда может оказаться невозможным его дальнейшее воспитание)⁵.

Позиция А. М. Нечаевой подверглась критике со стороны И. М. Кузнецовой, которая правильно отметила ошибочность ее суждений, так как они базируются на представлении о тайне усыновления лишь как способе сохранения факта усыновления от самого усыновленного. По мнению тех авторов, которые отрицают в отдельных случаях ее целесообразность, если ребенку известно об усыновлении, то тайна больше не существует⁶.

Однако, как уже отмечалось выше, тайна связана с секретом и для окружающих, если такой секрет есть, т. е. тайна налицо и ее надо ограждать.

¹ См.: *Чертков В. Л.* Охрана законом личной жизни гражданина // Сов. государство и право. 1980. № 12. С. 108.

² См.: *Забродина В. Н.* О понятии усыновления // Вестн. ЛГУ. 1980. № 11. С. 86.

³ См.: *Нечаева А. М.* Правовые проблемы усыновления // Сов. государство и право. 1986. № 7. С. 52.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Дзугаева А. З.* Правовое регулирование усыновления (удочерения) детей // Юрид. мир. 1997. № 8. С. 19.

⁶ См.: *Кузнецова И. М.* Охрана интересов детей при усыновлении // Законодательство о браке и семье и практика его применения. Свердловск, 1989. С. 92.

Трудно представить ситуацию, при которой усыновитель без особых причин общал бы каждому о том, что ребенок ему не родной, даже если усыновленный об этом знает. Практика свидетельствует о нежелании усыновителей, принявших в свою семью, например, ребенка-подростка, разглашать этот факт, поскольку посторонние лица по-разному оценивают отношения между усыновителем и усыновленным и могут негативно повлиять на них. Кроме того, здесь подключается и моральный фактор: обычно ни ребенок, ни усыновитель не заинтересованы в том, чтобы окружающие знали о факте усыновления.

Таким образом, тайну усыновления можно сохранить в отношении самого ребенка при усыновлении его в раннем возрасте. В остальных случаях ее ограждают от окружающих.

СК РФ говорит об обязанности судей сохранять тайну усыновления, вынесших решение об усыновлении ребенка, или должностных лиц, осуществивших государственную регистрацию усыновления, а также лиц, иным образом осведомленных об усыновлении.

Анализ нормы, закрепленной в ст. 139 СК РФ, позволяет сделать вывод, что к лицам, обязанным сохранять тайну и привлекаемым к ответственности за ее разглашение, не относятся усыновители. Между тем под разглашением тайны усыновления понимается сообщение о данном факте не только ребенку, но и любому из окружающих. Недопустимость ее разглашения направлена на обеспечение интересов как усыновленного, так и усыновителя, а эти интересы, хотя и в редких случаях, могут не совпадать. Исходя из смысла ст. 139 СК РФ, ответственность за разглашение тайны усыновления наступает тогда, когда это происходит против воли усыновителей.

Таким образом, получается, что усыновитель вправе по своей воле нарушать тайну.

Вместе с тем Т. В. Ткаченко считает, что такое положение не во всех случаях отвечает интересам ребенка, и что было бы более правильным допустить нарушение тайны усыновления самим усыновителем лишь в тех случаях, когда требуют этого интересы усыновленного либо после достижения им совершеннолетия.

Например, если погибшие родители ребенка являлись достойными людьми и если усыновление произведено близкими родственниками, то в интересах ребенка усыновитель может не только раскрыть тайну усыновления, но и рассказать ему о родителях. В остальных же случаях, когда виновными действиями усыновителя, повлекшими нарушение тайны усыновления, причинен вред ребенку, ответственность усыновителя должна быть такой же, как и ответственность посторонних лиц. В связи с чем Т. В. Ткаченко предлагает установить ответственность не только за разглашение тайны усыновителем, но и за дачу им согласия на ее разглашение, когда такие действия вызваны мотивами, противоречащими интересам ребенка.

Например, желание отомстить усыновленному за плохое отношение к усыновителю и т. п. Такие действия заслуживают не только осуждения с точки зрения морали, но и должны быть наказуемы. Поэтому желательна также норма, содержащая положения о необходимости предупреждения будущего усыновителя об ответственности за разглашение тайны усыновления, если это нанесет вред интересам ребенка, в связи с чем следует дополнить п. 1 ст. 139 СК РФ указанием на необходимость предупреждения об обязанности сохранения тайны усыновления и усыновителя¹.

Наконец, возможно усыновление ребенка супругами, и разгласить тайну может один из них. В данном случае он совершает правонарушение против другого и не имеет значения, насколько его действия затронули интересы ребенка. Из этого следует, что содержание п. 2 ст. 139 СК РФ, по сути, допускающее сообщение сведений по воле усыновителя (супруга, разгласившего тайну), здесь не приемлема. Ведь воля второго супруга отсутствует, поскольку он не желает нарушения тайны усыновления.

В настоящее время законодатель не считает правонарушением разглашение тайны усыновления, произведенное по воле усыновителя. Выходит, что после смерти усыновителя никто вообще не вправе допустить ее разглашения.

¹ См.: Ткаченко Т. В. Усыновление по российскому семейному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 100.

Однако в правовой литературе есть иное мнение: И. М. Кузнецова утверждает, что сообщение об усыновлении в тех случаях, когда оно делается с согласия усыновителя, а в случае его смерти – с согласия органов опеки и попечительства, не является правонарушением так же, как и невольное разглашение ее работниками соответствующих органов (прокуратуры, суда и т. п.) при исполнении ими служебных обязанностей¹.

В этой связи возникает вопрос об ответственности должностных лиц, которые имеют доступ к сведениям об усыновлении в силу своего служебного положения (работники детского учреждения, органов загса).

Но должностные лица прокуратуры, дознания, суда, нотариата и органов социального обеспечения имеют право получать из любой организации, в том числе и от органов загса, любые сведения, т. е. и сведения об усыновлении. Значит работник загса может разглашать сведения об усыновлении и помимо воли усыновителя. Равным образом, решая вопрос об отмене усыновления, суд ориентируется на мнение ребенка (п. 2 ст. 141 СК РФ), а ведь мнение ребенка иногда невозможно выявить, не сообщая ему о факте усыновления. И при такой ситуации разглашение тайны усыновления происходит против воли усыновителя.

Суд, таким образом, оказывается в необычном положении: с одной стороны, он связан волей усыновителя, и если следовать букве закона, то судья, открывший ребенку истину без согласия усыновителя, совершает правонарушение, поскольку ответственность за разглашение тайны возлагается на любое лицо, и неважно, в силу какой причины этому лицу стало известно, что усыновители не являются родителями по происхождению. С другой стороны, судья вынужден в интересах ребенка открыть последнему тайну усыновления, не считаясь с волей усыновителя. В подобном случае сообщение соответствующих сведений усыновляемому может оказаться даже желательным, оно поможет ребенку принять более правильное решение, он не будет свя-

зан моральной нормой о недопустимости «предательства» в отношении родителей.

Можно принять предложение, высказанное в свое время В. П. Шахматовым, который считал, что обращение к усыновителю для получения от него согласия на разглашение тайны не всегда приемлемо, так как это неизбежно травмирует его, к тому же не во всех случаях известен его адрес, а поскольку получение сведений об усыновлении от усыновителя становится затруднительным, то в ряде ситуаций нужно установить положение, в соответствии с которым запрещается без согласия органов опеки и попечительства сообщать какие-либо сведения об усыновлении, а также выдавать выписки из книг регистрации актов гражданского состояния, из которых бы следовало, что усыновители не являются кровными родителями усыновленного².

Тот факт, что в настоящее время орган опеки и попечительства не устанавливает своим актом отношений усыновления, никого не должно смущать. Поскольку данные органы причастны к решению вопроса об усыновлении, то они обязаны осуществлять охрану интересов детства и, как нам кажется, только они должны давать разрешение на доступ к сведениям об усыновлении любым должностным лицам, в том числе и работникам прокуратуры, дознания, суда и т. п. Легализация такого права органа опеки и попечительства исключит угрозу признания неправомерной выдачу выписки из книг регистрации актов гражданского состояния, если она производится с его разрешения.

Что же касается суда, рассматривающего дело об отмене усыновления, то он должен быть чрезвычайно осторожным при опросе ребенка и выяснении его мнения. Полагая, что он вправе выявлять это мнение лишь после того, когда, по сути, ясно, что есть серьезное основание для отмены усыновления. В тех же ситуациях, когда есть какие-либо сомнения в необходимости отмены усыновления, нет нужды травмировать усыновляемого, приводить его к мысли о том, что в данной семье он чужой. В

¹ См.: Кузнецова И. М. Указ. соч. С. 94.

² См.: Шахматов В. П. Усыновление, опека и попечительство. Красноярск, 1976. С. 6.

этом плане уместно было бы указание закона на то, что, производя опрос ребенка и выявив его мнение при решении вопроса об отмене усыновления, суд вправе разгласить тайну усыновления, если это отвечает интересам усыновляемого.

По вопросу о необходимости сохранения тайны усыновления весьма интересной представляется точка зрения членов Московской городской коллегии адвокатов В. Паршуткина и Е. Львовой, которые под тайной усыновления понимают только лишь сведения о самом судебном решении об усыновлении, и только в том случае, если сам усыновитель не считает нужным сообщать об этом кому бы то ни было.

Расширительное же толкование, по их мнению, лишь затрудняет анализ реальной практики, приводит к существенным нарушениям закона и возникновению целого ряда тайн, не имеющих отношения к понятию «тайна усыновления», определенному законодательством в ст. 139 СК РФ. В случае, если усыновители не считают нужным ее сохранять, то говорить о тайне усыновления вообще не имеет смысла. Не может быть речи о тайне, когда ребенку, которого хотят взять в семью, исполнилось десять лет и тогда, когда он прекрасно помнит своих кровных родственников и родителей. Поэтому в этих ситуациях применение судом мер по сохранению тайны усыновления не оправданно.

В. Паршуткин и Е. Львова оспаривают положение ГПК РФ о необходимости рассмотрения дела об усыновлении в закрытом судебном заседании, поскольку это приводит только к тому, что от участия в деле (процессе) устраняются близкие родственники, а также биологические родители ребенка, реально не обеспечивается приоритет россиян перед иностранцами при международном усыновлении¹.

Указанные авторы полагают, что работники органов опеки и попечительства, учреждений, в которых находятся дети, иные лица, осведомленные в процессе усыновления, должны осознавать конфиденциальность этих данных и воздерживаться от их

разглашения до момента вынесения положительного судебного решения.

Однако эта проблема приобретает уже не правовой, а этический характер.

Совершенно справедливо замечено, что законодатель не определил, относятся ли сведения о внесудебной стадии усыновления к служебной или профессиональной тайне должностных лиц. Инструкциями и положениями ведомственного характера этот вопрос также не урегулирован. Следует отметить, что только за разглашение тайны усыновления вопреки воле усыновителя лицом, обязанным хранить факт усыновления как профессиональную и судебную тайну, наступает уголовная ответственность (ст. 155 УК РФ). Но для этих лиц сведения об усыновлении становятся в силу ст. 139 СК РФ профессиональной тайной лишь с момента вынесения судебного решения об усыновлении. Единственными из тех, кто действительно может гарантировать тайну усыновления в период внесудебной стадии и на этапе подготовки дела, являются адвокаты. Ее сохранение по воле будущих родителей (кандидатов в усыновители) гарантируется адвокатской тайной, под которой понимается уже сам факт обращения гражданина за юридической помощью.

Лица же, не являющиеся адвокатами и представляющие интересы усыновителей, свободны от каких-либо профессионально-этических норм и обязательств сохранять тайну сообщаемых им сведений².

Тем не менее бесспорно одно – любому, кто желает оказать какую-либо помощь усыновителям, в том числе юридическую, необходимо прежде всего придерживаться принципа порядочности.

Библиографический список

1. *Забродина, В. Н.* О понятии усыновления / В. Н. Забродина // Вестн. ЛГУ. – 1980. – № 11.
2. *Нечаева, А. М.* Правовые проблемы усыновления / А. М. Нечаева // Сов. государство и право. – 1986. – № 7.
3. *Ткаченко, Т. В.* Усыновление по российскому семейному праву : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 1999.

¹ См.: *Паршуткин В., Львова Е.* Всегда ли оправдано сохранение тайны усыновления? // Рос. юстиция. 1999. № 3. С. 22–23.

² См.: *Паршуткин В., Львова Е.* Указ. соч. С. 23.

Д. В. Дегтева,
*преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Когда государство управляет
согласно с разумом,
постыдны бедность и нужда;
когда государство не управляется
согласно с разумом,
постыдны богатства и почести.

Конфуций

В настоящее время существует точка зрения, согласно которой маргинальность — это состояние, в котором оказываются отдельные индивиды, социальные группы, этнокультурные общности в результате их перемещения в новую нормальную ценностную среду. Поведение данных страт населения является аморальным, социально опасным и несоответствующим общественным стандартам поведения¹. Маргинальность подчеркивает особый социальный статус (обычно низкий или отрицательный), принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы (например контркультура).

Вообще любой человек — существо многогранное, имеющее ряд свойств и качеств, функций и ролей, поэтому по одним критериям и параметрам он принадлежит к большинству, по другим — попадает в меньшинство. В связи с этим каждый человек может считаться маргиналом в силу неопределенности его социального статуса, специфических качеств личности, неустойчивости здоровья и психики, случайностей в повороте судьбы; любая черта характера, профессия или хобби на фоне всех остальных вместе взятых составляет явное меньшинство и может считаться отклонением от нормы поведения, а следовательно, поводом для репрессий. Безусловно, не может быть абсолютно здоровых и нормальных людей, благополучных во всех отношениях, соответствующих

абстрактным представлениям о человеке в классической философии и способных к бескорыстному философствованию и беспредпосылочному мышлению. За абсолютный эталон принимается нечто, обусловленное конкретными социально-историческими и психологическими причинами, интересами власти и национальными традициями. Поэтому норма и патология неизбежно смешиваются, путаются и меняются местами, оставляя место для произвола врачей, воспитателей и политиков. Каждый может чувствовать себя ущемленным, обделенным природой и обществом и испытывать на себе дискриминацию по одному из неустраняемых личностных признаков.

Данный аспект маргинальности привлек внимание ученых, исследующих социально-культурную обусловленность форм мышления и разнообразие способов и форм человеческого существования (В. Тэрнер, М. Элиаде и др.). Понятие нормы формулируется в рамках некоторой идеологической системы, задается как некая аксиома, привнесенная в мышление извне, определяемая культурно-исторически, привязываемая к конкретной традиции. Однако в таком случае логическая категория нормы не может быть основанием для определения маргинальности, они равнозначны, в одинаковой мере исторически изменчивы. В современной социальной реальности можно говорить о всеобщей маргинализации. В связи с этим степень замкнутости и обособленности индивидов друг от друга зависит от уровня дифференциации общества, а также от того, насколько чаще отграниченные друг от друга группы создают свои условия жизни, особые «социальные логики». Это позволило К. Г. Юнгу говорить о «проклятии» расщепления личности современного человека, который «напоминает психически больного»². Многоуровневость маргинальности выражается прежде всего в следующем:

1. Маргинальность как явление свойственно российским условиям «переходного периода». Данный уровень определяется пограничным состоянием общества на рубеже двух социальных систем в условиях кризиса в экономике и социально-политических образованиях, в результате чего происходит разрушение различных струк-

¹ См.: Отклоняющееся поведение молодежи: Слов.-справ. // Под ред. В. А. Попова. Владимир, 1996. С. 32.

² См.: Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 27, 44.

тур общества и формирование новых, обладающих определенной нестабильностью. Маргинальность этого уровня, обусловленная комплексом факторов внешнего, общего для всей страны характера, детерминирует маргинальность более низкого уровня, характеризующую состояние социальных субъектов, оказавшихся в промежуточном состоянии, и определяемую факторами не только объективного, но и субъективного характера. Порожденные указанными противоречиями социального устройства такого рода маргиналы еще не представляют криминогенной опасности.

2. Маргинальный статус может являться источником невротических симптомов, тяжелых депрессий и непродуманных действий. Такие группы выступают в принципе объектом социального контроля институтов социальной поддержки.

3. Для некоторых слоев маргиналов характерно то, что у них постепенно вырабатывается особая система ценностей, которой нередко присущи глубокая враждебность к существующим общественным институтам, крайние формы социальной неприспособленности и неприятие всего существующего. Они, как правило, склонны к упрощенным максималистским решениям, проявляют крайний индивидуализм и эгоизм, отрицают любые виды организованности и близки к анархизму в своих ориентациях и поступках. Такие группы маргиналов еще нельзя отнести к криминальным, хотя некоторые предпосылки этого уже имеются.

4. Предкриминальные группы маргиналов характеризуются неустойчивостью поведения и поступков, а также нигилистическим отношением к закону и правопорядку. Они, как правило, совершают мелкие аморальные поступки и отличаются дерзостью поведения. По существу данные группы образуют тот «материал», из которого могут формироваться лица и объединения с криминальной направленностью.

5. Лица с устойчивой криминальной направленностью. У такого рода маргиналов полностью сформировались стереотипы противоправного поведения, они часто совершают правонарушения, крайней формой которых являются различного рода преступления. В их речи присутствует уголовный жаргон, действия сопровождаются особым цинизмом.

6. На нижней ступени приведенной классификации маргиналов стоят лица, отбывшие уголовное наказание, утратившие социально-полезные связи среди родственников, знакомых, сослуживцев и т. д. Они встречаются трудности при устройстве на работу, в благожелательном отношении к ним семьи и близких людей. Их можно с полным основанием отнести к разряду изгоев. В данном случае весьма затруднено оказание реальной социальной защиты. Однако при создании определенных условий это возможно. Существует немало примеров исправления даже «закоренелых» преступников и здесь нужен четкий правовой механизм, который позволил бы бывшему преступнику реабилитировать свое гражданское лицо и статус в обществе¹.

Радикальная деконструкция общественных основ, государственно-правовой идеологии современной России, и как следствие распространение социальной аномии, расхождение, противоречивость ценностных стандартов коррелируют с понятием маргинальности, маргинального состояния личности. Современные социологические исследования процесса трансформации российского общества фиксируют крайнюю неустойчивость структуры, аморфность, неопределенность и преобладание дезинтеграционных тенденций, что позволяет подчеркнуть стихийный, непоследовательный и даже иррациональный характер социальной деформации². Особую группу маргиналов составляют социальные группы молодежи/подростков (несовершеннолетние) и пенсионеров/инвалидов, находящиеся на периферии производственного процесса. Маргинализации молодежи способствует не только ущербная система социализации, блокирование каналов самореализации, но и отсутствие в ее сознании социокультурных механизмов этой самореализации, а также недостаточная правовая информированность, что приводит к уродливым формам самовыражения, различным видам девиантного поведения (наркотики, воровство, вандализм, проституция, алкоголизм, национальная нетерпимость и др.). Незнание

¹ См.: Садков Е. В. Маргинальность и преступность // Социология права. Девиантное поведение. М., 2000. С. 45–46.

² См.: Маликова М. Н. Динамика перемен // Соц. исслед. 1997. № 10. С. 24.

правовых норм приводит к формированию у молодежи негативных привычек нарушать законодательство, общему снижению детерминирующей роли авторитета правоохранительных органов и государства в целом.

Следующим источником маргинальной массы являются пенсионеры и инвалиды. Это наиболее обездоленная масса социальной периферии. Одиночество, изоляция и в связи с этим чувство ненужности, а также низкий жизненный уровень создают постоянно действующую стрессовую ситуацию, делая эту группу маргинализированного населения наиболее уязвимой для самого процесса маргинализации¹.

Изучение маргинальности в переходном обществе становится актуальным прежде всего в силу того, что в условиях происходящих в обществе коренных политических, экономических, правовых, социальных преобразований, в период становления рыночных отношений важное значение приобретает проблема эффективности управления в различных сферах общественной жизни. Как государственные, так и частные учреждения, организации и предприятия нуждаются в таких руководителях и управляющих, которые, обладая соответствующей профессиональной и этико-психологической подготовкой, в состоянии ориентироваться в лабиринте рыночных отношений, успешно работать в условиях жесточайшей конкуренции, быстро решать сложные экономические, политические, правовые и психологические вопросы, связанные с процессом управления².

В переходном обществе, где быстрыми темпами маргинализуются многие области общественной жизни, господствующим становится маргинальный тип управления. Это некий гибридный тип управления, который занимает промежуточную позицию между традиционным (в данном случае советским) и новым (постсоветским, рыночным) типами.

¹См.: Марковкина С. Г. Особенности социально-психологической адаптации лиц пожилого и старшего возраста // Образование и социальное развитие региона. 1995. № 3–4. С. 164–167; она же. Состояние нервно-психического напряжения как особенность процесса адаптации лиц пожилого и старческого возраста в пределах характерного социального пространства // Образование и социальное развитие региона. 1996. № 2. С. 135–137.

²См.: Акопян Н. Общество и экономика. 2004. № 2. С. 107–108.

Основными условиями и факторами возникновения маргинального управления являются следующие:

1. Переходный период в развитии общества, когда явления маргинальности проявляются наиболее рельефно.

Двусмысленность и параллелизм: в переходном обществе изменения, происходящие во всех областях общественной жизни, приходят в столкновение с существующими в обществе относительно устойчивыми социально-психологическими подструктурами, которые не могут достаточно быстро меняться даже под воздействием такого мощного фактора, как смена политической, правовой, экономической системы. Несмотря на то, что принимаются новые законы, формируются новые отношения, общество, по существу, живет и функционирует согласно законам и стереотипам его прежнего состояния, что создает благоприятные условия для возникновения маргинальных явлений.

Проводимые в данный период крупномасштабные реформы сопровождаются явлениями, характерными для «дикого» капитализма: в политическую, экономическую и управленческую сферы проникают коррумпированные криминальные, маргинализованные элементы, формируются мафиозные, клановые группировки, которые овладевают рычагами власти и управления. В условиях свободы, а точнее вседозволенности и отсутствия должного контроля, появляется человек эпохи рыночных отношений, руководствующийся девизом «цель оправдывает средства» и карамазовским «все дозволено».

2. Отсутствие стратегических целей в управленческой деятельности.

Основной целью как «нормального», так и маргинального управления является эффективная реализация задач, стоящих перед данной системой, организацией, предприятием, учреждением. Однако в случае маргинального управления преследуются также и другие цели, которые, являясь второстепенными, с течением времени могут приобрести первостепенное значение³.

3. Низкий профессиональный уровень управленческого аппарата, недалековидная кадровая политика, неправильный подбор кадров.

³См.: Акопян Н. Общество и экономика. 2004. № 2. С. 108–109.

4. Отсутствие соответствующего правового поля, регулирующего процесс управления, в организации руководящей деятельности, которое защитило бы общественные и социальные институты от маргинального управления.

Чрезвычайные ситуации в обществе, не имеющие прецедента, коренные изменения в жизни людей непосредственно воздействуют на социально-психологическое состояние общества: настроения людей, их душевное состояние, убеждения, оценки, позиции и поведение. В новых условиях начинает меняться человеческая психология. Прежде всего меняются система ценностей и оценок личности, социальная, этническая и профессиональная идентификация индивидов или групп. Происходит столкновение ценностей и норм, обуславливающих поведение людей в стабильном обществе, с ценностями и нормами, вводимыми на определенном этапе в преобразованное общество. Данный процесс является причиной возникновения конфликтов. В переходном обществе маргинальность проявляется не только во внешних социальных конфликтах, затрагивающих общественное сознание и социально-правовые отношения, но и на уровне межличностных и внутриличностных конфликтов.

В эпоху рыночных отношений чувство безопасности, уверенности в завтрашнем дне заменяется неопределенностью. Возникают противоречивые ситуации, растут социальная напряженность и конкуренция, а также увеличивается количество межличностных и межгрупповых конфликтов.

Множественность сталкивающихся ценностей, проблемы, связанные с выбором поведения, приводят к социальным и психологическим нарушениям. Социально-психологическими «болезнями» людей в переходном обществе становятся неуверенность, пессимизм, усталость, агрессивность, тревоги и страхи. Доминирует чувство социально-психологической неудовлетворенности. В переходном обществе социально-психологический облик людей характеризуют пессимистические настроения, потеря чувства общественного достоинства, обманутые ожидания, подавленность, стрессы и психологические конфликты, нигилистическое отношение к новым идеям и перемене

нам, склонность к авантюристической деятельности, сулящей сиюминутную выгоду, а также обращение к социальным методам адаптации. В новых условиях человек психологически не готов включиться в плодотворную трудовую деятельность.

По мнению Б. Д. Парыгина, понятие «психологическая готовность» включает:

- установку на участие в деятельности;
- способность максимально включиться в деятельность;
- установку на преодоление прежних стереотипов и схем;
- способность выработки и выбора новых установок в нестандартных ситуациях;
- внутреннюю готовность взять на себя ответственность за принятие самостоятельных решений;
- способность принимать обоснованные решения;
- готовность к стрессам в чрезвычайных ситуациях;
- способность противодействовать стрессовым ситуациям¹.

В переходном обществе у людей есть установка на деятельность или желание преодолеть прежние стереотипы, однако отсутствуют благоприятные условия для их осуществления. Неполная вовлеченность в производственный процесс создает почву для маргинализации личности. Со временем все ярче проявляются социально-психологические последствия кризиса социальной идентификации. Бездна кризисным ситуациям сопутствуют либо агрессивность, либо уединение, отчуждение, сознание собственной ненужности. Трудовая мотивация и этика сохраняются, однако существенно меняются поведение человека, мотивация и структура потребностей.

Не все люди, оказавшиеся в маргинальном положении, становятся пассивными, и, конечно же, не все болезненно переживают процесс адаптации. Те маргинальные типы, которые быстрее проходят этапы психологической подготовки, с легкостью преодолевают прежние стереотипы, прекрасно пользуются сложившейся ситуацией. Трансформационные процессы в современной России повлекли смешение психологи-

¹ См.: Парыгин Б. Д. Социальная психология. СПб., 2003. С. 230.

ческих, политических, экономических, религиозных мотивировок маргинализации, что позволяет говорить о зыбкости, подвижности социальных статусов и характеризовать всю социальную систему как динамическую и качественно новую. Дифференциация общества создает сложную конфигурацию социума, способствует росту представителей маргинальных групп. В результате маргинализации в обществе растет напряженность, аномия, экстремизм. Общая черта данных процессов состоит в том, что окружение травмирует личность, которая пытается адаптироваться в меняющемся обществе, но эти попытки являются в различной степени патологическими. Подход к решению проблемы маргинальности в обществе должен основываться на том, что маргинальность рассматривается прежде всего как объект контроля и управления на общегосу-

С. С. Державин,
*аспирант юридического факультета
кафедры конституционного
и муниципального права
Елецкого государственного университета
им. И. А. Бунина*

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РФ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Конституция Российской Федерации наделяет представительные органы государственной власти субъектов РФ довольно большим набором полномочий. Среди них: законодательная инициатива; участие в рассмотрении проектов федеральных законов по предметам совместного ведения, внесение в Государственную Думу РФ предложений о пересмотре, внесении поправок и изменений в Конституцию РФ; участие в процедуре одобрения поправок к гл. 3–8 Конституции РФ после рассмотрения их палатами Федерального Собрания РФ, а также принятие законов по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов.

Однако при реализации права законодательной инициативы представительными органами субъектов РФ существуют определенные проблемы. Так, например, ми-

наренном уровне. Полное ее решение связано с выходом страны из кризиса и стабилизацией общественной жизни, формированием устойчивых, нормально функционирующих структур, преодолением правового нигилизма, что реально делает эту перспективу отдаленной. Вместе с тем общественные интересы диктуют необходимость приемлемого разрешения проблемы маргинальности с помощью целенаправленного управленческого воздействия на различные группы факторов, детерминирующих это явление на конкретных, локальных уровнях¹.

Библиографический список

1. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология / Б. Д. Парыгин. – СПб., 2003.
2. *Садков, Е. В.* Маргинальность и преступность / Е. В. Садков // Социология права. Девиантное поведение. – М., 2000.

нистр юстиции Республики Татарстан М. М. Курманов отмечал, что гл. 12 Регламента Государственной Думы РФ² представляет возможность внесения проектов законов и других инициатив вне зависимости от предмета ведения, а положения ст. 109 и 119 данного Регламента существенно сужают эти полномочия. Статья 109 устанавливает обязательность направления в представительные органы субъектов РФ только законопроекты по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В ч. 7 ст. 119 Регламента закрепляется, что постановление Государственной Думы РФ о принятии законопроекта в первом чтении и сам законопроект в течение пяти дней должны направляться субъектам законодательной инициативы, указанным в ч. 1 ст. 104 Конституции РФ, т. е. и представительным органам субъектов РФ. Однако далее в статье делается оговорка: «...в случае принятия в первом чтении законопроекта по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации – в представительные органы субъектов Российской Федерации».

¹ См.: Садков Е. В. Указ. соч. С. 46.

² См.: О Регламенте Государственной Думы: Постановление Гос. Думы Федер. Собрания РФ от 22 янв. 1998 г. № 2134-III Д (ред. от 14 июня 2007 г.) // Рос. газ. 1998. 25 февр.

Тем самым представительные органы субъектов Российской Федерации могут быть лишены возможности внесения поправок в законопроекты в связи с непредставлением проекта федерального конституционного закона или проекта федерального закона¹.

Необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на то, что далеко не все законодательные инициативы, внесенные представительными органами государственной власти субъектов РФ реализуются. Так, в период с 1993 по 2003 г. из 1359 законодательных инициатив субъектов РФ принято только 29. Этой проблеме были посвящены работы Л. С. Адарчевой² и В. Д. Горобца³. Для решения этого вопроса Л. С. Адарчева предлагает повысить уровень взаимодействия субъектов законодательной инициативы, определенных в ст. 104 Конституции РФ, в процессе законотворчества. Причем не только при составлении планов законодательной деятельности – общих, приоритетных, текущих, перспективных, но и при разработке, обсуждении, рассмотрении проектов законов. Согласованность действий позволит избежать дублирований при внесении ими законодательных предложений в Государственную Думу РФ, а также неоправданного отстаивания в законопроектах узковедомственных, региональных интересов в ущерб общегосударственным⁴.

В. Д. Горобец, в свою очередь, выступает с предложением снизить число возвратов законов из Государственной Думы РФ за счет:

1) введения правила рассмотрения всех законопроектов в трех чтениях (кроме вопросов ратификации и денонсации международных договоров) с проведением всех необходимых экспертиз;

2) введения обязательного запроса мнений Совета Федерации и Президента РФ на ранних стадиях работы над законопроектами и приня-

тия решений Государственной Думой РФ по законопроектам с учетом таких мнений;

3) определения процедуры получения требуемых заключений Правительства РФ по законопроектам (в том числе введения правила признания непредставления заключения в установленные сроки);

4) введения действенных механизмов пресечения нарушений законодательной процедуры в Государственной Думе РФ⁵.

Исходя из действующего законодательства проект федерального закона по вопросам совместного ведения РФ и субъектов РФ в процессе его принятия четыре раза обсуждается представительным органом государственной власти субъекта РФ. В первый раз – при обсуждении обращения представительного органа государственной власти субъекта РФ о поддержке проекта федерального закона, внесенного данным парламентом в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу РФ. В связи с этим необходимо отметить, что данное обсуждение не предусмотрено федеральным законодательством. Во второй раз – при представлении отзыва по данному проекту федерального закона. На этом этапе распространен подсчет только отрицательных отзывов законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, хотя в последние годы существует такая практика, когда отзыв вообще не представляется, а учитывается как положительный⁶. В третий раз – при внесении поправок, и последний раз – перед рассмотрением Советом Федерации РФ. Однако возникает вопрос, всегда ли член Совета Федерации обязан согласовывать свою позицию с избравшим его органом? Для его решения необходимо установить, каким же мандатом располагает член Совета Федерации РФ: императивным или свободным? М. В. Баглай⁷ и В. В. Гошуляк⁸ полагают, что в Российской Федерации Конституция РФ полностью обходит вопрос о природе мандата парламентария, а

¹ См.: Курманов М. М. Участие законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации в федеральном законодательном процессе // Государство и право. 2004. № 10. С. 52–56.

² См.: Адарчева Л. С. О совершенствовании законодательной деятельности Государственной Думы // Журн. рос. права. 2000. № 3. С. 45.

³ См.: Горобец В. Д. Конституционно-правовой статус парламента Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 362–363.

⁴ См.: Адарчева Л. С. Указ. соч. С. 45.

⁵ См.: Горобец В. Д. Указ. соч. С. 362–363.

⁶ См.: Курманов М. М. Указ. соч. С. 52–56.

⁷ См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учеб. для вузов. М., 2005.

⁸ См.: Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. М., 2000.

законодательство решает его двояко. Под императивным мандатом М. В. Баглай понимает полномочия, полученные депутатом от своих избирателей, при условии, что он обязан выполнять их указы и нести перед ними ответственность за свои действия. В. И. Васильев полагает, при свободном мандате никто не может заставить депутата неуклонно следовать интересам избирателей, строго учитывать меняющееся общественное мнение. Иной точки зрения придерживается В. Е. Чиркин, считающий, что при всей положительной оценке свободного мандата важно не забывать, что возникновение вышеуказанного мнения связано с особо историческими условиями, императивный же мандат также имеет положительные качества¹, поскольку возможность досрочного отзыва избирателями заставляет депутата внимательнее прислушиваться к настроениям народа.

Кроме того, существуют и проблемы при участии законодательных органов государственной власти субъектов РФ в процедуре одобрения поправок к гл. 3–8 Конституции РФ после рассмотрения их палатами Федерального Собрания РФ. Статья 136 Конституции РФ гласит, что поправки к гл. 3–8 Конституции РФ вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов РФ. Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ² определение порядка одобрения закона РФ о поправке к Конституции РФ законодательными органами субъектов РФ относит к полномочиям законодательных органов и устанавливает, что порядок осуществления данных действий определяется ими самостоятельно и в срок не позднее одного года со дня его принятия. В Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ³ не закреплено, что дан-

ное решение принимается законом. Соответственно можно утверждать, что решение принимается постановлением, т. е. без участия высшего должностного лица субъекта РФ. Помимо этого данным документом установлено, что постановление принимается большинством голосов от числа избранных депутатов, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом (ч. 3 ст. 7). Поскольку конституция (устав) субъекта РФ принимается большинством, не менее двух третей, голосов от установленного числа депутатов (ч. 1 ст. 7), а для одобрения поправок к Основному закону – Конституции РФ – нужно большинство от избранного числа депутатов, то целесообразно закрепить в федеральном законодательстве, каким большинством депутатов необходимо принимать решение по одобрению поправок к Конституции РФ. Однако в связи с этим может возникнуть другая проблема. Так, если закрепить положение о необходимости большинства в две трети от установленного числа депутатов, то это может привести к практической невозможности принятия поправок к Конституции РФ⁴.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы пришли к следующему выводу: и Государственная Дума РФ, и Совет Федерации РФ, и представительные органы государственной власти субъектов РФ должны обратить самое пристальное внимание на решение данных вопросов и внести соответствующие изменения как в федеральное законодательство, так и в законодательство субъектов РФ.

Библиографический список

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. – М., 2005.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М., 1996.
3. Конституция РФ. – М., 2006.
4. Курманов, М. М. Участие законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации в федеральном законодательном процессе / М. М. Курманов // Государство и право. – 2004. – № 10.

¹ См.: Чиркин В. Е. Конституционное право в Российской Федерации. М., 2002.

² См.: Рос. газ. 1998. 10 марта.

³ См.: там же. 1999. 19 окт.

⁴ См.: Курманов М. М. Указ. соч. С. 52–56.

И. В. Дунаева,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Важную роль в деятельности любого социума играет власть. Однако власть многолика, и центральное место в ее классификации занимают политическая и государственная. Дуализм этих явлений составляет систему, в которую входят как цель, так и средство для ее достижения политической элитой. Необходимость соотношения государственной и политической власти требует своего теоретического осмысления.

Главным стержневым понятием данных явлений выступает власть. Не случайно понятие власть в социальных науках играет столь же фундаментальную роль, как и понятие энергии в физике. Властные отношения пронизывают все стороны человеческого существования. Власть в человеческом обществе – это плод инстинктов человека, основное условие его организованного существования, главный принцип выживания и прогресса человеческого рода на нашей планете, а может быть и в целом во Вселенной¹. Нужда во власти обусловлена как минимум пятью базовыми потребностями личности: в свободе и безопасности; благосостоянии (материальном); самоутверждении; ощущении себя личностью; самовыражении².

При этом необходимо отметить, что сформулировать определение власти довольно сложно, поскольку власть – явление общечеловеческое, глобальное и включает в себя целый мир феноменов, по своей неисчерпаемости имеющий мало равных себе.

В своих главных значениях власть предстает перед нами как:

1) управление;

2) способность, право и возможность тех или иных лиц, органов, учреждений, систем распоряжаться кем-либо, чем-либо; оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность конкретных

людей, их общности и институты с помощью различного рода средств – права, авторитета, воли, принуждения;

3) государственное, политическое, экономическое, духовное и иное господство над людьми;

4) система соответствующих государственных или иных управленческих органов;

5) лица, органы, учреждения, наделенные соответствующими государственными, административными или иными полномочиями;

6) индивидуум, единолично распоряжающийся судьбами и жизнями многих людей (монарх, диктатор, полководец и т. д.);

7) вообще господство, способное подчинять себе все в жизни, в живой природе³.

Однако анализируя все подходы к определению власти и исходя из целей данной статьи, мы предлагаем, на наш взгляд, наиболее приемлемое определение этого явления: власть – это особая форма организации общественных контактов, которая создает наиболее общую модель перераспределения ресурсов на основании доминирующего положения того или иного социального субъекта и его сознательной деятельности по укреплению и использованию своего положения для реализации своих интересов. По своей сути власть является правом и возможностью подчинять кого-нибудь своей воле, распоряжаться, повелевать, управлять кем-либо, чем-либо, оказывать влияние, иметь силу и т. д. При этом, как утверждает Ю. А. Дмитриев, власть – это еще и реальная возможность обладающего ею субъекта привести общественные отношения в какое-либо новое, заранее определенное и запрограммированное состояние⁴.

Борьба за власть стала основной целью политической элиты. Целью же является «идеально, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия; их идеальный, внутренне побуждающий мотив»⁵. По мнению большинства современных философов, цель есть феномен, связанный с человеком его сознанием, волей и трудовой активностью.

³ См.: Халипов В. Ф. и др. Указ. соч. С. 12.

⁴ См.: Дмитриев Ю. А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. 1994. № 7. С. 29.

⁵ Философская энциклопедия. М., 1970. С. 459.

¹ См.: Халипов В. Ф. и др. Власть: экономика, политика, культура / Отв. ред. В. Л. Шульц. М., 2007. С. 10.

² См.: Шейнов В. П. Психология власти. М., 2003. С. 10.

Власть бывает двух видов: органической и социальной. Органическая власть возникает стихийно и бессознательно, на основе естественного отбора. Она есть следствие, результат, вызванный отбором как причиной. Приспосабливаемость организмов к условиям жизни, разумность строения их органов, соответствие органов выполняемым функциям и тому подобное, – все это достигается, по Дарвину, в итоге сложного процесса эволюционной адаптации, направленного на сохранение вида и экспансии во внешней среде.

Специфика социальной власти заключается в сознательной выработке ориентиров, основанной на знании объективных закономерностей бытия, а также субъективном опыте и потребностях личности. Наиболее общими предпосылками стремления к власти как к цели является объективная закономерность бытия человека, а также специфика его сознания. С одной стороны, цель – субъективный по своей природе феномен, продукт свободной воли индивида, результат сложной деятельности мышления, итог различных умственных операций. С другой стороны, любая цель несет в себе и момент объективности, который предопределен уже тем, что сознание отражает лишь реальный мир, становясь ее частью. Сознательное целеполагание есть умственный процесс по формированию образа предстоящей деятельности на основе знаний потребностей бытия, различного рода связей и свойств объективного мира, а также с учетом средств, необходимых для материализации этого образа¹. Будучи порожденной объективным миром, власть как человеческая цель реализуется в предметной, материальной среде.

Власть многолика, она проявляется в различных сферах деятельности, и на этом основании мы можем ее классифицировать. Традиционно власть делится на экономическую, социальную, духовно-идеологическую, политическую, государственную и т. д. Особое место в данной классификации занимает власть государственная. Природа государственной власти сложна: она является продуктом, производным от всех остальных форм власти. Как правило, благодаря государственной власти, они закрепляются и оформляются в любом социуме.

¹ См.: Ропак Н. И. Категория цели: проблемы исследования. М., 1980. С. 40.

Л. Н. Толстой, рассуждая о значении власти, о власти, как совокупности воли масс, писал: «Наука права рассматривает государство и власть, как древние рассматривали огонь, как что-то абсолютно существующее. Для истории же государство и власть суть только явления, точно так же, как для физики нашего времени огонь есть не стихия, а явление... Власть, с точки зрения опыта, есть только зависимость, существующая между выражением воли лица и исполнением этой воли другими людьми»².

Государственная власть – это обусловленная историческим развитием каждого народа связь между государственными институтами и эффективностью их функционирования, характер которой обусловлен тем, насколько они органичны для конкретной страны и на конкретном этапе ее развития, насколько она адекватна восприятию населения.

Статья 3 Конституции Российской Федерации гласит: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Это означает, что граждане России наделяют органы государственной власти властными полномочиями. Речь идет о народном суверенитете, который тесно связан с государственным суверенитетом, является его источником и социальной основой, но не тождественный ему.

Государственная власть, являясь целью политической элиты, ее мысленной моделью желаемого результата, к которому она стремится, реализовывается особым средством ее трудовой деятельности – политикой.

Средство – это связующее звено между субъектом – политической элитой и объектом деятельности – властью, между идеальной мысленной моделью и материальным результатом. «Сущность категории средств – в дистанции между целью и результатом... Целенаправленность предполагает «длинную волю», протягивающую связь через более или менее медлительные пространственно временные интервалы. Средства – это эластичные нити, привязывающие результат к

² Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1958. Т. 4. С. 759, 767.

цели, а цель – к результату»¹. Таким образом, средство есть центральное звено в структуре сознательной целенаправленной человеческой практики.

Важнейшей характеристикой понятия «средство» служит его неразрывная логическая связь с понятием «цель». Средство определяется через цель, целенаправленность выступает важнейшим элементом содержания данной категории. Поэтому можно говорить даже о некоторой подчиненности политики как средства, власти как цели, поскольку, как справедливо отмечено классиками марксизма, цель как закон определяет способ и характер действий человека².

Природа средства двойственна. Эта особенность заключается в том, что она проявляется в двух относительно самостоятельных формах: средство-модель (субъективный образ, связанный с конкретной целью) и средство-предмет (реальный механизм, инструмент или процесс). Такая двойственность средства скрыта и в объекте нашей статьи. Дело в том, что в течение продолжительного времени понятия «политика» и «власть» объединялись. Со времен Аристотеля политика трактовалась прежде всего как совокупность знаний о власти, как наука о власти. Политика несла в себе субъективный образ власти, отражая цель. Сегодня же на первое место в представлении о политике выходит такая разновидность ее второй формы – средства-предмета, как процесс деятельности.

Политика по своей природе выступает целенаправленной деятельностью, использующей для достижения определенных целей соответствующие средства. При этом, на наш взгляд, политическая элита обладает собственно только ей принадлежащей властью – властью политической.

Мы полагаем, что главенствующая точка зрения в правоведении о тождестве понятий «государственная» и «политическая» власти, заложенная еще К. Марксом³, не соответствует сегодняшней действительности. Она сообразовывалась со структурой обществ, характерных для XIX в., но с появлением новой ее структурной составляющей – гражданского общества – эти понятия перестали быть тождественными. Мы солидарны с

мнением Ю. А. Тихомирова, который утверждает, что содержание политической власти гораздо шире, а государственная власть является лишь частным ее проявлением⁴.

Данное утверждение основывается прежде всего на различиях между государственной и политической властями. Различия состоят:

- во-первых, в составе субъектов, обладающих соответствующими властными полномочиями. Государственной властью обладают государственные органы, а политической – политические партии и иные политические образования;

- во-вторых, они обладают разным полем для реализации своих полномочий. Полем действия государственной власти является государство, а полем деятельности политики – гражданское общество;

- в-третьих, у них разные методы достижения поставленных целей. Только государственной власти принадлежит метод государственного принуждения;

- в-четвертых, они различаются объемом своих полномочий, ведь только государственная власть имеет право создавать нормативные акты, носящие общеобязательный характер⁵.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод: власть играет в регулировании социальной системой центральное место. При этом в обществе идет постоянная борьба за власть между политическими элитами, обладающими политической властью, которая распространяется на членов политических партий и им сочувствующих. Используя политическую власть как средство, политические элиты добиваются своей основной цели государственной власти, необходимой им для реализации своих потребностей.

Библиографический список

1. Власть: экономика, политика, культура / В. Ф. Халипов [и др.] ; отв. ред. В. Л. Шульц. – М., 2007.

2. Дмитриев, Ю. А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества / Ю. А. Дмитриев // Государство и право. – 1994. – № 7.

¹ Дialeктика общественного развития. Л., 1988. С. 199.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189.

³ См.: там же. Т. 4. С. 297.

⁴ См.: Тихомиров Ю. А. Социализм и политическая власть // Сов. государство и право. 1974. № 5. С. 17.

⁵ См.: Дмитриев Ю. А. Указ. соч. С. 34.

С. В. Ермаков,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ
ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ И ПОДСУДНОСТИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НАРУШЕНИИ
АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ**

Процессуальный закон в вопросах определения подсудности отличается нестабильностью. В частности, в период действия УПК РСФСР нормы второй главы, посвященной подсудности, претерпели существенные изменения. За сравнительно непродолжительное время, прошедшее после принятия УПК РФ, в соответствующие нормы также были внесены поправки. Вместе с тем объективно подсудность (а не нормы о подсудности) может изменяться не только ввиду преобразований уголовно-процессуального закона, но и вследствие изменений материального права – уголовного закона: смягчения или ужесточения наказания за какие-либо преступления, изменения структуры статей УК РФ. Отсюда возникает вопрос о согласованности материального и процессуального законов. Преследуя те или иные благие цели, инициаторы законопроектов не учитывают иных объективно возникающих преобразований в процессуальной деятельности, прежде всего, в вопросах подсудности и подсудности. По нашему мнению, это грубое нарушение юридической техники.

К сожалению, в УПК РФ до сих пор остаются технические ошибки. Часть из них были выявлены и исправлены, однако некоторые остались. Например, в п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ «Подследственность» указывается, что «предварительное следствие производится следователями органов внутренних дел Российской Федерации – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями ... 117 частями второй и третьей». Однако ст. 117 УК РФ («Истязание») содержит только две части. Безусловно, данная техническая ошибка объективно не влияет на подсудствен-

ность, но она свидетельствует о качестве правотворческой деятельности.

Вместе с тем ряд ошибок непосредственно затрагивают вопросы процессуальной деятельности, в том числе подсудности и подсудности.

Рассмотрим обозначенную проблему относительно подсудности уголовных дел о нарушении авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ).

Первый аспект связан с предварительным расследованием по уголовным делам о нарушении авторских и смежных прав. В настоящее время оно производится в форме предварительного следствия. Изначально его осуществление относилось к исключительной компетенции следователей прокуратуры, поскольку принято считать, что они являются наиболее квалифицированными специалистами, наименее подверженными воздействию администрации и спецслужб¹. Это свидетельствует о повышенной сложности данной категории уголовных дел.

По данным ГУБЭП МВД России, количество выявленных с начала действия УК РФ преступлений, предусмотренных ст. 146, увеличивается с каждым годом: 1997 г. – 302; 1998 г. – 607; 1999 г. – 836; 2000 г. – 1117; 2001 г. – 810; 2002 г. – 863; 2003 г. – 1239; 2004 г. – 1917; 2005 г. – 2924; 2006 г. – 7245 преступлений. Чтобы остановить этот процесс, а также обеспечить более эффективное взаимодействие следователей с оперативными подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями, Федеральным законом от 3 июля 2006 г. № 98-ФЗ в ч. 5 ст. 151 УПК РФ были внесены изменения, согласно которым по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 146 УК РФ, предварительное следствие может производиться в том числе следователями органа, выявившего эти преступления². Таким образом, в настоящее время установлена аль-

¹ См.: Савицкий В. Последние новеллы УПК: прекращение уголовного дела, состав суда, подсудность, подсудность // Рос. юстиция. 1997. № 4, 5.

² См.: О внесении изменений в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 3 июля 2006 г. № 98-ФЗ // Рос. газ. 2006. 7 июля.

тернативная подследственность дел о нарушении авторских и смежных прав. Это, несомненно, положительный шаг в активизации борьбы с интеллектуальным пиратством, и предварительное расследование большинства уголовных дел рассматриваемой категории теперь производится следователями органов внутренних дел.

Преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 146 УК РФ, являются преступлениями небольшой и средней тяжести соответственно. Исходя из формального критерия – категории преступления – они должны быть отнесены к компетенции дознания, но законодатель, учитывая их сложность, установил, что предварительное расследование в данных случаях будет производиться в форме предварительного следствия, а не в более упрощенной форме – дознания.

Второй аспект проблемы касается подсудности уголовных дел о нарушении авторских и смежных прав. Как известно, большинство уголовных дел, расследовавшихся в форме дознания, направляются на рассмотрение мировым судьям. В теории уголовно-процессуального права отмечается, что мотивами, учитываемыми при определении подсудности, в частности, являются общественная опасность, общественное и воспитательное значение, особая сложность. Последний критерий характеризует преступления, не представляющие повышенной общественной опасности, но в силу каких-либо причин их рассмотрение вызывает определенные трудности, а следовательно, и качественно разрешить дела по данным преступлениям, как считает законодатель, смогут только более квалифицированные судьи¹.

В ст. 31 УПК РФ закреплено, что мировому судье подсудны уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы. Исключение из этого правила составляет ряд уголовных дел о преступлениях, размер наказания за которые ниже трех лет лишения свободы. К ним, в частности, отнесен состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 146 УК РФ.

¹ См.: Нестеров В. Критерии определения подсудности уголовных дел мировым судьям // Рос. юстиция. 2002. № 10. С. 41.

До вступления в законную силу новой редакции ст. 146 УК РФ после внесения в нее изменений Федеральным законом от 8 апреля 2003 г. № 45-ФЗ² данная статья состояла из двух частей: ч. 1 относилась к преступлениям небольшой тяжести, а ч. 2 предусматривала наказание до пяти лет лишения свободы и, значит, не могла быть подсудна мировому судье. Исходя из этого все дела о преступлениях, предусмотренных ст. 146 УК РФ, рассматривались районными судами, поскольку требовали специальных знаний в области литературы, науки, искусства, компьютерных технологий, т. е. ввиду их особой сложности³.

Таким образом, фактическое изменение подсудности произошло в связи с преобразованием указанным выше Законом ст. 146 УК РФ из двух частей в три. В настоящее время преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 146 УК РФ, является преступлением небольшой тяжести и соответственно подсудно мировым судьям. Такое положение, по нашему мнению, необходимо исправить, исключив из подсудности мирового судьи уголовные дела о нарушении авторских и смежных прав.

Библиографический список

1. Нестеров, В. Критерии определения подсудности уголовных дел мировым судьям / В. Нестеров // Рос. юстиция. – 2002. – № 10. – С. 41.
2. О внесении изменений в статью 146 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 8 апр. 2003 г. № 45-ФЗ // Рос. газ. – 2003. – 11 апр.
3. О внесении изменений в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2006 г. № 98-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 7 июля.
4. Савицкий, В. Последние новеллы УПК: прекращение уголовного дела, состав суда, подсудность, подследственность / В. Савицкий // Рос. юстиция. – 1997. – № 4, 5.

² См.: О внесении изменений в статью 146 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 8 апр. 2003 г. № 45-ФЗ // Рос. газ. 2003. 11 апр.

³ См.: Разумов С. Производство по уголовным делам у мирового судьи // Рос. юстиция. 2000. № 11. С. 47.

С. Ю. Зайцева,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

**ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ
И АНТИСТИМУЛОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ**

Обеспечение конституционного права граждан на судебную защиту во многом зависит от эффективности деятельности судов, гарантий доступа к правосудию тех лиц, права которых нарушены или оспорены. Право на судебную защиту реализуется через совокупность правовых средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных прав. К числу таких правовых средств относятся *правовые стимулы*, которые выступают как необходимые, законные средства управления, обеспечивающие упорядоченность системы, способствующие удовлетворению правомерных интересов субъектов, их правовой активности и стимулирующие правомерное поведение.

Судебная власть, основной функцией которой является правосудие, призвана обеспечивать соблюдение прав и свобод человека в России. Конституция РФ провозглашает неограниченный доступ к правосудию для всех физических и юридических лиц без исключения. При этом учитывается, что возможность обратиться в суд, реализовать свое законное право не должно затрудняться какими бы то ни было ограничениями, препятствиями процессуального или финансового характера, мешающими удовлетворению правомерных интересов субъектов, их правовой активности, иными словами, всем тем, что принято называть *антистимулами* в праве.

Антистимулы в праве включают в себя как правовые, так и неправовые явления, препятствующие реализации активности субъектов права. Неправовые антистимулы представляют собой факторы организационного, материального и иного характера, не являющиеся элементами самого права. К их числу относятся: низкий уровень правовой культуры граждан, слабая материально-техническая оснащенность судебных

помещений, нехватка квалифицированных специалистов в судебной системе, загруженность судей и др. В отличие от неправовых правовые антистимулы объективированы в нормах права и правореализующей деятельности. К подобным правовым антистимулам относятся следующие: дефекты конструкции правовых норм (например, необеспеченность права обязанностью другой стороны, неполнота или терминологическая избыточность, пробелы, коллизии), интерпретационные, правоприменительные и иные ошибки, применительно к деятельности судей – нарушение сроков рассмотрения дел, сложность судебных процедур, неразвитость институтов, обеспечивающих юридическую защиту различных групп населения и т. п.

Судебные процедуры часто носят длительный дорогостоящий характер, поэтому заинтересованные лица не всегда желают обращаться в суд за судебной защитой. Так, затянутость сроков расследования, а нередко рассмотрения и разрешения уголовных дел, практически не оставляет надежды потерпевшего на скорое и справедливое вынесение приговора, возмещение ущерба, причиненного преступными действиями, особенно в тех случаях, когда преступник так и не обнаружен, а преступление остается нераскрытым.

Следует отметить, что на законодательном уровне не предпринималось никаких попыток оптимизации процессуальных процедур и судебной деятельности, позволяющих эффективно обеспечить право граждан на судебную защиту. Так, реализация федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2002–2006 годы» положила начало позитивным изменениям в деятельности судебной системы. Были приняты нормативные правовые акты, регламентирующие процедуры и меры, обеспечивающие защиту прав личности и доступность правосудия. В целях повышения доступности правосудия существенно увеличена численность судейского корпуса, административного и вспомогательного персонала судов общей юрисдикции и арбитражных судов, создана мировая юстиция, значительно повышена оплата труда судей. Решается проблема

обеспечения судей служебными помещениями, а также улучшения материально-технического обеспечения судов и повышения уровня их информатизации¹.

Вместе с тем нерешенными остаются многие проблемы, связанные с деятельностью судебной системы.

В связи с этим определенный интерес представляет правовая позиция Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации относительно гарантий их судебной защиты, обеспечения справедливого правосудия. Немало справедливых нареканий вызывает непрозрачность судопроизводства. Участники процесса часто лишены возможности получить достоверную информацию о судебных заседаниях и принятых на них решениях. Дефицит гласности правосудия порождает нарушения процессуальных прав участников судебного процесса, в результате чего затрудняет реализацию конституционного права на судебную защиту. Результатом являются многочисленные обращения граждан в Европейский Суд по правам человека. Так, по решениям Европейского Суда по правам человека Российская Федерация выплатила истцам в 2002 г. 11 тыс. евро, 2004 г. – 566 тыс. евро, 2005 г. – более 614 тыс. евро, 5,5 тыс. английских фунтов².

Таким образом, важнейшим направлением совершенствования правосудия являются меры по ускорению процесса информатизации судов, которая позволит гражданам получить достоверную информацию об осуществлении правосудия и стимулировать их правовую активность.

Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы» (далее: Программа) призвана решать новые задачи, обусловленные стремлением России соответствовать мировым стандартам в области судопроизводства, а также развитием информационных технологий. Она предполагает комплексное решение

проблем обеспечения доступности, открытости и прозрачности правосудия, повышения доверия общества к правосудию и эффективности рассмотрения дел, обеспечения независимости судей и повышения уровня исполнения судебных актов, а также проблем создания условий для осуществления правосудия³.

Изменение приоритетов в области судебной системы требует использования новых подходов в правоприменительной деятельности. Решением данной задачи является внедрение в деятельность судов современных информационных технологий, а именно внедрение их как собственно в процесс судопроизводства (возможность подачи исковых заявлений и иных документов в электронной форме, электронные архивы суда и т. п.), так и компьютеризацию иных, непроцессуальных аспектов деятельности суда, таких как внедрение регистрационных и иных книг, электронных календарей судебных заседаний, формирование статистической отчетности судов. Все это позволит обеспечить прозрачность правосудия и повысить доверие к нему.

На страницах юридической литературы активно обсуждается вопрос об электронных документах как доказательствах в судебном процессе. Так, процессуальное право отдельных государств включает электронные документы в систему доказывания: одни, даже не признавая их документами (Германия), другие – рассматривая в качестве одного из видов документов (Венгрия)⁴.

В процессуальном законодательстве России в отличие от законодательства других зарубежных стран не закреплены критерии достоверности данных, полученных с помощью компьютера. Именно отсутствие подобных правил осложняет применение электронных документов в качестве доказательств по делу, а ссылка на факт отсутствия в процессуальном законодательстве

¹ См.: О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы на 2002–2006 годы»: Постановление Правительства от 20 нояб. 2001 г. № 805 // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4623.

² См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год // Рос. газ. 2006. 15 июня.

³ См.: О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы»: Постановление Правительства РФ от 21 сент. 2006 г. № 583 // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

⁴ См.: Харсаги В. Новеллы венгерского законодательства об электронных документах // Рос. ежегодник гражд. и арбитраж. процесса. 2005. № 4. С. 314.

прямых указаний только создает риск непризнания юридической силы данного электронного документа.

В связи с этим заслуживают внимания предложения по разработке законодательной базы, регламентирующей доступ пользователей к судебной системе и обеспечивающей информационную безопасность передаваемой по телекоммуникационным сетям информации¹.

Эффективность правосудия зависит от многих факторов. Один из них состоит в вынесении законных и обоснованных решений. Кроме того, судебное решение должно быть справедливым.

Право на справедливое судебное разбирательство включает в себя право на бесплатную и квалифицированную правовую помощь, а также право на компенсацию причиненного ущерба. Имея конституционное право на защиту (ст. 45, 46 Конституции РФ), граждане не всегда могут воспользоваться этим правом в реальной жизни. С каждым годом происходит увеличение случаев, когда жертвы преступлений отказываются от участия в судебных заседаниях. Главной причиной является боязнь мести со стороны преступников или их подельников.

Часто бывают случаи, когда свидетелей, потерпевших, судей похищают, запугивают, а иногда и просто убивают. Так, 1 февраля 2002 г. перед зданием Тушинского районного суда г. Москвы был убит гражданин Ч., который выступал в качестве свидетеля по делу о вымогательстве. По версии милиции, один из обвиняемых, не сумев организовать «заказное убийство» для прекращения уголовного дела, сам расправился с неугодным свидетелем².

Для жертв преступлений подчас главное – забыть о преступлении, тем самым не усугублять нанесенную психологическую травму. В такой ситуации интерес потер-

певшего состоит в том, чтобы органы следствия, прокуратуры и суд обеспечили ему безопасность, а также в полном объеме был возмещен гражданский иск, учитывающий моральный вред и судебные издержки.

В соответствии со ст. 33 Декларации прав и свобод человека и гражданина права жертв преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает им доступ к правосудию и скорейшую компенсацию за причиненный ущерб³. К данной категории относятся несовершеннолетние, престарелые и инвалиды, которые в реальной жизни не только лишены возможности, но и ограничены в своих способностях самостоятельно отстаивать свои права и интересы.

Согласно действующему законодательству возмещение ущерба пострадавшему производится только при наличии приговора суда, вступившего в законную силу, т. е. после раскрытия преступления и изобличения виновного. Уровень раскрываемости, например, корыстных преступлений, в среднем по России составляет 55 %. Иными словами, почти половина потерпевших от корыстных посягательств лишены возможности возмещения нанесенного им ущерба, поскольку виновные в их совершении лица не установлены⁴. Все это сказывается на эффективной реализации субъективных прав личности, формирует негативное отношение к суду.

При судебном разбирательстве должно строго соблюдаться гарантированное ч. 1 ст. 48 Конституции РФ право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. С учетом данного конституционного положения суд обязан обеспечить участие защитника в деле как в случае, когда обвиняемый выразил такое желание, так и в случае, когда участие защитника является обязательным по закону. На основании ч. 1 ст. 52 УПК РФ подозреваем-

¹ См.: Клементьев, А. С. Практика использования телекоммуникационных технологий в уголовном процессе зарубежных стран / Под ред. С. В. Бажанова; Владим. юрид. ин-т. Владимир, 2007. С. 15.

² См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 году // Рос. газ. 2002. 22 июня.

³ См.: О Декларации прав и свобод человека и гражданина: Постановление ВС РСФСР от 22 нояб. 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 52. Ст. 1865.

⁴ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 году // Рос. газ. 2002. 22 июня.

мый, обвиняемый вправе в любой момент производства по делу отказаться от защитника, однако такой отказ не должен быть вынужденным и может быть принят лишь при наличии реальной возможности участия защитника в деле.

В соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции РФ и на основании п. 3 ч. 4 ст. 46, пп. 2 и 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ каждый задержанный, заключенный под стражу, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента возбуждения уголовного дела и с момента фактического задержания в случаях, предусмотренных ст. 91 и 92 УПК РФ, а также в случае применения к нему в соответствии со ст. 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу. Каждый обвиняемый в силу указанной конституционной нормы и на основании п. 8 ч. 4 ст. 47 и п. 1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. При нарушении этого конституционного права все показания задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого и результаты следственных действий, проведенных с его участием, должны рассматриваться судом как доказательства, полученные с нарушением закона¹.

В стадии судебного разбирательства обеспечивается состязательность процесса посредством участия прокурора, объективно защищающего права потерпевшего (в тех случаях, когда он там присутствует). Однако частные интересы уголовного истца далеко не всегда совпадают с публичными.

Таким образом, реально принцип состязательности в уголовно-судебном производстве может быть обеспечен лишь в том случае, если в УПК РФ будет легализовано правило, согласно которому участие защитника на стороне подсудимого означает обязанность суда обеспечить участие такового и на стороне потерпевшего.

¹ См.: О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8 // Рос. газ. 1995. № 247.

По мнению М. М. Выдри, функцию защиты следует рассматривать как функцию, призванную ограждать от нарушений не только обвиняемого (подозреваемого) и того, кто несет за него материальную ответственность, но и потерпевшего, гражданского истца и свидетеля. Однако возникает неясность относительно того, кто и в каком порядке будет оплачивать их услуги. Ведь было бы неверно, если бы участие адвоката-представителя оплачивал сам потерпевший, поскольку опосредствовано, т. е. через федеральный бюджет, он это уже сделал².

В настоящее время в российском законодательстве в качестве правового антистимула можно выделить отсутствие нормативного правового акта, закрепляющего обязанность суда в обязательном порядке обеспечить участие адвоката на стороне пострадавшего. Кроме того, необходимо разработать и принять нормативный правовой акт или федеральную программу по защите потерпевших, свидетелей и других участников процесса. Институт потерпевшего в уголовном процессе должен быть, безусловно, усовершенствован.

При этом важно, чтобы потерпевший не потерял свое истинное предназначение: не превратился в лицо, на которое органы предварительного следствия, прокуратура и суд перекладывали бы обязанность доказывания и изобличения виновного. Конституционное право граждан на судебную защиту предполагает также гарантированность от ошибочных решений самого суда. На это направлена предусмотренная законодательством возможность пересмотра дела вышестоящим судом.

Вместе с тем в деятельности судов кассационной инстанции имеются существенные недостатки. Так, в ряде случаев не проверяется соответствие выводов суда первой инстанции обстоятельствам дела и закону, соблюдение норм процессуального права. При оставлении решений без изменения в определениях часто излагаются лишь обстоятельства дела, установленные судом первой инстанции, но не указывают-

² Источник: Бажанов С. В. Стоимость уголовного процесса: Моногр. Н. Новгород, 2001. С. 319.

ся мотивы, по которым доводы жалобы или протеста признаны неправильными или не являющимися основанием к отмене решения. При отмене судебных решений и передаче дел на новое рассмотрение не всегда указывается, какие обстоятельства дела необходимо выяснить, какие доказательства следует истребовать, какие иные действия должен совершить суд.

В связи с этим необходимо постоянно повышать качество составления судебных документов. Это касается не только решений и приговоров судов первой инстанции, но и определений конституционной инстанции. При этом судебные акты должны быть точными, понятными, объективными по своему содержанию. Немотивированные и неубедительные судебные акты, которые содержат искажения, имеющие значение для дела обстоятельств, порождают у сторон процесса сомнения в объективности, справедливости и беспристрастности судей.

Согласно ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ определено, что вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов РФ, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации¹.

Однако в реальной жизни органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане не всегда исполняют решения судов, более того, применяют все возможные средства и методы, чтобы этого избежать. Неисполнение судебного решения уничтожает всякий смысл существования судов и ставит под сомнение саму возможность существования правового государства. Поэтому, на наш взгляд, необходимо законодательно

ужесточить ответственность должностных лиц и граждан за неисполнение решений судов.

В связи с этим нуждается в научно-теоретическом осмыслении проблема стимулов и антистимулов в праве. Очевидна необходимость целенаправленных усилий государства по ослаблению роли правовых антистимулов и усилению роли правовых стимулов. В известной степени одним из средств практического решения данной проблемы является реализация Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы», которая призвана решить новые задачи: повысить качество правосудия, уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан, организаций, учреждений, предприятий, осуществить развитие информационных технологий.

Вместе с тем следует отметить, что проблема обеспечения эффективной деятельности судебной власти как независимой и самостоятельной ветви власти до конца еще не решена и требует дальнейшей разработки. При этом следует отметить необходимость соблюдения общего закона управления, который заключается в том, что мощность положительных стимулов должна превышать мощность антистимулов². По нашему мнению, только при этом условии Россия может стать поистине правовым государством и удовлетворять интересы большинства населения. Это, в свою очередь, выступает стимулом для дальнейшего научного исследования анализируемой в настоящей статье проблемы.

Библиографический список

1. Бажанов, С. В. Стоимость уголовного процесса : монография. – Н. Новгород, 2001.
2. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. – М., 2002.
3. О Декларации прав и свобод человека и гражданина : Постановление ВС РСФСР от 22 нояб. 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 52. Ст. 1865.

¹ См.: Рос. газ. 1997. № 3.

² См.: Ланге О. Введение в экономическую кибернетику. М., 1968. С. 112, 123.

А. М. Зюков,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*
М. М. Симонова,
*юрист отдела культуры
администрации г. Владимира*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ИЗУЧЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА МАЛЫМИ НАРОДАМИ РОССИИ

В ходе изучения истории становления прав малочисленных народов России возникает вопрос о реализации права на сохранение, развитие и применение родного языка коренными малочисленными народами.

Изучение истории, культуры и быта малочисленных народов показало, что язык является признаком принадлежности к соответствующим этническим группам.

Согласно п. 3 ст. 68 Конституции РФ Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В соответствии со ст. 69 Конституции РФ гарантированы права коренных малочисленных народов согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации.

В соответствии с п. 6 ст. 3 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (в редакции от 11 декабря 2002 г.) (далее: Закон) в Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в составе Российской Федерации строятся на графической основе кириллицы; иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами.

Конкретизируя положения ст. 68 Конституции РФ, Закон определяет, что Российская Федерация в лице высших органов государственной власти осуществляет установление общих принципов законодательства РФ о языках народов Российской Федерации, обеспечение функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации, содействие

развитию государственных языков республик, создание условий для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами (ст. 6)¹.

Установив единую графическую основу алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик, законодатель прежде всего констатировал и легитимировал исторически сложившиеся в Российской Федерации реалии – существование и развитие языков народов России, получивших статус государственного языка, на графической основе кириллицы. Такое законодательное решение в настоящее время обеспечивает в интересах сохранения государственного единства – гармонизацию и сбалансированное функционирование общегосударственного языка и государственных языков республик, направлено на достижение их оптимального взаимодействия в рамках общего языкового пространства и не препятствует реализации гражданами Российской Федерации прав и свобод в языковой сфере, в том числе права на пользование родным языком.

В соответствии со ст. 4 «Гарантии защиты языков народов Российской Федерации» Закона языки народов Российской Федерации пользуются защитой государства. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации гарантируют и обеспечивают социальную, экономическую и юридическую защиту всех языков народов Российской Федерации. Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех язы-

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан: Постановление Конституц. суда РФ от 16 нояб. 2004 г. № 16-П // СЗ РФ. 2004. № 47. Ст. 4691.

ков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации.

Несмотря на то, что федеральными законами предусмотрены гарантии на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, на практике данное право либо не реализуется, либо реализуется не в полном объеме. Так, например, ряд малочисленных народов не имеют письменности на родном языке.

Учитывая тот факт, что малочисленные народы проживают на территории всей Российской Федерации, необходимо отметить, что полноценно реализовать свое право на изучение, развитие и применение родного языка является довольно затруднительным, а в некоторых случаях невозможным (особенно в ряде регионов). Так, в библиотеках Центральной части России найти словари всех национальных языков коренных народов, проживающих на территории России, довольно трудно, не говоря о художественной литературе.

В соответствии со ст. 7 «Программы сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации» Закона Правительство РФ разрабатывает федеральные целевые программы сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации и осуществляет меры по реализации таких программ. Органы государственной власти субъектов РФ могут разрабатывать соответствующие региональные целевые программы.

Изучив ряд целевых программ, затрагивающих сохранение, изучение и развитие языков малочисленных народов Российской Федерации, можно сделать вывод, что несмотря на имеющуюся нормативную базу по данному вопросу, остается множество нерешенных проблем.

Существующая в настоящее время сеть общеобразовательных учреждений не обеспечивает полностью потребности коренных народов в образовании. Школы испытывают недостаток педагогических кадров, не укомплектованы учебной и учебно-методической литературой, пособиями для внеклассного чтения, особенно на языках коренных народов, слабо оснащены современными техническими средствами обучения. Особой проблемой является обучение родному языку, поскольку существует не-

достаток квалифицированных кадров для преподавания родного языка, что ведет к снижению уровня преподавания на родном языке, отсутствует достаточное программно-методическое обеспечение преподаваемых дисциплин, отражающих национально-региональную специфику.

Рассматривая вопрос о реализации права на сохранение, развитие и применение родного языка коренными малочисленными народами, следует уделить внимание реализации данного права при участии в судебных разбирательствах, рассмотрев данный вопрос на примере уголовного судопроизводства. Важным в осуществлении провозглашенного Конституцией РФ принципа национального языка уголовного судопроизводства является участие на предварительном следствии переводчика, что определено в ст. 18 УПК РФ. Законодатель ввел в закон право воспользоваться услугами переводчика, кроме лиц, не владеющих языком, лиц, недостаточно владеющих языком, право выступать в суде не только на родном языке, а на другом языке, которым они владеют, а также право бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном УПК РФ.

Законодателем также внесены изменения в часть статьи о языке судопроизводства, касающиеся круга лиц, которым в соответствии с УПК РФ следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению на родном языке.

При этом возникает сложность в реализации прав участников процесса на получение копий, принятых следователем, прокурором, судом, решений в переводе на родной язык и предоставление переводчика, поскольку, как было указано выше, не у всех коренных народов имеется письменность либо, имея словарь того или иного национального языка, отсутствует вероятность, что документ будет переведен надлежащим образом, тем более специфический текст (нормативный, юридический). Кроме того, сложно найти специалиста в Центральной части России, владеющего необходимым для перевода языком.

В 50–70-е гг. XX в. государственная поддержка охватывала практически все стороны жизнедеятельности коренных народов. В указанный период была создана экономическая

основа и система сбыта продукции традиционных отраслей хозяйствования, у 26 коренных народов появилась письменность (в основном на основе русского алфавита), развивалась сфера образования и культуры¹. Однако значимость национальных языков снижалась с низведением их до положения разговорного языка в быту и изъятием его из школьного обучения и других общественных сфер (радио, газеты, книги, местное самоуправление и т. п.). Одновременно с сокращением сфер функционирования национальных языков возрастал удельный вес двуязычия. Отрицательным следует признать не сам факт двуязычия, а его качественную особенность, когда ведущим языком становится не родной, русский язык: в результате обучения в школе на русском языке в отрыве от родителей дети утрачивали национальную артикуляторную базу, сокращался словарный запас. Так, на примере удэгейского языка можно показать основные причины возникновения проблем по реализации прав на применение и использование национальных языков.

На удэгейском языке, у которого в прошлом не было письменности, отсутствуют какие-либо памятники. Первые фиксации удэгейского лексикона относятся к концу XIX в., однако фонетически – в силу сложного звукового строя – они неточны. В начале 30-х гг. XX в. для удэгейского языка был разработан алфавит на латинской основе и выпущены первые книги. С 80-х гг. XX в. были осуществлены попытки по возрождению преподавания удэгейского языка в школе. Литературный язык, начавший формироваться на базе хорского говора, не получил дальнейшего развития².

В истории сложения разных этносов неоднократно наблюдалось соединение и взаимодействие разнохарактерных этнических волн, дальнеродственных или совсем чуждых по языку. В языковом отношении это приводило к нарушению «чистых» лингвогенетических типов исходных диалек-

тов и амальгамированию их языковых черт в складывавшемся смешанном языке³. Так, например, к тунгусо-маньчжурской группе относятся языки эвенков, эвенов, нигидальцев, ульчей, ороков, орочей, удэгейцев, маньчжур.

Среди коренного населения люди старшего поколения предпочитали общаться со своими детьми на русском языке, мотивируя это необходимостью свободного владения русским языком для получения достойного образования и работы.

В настоящее время нормативными правовыми актами закреплены все возможные гарантии на реализацию права по сохранению родного (национального) языка, создание условий для его изучения и развития. Практически в каждом субъекте РФ, где проживают малочисленные (коренные) народы, принимаются законы субъектов о языках и разрабатываются все возможные программы, затрагивающие данный вопрос.

Таким образом, несмотря на имеющуюся законодательную базу, реализация установленных прав и гарантий на практике не всегда осуществима. В связи с языковой политикой в период существования Советского Союза возрождение и развитие коренных языков малочисленных народов России в полном объеме требует значительных средств и усилий. Утрата значимости национального языка в указанный период ведет к их утрате, поскольку старшее поколение, в той или иной мере знающее свой национальный язык, престаёт существовать, а пришедшая ему на смену молодежь в качестве основного языка использует русский.

Библиографический список

1. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. – М., 2002.
2. О Федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2008 года»: постановление Правительства РФ от 27 июля 2001 г. № 564 // СЗ РФ. – 2001. – № 32. – Ст. 3327.
3. О языках народов Российской Федерации: закон РФ от 25 окт. 1991 г. № 1807-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 50. – Ст. 1740.

³ См.: там же.

¹ О Федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2008 года»: Постановление Правительства РФ от 27 июля 2001 г. № 564 // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3327.

² См.: Кормушин И. В. Удыхейский (удэгейский) язык: Материалы по этнографии. Очерки фонетики и грамматики. М., 1998. С. 8.

А. А. Илidgeв,
доцент кафедры уголовно-правовых
и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ЗНАЧЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В СОУЧАСТИИ

Наказание является естественной формой реагирования государства на факт совершения преступления, независимо от того, совершено ли оно единолично, или умышленными совместными действиями двух или более лиц. Совершение преступления в соучастии значительно повышает степень его общественной опасности. В УК РФ впервые все групповые формы соучастия рассматриваются в качестве наиболее опасных преступных проявлений. Групповой способ совершения преступлений, тем более наличие и проявление организованных форм соучастия свидетельствуют о создании и функционировании антисоциальных отношений, социально-психологической общности криминальных элементов. Поэтому применение наказания к соучастникам преступления – это не только естественная, но и, как правило, необходимая форма реализации уголовной ответственности.

Специфика определенных форм совершения преступлений, особенности личности виновных и их поведения породили необходимость регулирования в уголовном законодательстве не только общих начал и критериев, но и специальных (дополнительных) критериев назначения наказания¹.

¹ Подробнее об этом см.: *Бажанов М. И.* Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев, 1980; *Красиков Ю. А.* Назначение наказания: обусловленность и критерии индивидуализации. М., 1991; *Кругликов Л. Л.* О критериях назначения уголовного наказания // Сов. государство и право. 1988. № 8; *Малков В. П.* Применение общих начал назначения наказания // Сов. юстиция. 1986. № 14; *Прохоров Л. А.* Общие начала назначения наказания и предупреждение рецидивной преступности. Омск, 1980; *Сундуков Ф. Р. и др.* Общие начала назначения наказания: новые подходы к правовому регулированию // Социально-правовые исследования современных проблем преступности. Казань, 2000; *Ткаченко В. И.* Общие начала назначения наказания. М., 1984; *Хамитов Р. Н.* Назначение наказания как институт российского уголовного права. Набережные Челны, 2000; *Шнейдер М. А.* Назначение наказания по советскому уголовному праву. М., 1957; *Чучаев А. И.* Личность преступника и вопросы наказания. М., 1990 и др.

Значение специальных (дополнительных) критериев назначения наказания трудно переоценить. Они, наряду с общими критериями, определяют основание и пределы назначения наказания.

Специальные (дополнительные) критерии назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, предусмотрены в ст. 67 УК РФ, в ч. 1 которой говорится, что при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. При этом смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику (ч. 2 ст. 67 УК РФ).

В прежнем УК РСФСР предписывалось при назначении наказания учитывать степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления (ч. 7 ст. 17). То есть в данном случае, в отличие от УК РФ, на первое место была поставлена степень, а не характер участия лица в совершении преступления в соучастии.

Раскрыть характер участия в преступлении значит установить, кем конкретно являлось данное лицо: организатором, исполнителем, подстрекателем или пособником. Степень участия в преступлении означает меру активности виновного в исполнении своих функций. Оба эти обстоятельства принадлежат к объективной стороне преступления. Первое из них характеризует качественную, второе – количественную сторону действий соучастника.

По нашему мнению, вряд ли объективно возможно учитывать сначала меру активности лица при совершении преступления и только потом выполняемую им роль. Первично все-таки то, в качестве кого выступал соответствующий соучастник при совершении преступления, а не то, как, каким образом выполнял свою роль. Иными словами, вначале надо принять во внимание качественную сторону участия в совершении преступления, а затем уже осуществить его количественное измерение.

На основе характера фактического участия в совершении преступления можно определить сравнительную общественную опасность отдельных соучастников. Е. В. Благов распределил соучастников преступления по

степени снижения общественной опасности таким образом: исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник¹. Однако большинство ученых, с которыми мы полностью согласны, наиболее опасной фигурой среди соучастников признают организатора преступления и тем более преступной деятельности. Организатор – это творец и носитель цементирующей воли в совершении преступления или преступлений. Все иные соучастники в той или иной мере являются исполнителями его воли.

В то же время в правовой литературе справедливо отмечается, что в основе пределов ответственности и наказания должна лежать индивидуальная роль каждого соучастника в учинении преступления. При равной интенсивности действий соучастников в основу определения сравнительной степени их общественной опасности следует брать характер их участия в преступлении, совершенном сообща. При этом степень участия может быть у соучастников различной. Поэтому определить индивидуальную роль без определения степени их участия в совершении преступления просто невозможно.

Основываясь на материалах судебной практики, можно заключить, что суды при индивидуализации наказания соучастникам, выполнявшим одну и ту же роль главным образом принимают во внимание степень фактического участия при совершении преступления.

Индивидуальная роль соучастника в совершении преступления определяется не только характером и степенью участия в сообще совершенном преступлении, но и другими дополнительными критериями назначения наказания соучастникам, т. е. значением этого участия для достижения цели преступления и его влиянием на характер и размер причиненного или возможного вреда.

Таким образом, все дополнительные критерии назначения наказания за преступление, совершенное при соучастии, тесно взаимосвязаны, отражают активность соучастников преступного деяния, объем и интенсивность их действий, а в совокупности определяют степень общественной опасности действий и личность каждого соучастника.

Степень участия в совершении преступления применительно к различным формам соучастия бывает, как правило, неоднозначной. При соучастии с распределением ролей

степень участия обычно определяется границами роли того или иного соучастника, хотя объем выполняемых действий в этих границах может быть разным. Например, пособник осуществляет интеллектуальное и физическое пособничество, а подстрекатель в течение продолжительного времени склоняет другое лицо к совершению преступления. При этом может быть и совмещение нескольких ролей – организатора и исполнителя, подстрекателя и исполнителя и т. д.

Еще больше возможностей для проявления различных степеней активности есть у членов организованной группы и преступного сообщества (преступной организации). Именно поэтому законодатель рассматривает степень участия в качестве обстоятельства, влияющего на назначение наказания. Так, объективная сторона вооруженного мятежа заключается не только в организации, но и активном участии в нем (ст. 279 УК РФ), а в п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ особо активная роль в совершении преступления рассматривается в качестве отягчающего обстоятельства. Роль виновного в совершении преступления может быть положена в основание назначения наказания по правилам ст. 64 УК РФ. Различие в степени активности соучастников зависит и от того, идет ли речь о соучастии в совершении отдельного преступления или же о соучастии в преступной деятельности. В последнем случае, например, организатор выполняет больший объем организационных функций, чем при учинении отдельного преступного деяния.

В юридической литературе активно дискутируется вопрос об общественной опасности преступлений, совершаемых в соучастии, и ее степени применительно к отдельным видам соучастников. Многие авторы еще в период действия УК РСФСР 1960 г. признавали повышенную опасность преступлений, совершаемых в соучастии². Одновременно высказывается и противоположное мнение. Так, Л. Л. Кругликов полагает, что само по себе соучастие не всегда способно свидетельствовать о повышенной опасности преступления³.

² См.: Джекабаев У. С., Вайсберг Л. М., Судакова Р. Н. Соучастие в преступлении. Алма-Ата, 1981. С. 3; Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 49 и др.

³ См.: Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в советском уголовном праве. Ярославль, 1989. С. 20.

¹ См.: Благов Е. В. Назначение наказания. Теория и практика. Ярославль, 2002. С. 87.

Когда авторы пишут о повышенной общественной опасности преступлений, совершенных в соучастии, по сравнению с единолично учиняемыми преступными деяниями, то подразумевается, что все иные обстоятельства, характеризующие соответствующие деяния, являются равнозначными.

В настоящее время все формы группового совершения преступлений законодатель рассматривает в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч.1 ст. 63 УК РФ). По нашему мнению, это является правильным решением. Объединение усилий нескольких лиц в совершении преступления даже на минимальном уровне свидетельствует о появлении антисоциальных связей и облегчает достижение преступной(ых) цели(ей).

Вполне обоснованно законодатель усматривает различия в степени общественной опасности преступлений, совершаемых различными по характеру взаимодействия преступными образованиями. Наиболее опасными формами групповых преступлений он признает их учинение организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями).

Однако надо отметить, что и совершение преступления в соучастии с распределением ролей также повышает степень их общественной опасности, поскольку и здесь происходит определенное объединение антиобщественной активности двух или более лиц, а их криминальные связи приобретают устойчивый характер.

Учеными-юристами выдвигаются предложения об усилении ответственности виновных за совершение преступления группой лиц путем повышения минимально допустимого срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, т. е. так, как это сделано применительно к рецидиву преступлений. В. В. Соболев отмечает, что за преступление, совершенное группой лиц (с предварительным сговором или без такового), наказание не может быть назначено ниже половины максимального размера санкции, а совершенное организованной группой – ниже двух третей¹.

Поддерживая в целом это предложение, мы полагаем возможным отметить, что

нельзя уравнивать по силе влияния на назначение наказания совершение преступления группой лиц, с одной стороны, и группой лиц по предварительному сговору, с другой стороны. **Было бы более справедливым, если регламентировать назначение наказания, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ, за преступление, совершенное группой лиц, не ниже одной трети его срока или размера.**

Кроме того, также перспективным, с нашей точки зрения, является и другой путь дифференциации назначения наказания за преступления, совершаемые в соучастии, т. е. назначать наказание соучастникам в зависимости от выполняемых ими ролей. **Например, целесообразно предусмотреть положение о том, что организатору назначается не менее строгое наказание, чем исполнителю преступления, а пособнику назначается более мягкое наказание, чем исполнителю преступления. Кроме того, следовало бы внести указание о том, что если соучастник оказал незначительное содействие исполнителю преступления, то суд может назначить ему более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, по правилам ст. 64 УК РФ. В случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, пособнику и подстрекателю преступления не могут быть назначены смертная казнь либо пожизненное лишение свободы. Они заменяются лишением свободы на определенный срок.**

Более последовательная дифференциация и индивидуализация наказания соучастникам преступления призвана обеспечить более эффективное достижение его целей, реализацию принципов уголовной ответственности и решение задач уголовного законодательства.

Библиографический список

1. Общие начала назначения наказания: новые подходы к правовому регулированию / Ф. Р. Сундуров [и др.] // Социально-правовые исследования современных проблем преступности. – Казань, 2000.
2. Соболев, В. В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2000.
3. Хамитов, Р. Н. Назначение наказания как институт российского уголовного права / Р. Н. Хамитов. – Набережные Челны, 2000.

¹ См.: Соболев В. В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 23.

Н. С. Калинина,
начальник отдела нормативного правового обеспечения государственной военной и правоохранительной службы Департамента бюджетной политики в сфере государственной военной и правоохранительной службы и государственного оборонного заказа Министерства финансов Российской Федерации

МИЛИЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ФЕДЕРАЛЬНАЯ ИЛИ РЕГИОНАЛЬНАЯ?

С принятием федерального закона о правоохранительной службе, о необходимости которого говорится в ст. 19 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ, являющегося основой законодательной базы для дальнейшего развития и совершенствования правового регулирования государственной службы в рамках проводимой в государстве административной реформы, органы внутренних дел Российской Федерации должны войти в число органов, в которых будет введена правоохранительная служба¹. В частности, ст. 7 данного Закона определяет правоохранительную службу следующим образом: это вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека и гражданина. Таким гражданам присваиваются специальные звания и классные чины. При этом финансирование государственной службы осуществляется за счет средств федерального бюджета.

Вместе с тем сложившаяся в начале 1990-х гг. система органов внутренних дел основана на принципах двойного подчинения и многоуровневого финансирования.

Так, Закон РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 подразделяет милицию на криминальную и общественной безопасности. Последняя в своей деятельности

подчиняется не только МВД России, но и соответствующим органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Финансируется милиция общественной безопасности из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. Ее численность соответственно устанавливается Правительством РФ, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Создание, реорганизация и ликвидация подразделений милиции общественной безопасности, финансируемой из региональных и местных бюджетов, осуществляется в порядке, определяемом органами исполнительной власти по согласованию с МВД России.

Следует отметить, что Конституция РФ к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов относит вопросы, связанные с защитой прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности. Поэтому, безусловно, перечень задач, выполняемых милицией общественной безопасности (обеспечение безопасности личности, общественной безопасности, охраны собственности, общественного порядка, выявление, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений и т. д.), относится к предметам совместного ведения.

В настоящее время в соответствии с Постановлением Правительства РФ «О подразделениях милиции общественной безопасности» от 7 декабря 2000 г. № 926 за счет средств федерального бюджета финансируются: дежурные части; подразделения дознания; подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России, осуществляющие технический надзор, розыск автотранспортных средств и контроль за соблюдением установленных правил безопасности дорожного движения; подразделения по обеспечению безопасного и беспрепятственного проезда автомобилей специального назначения; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых; подразделения лицензионно-разрешительной работы и контроля за частной детективной и охранной деятельностью; подразделения охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых; отряды милиции особого на-

¹ См.: Рос. газ. 2003. 31 мая.

значения; подразделения милиции вневедомственной охраны при органах внутренних дел, а также ряд иных подразделений¹.

За счет средств местных и региональных бюджетов финансируется деятельность участковых уполномоченных милиции; специальных приемников для содержания лиц, арестованных в административном порядке; приемников-распределителей для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество; медицинских вытрезвителей при органах внутренних дел, центров временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей, подразделений по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнению административного законодательства.

Одним из ключевых направлений административной реформы являлся процесс разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также закрепления перечня вопросов местного значения муниципальных образований. Результатом этой деятельности стали внесенные изменения в федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ² и «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ³, определившие полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, осуществляемые ими за счет собственных средств. Следует отметить, что указанные изменения не затронули полномочий в части функций, выполняемых милицией общественной безопасности.

Однако в рамках решения вопроса о порядке финансирования системы органов внутренних дел Российской Федерации на переходный период Федеральным законом «О внесении изменений в законодательные

акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации"»⁴ была предусмотрена норма о сохранении действующего порядка финансирования милиции за счет средств соответствующих бюджетов до вступления в силу федерального закона, определяющего порядок организации и деятельности федеральной и муниципальной милиции (до настоящего времени соответствующий федеральный закон не принят). При этом органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления предоставлено право производить дополнительные расходы на обеспечение деятельности учреждений МВД России, в том числе дополнительные выплаты сотрудникам внутренних дел сверх установленного размера денежного довольствия, в пределах средств, предусмотренных законом о бюджете субъекта Российской Федерации или муниципальным правовым актом о местном бюджете.

Вместе с тем, несмотря на указанные законодательные акты, вопрос о финансовом обеспечении и соответственно системе подчинения милиции общественной безопасности еще не урегулирован. И здесь, по нашему мнению, можно предложить два пути его решения. Во-первых, перевести все подразделения милиции общественной безопасности, финансируемые за счет средств субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, на финансирование из федерального бюджета. В этом случае финансовое обеспечение всей системы органов внутренних дел за счет средств федерального бюджета и одноуровневая система подчинения, безусловно, упростят переход органов внутренних дел на правоохранительную службу, увеличат уровень денежного содержания, позволят МВД России перераспределять штаты между регио-

¹ См.: Рос. газ. 2000. 15 дек.

² См.: там же. 2006. 31 дек.

³ См.: там же. 2007. 24 окт.

⁴ См.: СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

нами России с учетом криминогенной и демографической ситуаций, принимая во внимание, что за счет средств региональных бюджетов и бюджетов муниципальных образований содержатся около 40 % сотрудников, имеющих специальные звания.

При этом данное решение сопряжено с существенными затратами федерального бюджета, которые частично могут быть сокращены путем перераспределения межбюджетных трансфертов из федерального бюджета Российской Федерации в бюджеты нижестоящего территориального уровня. Кроме того, перевод на федеральный бюджет всей численности подразделений милиции общественной безопасности будет связан с вопросами передачи в оперативное управление МВД России зданий, сооружений, земельных участков, закрепленных за органами внутренних дел согласно договорам аренды, безвозмездного пользования и находящихся в собственности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Во-вторых, принятие данного решения требует глубокого анализа со стороны МВД России при участии субъектов Российской Федерации на предмет целесообразности передачи функций, закрепленных в настоящее время за милицией общественной безопасности, финансируемой за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, на федеральный уровень. Представляется, что прежде всего должна быть осуществлена передача на федеральный бюджет подразделений, наиболее структурно обособленных в милиции общественной безопасности и осуществляющих фактически функции федерального значения, такие как, например, Государственная инспекция безопасности дорожного движения.

Э. С. Карпов,

*преподаватель кафедры экономических и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Правовые основы государственного финансового контроля закреплены в Конституции РФ, Бюджетном кодексе РФ, иных феде-

Вместе с тем возможно ряд функций, выполняемых подразделениями милиции общественной безопасности, закрепить за органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, финансирование которых они будут осуществлять за счет собственных средств.

Однако в этом случае необходимо иметь в виду, что закрепленные полномочия органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления будут осуществлять самостоятельно, а подразделения, сформированные для выполнения данных функций, не будут входить в систему МВД России, следовательно, в них не сможет быть введена правоохранительная служба. Речь в данном случае может идти только о государственной гражданской службе субъекта Российской Федерации и муниципальной службе, и соответственно лицам, проходящим службу в таких подразделениях, не смогут быть присвоены специальные звания.

Библиографический список

1. О подразделениях милиции общественной безопасности : постановление Правительства РФ от 7 дек. 2000 г. № 926 // Рос. газ. – 2000. – 15 дек.
2. О системе государственной службы Российской Федерации : федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Рос. газ. – 2003. – 31 мая.
3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 31 дек.

ральных законах, указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ, а также других нормативных правовых актах Российской Федерации. На региональном уровне правовое регулирование финансового контроля осуществляется законами и иными нормативными правовыми актами, принятыми субъектами Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством, конституциями и уставами субъектов федерации. Нормативное правовое регулирование местного финансового контроля

осуществляется правовыми актами представительных органов местного самоуправления. Отдельно следует выделить международные договоры и соглашения, заключенные или признанные Российской Федерацией.

Необходимо отметить, что в Российской Федерации отсутствует кодифицированный законодательный акт, устанавливающий единые правовые и методологические основы реализации государственного финансового контроля, а также систему органов, его осуществляющих. Вследствие этого в России до настоящего времени не создана единая, основанная на принципах федерализма, иерархическая система органов финансового контроля, не проработаны механизмы взаимодействия между ее элементами, детально не определена компетенция контрольных органов.

В настоящее время организационная структура государственного финансового контроля закреплена Указом Президента РФ «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» от 25 июля 1996 г. № 1095¹.

Данный Указ, состоящий из четырех статей, устанавливает следующий перечень органов, осуществляющих государственный финансовый контроль: Счетная палата Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации (Главное управление федерального казначейства и Контрольно-ревизионное управление), Министерство Российской Федерации по налогам и сборам, Государственный таможенный комитет Российской Федерации, Федеральная служба России по валютному и экспортному контролю, контрольно-ревизионные органы федеральных органов исполнительной власти, а также иные органы, осуществляющие контроль за поступлением и расходованием средств федерального бюджета и федеральных внебюджетных фондов.

При этом данный Указ в части перечня органов, осуществляющих финансовый контроль, вступает в противоречие с Указом Президента РФ «О системе и структуре

федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314². В связи с административной реформой, проводимой в 2004 г., система федеральных органов исполнительной власти была кардинально изменена. Контрольные функции Министерства финансов были переданы Федеральной службе финансово-бюджетного надзора и Федеральному казначейству, обладающему статусом федеральной службы. Министерство Российской Федерации по налогам и сборам преобразовано в Федеральную налоговую службу, действующую в ведении Министерства финансов Российской Федерации, Государственный таможенный комитет преобразован в Федеральную таможенную службу, находящуюся в ведении Правительства РФ. Также не существует Федеральной службы по валютному и экспортному контролю. В настоящее время указанные функции осуществляются Федеральной службой по финансово-бюджетному надзору, а также Федеральной таможенной службой.

Анализируя нормы данного нормативного правового акта, можно сделать вывод, что он фрагментарно регламентирует только основные направления государственного финансового контроля. При этом ни задачи государственного финансового контроля, провозглашенные в нем, ни перечень органов, его осуществляющих, ни приоритеты государственного финансового контроля, ни положение о необходимости проведения комплексных ревизий и тематических проверок не реже одного раза в год, без указания контрольных органов, уполномоченных на проведение указанных ревизий и проверок, а также без указания механизмов согласования деятельности между различными органами не отвечают современным требованиям.

Следует отметить, что в правовой системе России существует проблема принятия Президентом РФ нормативных указов. Конституция РФ не содержит конкретного перечня вопросов, по которым Президент РФ мог бы принимать нормативные указы. В ней лишь записано, что Президент РФ в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики. Указ Президента РФ «О мерах по

¹ См.: О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 июля 1996 г. № 1095 (с изм. от 25 июля 2000 г., 18 июля 2001 г.) // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5095.

² См.: СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» формально не противоречит Конституции РФ и федеральным законам, однако его содержание касается ведения предмета законодательного органа, т. е. такого вопроса, по которому должен быть принят федеральный закон, а не указ Президента РФ. Данный указ как бы восполняет пробелы в законодательном регулировании государственного финансового контроля, но это не соответствует положениям Конституции РФ и едва ли это можно назвать легитимной формой осуществления управленческой деятельности Президента РФ в сфере исполнительной власти. Конституция РФ устанавливает процедуру ликвидации пробелов в законодательстве: Президент РФ может внести в Государственную Думу соответствующий законопроект в порядке реализации права законодательной инициативы. На наш взгляд, Президент РФ не должен принимать акты законодательного характера, т. е. фактически заменять своим указом конкретный закон.

Основополагающие начала государственного финансового контроля содержатся в Бюджетном кодексе РФ. Анализируя правовое регулирование государственного финансового контроля Бюджетным кодексом РФ, следует согласиться с мнением Е. Н. Синевой, которая говорит о том, что Бюджетный кодекс РФ является в основном системообразующим нормативным правовым актом, содержащим основные начала бюджетного процесса, в том числе финансового контроля. В Бюджетном кодексе РФ отсутствуют основы контрольной деятельности, принципы организации внутреннего и внешнего контроля, практически ничего не говорится о регламентации организации финансового контроля на региональном и муниципальном уровнях. Все это ведет к трактованию положений о финансовом контроле без учета целостности и правового единства бюджетной системы Российской Федерации¹.

Следует отметить, что из всей системы органов государственного финансового контроля только Счетная палата РФ осуще-

ствяет свою деятельность на основании федерального закона. Правовой статус всех остальных органов закрепляется только в подзаконных нормативных правовых актах. Принимая указанные приказы и инструкции, различные ведомства в силу вполне объективных причин не согласуют их между собой. Это приводит как к дублированию проверок, так и к отсутствию их систематичности. Одни хозяйствующие субъекты могут через небольшие промежутки времени проверяться Счетной палатой РФ, Федеральной службой финансово-бюджетного надзора, контрольно-счетным органом субъекта федерации, подразделениями ведомственного финансового контроля. Другие, наоборот, на достаточно длительный период времени могут выпасть из сферы деятельности указанных органов. В разграничении сфер деятельности между контрольными органами имеются многочисленные коллизии, что ведет к нерациональному распределению обязанностей, перекладыванию ответственности.

На наш взгляд, действующее законодательство практически не регламентирует организацию финансового контроля на региональном и муниципальных уровнях, оставляя это на усмотрение региональных и местных органов власти. В результате этого отсутствует единая система организации финансового контроля на уровне субъектов и органов местного самоуправления. Различные регионы по-разному создают и организуют деятельность контрольных органов, предоставляя им различные полномочия.

Мы разделяем мнение авторов, которые говорят о необходимости принятия специального закона, регламентирующего основные положения государственного финансового контроля, систему органов, его осуществляющих, их статус и компетенцию².

По нашему мнению, Федеральный закон «О государственном финансовом контроле в Российской Федерации» должен включать в себя определение государственного

¹ См.: Синева Е. Н. Законодательное обеспечение деятельности органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля // Государство и право. 2006. № 3. С. 90.

² См., напр.: Синева Е. Н. Указ. соч. С. 90–93; Каратонов М. Е. «Насущные» проблемы развития и повышения эффективности государственного финансового контроля // Финансовое право. 2006. № 11. С. 11–16; Бубнова О. Ю. Бюджетный контроль в Российской Федерации: его цели и задачи в условиях социального государства // Государство и право. 2007. № 6. С. 105–108 и др.

финансового контроля, его цели, задачи и основные направления деятельности. Также необходимо четко определить место и роль каждого контрольного органа в единой системе государственного финансового контроля, установить основывающуюся на принципе федерализма единую систему контрольных органов в Российской Федерации, компетенцию каждого органа, механизмы их взаимодействия, общую координацию действий контрольных органов.

Одной из наиболее важных задач при организации государственного финансового контроля является координация деятельности контрольных органов, которые относятся к разным ветвям власти, находятся в разном ведомственном подчинении. В связи с этим многие авторы говорят о необходимости создания органа, в функции которого необходимо включить координацию работы всех органов финансового контроля и составление общего плана контроля, включающего дублирование.

В частности, М. Е. Каратонов предлагает для эффективного взаимодействия системы государственных контрольных органов образовать Совет по координации контрольной деятельности при Президенте РФ, так как именно на Президента РФ как на главу государства в соответствии со ст. 80 Конституции РФ возложено обеспечение согласованного взаимодействия и функционирования органов государственной власти¹.

По нашему мнению, функции координации деятельности органов государственного финансового контроля и составления общего плана контроля следует возложить на Счетную палату РФ. Это обусловлено тем, что Счетная палата РФ является постоянно действующим, независимым органом государственного финансового контроля, образуемым Федеральным Собранием Российской Федерации и подотчетным ему. В свою очередь, Президент РФ председательствует на заседаниях Правительства РФ, назначает с согласия Государственной Думы председателя Правительства РФ, назначает и освобождает от должности федеральных министров, а следовательно, возглавляет исполнительную власть в стране. Возложение координационных функций в области государственного финансового

контроля на структурное подразделение Администрации Президента РФ потенциально ставит под угрозу независимость данного органа. Поэтому для обеспечения независимости указанные функции следует возложить на Счетную палату РФ, создав при ней Совет по координационной деятельности органов государственного финансового контроля. При этом для обеспечения реальной возможности выполнения данных функций у Счетной палаты РФ должны быть территориальные органы, так как имеющийся аппарат явно не справится со столь объемными функциями. Для реализации указанных положений необходимо включить их в Федеральный закон «О государственном финансовом контроле в Российской Федерации», о необходимости принятия которого говорилось выше, а также внести изменения в Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ².

Особую важность приобретает проблема нормативного правового регулирования деятельности подразделений ведомственного государственного финансового контроля. Указанные подразделения, находящиеся в ведении различных органов исполнительной власти, осуществляют свою деятельность на основании подзаконных нормативных правовых актов, действующих именно для данных подразделений. Часто указанные приказы и инструкции обладают определенными недостатками, являются несогласованными между собой, содержат разные термины и правила осуществления ревизий и проверок. Решить данную проблему возможно, разработав Инструкцию (или Положение) об осуществлении ведомственного государственного финансового контроля и сделав ее обязательной для всех органов исполнительной власти. Утвердить данную Инструкцию возможно постановлением Правительства РФ.

По нашему мнению, для систематизации и повышения качества осуществления финансового контроля необходимо по аналогии с правилами (стандартами) аудиторской деятельности разработать подобные стандарты государственного финансового

¹ См.: Каратонов М. Е. Указ. соч. С. 15.

² См.: О счетной палате Российской Федерации: Федер. закон от 11 янв. 1995 г. № 4-ФЗ (в ред. от 12 апр. 2007 г.) // Рос. газ. 1995. 14 янв.; 2007. 17 апр.

контроля, которые должны быть обязательны для органов ведомственного финансового контроля во всех отраслях управления. Разработку и утверждение подобных стандартов можно также возложить на Совет по координации контрольной деятельности при Счетной палате РФ.

Таким образом, для повышения эффективности государственного финансового контроля необходимо принятие Федерального закона «О государственном финансовом контроле в Российской Федерации», создание Совета по координации контрольной деятельности при Счетной палате РФ, а также разработка и утверждение стандартов государственного финансового контроля.

С. Д. Ковалев,
*старший преподаватель кафедры
специальной техники
и информационных технологий
ВЮИ ФСИН России*

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИКА КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ: СУЩНОСТЬ, ПОНЯТИЕ

Современные достижения науки и техники позволяют успешно применять их при решении не только экономических, но социальных проблем. Среди последних задачи обеспечения законности, охраны правопорядка и борьбы с преступностью занимают одно из важных мест. Влияние научно-технического прогресса на деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) нашло свое отражение в неуклонном возрастании их технической оснащенности, расширении круга функций, реализуемых с помощью различных технических средств и комплексов.

Применяемые в правоохранительных органах механизмы, машины, устройства, приборы, вещества охватываются термином «техника», под которой обычно понимают «совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания производственных потребностей общества»¹.

¹ Большой энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1207.

Библиографический список

1. Бубнова, О. Ю. Бюджетный контроль в Российской Федерации: его цели и задачи в условиях социального государства / О. Ю. Бубнова // Государство и право. – 2007. – № 6.

2. Каратонов, М. Е. «Насущные» проблемы развития и повышения эффективности государственного финансового контроля / М. Е. Каратонов // Финансовое право. – 2006. – № 11.

3. Синева, Е. Н. Законодательное обеспечение деятельности органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля / Е. Н. Синева // Государство и право. – 2006. – № 3.

Понятие «технические средства» включает в себя все средства, находящиеся на вооружении правоохранительных органов: от специально созданных для использования в сфере борьбы с преступностью и правонарушений, именуемых «специальная техника», до общетехнических, которые не адаптировались под специфические задачи, решаемые правоохранительными органами (аппаратура телефонной и радиосвязи, диктофоны, видеокамеры, медицинское оборудование и т. п.).

В условиях активизации процесса технического оснащения учреждений УИС необходимо единое понимание термина «специальная техника».

Отметим, что в теории оперативно-розыскной деятельности данный термин используется достаточно давно, однако толкуется он по-разному. Нечетко же определенный понятийный аппарат порождает ситуацию, когда под одним и тем же термином подразумевается различное содержание или наоборот.

Впервые в практический и научный оборот термин «специальная техника» ввел в 1963 г. профессор Д. В. Гребельский. По его мнению, под специальной техникой следовало понимать «совокупность всех технических средств и устройств, используемых органами внутренних дел в целях предотвращения и раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников, а также при обеспечении режима содержания осужденных в ИТУ и их охране»².

² Гребельский Д. В. О преподавании специальной техники в высшей школе МООП РСФСР // Тр. ВШ МООП РСФСР. 1963. Вып. 3. С. 216.

Наряду с Д. В. Гребельским этой проблемой занимались такие ученые, как: П. П. Артеменко, В. И. Декшне, Ю. Е. Смагин, Е. Ф. Толмачев, Н. И. Журавленко, С. В. Игнатов и др. Этот термин как продукт коллективной мысли нашел отражение в двух учебниках¹. Однако единой точки зрения о том, что же считать специальной техникой, ученые так и не выработали.

В целях более полного выяснения сущности исследуемого понятия проанализируем несколько существующих его определений, отражающих основные направления в науке.

Так, В. И. Декшне считает, что «специальная техника – это система универсальных (по технической базе) профессиональных средств, приемов, используемых в соответствии с правилами, регламентирующими их применение в оперативно-служебной деятельности ОВД по охране общественного порядка, в борьбе с преступностью, обеспечении режима содержания осужденных»².

На наш взгляд, такая трактовка сужает понятие «специальная техника» до «профессиональных средств», в конструкции которых с момента их изготовления или в процессе последующего конструктивного преобразования отражена специфика их применения в правоохранительных органах при решении различных оперативно-служебных задач. Однако вполне обоснованно использовано слово «система», которое обозначает «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей»³ и очень точно подчеркивает неразрывную системную связь между совокупностью технических средств и тактико-техническими приемами их применения.

Другой точки зрения придерживается профессор В. И. Киринов, полагающий, что «специальная техника – это совокупность

технических средств, устройств и соответствующих тактико-технических приемов (методов), используемых органами внутренних дел при условии строгого соблюдения законности в целях обеспечения охраны общественного порядка и борьбы с преступностью»⁴. В данном случае, по нашему мнению, понятие «специальная техника» трактуется более широко. Согласно приведенному определению все технические средства, находящиеся на вооружении правоохранительных органов, – от прямо предназначенных для использования в сфере борьбы с преступностью и охране общественного порядка, до общетехнических, применение которых в системе правоохранительных органов не требует дальнейшей технической доработки (аппаратура телефонной и радиосвязи, системы телевизионного наблюдения, диктофоны, видеокамеры, фотоаппараты и т. д.) – относятся к специальной технике. Автор этого определения использовал термин «совокупность», т. е. «сочетание, соединение, общий итог чего-нибудь»⁵. Очевидно, что профессор В. И. Киринов по смыслу объединяет разнообразные технические средства, используемые в правоохранительных органах, в общий класс «специальная техника», но не указывает на невозможность существования «соответствующих тактико-технических приемов (методов)» без «технических средств» и наоборот.

Представителем третьего направления при определении термина «специальная техника» выступает С. Н. Кленов. Он утверждает, «у термина "техника" существует и иной смысл. Часто можно услышать словосочетания "техника танца", "техника бега", "техника игры в футбол" и т. п. В этих случаях термин "техника" применяется для совокупной характеристики навыков и приемов, используемых в каком-либо деле, что отвечает изначальному смыслу этого слова (греческое "techne" – искусство, мастерство, умение)». Далее, он считает, что уточнить «смысл термина "специальная техника" сложнее, чем это представляется

¹ См.: Специальная техника и информационная безопасность / Под ред. В. И. Кирина. М., 2000; Специальная техника и ее применение. М., 1982.

² Декшне В. И. Назначение, классификация и основные направления использования специальных технических средств в деятельности горрайорганов внутренних дел. М., 1978. С. 20.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2001. С. 719.

⁴ Специальная техника и информационная безопасность / Под ред. В. И. Кирина. М., 2000. С. 14.

⁵ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 742.

на первый взгляд. В него вкладываются как сами технические средства (приборы, устройства, приспособления, аппараты), так и приемы владения ими при достижении различных специальных целей». В итоге С. Н. Кленов предлагает следующее определение: «под специальной техникой органов внутренних дел понимается совокупность технических средств, тактических приемов их применения и соответствующих им методов, используемых сотрудниками ОВД в целях предупреждения и раскрытия преступлений, розыска преступников, создания необходимых условий для содержания осужденных на основании и во исполнение законов и подзаконных нормативных актов»¹. Если принять указанную точку зрения о двойственном толковании термина «техника», то данное определение будет противоречить одному из положений теории построения научно-технической терминологии, в соответствии с которым целесообразно употреблять термины, наиболее точно отражающие специфику и направленность их использования, без всякой смысловой двойственности².

Принимая все приведенные определения как исходную основу, в той или иной мере отражающую свойства исследуемого понятия, полагаем целесообразным уточнить ряд существенных моментов с позиций структурно-содержательной характеристики.

При определении содержания термина «специальная техника» следует учитывать такие аспекты:

1) *правовой*. Деятельность правоохранительных органов должна базироваться на строгом соблюдении принципа законности, в связи с чем правовой фактор выступает важнейшим условием применения специальной техники;

2) *организационный*. Специальная техника — это техника, находящаяся на вооружении специальных субъектов правоохранительных органов;

3) *функциональный*. Специальная техника создается и применяется для выполнения задач, возложенных законом на правоохранительные органы. Конструктивные особенности специальной техники не носят самостоятельного характера, а выступают отражением специальных функций правоохранительных органов, проявляемых при решении служебно-оперативных задач. Функциональный признак отделяет специальную технику от других видов техники, находящихся на вооружении правоохранительных органов, но не используемых непосредственно для борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения режима содержания в учреждениях УИС. Поэтому иное оборудование, инструменты и приспособления, применяемые в производственно-хозяйственной и другой сфере, к специальной технике не относятся;

4) *специально-методический*. К специальной технике правоохранительных органов относят общетехнические средства (диктофоны, фотоаппараты, видеокамеры и т. п.), к которым трудноприменим термин «специальные», но благодаря особым методикам, приемам их применения (главным образом негласным) они становятся таковыми;

5) *универсальность*. Определение должно иметь общеведомственный характер и не содержать формулировок «специальная техника МВД», «специальная техника УИС» и т. д.

На основании вышеизложенного, мы предлагаем собственное определение специальной техники: это система технических средств в совокупности с тактико-техническими методами их применения, используемая правоохранительными органами на основе строгого соблюдения принципа законности в целях предотвращения и раскрытия преступлений, а также обеспечения режима в учреждениях УИС.

Библиографический список

1. Кленов, С. Н. Специальная техника обеспечения режима содержания осужденных : учеб. пособие / С. Н. Кленов. — М., 1997.
2. Специальная техника и информационная безопасность / под ред. В. И. Кирина. — М., 2000.

¹ Кленов С. Н. Специальная техника обеспечения режима содержания осужденных: Учеб. пособие. М., 1997. С. 4.

² См.: Лотте Л. С. Основы построения научно-технической терминологии // Вопр. теории и практики. М., 1961.

В. В. Коленков,
*преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ**

Наиболее серьезные проблемы, которые решают правоохранительные органы не только России, но и стран Европы, Северной Америки, связаны с деятельностью этнических преступных формирований.

Трудности в экономике многих слаборазвитых стран и как следствие вынужденная миграция населения и поиск работы влекут за собой в том числе и образование в экономически развитых странах преступных организаций с ярко выраженными этническими признаками. Этнические преступные сообщества (организации) представляют собой специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному (этническому) признаку, т.е. объединяющие в своем составе лиц одной или нескольких родственных национальностей (этнических образований).

В России подобные сообщества наиболее характерны для мегаполисов, особенно г. Москвы и Московской области¹. Однако в других регионах Российской Федерации указанный признак (национальный) является достаточно размытым и преступные формирования, которые практикой правоохранительных органов идентифицируются как этнические, не являются строго мононациональными. В этом случае об этнической окраске преступной деятельности группировки могут свидетельствовать, во-первых, совпадение ее целей и интересов с интересами и целями определенного этноса, во-вторых, направление оттока выручаемых от преступной деятельности денежных средств и других материальных ценностей из национального дохода территории пребывания на этническую родину в фонды конфессиональных и политических движений, материальная и финансовая подпитка террористических организаций, действующих в интересах

определенного этноса, так называемые «общаки» преступных сообществ.

По сравнению с другими преступными формированиями этнические преступные сообщества имеют более сплоченный характер, поскольку корыстные интересы дополняются национальной (этнической) общностью, и это обстоятельство значительно повышает жизнеспособность данной криминальной структуры, равно как и ее сопротивляемость внешнему воздействию не только со стороны правоохранительных органов, но и со стороны других конкурирующих преступных сообществ.

Этнические преступные формирования, сохраняя многие из своих национальных традиций и являясь, по существу, полностью независимыми, одновременно очень динамично и хорошо приспосабливаются к новым условиям. В целях расширения своих возможностей и максимального обеспечения неустойчивости преступной деятельности они заключают союз с другими преступными организациями, принимая при этом тщательно продуманные меры. Активно практикуется подкуп сотрудников правоохранительных органов и должностных лиц других органов государственной власти. Для борьбы с конкурирующими организованными группами они иногда вступают в неформальные отношения с представителями правоохранительных органов, передавая им компрометирующую информацию на конкурентов. Для подавления сопротивления своих жертв или конкурентов ими широко используются жестокий террор и запугивание. Крайней и наиболее опасной формой этнических преступных организаций являются военизированные бандформирования, осуществляющие террористические акты против мирного населения.

Целый ряд этнических преступных формирований нередко осуществляет свою преступную деятельность только в отношении лиц своей национальности, работающих в легальном бизнесе или иных сферах.

Подобные преступные формирования практически закрыты для посторонних и очень трудно поддаются оперативной разработке, так как построены по национальному или национально-родственному принципу, а их участники часто являются последователями одной религии и общаются между собой только на родном языке.

¹ См.: *Гладких В. И. и др.* Преступность в Московском регионе. Состояние. Особенности. Тенденции. М., 1998.

Этнические организованные группы и преступные сообщества осуществляют свою деятельность во всех регионах России и сконцентрированы в промышленно развитых районах Урала, Сибири, Дальнего Востока, Приволжском регионе, в г. Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском и Ставропольском краях, Ивановской, Иркутской, Ростовской, Смоленской и Тюменской областях. Они во многом способствуют установлению связи российских преступных формирований с криминальными структурами ближнего и дальнего зарубежья.

Члены названных преступных группировок проявляют настойчивый интерес к наращиванию позиционных преимуществ во всех сферах политической, социальной и хозяйственной жизни, добиваются назначения на ключевые посты управления экономикой и финансами, стремятся к получению крупных неконтролируемых доходов¹.

Наиболее притягательными для деятельности преступных сообществ и организованных групп, например, из числа выходцев из Северного Кавказа, являются регионы России, где развита сырьевая и перерабатывающая промышленность, инфраструктура, существуют возможности хранения и дальнейшей транспортировки экспортных грузов за пределы России, промышленного производства, перепрофилирования предприятий, вывоза сырья с целью вытеснения русскоязычного населения с мест постоянного проживания и т. д.

Не исключено, что за этим стоят долгосрочные стратегические планы разрушения

целостности нашего государства. Например, выход из состава России республик Северо-Кавказского региона и создание на их месте исламских государств. События в этом регионе тому подтверждение.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что существование и активность этнических преступных сообществ и организованных групп негативно влияет на криминальную ситуацию в стране. Ядро этнической организованной преступности составляют формирования, объединяющие представителей той или иной этнической группы. На территории России наиболее активно действуют этнические преступные сообщества и организованные группы, отличающиеся высокой степенью организованности и широко использующие коррумпированные связи во властных структурах. Борьба с терроризмом и экстремизмом как одной из форм преступной деятельности этнических организованных преступных формирований становится одной из главных задач правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Преступность в Московском регионе. Состояние. Особенности. Тенденции / В. И. Гладких [и др.]. – М., 1998.
2. Хромов, И. Л. Особенности оперативной работы с лицами, входящими в этнические преступные формирования : учеб.-метод. пособие / И. Л. Хромов, С. В. Назаров, В. В. Коленков ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2006.

А. С. Колосов,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ОБНОВЛЕННЫЙ ИНСТИТУТ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА: ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ ИЛИ ПРАВОВАЯ ФИКЦИЯ?

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ институт конфискации

¹ См.: Хромов И. Л., Назаров С. В., Коленков В. В. Особенности оперативной работы с лицами, входящими в этнические преступные формирования: Учеб.-метод. пособие. Владимир, 2006.

имущества был возвращен в УК РФ². На необходимость принятия такого решения на протяжении длительного времени указывали выдающиеся представители уголовно-правовой доктрины³ и рядовые правоприменители. Результаты проводившегося нами в 2004–2005 гг. социологического исследования по проблемам наказания пока-

² См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля.

³ См.: Самый гуманный УК в мире // Известия. 2004. 6 марта; Кузнецова Н., Кудрявцев В. Ошибка с конфискацией // Рос. газ. 2005. 29 марта и др.

зали, что 72,3 % опрошенных экспертов в сфере уголовной юстиции резко отрицательно оценили решение об исключении конфискации имущества из системы наказаний, принятое законодателем в ноябре 2003 г., 22,1 % респондентов поддержали данное решение, а 5,6 % – дали иные ответы.

Обязанность установления конфискации имущества во внутреннем законодательстве была также продиктована ратификацией нашей страной международных соглашений о борьбе с организованной преступностью и коррупцией¹.

«Возвращение» конфискации имущества в УК РФ прошло при широком освещении в средствах массовой информации и преподносилось обывателю как восстановление мощного и эффективного карательного средства противодействия корыстной преступности и терроризму. Однако, как же обстояло дело в действительности?

Для ответа на данный вопрос представляется необходимым сделать ряд замечаний, касающихся нового института конфискации имущества.

1. Изменилась уголовно-правовая природа конфискации имущества: теперь конфискация имущества – это не вид наказания. Законодатель, убрав конфискацию имущества из разд. III УК РФ «Наказание», поместил ее в разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера». И если в соответствии со ст. 43 УК РФ наказание является мерой государственного принуждения, которая назначается по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, и состоит в лишении или ограничении прав и свобод этого лица, то что собой представляют иные меры уголовно-правового характера, не совсем понятно,

¹ См.: О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее: Федер. закон от 26 апр. 2004 г. № 26-ФЗ // Рос. газ. 2004. 29 апр.; О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федер. закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Рос. газ. 2006. 21 марта; О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: Федер. закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ // Рос. газ. 2006. 28 июля.

поскольку закон такого определения не содержит. Не ясны и цели новой конфискации. Если ранее, будучи наказанием, конфискация имущества преследовала цели восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ), то новая гл. 15.1 УК РФ, посвященная конфискации, не содержит указания на ее цели.

Вторая «иная мера уголовно-правового характера» – принудительные меры медицинского характера – в соответствии со ст. 98 УК РФ преследует цели излечения лиц, улучшения их психического состояния и предупреждения совершения ими общественно опасных деяний. Очевидно, сущность и цели принудительных мер медицинского характера принципиально отличаются от сущности и целей наказания.

Что же касается конфискации имущества, то, по нашему мнению, ее сущность, как и сущность наказания, – кара. Мы полностью поддерживаем позицию А. И. Чучаева, относительно того, что цели наказания и конфискации имущества – одни и те же². В связи с этим можно сделать вывод о том, что конфискация имущества была искусственно вычленена законодателем из института наказания. Сделано это было, видимо, в рамках политической борьбы за власть.

2. Изменилось содержание института конфискации имущества. Ранее в соответствии со ст. 52 УК РФ конфискация состояла в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. В настоящее время согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства: а) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения ряда преступлений, большинство из которых посягает на общественную безопасность и интересы государственной власти, а также любых доходов от этого имущества; б) денег, ценностей и иного имущества, в кото-

² См.: Чучаев А. И. Конфискация возвращена в Уголовный кодекс, но в другом качестве // Законность. 2006. № 9. С. 12–13.

рые имущество, полученное в результате преступления, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы; в) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации); г) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому.

Новая редакция статьи о конфискации порождает целый ряд вопросов. Во-первых, абсолютно непонятно, какими соображениями руководствовался законодатель, составляя перечень преступлений, за совершение которых может быть назначена конфискация. Вполне обоснованно в данный перечень были включены ст. 105, 111, 126, 127.1, 127.2, 186, 188, 204, 205, 205.1, 206, 209, 210, 222, 227, 228.1, 229, 241, 285, 290 УК РФ. Сюда же включен и ряд других статей, реже встречающихся в правоприменительной практике. Однако ничем нельзя объяснить невключение в перечень преступлений, за которые может назначаться конфискация имущества, статей УК РФ, устанавливающих ответственность за хищение чужого имущества (ст. 158, 159, 160, 161, 162). Только в 2005 г. было зарегистрировано более 2,2 млн таких преступлений¹. Ущерб, причиняемый в результате их совершения гражданам, организациям и государству, исчисляется в миллиардах. Сопоставимый ущерб причиняют и преступления в сфере экономической деятельности (ст. 170, 171, 171.1, 172, 173, 174, 174.1 и др.), однако и их нет в рассматриваемом перечне. Кроме того, можно назвать значительное количество не предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК преступлений, сопряженных с извлечением преступного дохода, ответственность за совершение которых установлена в других разделах и главах Особенной части УК РФ (ст. 145.1, 201, 202, 221, ч. 2 ст. 228.2, 233, 238). В связи с этим представляется необходимым допол-

нить перечень, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, вышеуказанными статьями либо сделать его открытым, т. е. предоставить возможность суду обратить конфискацию на деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения любого преступления. В пользу второго варианта свидетельствует то обстоятельство, что в п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ законодатель говорит о возможности конфискации денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения преступления, было преобразовано. При этом, в результате совершения какого именно преступления было получено данное имущество, законодатель не уточняет и на перечень преступлений, предусмотренный п. «а» ч. 1 данной статьи, не ссылается. Следовательно, речь в этой норме идет о любом преступлении.

Во-вторых, содержание новой нормы о конфискации позволяет заключить, что данная мера уголовно-правового воздействия может быть обращена лишь на имущество, преступное происхождение которого процессуально доказано и юридически установлено вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Очевидно, что обратить конфискацию на миллионные состояния коррупционеров, «заработанные» в результате взяточничества, незаконного участия в предпринимательской деятельности, других служебных злоупотреблений, теперь невозможно. Общеизвестно, что латентность взяточничества значительно превышает 90 % (в 2001 г. официально было зарегистрировано 4797 случаев получения взятки, в 2002 г. – 4553, в 2003 г. – 4425, в 2004 г. – 5273, в 2005 г. – 5720², хотя очевидно, что в действительности их число ежегодно составляет сотни тысяч, если не миллионы). В связи с этим по уголовным делам такого рода большим успехом считается доказывание одного-двух эпизодов преступной деятельности взяточника, в то время как взятки он брал чуть ли не ежедневно на протяжении многих лет. При этом конфисковать в соответ-

¹ См.: Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом. М., 2006. С. 112–113.

² См.: Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом. С. 125.

ствии с действующим законодательством возможно будет лишь деньги, ценности и другое имущество, явившиеся предметом взятки по доказанным эпизодам. В результате после отбывания назначенного ему судом срока наказания в виде реального лишения свободы (если оно вообще будет назначено), данное лицо сможет на законных основаниях распоряжаться оставшейся частью наворованного имущества. Подобным образом обстоят дела не только с должностными преступлениями, но и с преступлениями против собственности, в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях, против общественной безопасности и т. д.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что преобразованный институт конфискации имущества в такой редакции не сможет стать эффективным инструментом противодействия корыстной преступности. В связи с этим, полагаем, необходимо распространить действие конфискации не только на деньги, ценности и иное имущество, преступное происхождение которых доказано, но и на иное имущество осужденного, если у суда есть основания полагать, что данное имущество было приобретено им преступным путем. Подобный порядок конфискационных мер предусмотрен уголовным законодательством ряда европейских демократических государств¹, в связи с чем недопустимы упреки в его антидемократизме и чрезмерной репрессивности.

3. Ряд вопросов вызывает и соотношение норм уголовного закона, регламентирующих конфискацию имущества, и норм УПК РФ, устанавливающих порядок «процессуальной конфискации» – изъятия орудий преступления, принадлежащих обвиняемому, денег и иных ценностей, добытых преступным путем.

В прежней редакции уголовно-процессуального закона УПК РФ устанавливал, что деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, по приговору суда подлежали обращению в доход государства (п. 4 ч. 3 ст. 81). Однако Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ изменил указанную

норму, установив, что деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу. Сделано это было, разумеется, для того, чтобы избежать дублирования положений УК и УПК РФ о конфискации. Однако, как быть с деньгами и ценностями, полученными в результате совершения так называемых преступлений без потерпевшего, например, незаконного сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ч. 3 ст. 138 УК РФ) или незаконного обращения с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ)? Конфисковать данные средства в порядке ст. 104.1 УК РФ не представляется возможным, так как вышеуказанные и еще целый ряд аналогичных преступлений не включены в перечень, предусмотренный п. «а» ч. 1 данной статьи. Получается, что суд в таком случае будет вынужден в порядке п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ вернуть указанные деньги лицу, которое незаконно приобрело такое специальное техническое средство или радиоактивное вещество, так как именно оно является их единственным законным владельцем, что, с нашей точки зрения, представляется абсурдным.

4. Весьма неоднозначна формулировка, содержащаяся в ч. 3 ст. 104.1 УК РФ, согласно которой подлежащее конфискации имущество, переданное осужденным другому лицу, конфискуется у последнего лишь в случае, если данное лицо знало либо должно было знать о преступном происхождении указанного имущества. Во-первых, формулировка «должно было знать» весьма расплывчата и непременно вызовет у правоприменителя существенные затруднения. Во-вторых, на наш взгляд, абсолютно очевидно, что родственники, близкие и друзья преступника, которым тот передал имущество, вряд ли станут выказывать перед следствием и судом свою осведомленность о его преступном происхождении, что делает возможность конфискации такого имущества практически иллюзорной. Почему-то никого не интересует осведомленность лица о преступном происхождении имущества, которое он приобрел у квартирного вора (разумеется, не для при-

¹ См.: Старков О. В., Милуков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. С. 73.

влечения лица к ответственности по ст. 175 УК РФ, а для его изъятия). Данное имущество в любом случае изымается у лица и после окончания производства по уголовному делу возвращается законному владельцу. Представляется, что подобный порядок должен быть установлен и в отношении изъятия имущества, подлежащего конфискации, поскольку его добросовестный приобретатель сможет восстановить свои нарушенные имущественные права в гражданско-правовом порядке, подав регрессный иск.

5. Нельзя не отметить, что решение об отмене конфискации имущества, принятое в конце 2003 г., явилось своего рода амнистией для капиталов, заработанных в 90-е гг. прошлого века всеми правдами, а, в основном, неправдами нынешними представителями крупного бизнеса. У нас не вызывает сомнения тот факт, что именно они оказали решающее воздействие на принятие данного решения. Вследствие исключения конфискации имущества произошла окончательная легализация имущества, похищенного у государства в период криминальной приватизации. В связи с этим некоторые исследователи характеризуют реформу уголовного законодательства от 8 декабря 2003 г. не только как грубую ошибку, но и как тяжкое преступление перед обществом¹.

Конфискация имущества являлась единственным правовым инструментом, с помощью которого было возможно изъять данное имущество и финансовые средства. Восстановление конфискации в августе 2006 г. уже не способно решить данной проблемы, так как в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, ухудшающий положение лица, совершившего преступление, обратной силы не имеет. Таким образом, новая конфискация сможет применяться исключительно в отношении лиц, совершивших преступления после вступления в силу Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ. На имущество, добытое преступным путем в предыдущий период, конфискация обращена быть не может.

К сожалению, анализ изменений, внесенных указанным Федеральным законом в

УК РФ и УПК РФ, позволяет с уверенностью сказать, что новая конфискация имущества имеет весьма мало общего как с ранее существовавшим одноименным наказанием, так и с теми предложениями по совершенствованию данного института, которые выдвигались учеными, исследовавшими эту проблему². Новая уголовно-правовая конфискация не сможет эффективно применяться и на настоящий момент является правовой фикцией. Для придания конфискации имущества реальной силы в деле борьбы с преступностью следует внести ряд существенных изменений в гл. 15.1 УК РФ. При этом надо внимательнейшим образом учесть как предложения видных представителей уголовно-правовой науки, так и мнение рядовых правоприменителей.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 29 июля.

2. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее: федер. закон от 26 апр. 2004 г. № 26-ФЗ // Рос. газ. – 2004. – 29 апр.

3. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: федер. закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 21 марта.

4. О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: федер. закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 28 июля.

5. Чучаев, А. И. Конфискация возвращена в Уголовный кодекс, но в другом качестве / А. И. Чучаев // Законность. – 2006. – № 9.

¹ См.: Богуш Г. И. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2006. № 3. С. 36.

² См., напр.: Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000. С. 50–52; Старков О. В., Милоков С. Ф. Указ. соч. С. 73–78 и др.

С. А. Кондрашов,
*преподаватель кафедры боевой
и тактико-специальной подготовки
ВЮИ ФСИН России*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

В современных условиях социально-экономического и экологического развития российского общества решение проблемы сохранения здоровья человека является одной из актуальных. Богатство государства составляют не только природные ресурсы или материально-культурные ценности, хотя они, несомненно, важны, а в первую очередь – люди, населяющие его территорию. Здоровье – это состояние полного физического, психического, социального и духовного благополучия. Оно обеспечивает гармонию человека с самим собой и внешним миром. Однако эту гармонию нарушают глубокие изменения духовно-нравственных устоев общества, которые на протяжении длительного времени обеспечивали стабильное состояние организма людей. Рост индустрии потребления, агрессивность развлечений, а также искаженные представления о материальном благополучии человека в корне изменили образ жизни подрастающего поколения.

Сегодня наблюдается существенное ухудшение состояния здоровья населения страны. Наиболее распространенными заболеваниями являются сердечно-сосудистые, легочно-бронхиальные, а также болезни органов пищеварения и выделения. Возрастает количество наследственных и хронических заболеваний, учащаются случаи возникновения ранее неизвестных и трудно излечимых болезней. Широкое распространение получили онкологические заболевания.

Большинство лиц подрастающего поколения имеет неудовлетворительное состояние здоровья, что во многом обусловлено неблагоприятной экологической и социально-экономической ситуацией, сложившейся в стране.

Тревожным выступает факт появления на свет детей с отклонениями в умственном и физическом развитии. Сейчас среди новорожденных здоровых детей не более 18 %, а 80 % из них уже от рождения име-

ют предрасположенность к патологии. Увеличился и показатель детской смертности, который составляет 18–20 детей на 1000 родившихся живыми¹.

Кроме того, в настоящее время в стране наблюдается неуклонный рост численности инвалидов молодого возраста. Особенно это касается детей и подростков. Согласно статистическим данным, детская инвалидность, даже на фоне снижения показателя рождения, имеет стойкую тенденцию к увеличению. Среди молодежи получило широкое распространение употребление наркотических и токсических веществ, а также алкогольных напитков и табачных изделий.

Обозначенные выше тенденции во многом обусловлены потерей молодыми людьми ощущения смысла происходящего. Они не имеют при этом необходимых знаний и жизненного опыта, которые позволили бы им сохранить свою индивидуальность, усвоить оптимальные нормы жизни, основанные на осознании ценностей здоровья. Искаженные представления о материальном благополучии расшатали нравственные устои общества, что повлияло на снижение качества здоровья и изменение представлений о нем как высочайшей ценности, выработанной человеческой цивилизацией на протяжении длительного времени.

В создавшейся ситуации возникла объективная необходимость в формировании у подрастающего поколения ответственного отношения к личности на основе осмысления различных ценностей здоровья, что позволило бы молодым людям в полной мере реализовать свои потребности и обеспечить оптимальный стиль поведения. Для этого важно задействовать все возможные общественные и государственные каналы: политический, экономический, социальный, экологический, здравоохранительный и культурный.

В рамках последнего приоритетная роль должна отводиться педагогическому аспекту. Его реализация может обеспечить положительное воздействие на когнитивную, эмоционально-чувственную и деятельность сферы сознания человека.

Педагогическое воздействие на формирование представлений о здоровье как о

¹ См.: Здоровье детей России / Под ред. А. А. Баранова. М., 1999.

важнейшем аспекте жизнедеятельности человека должно начинаться с младшего школьного возраста. Именно в этот период у детей повышается критическое и требовательное отношение, как к своему поведению, так и поведению других людей. У учащихся в этом возрасте обострено чувство ответственности за себя, родственников, друзей и порученные дела. У них меняется представление об оценке и самооценке. Последняя, как известно, становится более значимой для определения личностных качеств. В младшем школьном возрасте должно начинаться интенсивное обогащение нравственной сферы личности. Младшие школьники в силу своего возраста не могут регулировать свое поведение на основе имеющихся взглядов, убеждений и формирующегося жизненного опыта. В связи с этим необходимо объединять в их сознании представления об окружающем мире и этических нормах в единую картину. Благодаря этому ценностная и нравственная саморегуляция становится более полной и осмысленной. Формирование у детей данной возрастной категории стремления к самонаблюдению, самообразованию и самосовершенствованию в конечном счете приводит к самовоспитанию, пониманию здоровья как высшей ценности и развитию чувства ответственности за свой организм.

Анализ научно-педагогической литературы, образовательной практики школьных учреждений показал, что при формировании ценностного отношения к здоровью учащиеся сталкиваются с определенными трудностями.

Целенаправленной реализацией обозначенного процесса занимается примерно третья часть руководителей образовательных учреждений и педагогов¹. Однако и они недостаточно полно учитывают возрастные и индивидуальные характеристики школьников. Поэтому назрела объективная необходимость решения проблемы рационального введения здоровьесберегающих технологий в учебный процесс.

Следует подчеркнуть, что особенно остро стоит проблема формирования ценно-

стей здоровья у школьников на основе сочетания их деятельности во время уроков по разным предметам и на внеклассных мероприятиях. Решение этого вопроса наиболее эффективно происходит на уроках физической культуры, так как укреплению здоровья содействует двигательная активность, обеспечению которой способствуют систематические занятия физической культурой. Большую роль здесь играет социально-педагогический аспект, формирующий положительное отношение школьников к физической культуре как к одному из основных средств, способствующих укреплению и сбережению здоровья. Только при грамотном отношении к своему здоровью родителей возможна полноценная передача опыта осмысления ценностей здоровья подрастающему поколению.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что данная проблема слабо разработана в педагогической науке, недостаточно освещена в средствах массовой информации и не получает должного внимания со стороны общественности. На наш взгляд, ее решение имеет первостепенное значение в социологическом аспекте посредством пропаганды здорового образа жизни и внедрения здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс. Развитию в этом направлении могли бы способствовать увеличение числа таких спортивно-массовых мероприятий, как «Лыжня России», «Кросс нации» и т. д., с участием выдающихся спортсменов, а также распространение научно-просветительских программ, освещающих проблему сохранения здоровья.

Библиографический список

1. Барышева, Н. В. Физическая культура и здоровый образ жизни / Н. В. Барышева, П. А. Виноградов, В. И. Жолдак. – Самара, 1997.
2. Виноградов, П. А. Актуальные проблемы развития физической культуры и формирования здорового образа жизни населения России / П. А. Виноградов. – М., 1995.
3. Громыко, Ю. В. Образование в области здоровья и укрепление здоровья среди детей, подростков и молодежи в России / Ю. В. Громыко, Е. В. Хижнякова. – М., 1999.

¹ См.: Громыко Ю. В., Хижнякова Е. В. Образование в области здоровья и укрепление здоровья среди детей, подростков и молодежи в России. М., 1999.

Н. А. Коробейников,
*аспирант кафедры уголовного права
Уральской государственной
юридической академии*

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ В РОССИИ

Система разрешения споров, существующая в настоящее время в России, помимо государственных судов (федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов) также включает альтернативные формы для урегулирования конфликтных ситуаций, которые могут использоваться субъектами гражданских правоотношений¹. В число таких форм входит институт третейского разбирательства.

Третейский суд является негосударственным органом, рассматривающим гражданско-правовые споры по соглашению спорящих сторон². Спор, подведомственный арбитражному суду или суду общей юрисдикции, возникающий из гражданских правоотношений, до принятия судом первой инстанции заключительного постановления по делу может быть передан сторонами на рассмотрение третейского суда, если иное не установлено федеральным законом.

Легитимность третейского разбирательства основана на конституционно закреплённом «праве свободы действий граждан и их частной автономии»³. В современном российском законодательстве основными федеральными законами, в которых государство санкционировало третейское разбирательство гражданско-правовых споров, являются: Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 11), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) (ч. 3 ст. 3), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) (ч. 6 ст. 4), а также Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ.

По нашему мнению, важным представляется вопрос о соотношении деятельности третейских судов с государственной функцией отправления правосудия, реализуемой судебной властью.

Судебная власть – это независимая, самостоятельная, носящая подзаконный характер ветвь государственной власти, осуществляемая на профессиональной основе специальными должностными лицами (судьями) посредством отправления правосудия в форме гражданского, административного, уголовного и конституционного судопроизводства.

Правосудие представляет собой особый вид государственной (публичной) деятельности, состоящий в том, что независимый, беспристрастный и справедливый суд (суды) на основе закона рассматривает и разрешает правовые споры и дела, отнесенные к его ведению в установленных законом правовых формах (различных судопроизводствах)⁴. Правосудие также определяется как вид государственной (правоприменительной) деятельности, связанной с разрешением различных споров о действительном или предполагаемом нарушении норм права⁵.

Таким образом, отправление правосудия, т. е. вынесение на основе действующего законодательства компетентным органом государства исключительного общеобязательного и подкреплённого возможностью государственного принуждения суждения о правах и обязанностях конкретных субъектов права, является содержанием судебной власти и осуществляется в одной из предусмотренных законом форм.

Третейский суд не является государственным органом и не осуществляет государственную власть. Более того, в соответствии с п. 2 ст. 3 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» создание и функционирование третейских судов при органах государственной власти и органах местного самоуправления не допускается. Третейский суд не обладает признаками судебной власти, его деятельность не подпадает под понятие правосудия.

¹ См.: Бондаренко В. А. Третейский суд: теория и практика // Корпоративный юрист. 2006. № 1. С. 14.

² См.: Додонов В. И. Третейский суд // Российская юридическая энциклопедия. М., 1996. С. 981.

³ Комаров А. С. Основополагающие принципы третейского суда // Вестн. ВАС РФ. 2001. № 4. С. 87–94.

⁴ См.: Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. С. 821–822.

⁵ См.: Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. В. Д. Карповича. М., 2002. С. 779.

Аналогично решается вопрос о включении деятельности третейских судов в круг общественных отношений, охраняемых нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) о преступлениях против правосудия. Родовым объектом преступлений против правосудия являются общественные отношения в сфере государственной власти.

Системный анализ положений процессуального законодательства показал, что принудительное исполнение решений третейских судов производится исключительно на основании исполнительных листов, выдаваемых компетентным государственным судом. Таким образом, решение третейского суда не имеет такого существенного признака, как всеобщая обязательность. Кроме того, согласно ст. 61 ГПК РФ и ст. 70 АПК РФ обстоятельства, установленные решением третейского суда, не имеют преюдициальной силы. На наш взгляд, указанные аргументы убедительно доказывают, что деятельность третейского суда не содержит целого ряда существенных признаков, характерных для правосудия. Поэтому существующее мнение о том, что третейский суд осуществляет правосудие¹, представляется необоснованным.

Процедуры разбирательства и разрешения дел в государственных и третейских судах имеют ряд принципиальных отличий. Одинаковый режим работы для всех государственных учреждений правосудия установлен АПК РФ и ГПК РФ. В свою очередь, регламент каждого постоянно действующего третейского суда имеет оригинальные черты². Правосудие представляет собой деятельность, каждый из этапов которой и их последовательность императивно определены процессуальным законодательством. Соответственно деятельность участников гражданского или арбитражного процесса на каждом его этапе законодательно регламентирована: процессуальный закон устанавливает права, которыми обладают лица, участвующие в деле, а также действия по поиску, получению и представлению доказательств, ко-

торые они могут совершать. Кроме того, сам судебный акт («суждение суда о правах участвующих в деле лиц») должен быть основан на нормах права, содержащихся в законодательстве России.

Порядок представления и анализа доказательств в третейском разбирательстве также определяется самим третейским судом. Если общественные отношения в сфере доказывания при рассмотрении дела в государственных судах урегулированы нормами процессуального законодательства, то аналогичные отношения при третейском разбирательстве регулируются исключительно внутренними правилами третейского суда. Причем в законодательстве отсутствуют конкретные требования, предъявляемые к решению третейского суда. Решение третейского суда может быть вынесено исходя из соображений справедливости, аналогии закона и права, положений иностранного законодательства и права. Ссылка на правовое основание заявленных требований и нормативное обоснование принятого решения не является обязательной. Соответственно обоснование принятого третейским судом решения может быть практически любым и зависит от внутренних положений, принимаемых самим третейским судом.

Таким образом, третейский суд при вынесении решения, в отличие от государственных судов, не связан ни материально-правовыми (исключение составляют ряд императивных норм законодательства, касающихся прежде всего подведомственности дел третейскому суду), ни процессуальными ограничениями.

Учитывая указанные обстоятельства, представляется чрезвычайно важным вопрос о пределах проверки решения третейского суда государственными органами правосудия.

При проверке государственным судом решений третейского суда действующее процессуальное законодательство предусматривает следующие случаи:

- обращение стороны третейского разбирательства в компетентный государственный суд за выдачей исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда;
- оспаривание в государственном суде решения третейского суда.

Государственный суд в данном случае может выполнять лишь определенные кон-

¹ Подробнее см.: Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» (постатейный) / Отв. ред. А. Л. Маковский, Е. А. Суханов. М., 2003. С. 15.

² См.: Арбитражный процесс: Учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / Под ред. М. К. Треушников. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2007. С. 487.

трольные функции по отношению к третейскому суду, имея строго ограниченный перечень оснований для отмены его решений¹. В связи с этим, по нашему мнению, следует рассмотреть основания для отмены государственным судом решения третейского суда. Данные основания предусмотрены ст. 421, 426 ГПК РФ, ст. 233, 239 АПК РФ. Большинство из предусмотренных оснований касаются недостатков третейского соглашения либо носят процессуальный характер. Единственным материально-правовым основанием, по которому государственный суд может отменить решение третейского суда либо отказать в его принудительном исполнении, является следующее: решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права. Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 7 июля 1993 г. № 5338-1 содержит аналогичное основание: решение международного коммерческого арбитража подлежит отмене, если оно противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Данное положение является достаточно общей нормой и требует дальнейшей детализации. С нашей точки зрения, следует конкретизировать его с учетом соблюдения межотраслевых принципов доказательственного права.

Все правовые принципы (в том числе принципы третейского разбирательства) объединяются в систему, в рамках которой происходит их взаимодействие, развертывание их содержания. По нашему мнению, в этой системе принципы гражданского и арбитражного процессуального права и принципы третейского права соотносятся как общее и особенное. Существование в праве межотраслевых институтов обуславливает применение в рамках третейского разбирательства свойственных данным институтам принципов. Прежде всего это принципы доказательственного права как межотраслевого института (например принцип формальной (юридической) истины), принципы института подведомственности и др. Межотраслевой характер этих принципов обуславливает отсутствие существенных отличий их содержания и в третейском разбирательстве².

¹ См.: Бондаренко В. А. Указ. соч. С. 14.

² См.: Курочкин С. А. Понятие и система принципов третейского разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 11. С. 32.

Таким образом, в ходе рассмотрения дела в порядке третейского разбирательства должны соблюдаться принципы гражданского и арбитражного судопроизводства. Несоблюдение этих принципов может повлечь за собой отмену решения третейского суда по основанию противоречия этого решения принципам российского права.

Однако процедура санкционирования государством решения третейского суда предоставляет проигравшей стороне третейского разбирательства способ защиты своих прав несоизмеримо меньший, чем существующие в гражданском и арбитражном процессах институты апелляционного и кассационного обжалования. Тем более, если допущенные нарушения касаются нарушения принципов института доказательственного права в российском праве, так как подобные нарушения часто могут носить латентный характер и выявиться уже на стадии принудительного исполнения решения третейского суда, когда установленный законом срок на обжалование решения суда уже пропущен.

По правовым последствиям для стороны третейского разбирательства решение третейского суда может быть аналогично решению государственного суда: будучи санкционированным государственным судом, который имеет достаточно незначительные полномочия по отмене решения третейского суда, путем выдачи исполнительного листа решение третейского суда может быть принудительно исполнено уже силами государственных органов. Решение третейского суда становится если не общеобязательным, то обязательным для проигравшей стороны третейского разбирательства. Данная обязательность аналогична обязательности решения государственного суда.

Однако, как уже отмечалось выше, сторона третейского разбирательства лишена такого объема процессуальных гарантий обеспечения собственных интересов, как при рассмотрении того же дела в государственном суде.

Соответственно умышленное нарушение процедуры разбирательства дела в третейском суде (например, фальсификация доказательств, представленных в третейский суд, заведомо ложные показания, заключение эксперта), повлекшее принятие третейским судом (умышленно либо вследствие добросовестного заблуждения) решения, противоречащего основополагающим принципам российского права, может причинить большой вред таким объек-

там уголовно-правовой охраны, как права и законные интересы граждан, организаций, публично-правовых образований, а также отношениям собственности, чем при совершении аналогичного нарушения в государственном суде. Автономия третейского суда связана с большим влиянием внешних факторов.

Учитывая законодательные принципы регламентации деятельности третейского суда, отсутствие строгих правил процедур третейского разбирательства, отсутствие защищенности третейских судов по сравнению с государственными судами, можно сделать вывод о том, что институт третейского разбирательства нуждается во всесторонней уголовно-правовой защите.

Такой законодательный пробел необходимо восполнить путем включения в сферу охраны нормами УК РФ деятельности третейских судов.

Мы предлагаем следующие варианты уголовно-правовой квалификации посягательств на общественные отношения в сфере разрешения споров о праве третейскими судами.

По нашему мнению, не требуется введения в УК РФ дополнительных статей, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на жизнь, здоровье, физическую и психическую неприкосновенность лиц, участвующих в третейском разбирательстве; квалификация подобных действий с учетом их степени и характера общественной опасности возможна посредством применения существующих норм УК РФ.

Посягательство на жизнь, здоровье, физическую и психическую неприкосновенность третейского судьи в связи с рассмотрением им спора следует квалифицировать по соответствующим статьям, находящимся в разделе VII УК РФ «Преступления против личности», но с обязательным вменением квалифицирующего признака: «совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга». В тех статьях, где такой квалифицирующий признак не предусмотрен, при назначении наказания он обязательно должен учитываться как отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Для криминализации возможных неправомерных действий третейских судей при

рассмотрении спора, по нашему мнению, следует внести изменения в ст. 202 УК РФ, включив в качестве субъекта преступления, предусмотренного данной статьей, наряду с частными нотариусами и аудиторами также третейских судей. На наш взгляд, институт третейского разбирательства имеет ряд общих черт с институтом нотариата в Российской Федерации, допускающем одновременное существование государственных и частных нотариальных практик, что в данном случае предопределяет однородность объекта уголовно-правовой охраны. В силу избранной законодателем конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ, считать данное преступление оконченным можно только в случае наступления соответствующих последствий в виде причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан, организаций, интересам общества и государства. Существенный вред может выражаться в виде наличия у потерпевшего в результате исполнения решения третейского суда убытков в большом размере, в частности, незаконного взыскания с должника крупных денежных сумм, его банкротства. Деяние в данном случае будет состоять в вынесении третейским судьей (составом третейских судей) заведомо необоснованного решения, нарушающего регламент данного третейского суда и основополагающие принципы российского права. Предполагается, что для наступления предусмотренных диспозицией ст. 202 УК РФ последствий решение третейского суда должно быть исполнено.

Порядок изыскания, собирания, представления доказательств сторонами третейского разбирательства не охраняется нормами уголовного права. Вместе с тем в ходе гражданского и арбитражного судопроизводства он является объектом уголовно-правовой охраны. По нашему мнению, общественные отношения в сфере доказывания по делам, рассматриваемым третейскими судами, требуют охраны нормами УК РФ также в случае, если умышленное нарушение процесса доказывания в третейском разбирательстве привело к причинению существенного вреда.

В связи с этим необходимо дополнить УК РФ ст. 202.1 «Нарушение порядка рассмотрения дела в третейском суде», изложив ее в следующей редакции:

«Умышленное нарушение участником третейского разбирательства либо лицом, привлеченным к рассмотрению дела в третейском суде установленного в соответствии с принципами российского права регламентом соответствующего третейского суда порядка рассмотрения и разрешения дела в данном третейском суде, совершенное с целью введения третейского судьи (состава третейских судей) в заблуждение относительно наличия и оценки обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан, организаций, интересам общества и государства, – наказывается...»

В данном случае умысел субъектов, к которым относятся стороны третейского разбирательства, их представители, а также лица, содействующие рассмотрению дела в третейском суде (специалист, эксперт, свидетель, переводчик), направлен на введение состава третейского суда, рассматривающего дело, в заблуждение. Результатом данного добросовестного заблуждения является вынесение третейским судом необоснованного решения,

Ю. Ф. Королев,
докторант ВНИИ МВД России
кандидат юридических наук

**ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ БОРЬБЫ
С ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ,
СОВЕРШАЮЩИМИ ТЯЖКИЕ И ОСОБО ТЯЖКИЕ
КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ОТНОШЕНИИ ВОДИТЕЛЕЙ БОЛЬШЕГРУЗНОГО
ТРАНСПОРТА, И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ
И РАСКРЫТИЮ ДАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Практика борьбы с организованными криминальными группами основывается на обобщении и критическом осмыслении совокупного опыта выявления и оперативной разработки организованных преступных формирований (ОПФ), действующих в разных сферах экономики, борьбы с бандитизмом, оперативного наблюдения за рецидивистами, негласной работы в террористических организациях¹.

¹ См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учеб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006.

в результате добровольного либо принудительного исполнения которого наступают преступные последствия, оценивать которые, по нашему мнению, следует аналогично предложенной редакции ст. 202 УК РФ.

Если же субъект преступления, предусмотренного ст. 202.1 УК РФ действует в сговоре с составом третейских судей, рассматривающих дело, то ответственность всех соучастников наступает только по ст. 202 УК РФ в предлагаемой редакции. При этом все остальные соучастники несут ответственность по данной статье со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Библиографический список

1. Арбитражный процесс : учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / под ред. М. К. Треушникова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М., 2007.
2. Бондаренко, В. А. Третейский суд : теория и практика / В. А. Бондаренко // Корпоративный юрист. – 2006. – № 1.
3. Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» (постатейный) / отв. ред. А. Л. Маковский, Е. А. Суханов. – М., 2003.

Опыт, основанный на глубокой разведке противоборствующей стороны, учитывает степень ее активности, преступную направленность («окраску»), возможность контрагентурных мероприятий.

Проведенные нами исследования показали, что тактику борьбы с организованными группами, совершающими разбои и грабежи на водителей автотранспортных средств с целью завладения ими, в значительной мере определяют, с одной стороны, маскировка ее системы (структур, их состава, лидеров, финансовых операций, планов, взаимоотношений с государственными органами, повседневной жизни членов организованных групп, преступных объединений); с другой – так называемая «активная сторона» т. е. совокупность действий, направленных на дестабилизацию правоохранительной системы.

В процессе практической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел (ОВД) установлено несколько уровней противоборства в зависимости от масштабов деятельности организованных групп, совершающих корыстно-насильствен-

ные тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с завладением автотранспортными средствами.

Индивидуальный уровень, основанный на преступном опыте участников организованных групп, во многом воспринял «школы» преступных корпораций. В него входят, например, проверка окружения группы, смена адресов, укрытие оружия, взрывных устройств, денег, ценностей, добытых преступным путем, отделение этих улик от своей личности и других участников криминальных групп.

Групповой уровень базируется на общих групповых интересах. На данном уровне необходимо предотвратить, во-первых, обеспечение достижения преступных целей любыми средствами, которые не приведут к провалу соучастников организованных преступных групп; во-вторых, продление существования, выживания и даже их процветания. В этих целях активно используются: разведка в отношении конкурирующих организованных групп или ОПФ, а также контрразведка в отношении деятельности правоохранительных органов с вовлечением их сотрудников в преступную деятельность; проникновение в негласный аппарат, выявление агентуры в своей среде; компрометация вышедших на след преступников оперативных работников и успешно ведущих расследование следователей и прокуроров.

Корпоративный уровень характерен для сложных структур организованной преступности, криминальных групп, структур, рассчитан на их устойчивость, в связи с чем проявляется главная забота о покровителях, продвижении их к рычагам власти, а также о захвате представителями преступной корпорации определенных позиций в государственном аппарате. Главным инструментом маскировки на данном уровне является подкуп. Однако отмечено и активное использование политической демагогии, исторических подтасовок, националистической идеологии и молодежных течений, ошибок и злоупотреблений местной и центральной власти. На этом уровне практикуются искусно отработанные методы маскировки, которые даже не вписываются в нормы преступной среды, например, прием, направленный на обеспечение безопасности организованных групп их систе-

мы (в правоохранительные органы поступает информация о части преступной организации для того, чтобы не была изобличена вся преступная структура).

В настоящее время необходимо также учитывать стремление преступников нейтрализовать, скомпрометировать, переориентировать на пособничество государственные и общественные институты, включенные в осуществление экономического, правового и морального контроля.

На оперативно-розыскную тактику влияют специфика возникновения и условия получения информации об организованной преступной деятельности.

Первым практическим правилом является детальное изучение сфер общения выявленных фигурантов независимо от того, постоянно, длительно или кратковременно их существование.

К ним относятся следующие сферы:

- интимных связей лидеров, организаторов и осведомленных об организованной преступной деятельности лиц и организованных групп;
- семейно-бытовых, родственных отношений любого из членов ОПФ;
- проведения любых видов досуга, в том числе в компаниях заранее подобранных и проверенных людей;
- дачного строительства, переоборудования и ремонта квартир, обслуживания личных иномарок, приобретение ценных вещей, драгоценностей, дефицитного продовольствия, медицинской помощи.

В ходе оперативного поиска вначале следует выделить местные зоны криминальной активности и зоны вероятного прорыва информации.

1. Среда, являющаяся источником резервов организованных преступных групп:

- неформальные объединения с антиобщественной направленностью;
- автотранспортные предприятия и предприятия автосервиса;
- места концентрации ранее судимых, условно освобожденных и условно осужденных.

2. Средой, где проявляют себя действующие участники ОПФ, является:

- «черный рынок» ценностей, валюты, предметов старины;
- «черный рынок» автомашин, аудио-, видео- и компьютерной техники;

- подпольные игорные заведения;
- рестораны, кафе, казино, массажные и иные увеселительные заведения;
- магазины с престижными дефицитными товарами.

3. Средой обслуживания участников организованных преступных групп являются:

- проститутки;
- работники и постоянные участники легальных азартных игр;
- работники бань, бассейнов, спорткомплексов, кемпингов, пансионатов, охоточастков, яхт-клубов, гостиниц, туристических организаций, авиапассажиров, врачи и другие медработники, работники торговли и товарных баз, терминалов.

Проведенные исследования показали, что в указанных местах фиксируются образ жизни, израсходованная сумма денег, особенности взаимоотношений, интересы к объектам (разведка) и конкретным людям (вербовка в ОПФ).

За время функционирования специализированных оперативных подразделений по борьбе с организованной преступностью и терроризмом ОВД накоплен определенный опыт. Его осмысление и соотношение с опытом зарубежных стран позволяют изложить некоторые перспективы совершенствования оперативно-розыскной тактики в борьбе с организованной преступностью, в том числе с организованными группами, совершающими корыстно-насильственные преступления, связанные с завладением большегрузными автотранспортными средствами.

Прежде всего борьба с организованной преступностью предполагает направление значительных усилий на дестабилизацию ее среды и это придает определенную специфику мероприятиям оперативной разработки. Дестабилизация включает создание помех, срыв планируемых тяжких и особо тяжких преступлений, стимулирование конфликтов в преступной среде, выявление в ней тактических резервов оперативных подразделений, т. е. лиц, с которыми можно вступать в конфиденциальные отношения для развития оперативной разработки.

Тактические приемы дестабилизации многообразны: направленное распространение информации при помощи негласных сотрудников, анонимных телефонных сообщений, средств массовой информации; имитация вербовки лиц, которые заведомо

представляют контрразведку ОПФ с целью создания каналов передачи их лидерам специально подготовленной информации или дезинформации; переориентация лидеров.

Особую сложность вызывает проблема документирования преступной деятельности в отсутствие уголовной ответственности за многие эпизоды или элементы организованной деятельности:

- насаждение идеологии «воров в законе»;
- разработка общей стратегии и тактики ОПФ;
- поиск новых сфер преступной активности и вложение средств ОПФ;
- выработка мер по монополизации преступного бизнеса и разорению конкурентов;
- создание школ подготовки боевиков и охранников, руководство ими и др.

Основной целью оперативных подразделений ОВД является сбор любой доказательной информации на лидеров ОПФ и их групп. Такая информация должна фиксироваться на всех этапах стратегической разведки и оперативной разработки выявленных объектов, т. е. на лидеров и групп ОПФ. Проведенные нами исследования с учетом опыта практических работников показали, что в данных целях необходимо активно использовать все виды оперативного учета, его архивы, ориентировки оперативно-розыскного обеспечения, тщательно анализировать информацию о совершенных преступлениях. Это позволит:

- получать полные данные о прошлой деятельности лидеров групп или ОПФ, их роли в ОПФ и об осведомленности о преступной среде, местах отбывания наказаний, лицах, которым известна их прошлая латентная преступная деятельность;
- раскрывать совершенные ими незавершенные преступления;
- получать данные о ранее прекращенных уголовных делах и необоснованных отказах в возбуждении уголовных дел;
- определять круг лиц, сотрудничество с которыми может обеспечить дополнительные оперативные подходы к взятым в разработку лидерам.

Однако, на наш взгляд, это не решает проблемы постоянного поиска признаков преступной деятельности, которую можно квалифицировать как соучастие во всех ее формах; договоренностей о поставке оружия, взрывных устройств и предоставлении транс-

порта, складских помещений для перевозки и хранения запрещенных к обороту или похищенных предметов, грузов, автотранспорта; различных видов интеллектуального вовлечения в преступную деятельность; идеологической обработки, а в итоге подстрекательства к террористическим актам; контактов с ОПФ и наемными убийцами и др.

В заключение рассматриваемой проблемы в борьбе с организованной преступностью, организованными группами, совершающими тяжкие и особо тяжкие корыстно-насильственные преступления (грабежи, разбои, бандитизм, вымогательство, захват заложника и др.), следует отметить необходимость новых, нестандартных тактических решений в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД):

- внедрение в ОПФ или приобретение агента, который по поручению лидеров ОПФ ведет изучение («разведку») объектов с целью их шантажа и вымогательства у них денег, а также иностранной валюты. Перед такими агентами ставится задача использовать «разведку» преступников с целью активизации сбора информации на лидеров и активных деятелей ОПФ, которые намечены как объекты вымогательства;

- продвижение в ОПФ, в первую очередь к руководству «контрразведкой», оперативных работников с легендой, «уволенных за связь с уголовно-преступными элементами». Такая легенда требует длительной подготовки и надежного обеспечения;

- создание форм-прикрытий, иллюстрирующих преступную деятельность, для широкомасштабных связей с ОПФ и их организованными группами.

Нестандартные тактические решения требуют и новой оперативно-тактической подготовки оперативных работников и овладения ими агентурными методами, применение которых предполагает перевоплощение, отработку ролевых функций в соответствии с выбранной легендой, навыков контактной и бесконтактной связи, коммерческой или иной, соответствующей легенде легальной и преступной деятельности.

В структуре аналитической работы в ОРД обязательно должны присутствовать элементы предвидения будущего. Оперативно-розыскное прогнозирование базируется на ранее собранной упорядоченной информации, знании закономерностей раз-

вития преступного поведения лиц, представляющих оперативный интерес, особенностей условий, в которых действует агента или применяются методы ОРД, а также на оценке тактических возможностей оперативных работников, агентов и других участников оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ)¹.

Оперативно-розыскное прогнозирование является результатом мышления оперативного работника, поиска им ответов на вопросы о том, как может измениться оперативно-тактическая ситуация, как следует действовать в ожидаемой ситуации, как поведет себя противоборствующая сторона.

Результатом оперативно-розыскного прогнозирования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых организованными группами, является прогнозный вывод, или прогноз, – достаточно четкая формулировка предстоящих событий. Прогноз по тяжким и особо тяжким преступлениям стимулирует активность, наступательность, выбор эффективных действий, их комбинационность, отвлечение внимания и дезориентацию противоборствующей стороны, т. е. помогает использовать тактический и технический арсеналы оперативно-розыскного обеспечения.

Таким образом, оперативно-розыскное прогнозирование – это важнейший элемент тактического мышления, информационно-логический процесс, предшествующий принятию тактических решений, влияющий на их содержание и выбор средств и методов реализации в оперативно-тактических действиях (мероприятиях, операциях)².

Главной логической основой оперативно-розыскного прогнозирования является важнейшая категория познания – «моделирование», т. е. исследование тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений и их процессов: путем построения схем (например межрайонных связей), графиков (продвижения захваченного большегрузного автотранспорта или его ценных грузов); нанесения на карты местностей и планы городов пунктов дислокации организованных групп и определенных лиц, в отношении которых предстоят опе-

¹ См.: Оперативно-розыскная деятельность: Учеб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сириловой, А. Ю. Шумилова. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2004.

² См.: Теория оперативно-розыскной деятельности.

ративно-розыскные действия по установлению их личности, негласному наблюдению или задержанию; графического отражения вероятных маршрутов передвижения разрабатываемых лиц организованных групп. По агентурным данным моделируются функции отдельных звеньев группы организованной преступной группировки для получения прогнозных выводов о поведении системы в случае ликвидации этих звеньев путем задержания и ареста виновных лиц.

Оперативно-розыскное прогнозирование тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений предполагает использование любой исходной информации, полученной от агентуры методом разведывательного опроса, оперативного осмотра, другими методами ОРД, ОРМ или в результате следственных действий, из материалов дел оперативного, архивов и иных материалов других организаций и учреждений.

В оперативно-розыском прогнозировании тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений, совершаемых организованными группами при нападении на водителей большегрузного автотранспорта с целью его завладения, на наш взгляд, можно выделить несколько типов предвидения.

1. Предвидение наступления совершения тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений (разбоев, грабежей) организованными группами на основе повторяемости этих преступлений.

2. Предвидение по аналогии, которое применяется для установления оперативного наблюдения оперативно-профилактических мер к лицам, отбывающим наказание и вошедшим в состав организованных групп.

3. Предвидение на основе специфики объекта. Главное направление предвидению дает знание образа жизни лица, входящего в организованную группу.

Все типы оперативно-розыского прогнозирования благоприятно сказываются на качестве ОРД во всех ее формах деятельности.

Во-первых, повышается темп ОРМ по борьбе с тяжкими и особо тяжкими корыстно-насильственными преступлениями, совершаемыми организованными группами с целью завладения большегрузным автотранспортом, поскольку оперативно-розыскное прогнозирование позволяет принимать грамотные решения и действовать.

Во-вторых, оно способствует стремлению к пополнению информации, а в результате активности ОРД. Реализация данной закономерности на практике в борьбе с тяжкими и особо тяжкими корыстно-насильственными преступлениями, совершаемыми организованными группами, происходит по следующей схеме:

- построение прогноза (связано с оценкой имеющихся исходных данных, характеризующих общую ситуацию и действующих лиц);

- обнаружение недостающих знаний (пробелов) (препятствует достаточно точным и даже альтернативным тактическим прогнозам). Кроме того, возникает потребность в дополнительной информации;

- определение содержания и объема недостающих знаний;

- подбор оперативно-тактических действий по получению дополнительной информации;

- подбор сил, средств и методов получения такой информации;

- организация мероприятий, обеспечивающих динамичность оперативного поиска, проверки или разработки.

Таким образом, являясь важнейшим элементом оперативно-розыскной тактики, сам процесс прогностического мышления стимулирует поиск новых фактов, углубленное изучение соответствующих лиц или среды организованных групп; способствует совершенствованию познавательной деятельности оперативных работников уже тем, что требует сбора дополнительной информации, без которой «ведение», а точнее предвидение, оказываются невозможными или неясными.

Согласно ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ оперативно-розыскное прогнозирование по борьбе с тяжкими и особо тяжкими корыстно-насильственными преступлениями, совершаемыми организованными группами, применяет многие резервы для поиска необходимой информации с использованием всех ОРМ.

Получение оперативно-розыскных прогнозов существенно повышает качество практических решений в борьбе с организованными группами. Кроме того, оно предохраняет от совершения ошибок в работе с агентурой, а также при использовании спецтехники и методов ОРД.

Существенное место прогнозная информация занимает в справках-меморандумах, со-

ставляемых на лиц организованных групп при заведении дела оперативного учета. В этих документах необходимо излагать вероятное развитие событий, прогнозирующееся на основании ранее полученной информации и прошлого опыта оперативных разработок на лиц организованных групп, совершающих тяжкие и особо тяжкие корыстно-насильственные преступления: грабежи, разбои, бандитизм, вымогательство, захват заложников и др.

В теории и практике ОРД оперативно-розыскные прогнозы в зависимости от масштабов решаемых задач могут быть рассчитаны на разные периоды времени: долгосрочный оперативно-розыскной прогноз; краткосрочное оперативно-розыскное планирование и др.

Необходимо отметить, что оперативно-розыскное прогнозирование по борьбе с тяжкими и особо тяжкими корыстно-насильственными преступлениями, совершаемыми организованными группами, создает гарантии надежности и устойчивости оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальной процедуре доказывания. Оно имеет большое значение для конспирации источников негласной информации, которая используется при проведении ОРМ в отношении членов организованных групп, при подборе агентов или целенаправленном ее распространении в противоборствующей правоохранительным органам среде.

При оперативно-розыском прогнозировании вероятного поведения преступников организованных групп после совершения тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений в отношении водителей большегрузных автотранспортных средств с целью завладения ими и ценными грузами следует учитывать субъективные и объективные факторы, используемые при раскрытии таких преступлений: профессию; состояние здоровья; преступный опыт; привычки, интересы, привязанности, любимые занятия, круг родственников и знакомых, где они могут укрываться, интимные связи; наличие и характер документов, удостоверяющих личность; условия выезда из пределов данной местности; наличие у преступников транспортных средств, которые использовались при совершении преступлений; деньги и ценности, которыми располагают преступники; имущество, автотранспорт, которые были добыты преступным путем, условия его сбыта; вооруженность преступников,

состав преступных формирований или организованных групп (прогноз вероятности повторения тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений в другой местности); известные высказывания членов организованных групп о намерениях и планах; наличие связей с ОПФ; наличие в данной и соседних местностях притонов укрытия уголовно-преступных элементов; международные связи членов организованных групп; контакты с коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов и органов власти; дислокацию предприятий, контролируемых организованными группами и т. д.

При оперативно-розыском прогнозировании индивидуального преступного поведения к числу факторов следует отнести: все вышесказанное об особенностях личности; характер поведения индивида; нарушения общественного порядка; насильственные действия; аморальные поступки; характерные особенности отношений, привычек в криминальном окружении, пораженности района, города антиобщественными проявлениями; состояние оперативно-розыскной работы, оценку ее эффективности.

При прогнозировании группового поведения лиц целесообразно в число значимых факторов включить: сведения о составе групп, их лидерах; степень организованности группы; характер действий групп; наличие круговой поруки членов организованных групп; групповые цели, которые ставились при их формировании.

Особое внимание необходимо уделять при прогнозировании вероятной ситуации, возникающей в период оперативной проверки, на следующие факторы: масштабы оперативной проверки, количество охватываемой ею объектов и эпизодов; количество лиц, которые могут стать источниками информации, их характеристика; осведомленность разрабатываемых лиц о методах ОРД; переселение в новые районы лиц, находящихся в разработке, прибытие условно осужденных и условно освобожденных, прибытие из мест лишения свободы, активизация деятельности правоохранительных органов и т. д.

При прогнозировании вероятного поведения негласных сотрудников наряду с рассмотренными факторами, относящимися к характеристике разрабатываемых лиц организованных групп, совершающих тяжкие и особо тяжкие корыстно-насильственные преступления, важ-

ную роль играют факторы, раскрывающие разведывательные возможности и опыт негласного сотрудника. К их числу следует отнести: пол, возраст, период сотрудничества; прошлую отдачу и опыт участия в оперативных проверках; способность самостоятельно устанавливать контакты; умелую реакцию на внезапно меняющуюся ситуацию; выдержку и способность противостоять соблазнам; интеллект и избирательное отношение к оперативно значимой информации; поведение в конфликтных ситуациях; умение соблюдать конспирацию и искать пути к ее обеспечению; слабые и сильные свойства личности, физические данные и выносливость, волевые данные.

Безусловно, это далеко не исчерпывающий перечень факторов, из которых образуется прогностическая информация поведения негласных сотрудников.

А. В. Красильщиков,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПОЛИТИКУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В России, находящейся в состоянии общественно-политических преобразований, возникают проблемы во взаимодействии общества и власти, гражданского общества и государства. Отношения личности и государства приобретают особый характер в связи с формированием правового государства, становлением системы народовластия, рыночной экономики. Возникающие в процессе исследований вопросы о характере отношений, соотношении правовых, экономических, политических и иных сфер общества ставят исследователей-правоведов перед необходимостью обращаться к проблеме гражданского общества.

В настоящее время учеными определена сущность гражданского общества¹, однако

¹ См., напр.: Матузов Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3; Мамут Л. С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. 2002. № 5; Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 2; Васильев В. А. Гражданское общество: идейно-теоретические истоки // Соц.-полит. журн. 1997. № 4 и др.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрели особенности тактики борьбы с организованными группами, совершающими тяжкие и особо тяжкие корыстно-насильственные преступления в отношении водителей большегрузного транспорта, а также оперативно-розыскного прогнозирования по предупреждению и раскрытию данных преступлений. Всестороннее изучение данной проблемы требует отдельного дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова, А. Ю. Шумилова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2004.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. – М., 2006.

в действительности остается множество дискуссионных вопросов. Вопрос о конкретном содержании данного понятия имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В частности, можно утверждать, что широко распространенное представление о якобы «неполитическом»² характере гражданского общества способно стать препятствием на пути его развития в России. Ограничение гражданского общества рамками «горизонтальных» связей и отношений (по сути к этому сводится его «неполитическая» трактовка) ведет к недооценке важности взаимодействия некоммерческих организаций с партиями и государством³.

Гражданское общество может существовать только во взаимодействии с демократическим государством. Данное взаимодействие осуществляется посредством институтов гражданского общества, представленных разнообразными организациями (экономические, социальные, духовные и др.). Указанные организации сотрудничают с государством, активно осуществляя политическую деятельность. В свою очередь, государственная власть нуждается в гражданском обществе, без него она не может быть демократической. Таким обра-

² См.: Коен Дж. Л. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 7–8.

³ См.: Перегудов С. П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Право и политика. 2006. № 2. С. 41.

зом, государство и гражданское общество входят в диалектической взаимосвязи.

В настоящее время прослеживается явная тенденция активизации на политической арене различных экономических организаций, что вызывает обоснованный интерес различных ученых к исследованиям их функционирования в данной сфере¹.

По мнению ряда аналитиков, экономические организации, в частности, коммерческие, являются частью рынка, а не гражданского общества². В данном случае мы поддерживаем мнение Д. Боуза, который утверждает, что подлинное различие между объединениями состоит в том, что одни из них принудительные (государство), а другие – естественные, или добровольные (все остальные)³.

Самой главной и первичной потребностью каждого человека является собственное материальное благополучие. По мнению Н. И. Матузова, «гражданское общество оправдывает свое название не тем, что состоит из граждан, а тем, что создает надлежащие условия для них. Нищая, голодная, отсталая страна с неразвитой экономикой не может иметь статуса гражданского общества»⁴.

Соответственно для удовлетворения материальной потребности граждане вступают в первую очередь в ряды экономических организаций⁵. Таким образом, экономические организации обладают мощным потенциалом для оказания существенного влияния на органы государства с целью достижения своего экономического интереса.

Политические партии, общественные объединения и движения, которые считаются основными составляющими гражданского общества, сами по себе в настоящий момент не обладают достаточной финансо-

вой независимостью и часто являются орудиями различных экономических организаций для оказания влияния на органы государственной власти.

Так, по мнению Е. Н. Масловой, к финансово-промышленным группам фактически перешла часть функций, которые в условиях развитого гражданского общества и демократического правового государства обычно принадлежат партиям. Партии, на которые политическим руководством страны возлагается задача укрепления основ демократии, превращаются, а в ряде случаев превратились, в инструмент реализации не столько общенациональной, сколько корпоративной политики⁶.

В настоящее время зародившиеся в 90-х гг. XX в. особо крупные экономические организации корпоративного типа составляют основу формирующихся экономических отношений, а также оказывают возрастающее воздействие на развитие социальных и политических процессов в российском обществе.

В крупную корпорацию входит не только ее руководство, но и собственники – акционеры, наемный персонал, выступающие участниками организации, ставящей их в те или иные отношения друг с другом и проецирующей эти отношения на государственный уровень. Уровень прав и свобод всех тех, кто является служащими данных организаций, и деятельность институтов власти различного уровня напрямую зависят от того, как эти отношения складываются⁷. Изучению политического влияния руководящего звена экономических организаций посвящено большое количество работ⁸.

Вместе с тем существует еще одно направление исследований, авторы которых (Н. Ю. Лапина, С. П. Перегудов, И. С. Семенов и др.) пытаются выявить конкретные формы и «модели» политического влияния крупных экономических организаций на политическую систему в целом.

¹ См.: Система представительства российского бизнеса: формы коллективного действия. М., 1997; Зудин А. Россия: бизнес и политика // МЭиМО. 1996. № 3–4; Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России / Под ред. Я. Паппэ. М., 1997.; Перегудов С. П. Корпоративный капитал в борьбе за избирателя // Куда идет Россия? М., 2000.

² См., напр.: Боуз Д. Либертарианство: История. Принципы, политика / Под ред. А. Куряева. М., 2004.

³ См.: там же.

⁴ Матузов Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 88.

⁵ См.: Красильщиков А. В. Экономические организации как субъекты гражданского общества в РФ // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2006. № 1. С. 202–205.

⁶ См.: Маслова Е. Н. Финансово-промышленные группы как субъект региональных политических процессов в современной России: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 4.

⁷ См.: Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М., 2003. С. 5.

⁸ См., напр.: Афанасьев М. П. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.; Воронеж, 1996; Боханов А. Н. Деловая элита России. М., 1994; Зудин А. Путин и олигархи: год спустя // Деловой журн. 2001. № 1 и др.

Особое значение в данном направлении исследований придается системе отношений, которые складываются внутри корпорации.

Следует отметить, что «внутренние» отношения не ограничиваются лишь отношениями, которые принято называть трудовыми. Корпорация рассматривается не просто как организация, но и как определенным образом функционирующий социальный организм, составляющие которой действуют не только сами по себе, но и как совокупность, имеющая общие интересы¹.

Вторгаясь в сферу политики, экономическая организация не просто является одним из участников политической жизни общества, но и важной составной частью его политического устройства, выступая в двойном качестве: как одна из важнейших структур, определяющих общественные отношения, и как институт, во многом предопределяющий характер прямых и обратных связей государства и общества.

В обоих качествах она функционирует уже не просто как субъект экономики, но и как группа интересов, родственная по своим характеристикам другим общественным организациям и объединениям, относимым к институтам гражданского общества. С учетом принадлежности к данным институтам экономическая организация разделяет следующие свойственные ей основные характеристики: наличие добровольно вступивших в нее граждан, общего (в данном случае экономического) интереса, нацеленность на реализацию этого интереса путем воздействия на органы государственной власти. Вместе с тем в отличие от большинства других организаций, представляющих собой добровольные объединения граждан, экономические организации являются специфическим видом групп интересов, обычно зачисляемых в категорию институциональных групп. Их особенность в том, что они чаще всего представляют собой не самостоятельные организации, формируемые самими гражданами или их объединениями, а институты и организации, встроенные в социально-политическую систему и призванные решать конкретные задачи в рамках данной системы. Однако, будучи частью системы или систем, они одновременно являются организациями,

отстаивающими собственные, групповые интересы, для реализации которых они выходят за рамки своих непосредственных функций.

Общеизвестно, что для отстаивания своих групповых интересов в органах государственной власти организации гражданского общества используют разнообразные институты представительства.

Основой отношений экономических организаций и государства является система функционального представительства, которая, в отличие от системы территориального представительства по линии партий, парламентов и других, формируется путем сложных, чаще всего не обусловленных четкими правилами методов и процедур. Если основной задачей политических партий является использование механизма выборов для завоевания или удержания власти, то группы давления, действуя через механизмы и процедуры системы функционального представительства², нацелены на оказание того или иного влияния на институты власти и принимаемые ими решения.

Таким образом, в России, находящейся в состоянии системных общественно-политических преобразований, на политическую арену вышли принципиально новые для России субъекты гражданского общества – экономические организации, обладающие мощным потенциалом для оказания политического влияния на органы государства. Это влияние экономические организации осуществляют через систему функционального представительства, оказывая его на все основные структуры политической власти, с целью достижения своего экономического интереса.

Библиографический список

1. Красильщиков, А. В. Экономические организации как субъекты гражданского общества в РФ / А. В. Красильщиков // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2006. – № 1.
2. Маслова, Е. Н. Финансово-промышленные группы как субъект региональных политических процессов в современной России : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006.
3. Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России / под ред. Я. Паппэ. – М., 1997.

¹ См.: Перегудов, С. П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. С. 21–22.

² См. подробнее: Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. С. 32.

В. Е. Лапшин,
*первый заместитель начальника
Ивановского института
Государственной противопожарной
службы МЧС России*

АУТОДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ПРИЧИНЫ, ПРИВОДЯЩИЕ К СУИЦИДУ

События, происходящие в последнее время в России, свидетельствуют о том, что экономическая разобщенность, социальная дифференциация, девальвация духовных ценностей в обществе оказали негативное влияние на общественное сознание различных социальных и возрастных групп населения нашей страны, резко снизили воспитательное воздействие российской культуры, искусства, образования как важнейших факторов личностного развития.

В общественном сознании получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессия. Аутодеструктивное поведение приобретает на нынешнем этапе развития общества характер массового явления, что обуславливает повышенное внимание к этой проблеме со стороны все большего числа как отечественных, так и зарубежных ученых.

Под аутодеструктивным поведением понимают поведение, отклоняющееся от медицинских, психологических норм, препятствующее личностному развитию и угрожающее целостности самой личности¹.

Концепцию аутодеструктивного поведения человека сформулировал американский суицидолог Н. Фарбероу. Он рассматривает в качестве саморазрушительных паттернов поведения алкоголизм, токсикоманию, наркоманию, делинквентность, неоправданную склонность к риску, а также суициды².

В данной статье мы анализируем корни аутодеструктивного поведения, приводящего к суициду. По мнению психолога С. Ениколопова, по числу случаев суицида Россия вышла на второе место в мире (после Литвы).

В плане суицидальных проявлений наиболее опасен пожилой и подростковый возраст. Это связано в первую очередь с тем, что, например, большинство подростков имеет «незавершенное» представление о смерти. Подросток может представлять: «Вот лежу я красивый в гробу, все плачут, и тут я встаю, меня обнимают, радуются, начинается прекрасная жизнь. И я все делаю так, как хочу». Ему свойственно ощущение обратимости смерти. На фоне физиологического, психологического, социального кризиса происходит прорыв – возникает страх и интерес к смерти. У взрослого человека есть свои способы защиты от такого страха, у подростка их нет. В подростковом возрасте – в период перехода к взрослости – есть несколько составляющих. Физиологическая составляющая заключается в гормональной перестройке организма, в результате чего у подростков наблюдается частая смена настроения. В это же время происходит поиск идентичности: «настоящий ли я мужчина (женщина)?». Более важную роль играет референтная³ группа сверстников. В подростковом возрасте мы видим уже не ребенка. Ему предъявляются повышенные требования, а психической устойчивости, как у взрослого, у него еще нет.

Чаще всего к суициду склонны замкнутые, погруженные в себя подростки, они наиболее тяжело переживают любые проблемы. Имея низкую самооценку, они тем не менее склонны к перфекционизму (стремление все сделать идеально). Перфекционизм дифференцируется на позитивный и негативный (С. Н. Ениколопов). При позитивном перфекционизме человек, стремящийся к совершенству, реально себя оценивает. Он, например, понимает, что с его ростом метр шестьдесят он вряд ли станет выдающимся баскетболистом. И это сказывается на его поведении в самых разных жизненных ситуациях.

Негативный перфекционизм есть стремление подростка к недостижимому идеалу. Поэтому взрослые люди, окружающие

¹ См.: Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М., 2003. С. 33.

² См.: Farberow N. R. The many faces of suicide. N. Y., 1980. P. 16.

³ Референтная группа (от англ. refer – относиться) – социальная группа, по отношению к которой индивид себя идентифицирует, при этом реально может принадлежать к другой группе.

подростка (родители, учителя), должны четко представлять соразмерность требований с его возможностями.

Самоубийству как крайней форме аутоагрессивного поведения могут предшествовать самоуничтожение, самобичевание, создание рискованных ситуаций, в том числе сопряженных с получением физической травмы. Некоторые формы саморазрушающего поведения провоцируются обществом. Например, рекламируемые пластические операции часто не столько помогают борьбе с видимыми недостатками внешности, сколько поддерживают негативный перфекционизм.

Самоубийство подростков может быть формой защиты своего «Я». Взрослые не должны оказывать давления на детей. Необходимо быть более внимательным к жизни подростков: замечать, когда они уходят в себя или начинают проявлять интерес к смерти (сегодня в Интернете много сайтов, которые отличает суицидальный акцент, очень часто на них можно найти и прямые руководства по уходу из жизни).

В. В. Медведева,
*адъюнкт кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России*

**ДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
О БЫТОВЫХ ХУЛИГАНСТВАХ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В настоящее время в России сложилась достаточно сложная криминогенная ситуация. Преступность поразила практически все сферы жизни, в том числе и бытовые отношения граждан.

По данным МВД России, около 30 % от общего числа убийств совершается на бытовой почве, в 70 % случаев насильственных посягательств пострадавшими являются женщины и дети.

Каждое совершенное преступление приводит к опасным последствиям, и хулиганство как насильственное преступление не является исключением. В уголовно-правовом смысле хулиганством признается грубое нарушение общественного порядка,

Нужно помнить, что суицид заразен. Если, например, в средствах массовой информации широко освещается суицид известного человека, часто наблюдается синдром Вертера – подражательные самоубийства. Подростков надо уметь понимать, слушать и воспринимать их такими, какие они есть в реальной жизни, со своими минами и особенностями, а не в виде абстрактных установок взрослых.

Библиографический список

1. Бухановский, А. О. Общая психопатология / А. О. Бухановский. – Ростов н/Д, 2000.
2. Ениколопов, С. Н. Агрессия против себя / С. Н. Ениколопов // Семья и школа. – 2007. – № 10.
3. Змановская, Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) / Е. В. Змановская. – М., 2003.
4. Социология : энциклопедия. – М., 2003.
5. Farberow, N. R. The Many Faces of Suicide / N. R. Farberow. – N. Y., 1980.

выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам или угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества.

Для вечернего и ночного времени суток наиболее характерно так называемое бытовое хулиганство. Как правило, оно сопровождается причинением легкого вреда здоровью, а также материального ущерба с использованием подручных средств хозяйственно-бытового назначения: ножей, вилок, топоров и т. д.

Бытовое хулиганство характеризуется антиобщественной направленностью против ближайшего бытового окружения: супруги, детей¹.

Хулиганские действия носят уверенный и дерзкий характер при осознании беспомощности и слабости выбранной жертвы.

¹ Результаты исследования проблемы тяжких насильственных преступлений свидетельствует, что в их основе лежат деформации социально-психологических комплексов: агрессии – 42 %; самоутверждения – 25 %; превосходства над окружающими – 10 %; эгоцентризма – 7 % (см.: Механизм преступного поведения. М., 1981).

Субъектом данного преступления в основном выступает лицо мужского пола, имеющее неполное среднее или общее среднее образование, нигде не работающее, злоупотребляющее спиртными напитками.

Круг пострадавших, как правило, ограничен рамками бытового общения: супруга, дети, близкие родственники, соседи.

В основе хулиганских мотивов лежат антисоциальные потребности и интересы эгоизма, самоутверждения и т. п. Хулиганские побуждения аккумулируют множество антисоциальных потребностей и интересов, они обуславливают стремление правонарушителя проявить свое «Я».

Лица, пострадавшие от бытового хулиганства, имеют право обратиться с жалобой в дежурные части органов внутренних дел, прокуратуру или суды.

При поступлении устного либо письменного сообщения (заявления) от пострадавшей стороны в органы милиции в соответствии с приказом МВД РФ «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях» от 1 декабря 2005 г. № 985¹ оперативный дежурный органа внутренних дел, вне зависимости от места и времени совершения происшествий, обязан зарегистрировать их в Книге учета сообщений о происшествиях, а затем принять меры реагирования в порядке, установленном законодательными и иными ведомственными нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность милиции².

Однако необходимо отметить, что органами внутренних дел не выработано четкого механизма и до настоящего времени не решен вопрос о том, кто должен выезжать на сообщения о случаях бытового хулиганства, так как следственно-оперативную группу на осмотр места совершения бытового хулиган-

ства, как правило, не направляют. Чаще всего на бытовые конфликты, не повлекшие тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, выезжают сотрудники патрульно-постовой службы либо участковые уполномоченные милиции. При этом протокол осмотра места происшествия они не составляют, что нередко приводит к утрате важных вещественных доказательств, а в последующем мешает всесторонне и объективно оценивать происшедшее и усложняет процедуру привлечения виновного лица к установленной законом ответственности.

Отсутствие в делах протоколов осмотра места происшествия, фотографий лишает возможности на первоначальном этапе расследования полно разработать версии и целенаправленно организовать их тщательную проверку.

Особенно важно производить осмотр места происшествия, где совершено бытовое хулиганство с повреждением или уничтожением имущества (повреждена мебель, разбита посуда, разрезана одежда, выброшены домашние предметы через окно на улицу и т. д. При этом вся обстановка фиксируется, изымаются в качестве вещественных доказательств соответствующие объекты. Осматриваются и фиксируются не только результаты погрома в квартире, но и другие элементы обстановки места происшествия: расположение квартиры, характер и толщина перегородочных с соседними квартирами стен, наличие радиоприемника, телевизора, магнитофона, количество рам на окнах и т. д.

Чем раньше будет произведен осмотр, тем результативнее будут его итоги. Это общее положение следственной тактики по делам рассматриваемой категории имеет преимущественное значение, поскольку в квартире, комнате или общежитии после происшествия очевидцы могут уничтожить следы преступления без всякого умысла, восстанавливая нормальную обстановку в жилом помещении.

Нужно иметь в виду, что иногда, даже при отсутствии следов и вещественных доказательств, общая характеристика и особенности места происшествия, зафиксированные надлежащем образом, являются необходимыми средствами для установления тех или иных обстоятельств из числа подлежащих доказыванию.

¹ См.: Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2005. № 52.

² См., напр.: О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции: Приказ МВД РФ от 16 сент. 2002 г. № 900 // Рос. газ. 2002. 27 нояб.; Об утверждении Инструкции по работе с обращениями граждан в системе МВД России: Приказ МВД РФ от 22 сент. 2006 г. № 750 // Рос. газ. 2006. 23 нояб.

Кроме того, необходимо решать вопрос о правомерности задержания сотрудниками милиции лица за совершение бытового хулиганства, если оно произошло в квартире, где не всегда налицо такие важные признаки хулиганства, как нарушение общественного порядка, проявление явного неуважения к обществу, так как действия хулигана совершаются в закрытом помещении. Помимо этого, нередко нанесение оскорблений, побоев, иное насилие, совершенное в семье, квартире, в отношении родственников, знакомых, сопровождающее такие конфликты, довольно часто основано на личных неприязненных отношениях между их участниками. Поэтому в основе своей подобные действия требуют уголовно-правовой квалификации как преступления против личности. Однако в тех случаях, когда такие действия были сопряжены с очевидным для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу, они могут влечь и административную ответственность за мелкое хулиганство. Подобный вывод следует из п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве» (в редакции от 21 декабря 1993 г.), с изменениями от 25 октября 1996 г.¹

Необходимо сказать и о таком факте, когда в некоторых органах внутренних дел имеет место неоправданная практика направления на место совершения бытового правонарушения рядового и сержантского состава милиции, что законодательно запрещено. В этой процедуре должны принимать участие только офицеры. Говоря о возникающих проблемах при реагировании органов внутренних дел на сообщения о бытовом хулиганстве, надо иметь в виду и следующее обстоятельство. Лица, совершившие бытовые преступления, как правило, старше 30 лет, имеют значительный жизненный опыт, многие из них до совершения последнего преступления были судимы, а на место происшествия для разбирательства и пресечения хулиганских действий во многих случаях направляют сотрудников милиции, возраст которых не превышает 30 лет.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М., 2004.

Каждая служба, занимающаяся охраной общественного порядка и общественной безопасности, наделена определенными полномочиями и в своей деятельности должна руководствоваться только законом.

Однако в законе не определено, например, что делать сотрудникам милиции, приехавшим по сообщению о бытовом скандале и обнаружившим, что нарушителем спокойствия членов семьи и соседей стал инвалид, которого они не имеют право задерживать.

Работа по выявлению и пресечению бытового хулиганства сотрудниками органов внутренних дел усложняется еще и тем, что, несмотря на большое количество случаев совершения хулиганства в сфере семейно-бытовых отношений, в практической деятельности и нормативных актах Российской Федерации не сформировалось единого понятия «бытовое хулиганство». Различные определения данного вида преступления, предлагаемые в юридической литературе («хулиганство, совершенное в сфере бытовых отношений», «хулиганство, совершаемое по бытовым мотивам», «хулиганство на бытовой почве»), приводят к несогласованности действий на практике. В данном вопросе придерживаемся позиции тех авторов, которые считают, что бытовое хулиганство – это хулиганство, совершаемое на почве бытовых конфликтов, возникающих в определенном круге субъектов: супруги, родственники, соседи, знакомые (друзья), связанные с устойчивыми личностно-бытовыми отношениями, основанными на бытовой взаимозависимости.

Полагаем, что точное формулирование, выделение и четкое отграничение семейно-бытовых преступлений от иных правонарушений позволят систематизировать меры борьбы с ними, а также будут способствовать их эффективному предупреждению.

Данное обстоятельство обусловлено значительной распространенностью этих преступлений, отличием тактических приемов предупреждения хулиганских проявлений в квартирах и общежитиях от предупреждения так называемых уличных. В первом случае важное значение имеет система информации о конфликтных отношениях, складывающихся в семье, среди родственников, соседей по квартире, общежитию, и специфических приемов индивидуальных предупредительных мероприятий. Для борьбы с хулиганст-

вом на улицах и в других общественных местах на первое место выступает организация патрульно-постовой службы, главным образом в местах массового скопления людей, продажи спиртных напитков и т. д.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы можем сделать следующие выводы: во-первых, на борьбу с хулиганством в быту негативно влияет отсутствие необходимой правовой базы; во-вторых, в деятельности сотрудников правоохранительных органов нет четкого алгоритма целенаправленных действий при получении первичной информации о бытовом хулиганстве. В связи с этим, с нашей точки зрения, целесообразно внести изменения в Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ, которые создадут нужное правовое поле для борьбы с хулиганством, а также необходимые условия для социальной работы по предотвращению хулиганских действий в семье.

М. Г. Назарова,
*старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук*

ФОРМИРОВАНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДСТВАМИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сегодня мировую общественность продолжает беспокоить проблема формирования гуманистических ценностей, высоких нравственных идеалов у новых поколений. Цели личностно ориентированной педагогики акцентируют свое внимание на культурологическом, коммуникативном, субъективном содержании образования. На современном этапе при решении важнейших педагогических, философских вопросов мы обращаемся к практике образования разных стран, пытаемся извлечь положительный опыт цивилизации в области образования, не замыкаясь на собственных экспериментах.

В центре внимания педагогов, психологов находятся опыт гуманитарного образования, идеи гуманистического воспитания. Не перестает интересовать общественность проблемы культурной и эстетической среды образования, формирования эстетического опыта и эс-

Библиографический список

1. Лопушинский, Ф. А. Предупреждение семейно-бытовых правонарушений / Ф. А. Лопушинский. – М., 1989.
2. Максимов, С. В. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики : учеб. пособие / С. В. Максимов, В. П. Ревин. – М., 1993.
3. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях : приказ М-ва внутрен. дел Рос. Федерации от 1 дек. 2005 г. № 985 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. – 2005. – № 52.
4. О судебной практике по делам о хулиганстве : постановление Пленума Верховн. Суда Рос. Федерации от 24 дек. 1991 г. № 5 // Сб. постановлений Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации (СССР, РСФСР) по уголов. делам. – М., 2004.

тетической культуры, механизмы развивающего обучения. В настоящее время продолжает развиваться новая педагогическая парадигма – концепция Педагогики Свободы, использующая в качестве ключевых понятий категориальный аппарат концепции гуманистического воспитания: «свобода личности», «гуманистические ценности» (при этом гуманизм продолжает рассматриваться как важнейшая черта развития современной культуры; гуманизм как признание человеческой жизни высшей ценностью). Современная педагогика предлагает характеристику целей, содержания и средства «личностно ориентированного образования»; авторы данной концепции активно используют в качестве базового понятия термин «саморазвитие личности»¹.

На современном этапе получила широкое развитие феноменология образования, позволяющая рассматривать «образовательный процесс как взаимодействие человеческих сознаний с позиций герменевтики и антропологии»², используя при этом элементы сциен-

¹ См.: Газман О. С., Вейсс Р. М., Крылова Н. Б. Новые ценности образования: содержание гуманистического образования. М., 1995.

² Голубева Л. Н. Современная образовательная ситуация в свете феноменологической философии // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций: Ежегодник. 2005. № 6. С. 73.

тистской методологии педагогики с опорой на труды Э. Гуссерля и М. Шелера.

Делая краткий обзор основных тенденций в сфере образования, следует отметить, что интерес к гуманитарному образованию и гуманистическим ценностям в наши дни определяется многими обстоятельствами.

Во-первых, современная цивилизация стремительно преобразует окружающую среду, используя последние научно-технические достижения и часто забывая при этом о гуманном отношении к природе. В результате мы имеем экологический кризис со всеми вытекающими отсюда последствиями: загрязнение воды и атмосферы, резкое сокращение мировых запасов полезных ископаемых, эпидемии новых болезней, нарушение естественного природного баланса в целом. Однако известно, что экологические проблемы связаны с теми нравственными, духовными задачами, которые ставит перед собой на каждом этапе развития человечество: утверждение, самореализация или борьба за выживание. При этом неправильно намеченная цель или неверно подобранные средства достижения чреваты катастрофическими последствиями для всего человечества. Научить человека выбирать ценностные ориентации, средства и методы для дальнейшей деятельности является одной из задач педагогики.

Во-вторых, XXI в. начался как новый этап развития общества – общества информационного с высокой ценностью в нем интеллектуальной собственности во всех ее видах (Л. А. Зеленов)¹. Это значит, что использование информационных технологий во всех сферах жизни вытесняет «книжную литературу», что ведет за собой изменение не только средств и способов обучения, но и преобразование всей дидактической системы.

В-третьих, ученые озабочены кризисом, охватившим систему образования (основные черты которого проявились уже в 60-е г. XX в. в западноевропейском обществе, а в 1990-е гг. – в России). Исследования показали, что причины кризиса образования лежат не только в несоответствии сложившихся в индустриальную эпоху содержа-

ния, методов и технологий, ориентированных на подготовку узких специалистов в системе разделения труда, требованиям новой переходной эпохи, нуждающейся в социальных инноваторах, творческих людях. Тупик, в котором оказалась система образования, стал следствием системного кризиса, охватившего техногенную цивилизацию, а также смены типа культуры².

Одной из важнейших черт культуры конца XX в. – начала XXI в. стало развитие массовой культуры, а другой – формирование посткультуры и постискусства как совершенно нового типа культуры. При этом посткультура выступает как «этап агрессивного разрушения культуры», как новый, переходный этап развития современной культуры, в которой происходит отказ от классических канонов красоты, изящества и гармонии³.

Таким образом, современное российское общество переживает глубокий кризис, охвативший все сферы его культурного развития.

Сложность и трагизм переживаемых Россией перемен делают актуальнейшей проблеме осмысления социокультурной ситуации и нахождения путей выхода из возникшего кризиса. Динамика современной культуры такова, что постоянно ощущается нестабильность, разбалансированность, дисгармония и хаос во многих областях культуры. Данный характер общественного развития так или иначе сказывается на уровне личностного мировосприятия, мироощущения.

Резкие изменения в социокультурной сфере Российского государства приводят к столкновению двух систем ценностей: старой, почти ушедшей в прошлое, и новой, еще создающейся. Данное явление культурологи называют «культурным шоком». Сущность его заключается в остром конфликте старых и новых ценностей, ориентаций и идеалов, норм поведения на уровне индивидуального сознания, когда человек теряет ориентиры своего бытия.

В таких условиях социокультурного кризиса, когда к старой системе ценностей вернуться уже нельзя, а новая еще не сложилась и происходит развитие современной культуры, формирование системы образования.

² См.: Голубева Л. Н. Указ. соч. С. 72.

³ См.: Куренкова Р. А. Мир культуры и культура мира // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций: Ежегодник. 2005. № 6. С. 68–69.

¹ См.: Зеленов Л. А. Методология индикации // Человечество в XXI веке: индикаторы развития: Материалы IV Междунар. ярмарки идей. Н. Новгород, 2001. С. 15–17.

Одним из эффективных средств выхода страны из кризиса является укрепление нравственных, ценностных основ жизни и деятельности людей, без этого вряд ли можно надеяться на успешное осуществление реформ.

Непременным условием преобразований в обществе являются:

- решение проблемы соотношения добра и зла в сторону добра (оказывая детей положительными высоконравственными идеями, поступками, давая знание моральных норм, традиций);

- воспитание детей в эстетической среде (образцы красоты, возвышенного настроят души детей на прекрасное, доброе, истинное);

- образование должно строиться не только на информационном знании, но и в большей степени на «книжном обучении», ориентироваться на чтение книг, обращение к литературной классике;

- постоянное обращение к высокому искусству (классической музыке, изобразительному искусству), которое является лучшим учителем (именно высокая культура, а не массовая, дает возможность сформировать ценностные идеалы и целостное, а не фрагментарное мышление).

Все эти факторы будут способствовать формированию гуманных отношений между людьми. Для их реализации необходима «человеческая революция», только в современном обществе продолжается процесс скорее всего контрреволюции, имеющей своей целью растрепать, низвержение человека. Так, в наши дни происходит отчуждение человека от его первоначальной родовой сущности, культурно-творческой сути.

И. А. Наумов,
*аспирант кафедры
государственно-правовых дисциплин
Владимирского государственного
педагогического университета*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБЛАСТНЫХ ЗАКОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Прежде чем обратиться к вопросам, стоящим перед экспертом-юристом при проведении правовой экспертизы областного закона (или законопроекта), целесообразно привести определение понятия правовой экспертизы законопроекта.

Н. Бердяев, анализируя состояние общества и культуры начала XX в., писал, что в поднявшемся «мировом вихре в ускоренном темпе движения» все смещается со своих мест. Но в этом вихре могут погибнуть и величайшие ценности, может «не устоять человек», он «может быть разорван в клочья»¹. Значит, для того чтобы не погибнуть, человек должен спасти самого себя средствами искусства, эстетического образования и самообразования, вернув себе целостное нерасчлененное сознание, набрав творческие созидательные силы, и главное – осмыслить путь своего восхождения, перейдя на новый, более высокий, этап духовного развития. Тогда мир культуры не станет бесчеловечным миром, а человек не утратит осознания себя как подлинной личности, и на первом плане по-прежнему будет высокая классическая культура с идеалами гуманизма, человечности.

Проблема формирования гуманистических ценностей должна стать основной задачей современной педагогики, философии, психологии и эстетики, главным условием развития духовного мира личности, осознающей свое место в обществе, цели и смысл своей жизни.

Библиографический список

1. Газман, О. С. Новые ценности образования: содержание гуманистического образования / О. С. Газман, Р. М. Вейсс, Н. Б. Крылова. – М., 1995.

2. Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций : ежегодник. – 2005. – № 6.

Согласно словарю русского языка под экспертизой понимается рассмотрение какого-нибудь вопроса экспертами для дачи заключения².

Можно выделить следующие признаки понятия экспертизы:

- это исследование, т. е. изучение определенного объекта или явления в соответствии с поставленными вопросами;

- исследование проводится экспертом – лицом, обладающим специальными познаниями в данной области знаний;

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 169–171.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1970. С. 890.

– результатом проведения экспертизы является заключение эксперта, представляющее собой письменное сообщение о ходе и результатах проведенного исследования и выводах по поставленным перед экспертом вопросам.

Понятие экспертизы широко распространено во многих отраслях науки, в том числе и в праве, в частности: гражданском процессуальном, уголовно-процессуальном, арбитражном процессуальном и др.

Правовая экспертиза проводится экспертом-юристом по вопросам права.

Согласно точке зрения Р. К. Надеева правовая экспертиза законопроекта – это специальное исследование, проводимое для оценки законопроекта на предмет его совместимости с Конституцией, федеральным законодательством и международными договорами Российской Федерации, а также установления качества законопроекта с точки зрения примененных правил законодательной техники¹.

Однако названный автор дал свое определение правовой экспертизы законопроектов федерального уровня, но существует правовая экспертиза законопроектов субъекта Российской Федерации. Под ней следует понимать специальное исследование, проводимое экспертом-юристом с целью установления соответствия законопроекта требованиям Конституции Российской Федерации, общепризнанным принципам международного права и ратифицированным Российской Федерацией договорам и соглашениям, федеральному законодательству, конституции (уставу) и законодательству субъекта Российской Федерации, а также правилам оформления законопроекта (закона), и установление качества законопроекта с точки зрения требований законодательной техники.

Соглашаясь с позицией Р. К. Надеева, считаем целесообразным, помимо понятия правовой экспертизы законопроекта, выделить правовую экспертизу закона. В связи с этим следует дать некоторые пояснения по данному вопросу.

Правовая экспертиза может проводиться как в отношении законопроекта, так и в отношении закона, т. е. уже принятого Законода-

тельным собранием в окончательном чтении документа, который направляется губернатору области для подписания и обнародования².

Однако до подписания и обнародования закона по поручению губернатора принятый закон направляется для проведения правовой экспертизы. Это важный этап законодательного процесса, поскольку законодательная инициатива по принятию указанного закона могла исходить не от губернатора области, а от других субъектов законодательной инициативы, в частности, депутатов Законодательного собрания или представительных органов местного самоуправления области.

В данном случае проведение правовой экспертизы закона по поручению губернатора области является необходимым, в противном случае губернатор не сможет принять решения о подписании закона без заключения о его состоятельности.

В случае, если закон вносился губернатором области, проведение экспертизы после его принятия также необходимо, поскольку депутаты вправе изменять предложенный законопроект, что нередко и делает Законодательное собрание.

Процедуры проведения правовой экспертизы законопроекта и принятого закона, безусловно, во многом совпадают, хотя есть и некоторые особенности.

Главное отличие указанных процедур заключается в том, что при экспертизе законопроекта эксперт-юрист может предложить разработчику законопроекта внести в него ряд изменений для устранения противоречий с законодательством или требованиями законодательной техники, а также выявленных технических недостатков – опечаток, орфографических, стилистических и счетных ошибок, обнаруженных в ходе проведения экспертизы, соблюдения требований о комплекте документов, представляемых с законопроектом.

² Поскольку автор профессионально занимается проведением правовой экспертизы законопроектов и законов Владимирской области, то в данной статье вместо обозначения главы (высшего должностного лица) субъекта Российской Федерации будет указан губернатор (глава администрации) Владимирской области, вместо законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации – Законодательное собрание Владимирской области.

¹ См.: Надеев Р. К. Правовая экспертиза законопроектов в Государственной Думе. М., 2005. С. 21–22.

Не следует забывать, что в соответствии с установленными правилами реализации права законодательной инициативы губернатора области¹ для внесения законопроекта в Законодательное собрание необходимо представить определенный набор (пакет) документов. Поэтому в ходе правовой экспертизы следует также рассматривать вопрос о соответствии представленного пакета документов требованиям указанных правил.

При проведении правовой экспертизы законопроекта (закона) области эксперт-юрист обязан дать ответы на следующие вопросы.

1. *Соответствует ли представленный законопроект (закон) области основным положениям Конституции Российской Федерации?*

Ссылка на Конституцию может показаться своего рода данью традиции. Однако это не так. Необходимо отметить, что представленный проект может нарушать различные положения Конституции Российской Федерации, но на практике, как правило, обнаруживаются нарушения в законопроектах положений ст. 71, 72 и 73 Конституции Российской Федерации. В первую очередь это касается положений законопроектов, содержащих отдельные нормы гражданского, гражданского процессуального и иных отраслей права. Автор проводил правовую экспертизу проекта закона Владимирской области «О пчеловодстве», в котором содержался ряд норм гражданского права: давались определения объекта собственности, общей собственности, устанавливался порядок приобретения права собственности. Хотя данные вопросы регулируются гражданским законодательством, отнесенным Конституцией Российской Федерации к ведению Российской Федерации. И такой случай не единичен. Довольно часто разработчики допускают ошибку, дословно переписывая нормы федерального законодательства по вопросам ведения Российской Федерации в текст областных законопроектов. При этом утверждается,

что противоречий требованиям Конституции Российской Федерации в данном случае нет, так как разработчики законов дублируют, а не изменяют положения федеральных законов. С точки зрения автора, данная позиция является спорной, поскольку сам факт внесения таких положений в текст областного закона говорит о том, что субъект Российской Федерации принял нормативный правовой акт (закон), регулирующий отношения, отнесенные Конституцией Российской Федерации к исключительным полномочиям Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в современной российской истории мы имели возможность наблюдать ситуации, когда законодательными актами субъектов Российской Федерации нарушались основы Конституции Российской Федерации: провозглашался суверенитет отдельных республик в составе Российской Федерации, они объявлялись самостоятельными субъектами международного права, формировались государственные органы, которые субъект Российской Федерации не вправе создавать (например, министерство иностранных дел) и т. д. Это было характерно для регионального (в первую очередь республиканского) законодательства 90-х гг. XX в. В ходе работы по приведению конституций (уставов) и законов субъектов Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации данные нарушения были устранены.

2. *Соответствует ли представленный законопроект (закон) области общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации?*

Включение данного пункта в перечень вопросов правовой экспертизы обусловлено положениями ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации о приоритете норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

Автор на практике не сталкивался с фактами противоречия положений законопроектов нормам международного права, но данный случай исключать нельзя.

3. *Соответствует ли представленный законопроект (закон) области требованиям федеральных законов от 6 октября 1999 г.*

¹ См.: О порядке работы по реализации права законодательной инициативы губернатора области и прохождения областных законов, принимаемых Законодательным собранием области: Постановление губернатора Владим. обл. от 17 июля 2003 г. № 359. Документ опубликован не был.

№ 184-ФЗ¹ и 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ² в части определения полномочий субъекта Российской Федерации, а также полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации?

Это весьма важный вопрос и, как правило, на него в первую очередь обращается внимание при проведении правовой экспертизы. Сначала встает вопрос о том, вправе ли субъект Российской Федерации (в нашем случае – Владимирская область) принимать закон по данной проблеме, обладает ли он такими полномочиями. Почему тогда речь идет о Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ? Это объясняется тем, что Конституцией Российской Федерации четко определены те вопросы, которые относятся к ведению Российской Федерации, совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также вопросы, регулируемые субъектами Российской Федерации самостоятельно. Но гл. 8 Конституции Российской Федерации содержит положения о местном самоуправлении в Российской Федерации, а федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ установил перечень вопросов местного значения, решаемых муниципальными образованиями самостоятельно. Государство, как в лице органов государственной власти Российской Федерации, так и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, не вправе вторгаться в компетенцию местного самоуправления. Поэтому субъект Российской Федерации не может принимать законы и иные нормативные правовые акты по вопросам, отнесенным Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ к вопросам местного значения. На практике с ответа на вопрос о том, возможно ли принятие закона области по данной проблеме, начинается правовая экспертиза. И только дав на этот вопрос утвердительный ответ, эксперт-юрист может перехо-

дить к рассмотрению отдельных положений законопроекта по существу.

Определив, что субъект Российской Федерации, т. е. Владимирская область, вправе регулировать данные общественные отношения, мы переходим к тому, каким нормативным актом должны регулироваться соответствующие отношения. В федеральном законе может быть указано, что соответствующий вопрос регулируется законом субъекта Российской Федерации. В таком случае необходимо принятие областного закона. Однако может содержаться и иная формулировка: «в порядке, определяемом законом субъекта Российской Федерации». Это вовсе не означает, что правовое регулирование осуществляется путем принятия областного закона. Ведь указание на то, что вопрос решается в порядке, предусмотренном законом субъекта Российской Федерации, свидетельствует о том, что должен действовать закон области, определяющий вид нормативного правового акта, который должен быть принят по соответствующему вопросу. Этим актом может быть как закон области, так и указ или постановление губернатора области.

Кроме того, возможен и третий вариант формулировки, согласно которому данный вопрос регулируется в порядке, определяемом органами государственной власти субъекта Российской Федерации. В этом случае, если вопрос не относится к числу тех, которые регулируются постановлениями Законодательного собрания области, он будет решаться путем принятия акта губернатора области – указа (если он действует в качестве главы Владимирской области), постановления (если он действует в качестве главы высшего исполнительного органа государственной власти области – администрации Владимирской области) или распоряжения. Указанный вопрос часто вызывает затруднения на практике, поскольку встречаются неточные формулировки федерального законодательства, допускающие различные толкования. Возможны различные пути решения указанной проблемы. По мнению автора, данный вопрос должен быть урегулирован через принятие нормативного правового акта, обладающего большей юридической силой. Таковым, как правило, является закон области, которым и будут упорядочены конкретные общественные отношения.

¹ См.: Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

² См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Рос. газ. 2003. 8 окт.

4. *Соответствует ли представленный законопроект (закон) области положениям федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации?*

В соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации закон области не должен противоречить федеральным законам, изданным по вопросам ведения Российской Федерации и вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также указам Президента и постановлениям Правительства Российской Федерации, изданным по направлениям, относящимся к их компетенции. В данном случае речь идет о федеральном законодательстве, регулирующем вопросы, которые относятся к предмету правового регулирования предлагаемого закона, т. е. о непосредственном регулировании конкретных общественных отношений, предмете регулирования законопроекта (закона) области. Эксперту-юристу на данном этапе проведения правовой экспертизы нужно ответить на следующие вопросы: во-первых, необходимо ли регулирование общественных отношений путем принятия областного закона или эти отношения в достаточно полном объеме урегулированы федеральным законодательством; во-вторых, каковы допустимые объемы правового регулирования законодательством области, т. е. какие общественные отношения могут быть урегулированы в областном законе; в-третьих, каким образом необходимо устранять пробелы в правовом регулировании – обязательно принятие закона области или имеющиеся пробелы возможно (с точки зрения законности) и целесообразно восполнить путем принятия областных подзаконных нормативных правовых актов (например, постановлений губернатора области).

Далее, на практике перед экспертом-юристом при регулировании отношений по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации встает следующий вопрос: необходимо ли дословно переносить нормы федеральных законов в законы области, регулирующие тот же круг общественных отношений, но на территории отдельного субъекта Российской Федерации. Примером может служить законодательство о государственной гражданской службе. Автор считает, что нужно принимать

в каждом конкретном случае отдельное решение. Безусловно, необходимо сконцентрировать внимание на особенностях регулирования общественных отношений в данном субъекте Российской Федерации в рамках, допустимых федеральным законодательством. Но полностью исключить дублирование федеральных норм, на наш взгляд, невозможно, иначе правовое регулирование на уровне субъекта Российской Федерации будет неполным. Однако не следует впадать и в другую крайность, полностью дублируя нормы федерального законодательства, так как это не всегда необходимо, а порой излишне, достаточно внести в текст областного закона соответствующую отсылочную норму.

5. *Соответствует ли представленный законопроект (закон) области правилам подготовки и оформления проектов законов области?*

В данном случае имеется в виду перечень (пакет¹) документов, необходимых для представления законопроекта в Законодательное собрание области. Отметим особенность, касающуюся правил оформления проектов законов. Существуют два документа, регламентирующих порядок оформления проектов областных законов: постановление Законодательного собрания Владимирской области от 25 февраля 2004 г. № 45² и постановление губернатора Владимирской области от 17 июля 2003 г. № 359³. Автор считает, что, поскольку законы принимаются Законодательным собранием области, то именно его постановлением от 25 февраля 2004 г. № 45 следует руководствоваться всем субъектам права законодательной инициативы на территории Владимирской области. При этом законопроекты, вносимые губернатором об-

¹ См.: О порядке работы по реализации права законодательной инициативы губернатора области и прохождения областных законов, принимаемых Законодательным собранием области. П. 1.3.

² См.: О правилах оформления проектов законов Владимирской области, подготавливаемых для внесения в Законодательное собрание области, и принятых законов: Постановление Законодательного собрания Владим. обл. от 25 февр. 2004 г. № 45. Документ опубликован не был.

³ См.: О порядке работы по реализации права законодательной инициативы Губернатора области и прохождения областных законов, принимаемых Законодательным собранием области.

ласти и подготавливаемые подразделениями администрации области, должны также оформляться с соблюдением требований, предусмотренных постановлением губернатора области от 17 июля 2003 г. № 359. Следует отметить, что данные постановления далеко не во всем регулируют схожие вопросы. Так, указанное постановление Законодательного собрания в основном содержит в себе конкретные нормы об оформлении отдельных положений закона (нормы законодательной техники). В то же время в постановлении губернатора области от 17 июля 2003 г. № 359 основное внимание сосредоточено на порядке прохождения законопроектов в подразделениях администрации области. Однако есть и ряд общих положений: о требованиях к содержанию пояснительной записки к проекту закона, положения о преамбуле к законопроекту, общие нормы об оформлении законопроектов.

В данном случае внимание следует обратить на следующие положения:

– во-первых, требования к пояснительной записке, в которой должно быть отражено обоснование предпосылок, требующих или создающих условия для принятия закона, механизмов его реализации, ожидаемых результатов, возможных последствий неприятия (п. 1.3 постановления губернатора Владимирской области от 17 июля 2003 г. № 359), а также указание перечня законов, изменения в которые необходимо внести в связи с принятием закона, предложения по изданию нормативных правовых актов и др.

Указанные требования обязательно должны быть соблюдены, так как прокурором Владимирской области в адрес губернатора области было внесено представление об устранении нарушений правил оформления проектов законов при подготовке пояснительных записок к законопроектам;

– во-вторых, структура законопроекта должна соответствовать ряду правил, установленных указанными постановлениями: название должно быть точным, четким и максимально информационно насыщенным, правильно отражать предмет правового регулирования, чтобы исполнители по названию могли ясно определить предмет

правового регулирования¹; возможно наличие преамбулы, содержащей цели и задачи законопроекта, но не содержащей самостоятельных нормативных предписаний²; структура законопроекта должна соответствовать требованиям – проект делится на разделы, главы, статьи. Статьи, в свою очередь, делятся на части, пункты, подпункты, абзацы. В крупных систематизированных законопроектах (например, кодексах) возможно введение подразделов в разделах и параграфов в главах³;

– в-третьих, необходимо соблюсти требования к пакету документов, представляемых вместе с законопроектом. Об этом уже упоминалось выше. В данном случае важным является следующий момент: документ, подтверждающий сам факт наличия инициативы соответствующего субъекта права законодательной инициативы. Подобным документом могут быть представление губернатора области, решение представительного органа местного самоуправления, прилагаемое к законопроекту.

Таким образом, правовая экспертиза областных законов – сложное исследование, требующее от эксперта-юриста анализа большого объема нормативных правовых актов для выработки оптимальных решений, позволяющих наиболее полно, точно и эффективно осуществить правовое регулирование определенного круга общественных отношений.

Библиографический список

1. *Надеев, Р. К.* Правовая экспертиза законопроектов в Государственной Думе / Р. К. Надеев. – М., 2005.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Рос. газ. – 2003. – 8 окт.

¹ См.: О правилах оформления проектов законов Владимирской области, подготавливаемых для внесения в Законодательное собрание области, и принятых законов. П. 7.

² См.: там же. П. 11.

³ См.: там же. Пп. 11 и 12.

Н. Н. Невский,
*начальник кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России,
кандидат юридических наук*
А. Н. Невский,
*оперуполномоченный отдела
уголовного розыска ОВД
по Октябрьскому району г. Владимира*

ВЛИЯНИЕ ВИКТИМОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ НА ВИКТИМИЗАЦИЮ

Криминогенная обстановка, сложившаяся в России в конце XX – начале XXI в., определяется двумя группами обстоятельств. С одной стороны, быстро нарастает действие явлений и процессов, которые образуют причины преступности и условия, способствующие ей. С другой – слабое социальное сопротивление преступности. Государство не может контролировать криминальную ситуацию в стране, что, в свою очередь, приводит к ослаблению правовой защищенности населения и увеличению страха перед опасностью стать жертвой преступления.

В России жертвами преступлений ежегодно становятся миллионы людей. Согласно данным официальной уголовной статистики, в 1997 г. были признаны потерпевшими 1 704 200 человек, в 2005 г. их число увеличилось более чем на миллион и составило уже 2 809 229, сегодня эта цифра достигла почти трехмиллионного рубежа¹. Однако статистика, характеризующая жертв преступлений, в официальной отчетности фактически отсутствует (в ней отражены лишь преступления, по которым установлены потерпевшие).

Виктимологическое² воздействие на преступность представляет собой векторный процесс влияния на предупреждение, защиту прав и оказание реабилитационной помощи жертвам преступления с целью обеспечения личной, имущественной и об-

щественной безопасности граждан, сокращения уровня виктимизации³ и преступности в обществе. По нашему мнению, это направление является одним из наиболее гуманных и перспективных. Оно не требует серьезных материальных затрат и, базируясь на присущем всем людям стремлении к самозащите, обладает своего рода внутренним источником развития.

Виктимогенность – это способность явлений и процессов оказывать вредоносное воздействие на лицо, увеличивая его виктимность⁴. Так, профессор Г. Н. Горшенков, рассматривая виктимогенность средств массовой коммуникации, отмечает, что виктимогенность есть способность органа массовой информации, источника (технического средства) и/или самого акта массовой информации оказывать вредоносное воздействие на лицо, причиняющее последнему нравственные, физические страдания либо повышающие или первично формирующие антропологическую и/или социальную виктимность⁵, а также способность участника организации массовой информации претерпевать вред, причиненный ему правонарушением или иным проступком, противоречащим общепринятым нормам социального общежития⁶.

Современное российское общество половину XX и начало XXI в. прожило в условиях, которые содержали в себе риск для людей стать жертвами негативных явлений. В настоящее время существует явная тенденция к увеличению количества таких «рискованных» ситуаций и все более опасного их содержания. Таким образом, виктимогенную обстановку, в которой оказалось население России, следует, по нашему мнению, проанализировать в указанных рамках и выявить

³ Виктимизация – процесс превращения лица в жертву преступного посягательства, а также результат этого процесса как в единичном, так и в массовом порядке.

⁴ См.: Кабанов П. А. Криминальная политическая виктимология как межотраслевое направление криминологических знаний: понятие и попытка определения предметного поля // [http://sartraccc.sgap.ru/Pub/kabanov\(12-12-05\).html](http://sartraccc.sgap.ru/Pub/kabanov(12-12-05).html).

⁵ Виктимность – повышенная способность человека в силу некоторых качеств (духовных, физических и профессиональных) становиться при определенных обстоятельствах объектом преступления.

⁶ См.: Горшенков Г. Н. Криминология массовых коммуникаций. Н. Новгород, 2003. С. 156.

¹ Данные пресс-службы МВД России от 23 мая 2007 г.

² Виктимология в буквальном смысле означает учение о жертве (от лат. *viktima* – жертва и греч. *logos* – учение). Эта наука возникла как реализация идеи изучения жертв преступлений и изначально развивалась в виде направления в криминологию. Однако со временем представления о ней претерпели изменения, определились различные позиции относительно предмета виктимологии и ее научного статуса.

главные тенденции виктимизации с целью профилактики и организации защиты граждан от негативных условий жизни.

Россия в процессе интенсивного реформирования общества переживает острейший социально-виктимный кризис. Экономическая ситуация складывается не в пользу широких слоев населения, большая часть которого находится за чертой бедности. Разрыв между богатыми и бедными неуклонно растет. Уровень их доходов отличается более чем в 15 раз, хотя, по данным Международной организации труда, если доходы богатых превышают в 5 раз доходы бедных, то государство уже стоит на грани социального взрыва. Сегодня Россия находится на втором месте в мире по числу миллиардеров, а по качеству жизни – на одном из последних.

Подобные изменения породили особые обстоятельства, которых не было ранее или которые не проявлялись так отчетливо. Они непривычны как для общества, так и для государства, при этом отрицательно воздействуют особенно на детей и молодежь.

Огромное влияние на виктимогенную обстановку в настоящее время оказывают возрождение и распространение характерных для средневековых периода расовых и межэтнических конфликтов, ведущих к массовой стихийной миграции, потокам беженцев, гибели гражданского населения, прежде всего детей, женщин и стариков, захвату заложников и т. д.

Основными виктимогенными факторами являются следующие:

- радикальные изменения в экономической и социальной политике, диктуемые новой для России рыночной экономикой;
- отказ общества и его социальных групп от одних нравственных ценностей и переход к другим, ранее не признаваемым, создание новых нравственных ориентиров;
- возникновение противоречий между новым и старым законодательством, разными новыми отраслевыми законами, между законами и юридической практикой;
- противоречия между законами и практикой, с одной стороны, и ролевыми ожиданиями (запросами) взрослого поколения и младших возрастных подгруппах, с другой.

Виктимогенные последствия в наших условиях можно связать со скоростью развития событий и неготовностью общества к таким переменам. Для виктимизации главными

следует признать поляризацию экономического и социального неравенства разных слоев населения и коммерческую идеологию как измерителя духовных ценностей.

При исследовании этих явлений обращают на себя внимание криминализация общества и возрастающая опасность стать прямыми жертвами. Причем эта опасность более серьезная, так как, во-первых, поражает большое число граждан всех возрастов, во-вторых, труднее поддается нейтрализации (ликвидации) и профилактике.

Таким образом, виктимогенность экономического (материального) неравенства в нашем обществе коренится в неготовности людей к контрастам материального положения. В связи с этим значительная часть граждан начинают считать себя жертвами.

Что касается представителей бедных слоев, то они подвергаются и прямой виктимизации бедностью (недостаток питания, одежды, благоприятных бытовых условий жизни, отсутствие возможности выбрать из всего спектра услуг то, что им интересно и важно, равно как и какие-то виды досуга и отдыха). Это – виктимизация, следующая из самого факта нахождения семьи на низком материальном уровне. Только в этом случае виктимизация еще и наносит ущерб личности, формируя у нее чувство уязвимости, усиливающее для нее риск стать жертвой.

Следовательно, экономическое неравенство разных слоев современного российского общества ведет к прямой (непосредственной) виктимизации (физический и моральный ущерб от бедности) и негативным нравственным изменениям личности вследствие «гипноза» чужого богатства и его недостижимости. Отметим, что и богатая семья виктимизируется под влиянием этого контраста, но в иных формах: у них формируется стереотип личности, которой якобы дозволено все, что также делает ее уязвимой, поскольку она легче идет на конфликт с законом, полагая, что «закон для нее не писан».

Относительно новые положения гражданского, трудового, семейного, административного и уголовного законодательства, безусловно, повысили уровень правовой защиты граждан, в том числе и от негативных явлений современной жизни. Вместе с тем они не всегда согласованы между собой. Например, приняты и все больше ужесточаются законы, ограничивающие свобо-

ду передвижения и выбора места жительства. И таких противоречий немало¹.

Весьма болезненно проходит столкновение закона и практики. Именно это и произошло с гражданами, работающими в частном секторе экономики. В печати не раз поднимался вопрос о том, что частный бизнес не руководствуется нормами российского трудового законодательства, создавая свои правила труда и поведения. Как правило, не выполняются требования, включенные в гл. 41 «Особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями», 42 «Особенности регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет», 48 «Особенности регулирования труда работников, работающих у работодателей – физических лиц» ТК РФ². Хозяева частных фирм либо их не знают, либо игнорируют. В результате работающие граждане становятся жертвами нарушений закона, работая сверхурочно, выполняя функции, которые не входят в их обязанности, получая отпуск не тогда, когда для них это удобно, и не такой продолжительности, как предусмотрено законом.

По нашему мнению, давно назрела необходимость введения профсоюзного контроля за трудом граждан на частных предприятиях и учреждениях.

Проведенный нами краткий анализ показывает, что влияние виктимогенных факторов непропорционально виктимизации

субъектов, а модальный образец влечет за собой многократные формы виктимности.

То есть виктимогенность, по нашему мнению, – это причины и условия, которые делают лицо уязвимым (предрасположенным) к превращению в пострадавшего и/или потерпевшего.

Таким образом, мы полагаем, что можно выделить уровни виктимогенного воздействия и наметить методологию нейтрализации виктимности:

- на индивидуальном уровне (микроуровне) должны подвергнуться анализу структуры социальной микросреды, образа жизни и моделей ролевого поведения, особенностей структуры сознания (впечатления, т. е. образ, отражение, след, оставляемые в сознании лица; события), систем ценностей и норм, которые в сочетании с довлеющими виктимогенными факторами обуславливают виктимизацию;

- на социально-групповом уровне виктимогенные факторы могут анализироваться с точки зрения нормативной и статусной структуры группы, выталкивающей человека в разряд жертв, а также с позиции тех социально-групповых связей, которыми потерпевший «обрастает» в новом для него статусе и которые удерживают его от обратного социального перемещения;

- на макроуровне должны учитываться многообразные институциональные факторы (правовые, культурные, экономические и т. п.), механизмы воспроизводства жертв, а также особенности межгрупповых отношений в сообществе.

Каждый из перечисленных уровней заслуживает внимания, но не является достаточным для общего освещения виктимогенной обстановки.

Библиографический список

1. Горшенков, Г. Н. Криминология массовых коммуникаций / Г. Н. Горшенков. – Н. Новгород, 2003.

2. Кабанов, П. А. Криминальная политическая виктимология как междотраслевое направление криминологических знаний: понятие и попытка определения предметного поля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sart-raccc.sgap.ru/Pub/kabanov> (12-12-05).html.

3. Невский, Н. Н. Виктимология и ее основополагающие аспекты : монография / Н. Н. Невский, А. А. Кулакова ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2007.

¹ См., напр.: По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713; Постановление Конституц. Суда РФ от 2 февр. 1998 г. № 4-П // Рос. газ. 1998. 10 февр.; Отказ в регистрации граждан по месту жительства на жилой площади, полученной в порядке наследования, по мотиву реконструкции или сноса дома неправомерен: Определение Верхов. Суда РФ от 25 нояб. 1997 г. // Бюл. Верхов. Суда РФ. 1998. № 4; По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы: Постановление Конституц. Суда РФ от 4 апр. 1996 г. № 9-П // Вестн. Конституц. Суда РФ. 1996. № 2.

² См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. Федер. закона от 1 дек. 2007 г. № 309-ФЗ) // Рос. газ. 2007. 5 дек.

Н. А. Овчинникова,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА В РОССИИ**

Радикальные преобразования в социально-экономической жизни и государственно-политической организации России обусловили существенные изменения в сфере физической культуры и спорта. Трансформирование организационно-правовой структуры профессионального спорта выразилось в создании профессиональных спортивных объединений, юридически самостоятельных федераций, лиг по видам спорта. Изменился также статус профессиональных клубов. Перемены в обществе послужили объективными предпосылками для превращения профессионального спорта в сферу бизнеса, затронули все стороны деятельности профессиональных клубов: правовое положение, организационную структуру, трудовые отношения со спортсменами; изменили место профессионального спорта в системе общественных ценностей.

В настоящее время профессиональный спорт в России активно развивается на основе складывающихся рыночных отношений. Перемены коснулись системы управленческих и правовых отношений субъектов коммерческого спорта, оплаты труда спортсменов, повлияли на их ценностные ориентации¹.

Роль профессионального спорта в жизни общества в целом неоспорима. Это и налоговые сборы, которые приносят государству организация и проведение массовых и зрелищных спортивных мероприятий, и пропаганда спорта высших достижений среди молодежи как один из действенных путей воспитания здоровых членов общества, отвращения их от употребления алкоголя и наркотиков, а также пропаганда массового спорта как единственно дос-

тупного средства укрепления здоровья широких масс населения.

Официальное признание Федеральным законом «О физической культуре и спорте» от 29 апреля 1999 г. № 80-ФЗ (далее: Закон о спорте) статуса профессионального спорта с полным правом может считаться основанием для формирования новой отрасли – индустрии спорта. Спорт высших достижений существует в России с момента основания спортивного движения. Появление термина «профессиональный спорт» предполагает возможность рассматривать спортивную деятельность как любую другую производственную сферу деятельности.

Вместе с тем в настоящее время существенной проблемой в сфере правового регулирования спорта остается неразделенность двух специфических социальных институтов: профессионального спорта как специфического вида коммерческой деятельности и любительского спорта как формы физической культуры с использованием соревновательного компонента в целях повышения эмоциональности занятий рекреационной и реабилитационной направленности.

В соответствии со ст. 2 Закона о спорте спорт является составной частью физической культуры, исторически сложившейся в форме соревновательной деятельности и специальной практики подготовки человека к соревнованиям. Профессиональный спорт определяется как предпринимательская деятельность, цель которой заключается в удовлетворении интересов профессиональных спортивных организаций, спортсменов, избравших спорт своей профессией, и зрителей.

Спортсменом признается физическое лицо, систематически занимающееся избранным видом спорта, выступающее на спортивных соревнованиях и имеющее спортивный паспорт, а спортсменом-профессионалом – спортсмен, для которого занятия спортом являются основным видом деятельности и который получает в соответствии с контрактом заработную плату и иное денежное вознаграждение за подготовку к спортивным соревнованиям и участие в них.

¹ См.: Починкин А. В. Становление и развитие профессионального коммерческого спорта России: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. С. 3.

Согласно ст. 24 Закона о спорте организационная структура профессионального спорта определяется спецификой каждого вида спорта. Она может состоять из профессиональных спортивных лиг, ассоциаций, союзов, входящих в официально признанную федерацию по какому-либо виду спорта, профессиональных спортивных клубов, а также спортивных команд и спортсменов-профессионалов, заключающих контракты в установленном порядке с указанными профессиональными физкультурно-спортивными объединениями.

Для представительства и защиты своих прав и законных интересов спортсмены-профессионалы, тренеры могут в соответствии с Федеральным законом «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ объединяться в профессиональные союзы. Деятельность спортсменов-профессионалов регулируется трудовым законодательством Российской Федерации, а также нормами, разработанными на основе уставов международных и российских физкультурно-спортивных организаций и утвержденными профессиональными физкультурно-спортивными объединениями по согласованию с общероссийскими федерациями по соответствующим видам спорта.

С признанием статуса профессионального спорта становится актуальным признание комплекса неблагоприятных факторов профессиональной спортивной деятельности, с которыми соприкасается спортсмен в процессе своего труда для того, чтобы предусмотреть все возможные виды профилактики, социальной защиты и социальной помощи при нарушении его состояния здоровья и потере профессиональной трудоспособности, как это принято в любой другой отрасли, характеризующейся какими-либо вредными условиями труда.

В связи с этим актуальной является проблема детского профессионального спорта. Привлечение в спорт высших достижений лиц все более молодого возраста обуславливает необходимость обязательного и постоянного строжайшего контроля за их состоянием здоровья и адекватно-

стью выполняемой ими физической нагрузки. Детский спорт абсолютно не защищен в правовом плане. Нормативных актов о начале занятий спортом, величине нагрузки, количестве соревнований, а также травматизме, заболеваемости и медицинском страховании не существует. Таким образом, правовое обеспечение привлечения детей к профессиональной соревновательной деятельности является важной проблемой, требующей обстоятельного исследования и четкой правовой регламентации.

Одним из наиболее сложных вопросов в сфере правового регулирования профессионального спорта является проблема договорного регулирования. В свою очередь, данный вопрос – частный случай более широкой проблемы – конкуренции трудовых¹ и гражданско-правовых² норм в сфере регулирования профессионального спорта.

Как отмечалось выше, Закон о спорте характеризует профессиональную спортивную деятельность как предпринимательскую, из чего следует, что спортсмен-профессионал является предпринимателем. Согласно ст. 25 данного Закона контракт о спортивной деятельности, представляющий собой заключаемое в письменной форме соглашение между спортсменом-профессионалом (тренером, специалистом) и руководителем физкультурно-спортивной организации (профессионального спортивного клуба и команды), основывается на нормах трудового законодательства Российской Федерации.

В связи с этим очевидно, что принятое законодателем решение по проблемам применения контрактной нормы найма вряд ли можно назвать удачным. Действующая система трудовых отношений не отвечает требованиям сегодняшней действительности. Сложившаяся практика заключения договоров свидетельствует о том, что понятие спортивного договора

¹ См.: Васильев С. В. Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

² См.: Васильев В. П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

далеко не тождественно понятию трудового договора.

Фактически отношения между спортсменом и спортивной организацией обладают признаками, необходимыми для отнесения их к предмету гражданского права, и регулируются гражданско-правовым спортивным договором – договором возмездного оказания услуг в области спорта¹. Физкультурно-спортивные организации активно применяют его на практике, постоянно совершенствуя его форму и содержание, однако в настоящее время отсутствует его четкая и полная нормативно-законодательная регламентация. В связи с этим при заключении и исполнении таких договоров постоянно возникают проблемы и спорные моменты, вызывающие различные толкования.

Необходимо отметить, что существующие сложные вопросы в сфере правового регулирования профессионального спорта не исчерпываются проблемой спортивных договоров. Огромное количество сложностей правового характера возникает в связи с переходом спортсмена-профессионала из одной спортивной организации в другую; разрешением споров между субъектами профессионального спорта; совершенствованием антидопинговых правил; регламентацией организации и проведения связанных со спортом алеаторных мероприятий; обеспечением неподкупности участников соревнований и беспристрастности судей и т. д.

По нашему мнению, несколько преждевременными представляются выводы некоторых авторов о том, что спортивное право является самостоятельной комплексной отраслью российского права². Не сформировано соответствующее законодательство, практически отсутствует теоретическая проработка проблем правового регулирования спорта. Кроме того, каждой

отрасли права присущи свои собственные предмет и метод³.

Вместе с тем спорт как профессия имеет ряд существенных особенностей, которые необходимо урегулировать с помощью отдельного закона о профессиональном спорте. В данном законе следует учесть особенности спорта как профессии, детально регламентировать отношения между спортсменами и физкультурно-спортивными организациями, установить порядок рассмотрения споров в области профессионального спорта, решить вопрос о возрасте, с которого будет возможна специализация в спорте с учетом медицинских и правовых аспектов, закрепить правила учета индивидуальных данных каждого конкретного спортсмена с учетом пола, возраста и медицинских показаний при определении тренировочных нагрузок. Кроме того, необходимо предусмотреть действенную систему, позволяющую контролировать соблюдение норм права, в том числе правил безопасности, всеми физкультурно-спортивными организациями.

В заключение необходимо оговориться, что настоящая работа носит в большей степени постановочный характер, и проблемы, в ней обозначенные, требуют специального исследования.

Библиографический список

1. *Алексеев, С. В.* Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта : учеб. для вузов / С. В. Алексеев ; под ред. П. В. Крашенинникова. – М., 2005.

2. *Васильев, С. В.* Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

3. *Васькевич, В. П.* Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006.

4. *Починкин, А. В.* Становление и развитие профессионального коммерческого спорта в России : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2007.

³ Подробнее об этом см.: *Сильченко Н. В.* Проблемы предмета правового регулирования // Государство и право. 2004. № 12. С. 61–64.

¹ См.: *Шевченко О. А.* Гражданско-правовые аспекты договорных обязательств в области спорта // <http://lib.sportedu.ru>.

² См.: *Алексеев С. В.* Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта: Учеб. для вузов / Под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2005. С. 133.

Д. В. Пожарский,
заместитель начальника кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
Э. Р. Мирзоян,
курсант ВЮИ ФСИН России

ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИИ ГЕОРГА ЕЛЛИНЕКА

Георг Еллинек¹ по праву может считаться одним из столпов юридической науки, чьи труды и на современном этапе могут служить серьезным поводом для размышления о понятии, сущности, формах государства и других, тесно связанных с ним явлений. Своего рода венцом научных изысканий Г. Еллинека является фундаментальный труд «Общее учение о государстве», изданный в Германии в 1900 г. и уже в 1903 г. опубликованный на русском языке в России (редакторы перевода В. М. Гессен и Л. В. Шаланд). «Настоящий труд, – пишет Г. Еллинек, – обязан своим происхождением понятному стремлению исследователя привести в систему результаты посвященной науке жизни»².

Среди проблем, которые привлекли наибольшее внимание Г. Еллинека, нужно выделить такие, как: место и роль науки о государстве в системе наук, понятие, сущность и формы государства, его исторические типы, соотношение государства и права, механизм государства и др. Научная методология и подходы Г. Еллинека находятся на стыке социологической школы права и государства и юридического позитивизма.

Особое место в исследованиях ученого занимает проблема целей государства, которая сегодня является актуальной. Дело в том, что до сих пор в современном Рос-

сийском государстве и обществе отсутствует даже относительное единодушие во взглядах на цели государства, не говоря уже о средствах и способах их реализации. Существует множество программ и проектов, вплоть до национальных, однако в них практически не сформулированы цели государства и не раскрыта их иерархия. Даже в Конституции РФ термин «цель» применительно к государству и его механизму отсутствует.

В учении Г. Еллинека существенное место занимает поиск методологического кода для правильного решения вопроса о целях государства. В этой связи ученый разделяет три научных плоскости, в которых возможна постановка вопроса о целях государства: 1) цель государства-абстракции во всеобщем процессе исторической эволюции в отношении к конечному назначению человечества; 2) цель индивидуально-определенного государства на фоне и в связи с исторической логикой мира; 3) цель персонифицированного государства в определенной историческую эпоху.

Данная точка зрения разделялась в отечественной юридической науке дореволюционного периода. В частности, Г. Ф. Шершеневич считал необходимым говорить о двух имеющих различное познавательное значение проблемах: цель возникновения и существования государства и цель существующего государства³.

Из трех вопросов о целях государства первые два, по мнению Г. Еллинека, неразрешимы при помощи средств эмпирического исследования, в силу чего ученый относит соответствующие цели государства к объективным, а цели персонифицированного государства, функционирующего в исторически определенный период, – к субъективным. Говоря о субъективных целях государства, ученый считает, что «этот вопрос должен быть поставлен и разрешен, и отрицать необходимость его возможно только вследствие смешения объективной цели с субъективной»⁴.

¹ Георг Еллинек (1851 (Лейпциг) – 1911 (Гейдельберг) относится к представителям немецкой социологии права и государства. К числу трудов Г. Еллинека относятся работы по философии, истории политических учений, истории права, международному праву. Однако наибольших успехов он снискал на ниве государственоведения (государственного права).

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 37.

³ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: Учеб. пособие: В 2 т. М., 1995. Т. 1. Вып. 1. С. 205.

⁴ Еллинек Г. Указ. соч. С. 239.

Г. Еллинек уверен в том, что государство есть некое целевое единство, а потому теория государства должна исследовать те цели, благодаря наличию которых объединенное в конкретном государстве общество представляется единым. Разделяя взгляды античных философов, Г. Еллинек считает, что государственная жизнь есть сумма человеческих действий, каждое из которых определяется мотивом, а значит целью¹. Мыслитель весьма иронично относится к попыткам нивелировать значение научного поиска и объяснения целей государства. «Доказывать бесцельность государства, – пишет ученый, – значило бы низвести его на степень слепой силы природы, лишить его всякого единства и непрерывности, что возможно только при неясном или непродуманном отношении к вопросу. Каждый закон, каждое распоряжение, назначение, всякий международный договор должен иметь какую-либо – и при том, по мнению его авторов, разумную цель, в противном случае, государство представляло бы только огромный дом для умалишенных»².

Своего рода кульминацией теоретических изысканий Г. Еллинека представляет его критика в отношении тех, кто считает, что цели присутствуют только у конкретных государств, и они не могут быть подведены под единый, общий знаменатель. Возражая этой точке зрения, ученый приходит к обоснованному выводу о том, что даже самые разнообразные цели с логической необходимостью объединяются в высшие, конечные цели. Более того, автор дает название этим целям. По его мнению, высшая цель государства есть сохранение индивидуального существования и индивидуального благосостояния. Таким образом, ученый предлагает определенную иерархию целей государства.

Вместе с тем постановка вопроса о конечной цели не может не вызывать определенной дискуссии. Если представить себе, что государство смогло добиться индивидуального существования и индивиду-

ального благосостояния, то у него исчезают цели, по крайней мере, конечные. Но, по мнению самого же Г. Еллинека, государство вне целей невысказано. В данном случае приходится признать, что у государства не может быть конечных целей, достижение которых будет означать исчезновение самого государства либо считать обозначенную Г. Еллинеком высшую цель недостижимым идеалом.

Давая оценку суждениям великого теоретика, прежде всего, отметим, что сама постановка вопроса о необходимости обоснования целей государства представляет не только теоретический, но и существенный практический интерес. Что касается последнего, то сам Г. Еллинек дает блестящую характеристику: «Всякое изменение в области законодательства и организации государства должно быть обосновано его целесообразностью, каждая мотивировка проекта должна прямо или безмолвно опираться на цели государства. Поэтому противоположность великих политических партий (хочется добавить – идеологий. – Д. П., Э. М.) и проявляется в противоположности воззрений на цели государства. Термины «либеральный» и «консервативный», «реакционный» и «социалистический» означают принципиальные разногласия относительно задач государства. Иметь политические принципы значит не что иное, как иметь определенные воззрения на отношения конкретных государственных дел к посредствующим и конечным целям государства. Только с точки зрения целей государства можно судить о достоинствах или негодности политики государства – что не всегда должно быть сознаваемо высказывающим суждение. Все политические суждения суть телеологические оценки»³.

Библиографический список

1. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 2004.
2. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права : учеб. пособие : в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1995. – 2 т.

¹ См.: Еллинек Г. Указ. соч. С. 240.

² Там же.

³ Там же. С. 242–243.

А. Л. Посашкова,
*адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ ИСЛАМА И ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООБРАЗОВАНИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИИ В РОССИИ

В современном мире практически во всех сферах жизни общества присутствует исламский фактор. Очевидна возрастающая социальная значимость мусульманской религии. Специфика этнополитической ситуации такова, что важнейшие этические нормы, нравственные категории, духовные концепции ислама обретают цель и смысл в гражданских движениях, общественных столкновениях, поэтому следует уделять внимание вопросам взаимодействия норм ислама и правовых норм.

Религиозная и правовая формы общественной жизни тесно взаимосвязаны, однако сложной задачей является выявление религиозного компонента в праве. Ее решение возможно посредством вскрытия сущностных свойств религиозности как одной из форм общественной жизни и исследования всех возможных проявлений указанных свойств в наиболее значимых характеристиках российской правовой культуры.

Так, рассмотрение российского права только в нормативистском ключе не дает правильного понимания компонентов религиозности, лежащих в его основе. В данном случае необходимо применение широкого подхода, который ставит в основу права не только норму права, но и правосознание и правовые отношения.

В настоящее время возрождение ислама прежде всего связано с тем, что эта религия является второй по числу последователей и действующих религиозных организаций. Если в 1988 г. на всей территории СССР действовало 402 мечети, то в 1991 г. – 1602. На 1 января 2003 г. в России зарегистрировано 3467 мусульманских религиозных организаций. Однако количество мусульманских религиозных объединений значительно превышает число официально зарегистрированных организаций¹. В 2001 г. были

опубликованы разработанные Советом муфтиев России Основы положения социальной программы российских мусульман. В данном документе разъяснялись принципы взаимоотношений мусульман с обществом и светским государством, а также излагалась их позиция по ряду наиболее значимых социальных проблем.

Принадлежность к исламу в мусульманских регионах Российской Федерации (Северный Кавказ, Поволжье и Приуралье, а также крупные города России) носит массовый характер. В состав Российской Федерации входят несколько традиционно мусульманских республик: Адыгея, Башкортостан, Татарстан, Дагестан, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская республики. В России имеется база и условия применения мусульманского права и некоторых положений шариата, однако остается актуальным вопрос о действенном функционировании в России на современном этапе существующих норм в исламе.

Наиболее значимыми вопросами для России, на которых, по нашему мнению, целесообразно акцентировать внимание, являются следующие:

- перспективы адаптации отдельных норм и институтов ислама в правовую систему России;

- специфика функционирования норм шариата и мусульманского права на территории Российской Федерации на примере отдельных субъектов страны на современном этапе.

Цели и ориентиры шариата находятся между религией, нравственностью и правом. Они свидетельствуют о том, что шариат – не только религиозное явление, но и достаточно гибкая система, обращенная к земным проблемам и реальной жизни². В связи с этим религиозно-этические начала взаимодействуют с собственно правовыми принципами, анализ которых особенно важен для точного определения природы взаимодействия религиозных и правовых норм.

Разделяя понятия «шариат» и «мусульманское право», следует отметить, что шариат служит мировоззренческой основой для мусульманского права, а в контексте

¹ См.: Вероисповедная политика Российского государства: Учеб. пособие / Отв. ред. М. О. Шахов. М., 2003. С. 69.

² См: Бизюков С. Н. Вопросы ответственности в мусульманской правовой теории // Правоведение. 1989. № 6. С. 67–72.

исследуемой тематики такой подход представляется наиболее адекватным и приемлемым, с учетом предложений об адаптации некоторых институтов мусульманского права в правовой системе России, которые после лагализации перестают иметь исключительно религиозный характер, а тем самым приобретают способность воздействия на более широкий круг субъектов, т. е. становятся универсальными. Таким образом, вывод о религиозном характере исламской философии права и правосознания в целом, определяющим легитимность мусульманского права, нельзя безоговорочно переносить на него самого¹.

Особенность природы мусульманского права заключается в том, что оно одновременно является естественным и позитивным правом. Адаптированное в правовой системе светского многоконфессионального государства мусульманское право не является синонимом шариата, потому что последний – одна из составляющих мусульманского права и ориентирован на религиозные догмы, которыми подтверждается обязательность положений шариата, тогда как решения, сформулированные мусульманско-правовой доктриной на основе шариата перестают иметь трансцендентную природу, а именно поэтому могут быть интегрированы в другие правовые системы и страны, в которых ислам не является государственной религией или основной по большинству адептов, проживающих на территории государства.

Анализируя взаимодействие норм ислама и правовых норм в советской России, В. Бобровников отмечает, что в первые годы советской власти шариатские суды на Северном Кавказе существовали повсеместно. В то время сам И. В. Сталин решительно заявлял: «До нашего сведения также дошло, что враги советской власти распространяют слухи, что советская власть запрещает шариат. Я здесь (13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана) от имени правительства Российской Федеративной Социалистической Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу

полное право управляться на основании своих законов и обычаев»².

Формирование правового поля на Северном Кавказе в советский период характеризовалось формальным компромиссом между существующей светской администрацией и религиозно-адатной системой судопроизводства. Светская власть опиралась на идею постепенной замены традиционно действующих норм религии на новые, базирующиеся на советском законодательстве. Одновременно с этим шел процесс создания правовой идеологии, поддерживавшей развитие шариатского судопроизводства взамен основанного на адате.

Одни лидеры поддерживали сохранение шариата, предполагая значительно расширить сферу его применения; другие отстаивали точку зрения о необходимости полной ликвидации адатно-шариатного судопроизводства и формирования новых судебных институтов, основанных на советском судопроизводстве.

В первой половине 1920-х гг. отношение советской власти к шариатскому правосудию было весьма позитивным, но совместная деятельность советов и шариатистов закончилась довольно быстро (к концу 1920-х гг.). Однако «после распада СССР на волне движения за мусульманское возрождение на Северном Кавказе началось стихийное возрождение шариатского правосудия. К настоящему времени несколько десятков шариатских судов было создано в мусульманских общинах северного Дагестана и Чечни. В основном, их деятельность ограничена сферой гражданского права, преимущественно семейных отношений»³.

Период легального существования адата и шариата закончился в 1925 г., когда были запрещены все формы традиционного судопроизводства.

К концу 1930-х гг. суды шариата были закрыты, перестала существовать сеть религиозных школ, а количество мечетей значительно сократилось. По мнению Д. Малыше-

² Обычай как юридическая фикция: «традиционный ислам» в религиозном законодательстве постсоветского Дагестана // Норма, обычай, право: законодательство и практика: Материалы «круглого стола» // http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/bobrovnikov.html.

³ Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // <http://www.strana-oz.ru/?numid=14&article=689>.

¹ См.: Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986. С. 34.

вой, «изучение ислама оказалось неразрывно связано с его постоянной, идеологизированной критикой. Доминирующим подходом стал подход классово-атеистический»¹.

В конце 30-х гг. XX в. было полностью запрещено адатно-шариатное судопроизводство и внедрены основные советские судебные органы. «Согласно новым лозунгам появилась «борьба с пережитками родового быта», в которые включались нормы адата, в том числе институт мести, и нормы шариата. В Кабарде было полностью запрещено использование норм адата и шариата с последующей уголовной ответственностью за их легальное и нелегальное применение. Адыгов заставляли рассматривать свои конфликты в созданных советской администрацией новых судебных органах. Неприятие ими советского судопроизводства в первую очередь было связано с неприятием понятий «преступление» и «наказание», лежащих в основе советского уголовного законодательства, а также с советской системой наказания, применявшей тюремное заключение. Правосознание адыгов продолжало придерживаться традиционной модели понимания преступления как причиненного имущественного или физического ущерба и необходимости его морального и материального возмещения»².

Следует отметить, что в 1960–1980-е гг. характеризовались упрочением параллельной системы регулирования конфликтов и возникновением тенденции рассмотрения многих из них только с помощью медиаторов при неофициальной поддержке местных судебных институтов. И. Бабич отмечает, что «результатом этого этапа стала значительная трансформация советского судопроизводства, в основу которой было положено возрождение и укрепление некоторых норм адата и шариата и формирование полулегального адатно-шариатного судопроизводства»³.

В сложном поликонфессиональном и полиэтническом обществе, где значительна доля тех, кто относит себя к мусульманам, едва ли можно уйти от исламского фактора.

¹ Малышева Д. Российские востоковеды об исламе и о «мусульманском мире» СНГ // <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/mal-pr.html>.

² Бабич И. Л. Формирование правового плюрализма в советское и постсоветское время на Северо-Западном Кавказе // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 116.

³ Там же.

В связи с этим особую важность приобретает правильное отношение к нему. На наш взгляд, в современной России это необходимо и возможно в виде преемственности юридической практики России, прерванной в советский период, на основе принципов толерантности, плюрализма, культурной автономии, но в рамках российской правовой системы в целом.

Так, Л. Сюкияйнен отмечает, что современный этап возрождения ислама, связанный с проблемой мусульманского права, ставит перед самими российскими мусульманами и властями вопрос о совмещении светской, предусмотренной Конституцией, и религиозной норм. В связи с этим ученый замечает, что для России единственно приемлемым будет признание не шариата вообще, а лишь тех положений мусульманского права, которые будут совместимы с общероссийской правовой системой. К ним относятся, например, вопросы, регулирующие в мусульманском праве личный статус и касающиеся брака, семьи, наследования имущества и др. Он признает заслуживающим внимания опыт ряда государств, где имеются влиятельные мусульманские общины (Индии, Израиля, ЮАР), и где специальное законодательство регулирует личный статус по конфессиональному признаку⁴.

В настоящее время в отношении мусульманского права в целом в российской правовой системе с некоторыми инновациями реализуется диспозитивный метод: мусульмане при решении определенных социальных вопросов могут опираться на религиозные нормы в том случае, если возникающее отношение не урегулировано нормами светского права, или религиозно-этические нормы не противоречат существующему федеральному и региональному законодательству, не грозят нарушением внутреннего единства современной правовой системы. Использование мусульманского права в принципе не исключается законодательством России.

В современной России неоднократно поднимался вопрос о легализации предписаний шариата, однако особое место среди таких попыток занимает практика фактиче-

⁴ См.: Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура / Отв. ред. Б. Н. Топорин. М., 1997. С. 35.

ского действия своеобразного комплекса норм, который включает местные обычаи и отдельные предписания шариата, опирающиеся на традиционные институты разрешения споров вне отдельных органов правосудия. В регионах, где ислам является традиционной религией и сохраняется авторитет местных обычаев, переплетающихся с шариатом, возникают параллельные квазиправовые и квазисудебные системы¹.

Актуальным является вопрос о том, способны ли нормы ислама быть адекватной формой социального регулирования в современной России, поскольку эта религия исходит из разделения на «мир Ислама» и противоположный ему мир, находящийся вне ее. При таком разделении мира на две части, какое может соответствовать действительности лишь в самом отвлеченном обобщении, весь мир за границами ислама рассматривается как источник угрозы. В связи с этим особый интерес вызывает опыт взаимодействия религиозных и правовых норм в правообразовании и правоприменении в некоторых субъектах РФ.

Необходимо отметить, что, имея свои законодательные и исполнительные органы, данные республики могут использовать и применять некоторые нормы шариата в пределах своих республик. «Ведь в мусульманской юриспруденции, шариате, есть целый ряд положений, которые можно использовать в борьбе против коррупции, воровства, алкоголизма, наркомании, других правонарушений, эффективной защиты национальных традиций и обычаев мусульман. Однако столичные законодательные органы препятствуют принятию или использованию некоторых положений шариата в республиках традиционного проживания мусульман (Татарии, Башкирии и республиках Северного Кавказа)»².

В Республике Ингушетия со времени президентского правления Р. Аушева были сформированы так называемые «шариатские суды», в которых применялись отдельные нормы шариата. В данный период была предпринята попытка в законодательном порядке устанавливать нормы шариата, а также разработать ряд республиканских законов с учетом мусульманского права. Так, при соз-

дании проекта Закона «О мировых судьях» ингушские законодатели попытались ввести ряд норм дореволюционного сельского суда (суда кади). В проекте Закона были следующие положения: «мировой судья должен руководствоваться нормами адата и шариата», «мировой судья, вступая в должность, приносит присягу на Коране или на Библии». Однако после принятия Федерального закона «О мировых судьях» данный ингушский проект оказался ненужным, поскольку во многом ему противоречил³.

Анализ архивных материалов показал, что история применения мусульманского права в Чечне и Ингушетии свидетельствует о том, что «около 80 % судебных дел до революции рассматривались в местных шариатских судах. Чеченцы и ингуши охотно приняли шариат, поскольку адаты вайнахов были очень близки к мусульманскому праву»⁴.

Таким образом, целый комплекс причин работал на быструю реставрацию социально-правовой традиции ингушей. Однако этого не произошло в той степени, в которой можно было ожидать. Население республики готово принять частичную легализацию норм шариата, так как в Ингушетии, как и в других республиках Северного Кавказа, все еще действует принцип кровной мести, которая закреплена законодательством Российской Федерации, но борьба с подобным пережитком со стороны властей остается неэффективной, а восприятие религиозных норм и этических традиций как эффективного регулятора отношений на Северном Кавказе настолько сильно, что приоритет отдается последним.

Население Ингушетии ориентировано на сохранение республики в государственном составе России и пребывании в федеральном правовом пространстве, что естественно тормозит процесс слияния религиозных и правовых норм.

В настоящее время в Дагестане сложились тенденции взаимодействия социальных норм: рост влияния шариата на различные стороны жизни дагестанцев и одновременно существенное сужение его правового поля. При этом наблюдается следующее сочетание данных

¹ См.: Бабич И. Л. Правовая культура адыгов: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000.

² Керимов Г. М. Шариат: запретное и дозволенное // Диспут. 1992. № 2. С. 206.

³ См.: Албаков Д. Х. О применении шариата в Республике Ингушетия // Ислам и право в России. Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье): Материалы науч.-практ. семинара. Февр. 2004. М., 2004. Вып. 2.

⁴ Там же.

элементов в каждом отдельном случае: от вариантов с очевидной доминантой традиции (жители высокогорья) до модернизированной социально-правовой культуры столичной интеллигенции. В 1990-х гг. на территории отдельных административных районов республики получил распространение ваххабизм. Быстрый рост его влияния свидетельствовал о существенной трансформации правосознания части населения Дагестана¹.

Социально-правовая жизнь современного Дагестана регулируется сложным симбиозом, сочетающим элементы шариата, адата и российского законодательства.

Интересен также опыт Кабардино-Балкарской Республики, относящейся к числу модернизированных по меркам региона республик. В условиях кризиса государственной власти для решения правовых споров граждане предпочитали обращаться за судом к наиболее авторитетным членам мусульманской общины на территории проживания, чье решение действительно будет принято к исполнению.

Научный интерес представляет совет (шура), который выносит решение по всем вопросам. Он включает два уровня: верхний – имам (или другой человек) из района, по одному человеку от района (всего 8–9 человек); нижний – руководители общин всех сел. Шура обоих уровней может рассматривать различные дела, связанные с применением мусульманского права. «Решения, принимаемые шурой, фиксируются, но это документы внутреннего пользования. Шура функционирует с 2000 г. За это время было рассмотрено несколько сот дел. Наиболее распространенными делами являются имущественные споры, в частности, дела по заключению договоров. Обычно исполнение решений шуры – дело добровольное, но был один случай, когда мусульманин отказался подчиниться решению шуры: его подвергли моральному осуждению»².

¹ См.: Ханбабаев К. М. Возрождение мусульманского права в Дагестане: теория и практика // Ислам и право в России: Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье): Материалы науч.-практ. семинара. Февр. 2004. М., 2004. Вып. 2.

² Астемиров А. Э. Современная практика применения мусульманского права в Кабардино-Балкарской Республике // Ислам и право в России. Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье): Материалы науч.-практ. семинара. Февр. 2004. М., 2004. Вып. 2.

В настоящее время в Кабардино-Балкарской Республике распространено мусульманское оформление брака – неках. Особенно мусульманский брак важен в том случае, когда невеста несовершеннолетняя. Совершение некаха позволяет молодоженам жить вместе до совершеннолетия жены, а потом регистрировать брак в ЗАГСе. В Кабардино-Балкарской Республике сохраняется адатный калым и шариатский кебин (махр)³.

Рассмотрев опыт взаимодействия религиозных и правовых норм, можно сделать вывод о высокой толерантности в этике ислама. Действенность и хорошая адаптация норм ислама заключается в том, что они содержат не просто правовые нормы, но и являются руководством по жизни. Религиозные нормы в целом направлены на упорядочение и освещение житейских ценностей, а также регуляцию поведения человека.

Таким образом, императивы шариата, основы мусульманского права построены как своего рода инвариантные принципы, т. е. универсальные правила жизнеустройства. Это приобретает особую важность в адаптационном плане, так как религиозные нормы ислама оказываются способными функционировать в разные времена и в разных пространствах, апеллируя к тем сторонам человеческой натуры и оперируя с теми нравственными и правовыми ценностями, которые можно считать наиболее устойчивыми константами.

Рассмотренный опыт применения норм мусульманского права может служить примером того, как правовая система, сохраняясь в практике, гибко меняется в применении к новым ситуациям.

Вопрос о возможности включения в российскую правовую систему норм шариата вызывает острые споры, в ходе которых высказываются прямо противоположные мнения. Применение норм шариата и мусульманского права приводит в регионах традиционного исповедания ислама государственного механизма к разделению на фактический и формальный.

Одна из позиций по данному вопросу заключается в легализации религиозных норм в региональную правовую систему, однако в данном случае может возникнуть конфликт между региональной и федераль-

³ См.: там же.

ной правовыми системами, тогда как законодательно закреплена недопустимость подобного противоречия.

Возможность частичного применения мусульманского права должна рассматриваться учеными политиками и правоведами только как адаптированная часть действующего права в России, любой намек на альтернативу недопустим.

Следует отметить, что существующий в настоящее время в России порядок разрешения споров слабо ориентирован на учет местных условий и доказавших свою эффективность правовых традиций регионов, в том числе исторически связанных с исламом.

Сложившийся в рассмотренных нами субъектах РФ симбиоз элементов обычного, мусульманского и российского права не является органичным образованием.

Следует отметить отсутствие отрицания необходимости межконфессионального консенсуса по принципиальным направлениям правовой политики, которая должна ориентироваться на использование всего позитивного, что накоплено различными правовыми культурами, включая также исламскую¹. Это необходимо учитывать при разработке правовых решений в регионах России с преобладающим мусульманским населением. Поэтому важно помнить, что конкретное наполнение правовой оценки определяется соотношением существующей правовой реальности и правового идеала. Расхождения между данными явлениями провоцируют негативное отношение общества и отдельных его членов к существующей правовой системе, ослабление ориентации на правомерное поведение.

Стремление выявить потенциал права, найти возможности его активизации и в то же время усилить защитные и адаптационные особенности свидетельствует о том, что внешнее заимствование западных ценностей и институтов не может привести к формированию общества, построенного на гуманитарных идеалах. Возможно, что именно оно является одной из причин неоднозначного, нередко скептического отношения к позитивным законам в современном общественном сознании.

В контексте исследуемой проблематики закономерным будет вывод о том, что важ-

но выйти за пределы позитивного, формально-догматического метода и рассматривать право как культурный феномен в его взаимосвязи с традиционными религиями как на территории всего государства, так и в отдельных субъектах РФ. Исследование взаимодействия религиозных и правовых норм показало, что комплексное изучение права в контексте социокультурной проблематики способствует формированию новых правовых идей, способных быть воспринятыми обществом. Такой методологический подход позволит преодолеть последствия этатического правопонимания, итогом которого является современный кризис позитивного права².

Анализируя основные нормы ислама, которые могли бы быть адаптированы в российском праве, необходимо отметить, что религиозные и правовые нормы имеют различные характеристики, без учета которых невозможна гармонизация. Так, религиозные нормы синтетичны и телеологичны, а правовые, в свою очередь, – ретроспективны и формальны. Вместе с тем их возможная интеграция обусловлена общими признаками: иерархичностью и нормативностью. Именно общее создает условия и возможности для взаимодействия норм ислама и правовых норм светского государства в правообразовании и правоприменении.

Вопрос о невозможности адаптации и интеграции норм той или иной религии в российское право может подниматься неоднократно, так как наблюдается стремление к единообразию содержания и явления права на всей территории России. Однако подобный принцип единообразия представляется неуместным как основной для правообразования и правоприменения на территории многонационального и многоконфессионального государства, поскольку этатический подход к праву не оправдывает себя в реалиях такого государства, как Россия, а поэтому целесообразнее рассматривать право как культурный феномен. Отечественное право переживает раскол, следствием которого стало невосприятие существующих правовых норм как общеобязательных и универсальных, поэтому российское право переживает период неэффективности своей потенциальной функциональности.

¹ См.: Бабич И., Соловьева Л. Ислам и право в России // Религия и право. 2004. № 3.

² См.: Гусейнов А. И. Право как феномен культуры: Моногр. М., 2006.

На наш взгляд, не следует отрицать взаимодействие и взаимосвязь религиозной и правовой форм общественной жизни, так как и религия, и право представляют собой особые формы социального регулирования.

С учетом того, что одна из функций права – прогностическая, сама возможность взаимодействия норм ислама с правовыми нормами должна учитываться в динамике социальных отношений с потенциальной необходимостью правового регулирования или взаимоинтеграции.

Если рассматривать религиозный фактор в культурной плоскости, то само по себе его присутствие в идейно-ценностном строе правосознания остается неизменным.

С. Зыкова указывает на то, что «в том случае, когда неизменное присутствие в правовом сознании религиозной компоненты не принимается во внимание при конструировании и осуществлении позитивного права и государственной полити-

ки, это приводит к разрыву между правом и правосознанием, правосознанием и государственной идеологией. В результате позитивное право оказывается неспособным в полной мере реализовать свой регулятивный потенциал, а государственные структуры – в полной мере легитимировать свою власть»¹.

Таким образом, учет отдельных норм, принципов и институтов мусульманского права и включение их в правовую систему европейского образца – вполне вероятная перспектива развития законодательства ряда республик в составе Российской Федерации.

Библиографический список

1. Гусейнов, А. И. Право как феномен культуры : монография / А. И. Гусейнов. – М., 2006.
2. Шариат и мусульманско-правовая культура / Л. Р. Сюкияйнен ; отв. ред. Б. Н. Топорин. – М., 1997.

Е. А. Пронькина,

преподаватель кафедры уголовного,

уголовно-исполнительного права

и криминологии

Нижегородской академии МВД России

кандидат юридических наук, доцент

ПРИЗНАК ВООРУЖЕННОСТИ ПРИ ХУЛИГАНСТВЕ, СОВЕРШЕННОМ ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ ИЛИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. (далее: УК РФ) законодательная характеристика хулиганства значительно изменена. Во-первых, состав простого хулиганства, который ранее предусматривался в ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, частично перенесен в ст. 213 УК РФ, во-вторых, исключены такие оценочные признаки злостного хулиганства, как «исключительный цинизм» и «особая дерзость», в-третьих, система квалифицирующих признаков изложена более конкретно, с указа-

нием четких критериев измерения и использования общепринятых в УК РФ признаков (группа, судимость и т. д.).

Одним из квалифицирующих признаков хулиганства в ч. 2 ст. 213 УК РФ является совершение деяния, предусмотренного ч. 1, если оно совершено группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

В ч. 2 ст. 213 УК РФ убран квалифицирующий признак «группа лиц», оставлен «группа лиц по предварительному сговору или организованная группа».

В связи с этим на практике при расследовании дел о хулиганстве доказать предварительный сговор практически будет невозможно, особенно когда используется оружие или предметы в качестве оружия. Чтобы доказать предварительный сговор в такой ситуации, все обвиняемые должны дать показания о том, что они предварительно договорились совершить хулиганские действия, при этом уточнив, кто

¹ Зыкова С. В. Связь религиозного и правового сознания // История государства и права. М., 2006. С. 17–19.

именно из них будет использовать или применять оружие (редко бывает групповое хулиганство с оружием в руках у всех).

С субъективной стороны хулиганство – преступление умышленное, т. е. оно совершается с определенным умыслом. Однако хулиганское побуждение как мотив действия виновного из показаний обвиняемого чаще всего установить нельзя. От свидетелей, как правило, такую информацию также получить не удастся, так как умысел в таких случаях возникает мгновенно и быстро реализуется. Хулиганские побуждения не несут в себе какой-либо необходимости или определенной потребности: они возникают спонтанно, и группа образуется стихийно.

Статья 35 УК РФ раскрывает понятие «группа лиц»: «Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора».

Следовательно, вменить квалифицирующий признак «по предварительному сговору» практически будет невозможно. Это подтверждают материалы дела, опубликованные в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации № 11 за 2006 г., где квалифицирующий признак хулиганства «с применением ножа, используемого в качестве оружия» исключен из приговора в отношении одного из соучастников как необоснованно ему вмененным: «...Как видно из материалов дела, квалифицирующий признак хулиганских действий «с применением ножа, использованного в качестве оружия», Антипину вменен необоснованно.

Так, Гареев и Антипин хулиганские действия в отношении Каримова совершали вместе, но без предварительного сговора. Инициатором хулиганских действий являлся Гареев, у него же был нож, который тот использовал при совершении преступления. Антипин ножа не брал и не применял, предварительной договоренности с Гареевым о его применении у него не было.

...При таких данных, когда умыслом Антипина не охватывалось применение ножа при совершении хулиганства, квали-

фицирующий признак хулиганства «с применением ножа, используемого в качестве оружия», подлежит исключению из его обвинения, а его действия – переквалификации с ч. 3 ст. 213 УК РФ на п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в остальном в части квалификации содеянного Антипиным приговор остался без изменения»¹.

К тому же ясно, что любой грамотный адвокат, вступив в дело с аналогичными или похожими обстоятельствами, указанными выше, порекомендует обвиняемому дать показания в том плане, что у лиц, совершивших хулиганство не было предварительного сговора по применению оружия или предметов, используемых в качестве оружия, и что один из участников воспользовался оружием спонтанно и неожиданно для других.

С учетом новой редакции ст. 213 УК РФ последствия очевидны: тому участнику, который не применял оружие, удастся уйти от уголовной ответственности, так как в его действиях нет состава уголовного преступления, а имеется только административное правонарушение. А у второго, применившего оружие, отсутствует какой-либо квалифицирующий признак, следовательно, в его действиях имеется состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Следовательно, внесенные изменения, а тем более исключение квалифицирующего признака «группа лиц», нередко может привести к уходу от уголовной ответственности либо снижению возможных применяемых санкций.

Кроме того, следует учесть, что доля наиболее опасных деяний в структуре уголовно наказуемого хулиганства на протяжении последних лет в среднем значительно возрастает, что создает повышенную общественную опасность.

Библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 11.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2007.

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2006. № 11. С. 23.

Е. В. Пугачев,
*соискатель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

**ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЧЕСТВЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Своевременное, полное и объективное раскрытие и расследование преступления возможно лишь на основе соблюдения основополагающих принципов уголовного судопроизводства, законов формальной логики, теории отражения, концепции о принципиальной познаваемости окружающей действительности и гносеологии.

Гносеологически раскрытие преступления представляется как процесс познания его сущности, который развивается от обнаружения отдельных признаков преступления к установлению всех присущих ему юридически значимых элементов.

Поиск источников судебных доказательств начинается на стадии обнаружения признаков подготавливаемого, совершаемого и совершенного преступления и выявления лиц, причастных к данному преступлению, посредством осуществления комплекса оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) по фиксации действий подозреваемых лиц. Документирование по своему целевому назначению, стоящим задачам и содержанию прежде всего решает задачи уголовно-процессуального доказывания, в ходе чего создает оптимальные условия для последующего его осуществления после принятия должностным лицом уполномоченного на то государственного органа решения о возбуждении уголовного дела.

Вышесказанное позволяет предположить, что идея использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в качестве судебных доказательств должна найти свое выражение в российском законодательстве, где будут отражены в полном объеме правовые механизмы использования данных ОРМ в уголовном процессе.

Представляется, что результаты ОРД уже обладают некоторым доказательственным значением:

– имеют правовое основание – постановление руководителя субъекта ОРД;

– в случаях, когда результаты ОРД затрагивают конституционные права граждан, дополнительным гарантом законности их получения выступает судебное решение;

– результаты ОРД представляются должностному лицу государственного органа, осуществляющего уголовное судопроизводство, который признает их доказательствами, если они в соответствии со ст. 89 УПК РФ отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Однако следует отметить, что редакция ст. 89 УПК РФ изложена законодателем в такой неоднозначной для восприятия формулировке, что часто приводит к противоречивому толкованию норм вышеуказанной статьи. Так, ст. 89 УПК РФ запрещает использование результатов ОРД в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Следует учитывать, что фактические данные, полученные в ходе проведения ОРМ сами по себе «не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам». По нашему мнению, нормы УПК РФ не должны противоречить нормам Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее: Закон), тем более, что УПК РФ признает факт использования результатов ОРД в доказывании, но не раскрывает порядок их использования в доказывании и не указывает, какие данные могут использоваться в доказывании, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Иными словами, законодатель в ст. 89 УПК РФ предусмотрел уголовно-процессуальные нормы о возможности использования результатов ОРД в качестве доказательств, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Вместе с тем в настоящее время на практике не существует механизма реализации использования результатов ОРД. На наш взгляд, часть уголовно-релевантной информации, полученной оперативно-розыскными средствами, при соблюдении определенных условий может быть облечена в доказательственную форму и в этом качестве непосредственно включаться в процесс судебного следствия.

В связи с этим, по нашему мнению, ст. 89 УПК РФ должна содержать в себе бланкетную диспозицию, указывающую, что порядок использования результатов

ОРД в доказывании регулируется настоящим Кодексом, а также Законом.

Использование результатов ОРД в уголовном процессе – это предусмотренная оперативно-розыскным законодательством форма реализации отдельных видов информационного и материализованного продукта ОРД в смежном виде юридической государственной деятельности при неукоснительном соблюдении уголовно-процессуальных процедур. Данные требования изложены в ч. 1 ст. 88 УПК РФ и суть их заключается в оценке доказательств с точки зрения относимости, допустимости и достоверности.

Относимость доказательств – обязательное свойство сведений (без его наличия нет доказательства), проявляющееся в их связи с исследуемым в уголовном процессе происшествием. Анализируя данное определение, мы согласны с мнением А. П. Рыжакова, отмечающего, что свойство относимости результатов ОРД аналогично одноименному свойству уголовно-процессуальных доказательств¹.

Допустимость доказательств представляет собой их соответствие нормам нравственности, истинности, а равно требованиям закона относительно источника, способа собирания и вовлечения в уголовный процесс сведений².

Допустимость как свойство результатов ОРД – это их соответствие нормам закона и ведомственным нормативным правовым актам относительно субъекта, задач, средств и методов собирания информации.

Допустимость использования результатов ОРД состоит из двух частей:

- допустимости – свойства уголовно-процессуального доказательства;

- допустимости – свойства результатов ОРД или допустимости именоваться результатом ОРД. Соответственно недопустимыми должны признаваться результаты ОРД, когда ОРМ проводил следователь, под видом его проведения совершалось преступление (например провокация взятки), ОРД осуществлялась для достижения целей и решения задач, не предусмотренных ст. 2 Закона и т. д.³

Как показывает практика, результаты ОРД в основном не принимаются в качестве дока-

зательственной информации по уголовному делу, так как они якобы не отвечают критериям допустимости по тому основанию, что неизвестен источник получения информации. Вместе с тем доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, следователь или дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. На наш взгляд, при анализе данного положения можно сделать вывод о том, что рапорт должностного лица органа, осуществляющего ОРД, содержащий информацию, полученную в ходе проведения ОРМ или от конфиденнта, может быть принят в качестве доказательства.

Достоверность является одним из основных условий использования результатов ОРД в качестве доказательств. Следует отметить, что достоверность доказательства не столько зависит от объема содержащейся в нем фактической информации, а прежде всего от ее направленности, полноты и глубины освещения конкретных событий. Иными словами, доказательства должны быть убедительны, конкретны, а следовательно, доказательны содержащиеся в нем сведения. Достоверность и убедительность доказательства зависит от степени соотношения сведений об обстоятельствах преступления с этими преступлениями.

По нашему мнению, основной причиной, по которой результаты ОРД не признаются в качестве доказательств, является недоверие со стороны некоторых ученых и законодателя к информации, которая может быть получена с нарушениями закона. Здесь, безусловно, можно согласиться с мнением В. Борзова, что механизм проведения ОРМ непосредственно органом дознания в основе своей аналогичен механизму однородного следственного действия (различаются они только по форме). При этом гарантия достоверности результатов ОРД заключается не в способе получения, а в проверяемости, в том числе с точки зрения законности. В этом смысле уголовно-процессуальный закон предусматривает равные возможности как для оценки результатов ОРД, полученных непосредственно органом дознания, так и опосредованно – следователем в результате следственного действия. Более того, в обоих случаях гарантом соблюдения законности является суд,

¹ См.: Рыжаков А. П. Комментарий к УПК РФ. М., 2003. С. 301–302.

² См.: там же. С. 301.

³ См.: там же. С. 303.

санкционирующий ОРМ. Отличие заключается в том, что один вид ОРМ реализуется прямым применением Закона, а другой опосредованно, т. е. через УПК РФ. Для устранения данного формального различия необходимо включить все результаты ОРД в число доказательств, а также поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. Что же касается возможных фальсификаций и злоупотреблений, то они в принципе не исключаются и в процессе реализации любых следственных действий. Задача состоит в том, чтобы свести вероятность подобных явлений до минимума через систему уголовных и уголовно-процессуальных гарантий¹.

Представляется, что результаты ОРД могут не только обладать указанными свойствами, но и в некоторых ситуациях содержать более точную информацию, чем полученная уголовно-процессуальными способами.

На наш взгляд, следует подробно рассмотреть достаточность доказательств. В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ все собранные доказательства подлежат оценке в совокупности с целью определения их достаточности для разрешения уголовного дела. Практически доказать наличие или отсутствие любого обстоятельства по уголовному делу при помощи отдельно взятого доказательства невозможно. В обязательном порядке следует использовать совокупность взаимно проверенных доказательств, поскольку только данное условие способно подтвердить или опровергнуть любое обстоятельство, входящее в предмет доказывания по уголовному делу. Указанная совокупность может состоять из доказательств, которые проверены и оценены субъектом доказывания, т. е. представлять собой систему однородных доказательств, которые взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. Каждое из находящихся в совокупности доказательств должно обладать способностью проверять юридические свойства других доказательств и в связи с этим усиливать их доказательное значение. Таким образом, можно не согласиться с противниками использования результатов ОРД в качестве доказательств по данной позиции по следующим основаниям:

¹ См.: Борзов В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2004. № 4.

Во-первых, юридические свойства доказательств, полученных в ходе проведения ОРМ, в обязательном порядке будут проверены другими доказательствами, полученными процессуальными способами. Представляется, что доказательства, полученные в ходе ОРД (если они будут признаны законодателем), должны в совокупности составлять не более половины доказательств, полученных в соответствии с УПК РФ.

Во-вторых, как показывает практика, без признания доказательствами результатов ОРД иногда невозможно доказать то или иное преступление. Данное положение особенно характерно для преступлений экономической направленности, а также связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Иными словами, в совокупность доказательств может быть включено не любое доказательство, а лишь такое, которое объективно связано с другими доказательствами по уголовному делу. Это свидетельствует о существовании такого юридического свойства доказательства, которое способно превратить его из единичного источника оперативно-розыскной информации, не имеющего определенной юридической силы, в полноценное средство доказывания.

Аналогично данный вопрос рассмотрен в Законе. Так, ч. 2 ст. 11 Закона прямо определяет, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Кроме того, согласно ст. 2 Закона одной из задач ОРД является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Безусловно, решение указанной задачи невыполнимо без собирания доказательственной информации по уголовному делу.

В-третьих, представляется, что для использования результатов ОРД в доказывании в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством в настоящее время уже созданы следующие условия:

1. Согласно ст. 84 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются: иные документы, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. На наш взгляд, к данным документам

могут также относиться сведения, полученные в ходе оперативной работы, полученные и истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ.

В соответствии со ст. 84 УПК РФ они могут быть допущены в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

2. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не установило (в отличие от УПК РСФСР), кто имеет право предоставлять документы дознавателю, следователю, прокурору или в суд, однако, по нашему мнению, нет объективных причин отказывать в принятии данных документов от органов дознания.

Данное положение эффективно используется в следственной и судебной практике¹. Следует отметить, что в ходе судебного заседания не возникло необходимости ни в допросе оперативных сотрудников, ни в предоставлении сведений о технических характеристиках используемой аппаратуры. Это особенно важно, так как ОРМ проводились штатными негласными сотрудниками.

3. Статья 81 УПК РФ признает вещественными доказательствами не только предметы, которые служили орудиями преступления, сохранили на себе следы преступления или на которые были направлены преступные действия, но и иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Данная норма, на наш взгляд, несомненно, также облегчает приобщение результатов ОРМ к материалам уголовного дела.

4. В ходе проведения ОРМ органом дознания часто выявляется информация, содержащаяся на аудио-, видео- или иных физических носителях, которая путем предоставления в порядке ст. 86 УПК РФ может стать доказательством по уголовному делу. Использование результатов ОРД, содержащейся на данных носителях информации неоднократно указывалось в определениях Верховного Суда РФ².

5. Действующее уголовно-процессуальное законодательство создало условия для формирования доказательств на основе материалов, полученных оперативным путем, с учетом некоторых условий.

Так, документы и материалы, полученные оперативным путем, как доказательства по уголовным делам необходимо оценивать, исходя из требований ст. 88 УПК РФ, с учетом их относимости, допустимости и достоверности при соблюдении определенных условий. Во-первых, должно быть указано, как полученная информация попала в материалы уголовного дела. Во-вторых, в этих документах должны содержаться данные о гражданине, от которого исходит этот документ. В-третьих, должен быть указан источник осведомленности составителя документа. В том случае, если вышеперечисленные условия не соблюдаются, составитель данного документа допрашивается в качестве свидетеля³.

В связи с этим вызывает сомнение тезис, что ОРД является «вспомогательной по отношению к уголовно-процессуальной и обеспечивающей уголовное преследование», а ее результаты не могут выступать в качестве доказательств, поскольку «информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, не заменяет доказательств по уголовному делу...»⁴.

Таким образом, результаты ОРД, полученные в строгом соответствии с оперативно-розыскным и уголовно-процессуальным законодательством, безусловно, могут быть признаны доказательствами по уголовному делу. Однако в отечественном оперативно-розыскном и уголовно-процессуальном законодательстве сложилась не только коллизия вышеназванных норм, но и присутствуют явные пробелы в правовом регулировании важной для достижения целей правосудия проблемы – использования оперативных данных в уголовном процессе, решение которой в методологическом плане основывается на

¹ См., напр.: уголовные дела № 64/901-2006, № 64/911-2006, № 64/285-2007 // Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга за 2007 г.

² См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 1993 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 1994. № 11.

³ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Новая редакция. М., 2002. С. 182.

⁴ Земскова А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. Волгоград, 2002. С. 29.

положениях теории доказательств, образующей совокупность соответствующих институтов и их объединений, регулирующих процесс доказывания или уголовно-процессуальное доказывание. Именно поэтому в уголовно-процессуальном законодательстве должна быть установлена определенная последовательность, единообразие общего подхода, взаимосвязь с нормами Закона и другими законодательными актами, регулирующими ОРД.

О. Р. Рузевич,

*ассистент кафедры уголовного права
и процесса факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета*

СПОСОБЫ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ПСИХИЧЕСКУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

В юридической литературе до сих пор остается без должной оценки анализ такого вопроса, как способы посягательства на психическую неприкосновенность личности в виде информационного воздействия на психику потерпевшего с помощью применения угрозы при совершении различных видов преступлений.

Способы воздействия на психику человека могут быть самыми разнообразными и должны учитываться при оценке характера и степени общественной опасности преступлений.

В зависимости от вида воздействия на психику выделяют информационные и внеинформационные способы посягательства на психическую неприкосновенность личности¹.

К информационному способу воздействия относятся:

1) угрозы различного характера (применением насилия, убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, уничтожением, повреждением или изъятием имуще-

¹ См.: *Чернявский А. Д.* Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 27; *Сердюк Л. В.* Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 6–7.

Библиографический список

1. *Борзов, В.* Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе / В. Борзов // Рос. юстиция. – 2004. – № 4.

2. *Земскова, А. В.* Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений / А. В. Земскова. – Волгоград, 2002.

3. *Рыжаков, А. П.* Комментарий к УПК РФ / А. П. Рыжаков. – М., 2003.

ства, распространением позорящих и иных сведений, совершением взрыва, поджога или иных действий и др.);

2) оскорбление, клевета, иные действия, способные причинить психическую травму либо ограничить свободу волеизъявления (обещание тех или иных выгод, незаслуженные упреки, служебные придирки, травля, издевательства, грубое обращение);

3) различного рода «угрожающая» информация, ограничивающая способность принятия решений (демонстрация оружия, сцен насилия над людьми и иные действия, которые служат средством для создания обстановки, в которой требуемое от человека поведение рассматривается как оптимальное);

4) гипноз как промежуточный (пограничный) способ².

Информационный способ является основным и наиболее распространенным, однако психическое воздействие возможно и путем прямого воздействия на мозг человека.

Внеинформационные способы воздействия на психику человека выражаются в приведении потерпевшего в состояние, когда он не способен реально оценивать окружающую действительность и руководить своим поведением, путем непосредственного воздействия на мозг человека различ-

² Следует отметить, что среди специалистов нет единства в оценке природы последней формы воздействия на психику человека. Некоторые ученые (Л. В. Сердюк) относят гипноз к внеинформационным путям психического насилия, другие (А. И. Бойцов) – к информационным, третьи (А. Д. Чернявский) – к промежуточному (пограничному) способу (см.: *Сердюк Л. В.* Указ. соч. С. 7–8; *Бойцов А. И.* Понятие насильственного преступления // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л., 1988. С. 142; *Чернявский А. Д.* Указ. соч. С. 28–29).

ными наркотическими или лекарственными веществами, в том числе психотропными средствами, алкоголем, электронной стимуляцией мозга¹.

По нашему мнению, такого рода воздействие на психику человека является одним из способов посягательства на психическую неприкосновенность личности.

Можно заключить, что современные научные данные позволяют предельно широко истолковывать психическое воздействие, включая в него наряду с различного рода угрозами оскорбление, клевету, иную информацию, способную причинить психическую травму потерпевшему либо ограничить свободу его волеизъявления, разнообразную «шоковую» информацию, гипноз, а также различные наркотические и лекарственные вещества, алкоголь, электронную стимуляцию мозга, действующие непосредственно на мозг человека.

Кроме того, современные достижения науки позволяют предметно описать такое психическое воздействие, охарактеризовать его способы и результаты, что, безусловно, весьма значимо для науки уголовного права, законодательства и правоприменительной практики.

Основным свойством любой угрозы является устрашение потерпевшего. Применяя угрозу, виновный стремится путем запугивания воздействовать на психику потерпевшего и тем самым добиться желаемого результата. Непосредственным объектом воздействия подобного рода посягательств выступает психика человека, под которой понимается свойство высокоорганизованной материи, являющееся особой формой отражения действительности; продукт и условие специфического (сигнального) взаимодействия живой системы с окружающей средой².

Поскольку угроза представляет собой лишь одно из множества явлений объектив-

ного мира, то и психологическое воздействие, осуществляемое таким путем на человека, происходит в соответствии с общими закономерностями отображения человеческим сознанием окружающей действительности и имеет характер единого процесса.

Прием человеком сигналов о предметах и явлениях внешней среды осуществляется через органы чувств (анализаторы) – нервные устройства. Самые разнообразные факторы внешней среды (световые, звуковые волны) воздействуют на периферическую часть анализатора – рецептор (датчик), кодируются им и в виде дискретных электрохимических импульсов передаются по нервным путям в центральную часть анализатора – кору головного мозга.

Принято различать пять внешних чувствительных систем: зрение, слух, обоняние, вкус, кожную чувствительность. В результате непосредственного воздействия на органы чувств возникает ощущение – элементарное психическое явление, первичная форма психической связи организма со средой, представляющее собой отражение свойств предметов и явлений объективного мира.

Сознание – это единство психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира, это высший уровень психического отражения, благодаря которому перед индивидом предстают различные явления³. Поэтому психическая деятельность в конечном счете определяется внешним воздействием, которое преломляется через сознание личности, подвергающейся этому воздействию.

Психическое воздействие, выражающееся в различных угрозах, является для потерпевшего объективно существующим фактором, так как исходит от другого лица. Любая угроза независимо от характера, формы и способа выражения представляет собой для потерпевшего объективно существующую реальность, влияющую на него как внешний раздражитель. Это воздействие может вызвать у потерпевшего различные ощущения, восприятия и представления. Так, угроза с помощью жестов или путем демонстрации оружия, воздействуя на

¹ См.: Чернявский А. Д. Указ. соч. С. 29–30; Бушева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 11; Романков А. Н. Уголовно-правовая характеристика насильственного способа совершения преступлений против собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 15.

² См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1986. С. 1078; Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. С. 373–374.

³ См.: Философский словарь. С. 73–74, 329, 360, 373–374, 416–417; Психология: Слов. / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 254, 261, 299, 368–369.

органы чувств потерпевшего, вызывает зрительные, слуховые, кожные ощущения, в результате которых он узнает о характере угрозы, степени опасности оружия или предмета, применяемого преступником. На основании этих ощущений потерпевший воспринимает действия преступника как угрозу для своих благ или интересов.

Преступник, угрожающий потерпевшему какими-либо лишениями, основное внимание уделяет фактору устрашения и стремится к тому, чтобы вызвать у потерпевшего чувство страха, привести его в такое психическое состояние, при котором виновный мог бы добиться желаемого результата. Таким образом, угроза, являясь внешним раздражителем для потерпевшего, приводит его в определенное психическое состояние.

Под психическим состоянием понимается целостная характеристика психической деятельности за определенный период, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности¹.

Возникшее в результате угрозы психическое состояние характеризуется определенными эмоциональными переживаниями. Источниками эмоций, как и всех иных психических процессов, являются предметы окружающего мира. Поэтому источником эмоции в рассматриваемом психическом состоянии выступает примененная к потерпевшему угроза.

Любые эмоциональные переживания обусловлены нервным возбуждением подкорковых центров и физиологическими процессами, происходящими в вегетативной нервной системе. Они вызывают ряд изменений в организме человека: в органах дыхания, пищеварения, сердечно-сосудистой деятельности, отмечается изменение пульса, кровяного давления, побледнение или покраснение кожных покровов, усиление притока крови к сердцу и т. д.²

Угроза, как правило, вызывает чувство страха, так как ситуация, в которую попадает потерпевший, таит в себе ту или иную опасность (причинения смерти, нанесения тяжко-

го вреда здоровью, повреждения или уничтожения имущества, распространения позорящих сведений и т. п.). Сила и глубина этого чувства зависят от психических свойств личности, эмоциональных особенностей потерпевшего, типа его нервной системы, большой или слабой эмоциональной возбудимости³.

Наиболее сильное чувство страха возникает при самых опасных видах угрозы, в частности, угрозы убийством. В подобной ситуации страх значительно ограничивает психическую деятельность человека, в первую очередь его внимание. В случае, если страх становится паническим, тогда потерпевший может потерять самообладание, что выражается либо в беспорядочных неосознанных движениях, либо в потере активности⁴. Этим и пользуется преступник для достижения своих преступных целей.

Отрицательные эмоции, в частности, страх, могут поражать сердечно-сосудистую систему и вызывать некоторые серьезные заболевания. Например, отдельные формы диабета, язвенной и гипертонической болезни, стенокардия возникают вскоре после перенесенного испуга, вызванного незаконной угрозой⁵.

Различные психические травмы являются причинами и многих нервно-психических заболеваний: неврозов, неврастений и психопатий⁶.

Однако следует иметь в виду, что психическая травма, нанесенная человеку, не всегда способна вызвать серьезные функциональные расстройства в организме. Для этого необходимы соответствующие условия: важное значение здесь имеют индивидуальные психофизиологические особенности человека, подвергающегося психическому воздействию, тип его нервной системы⁷.

Человек со слишком ранимой, неустойчивой психикой, бурными эмоциональными переживаниями неблагоприятных ситуаций или находящийся в состоянии психологического стресса, имеющий, кроме

³ См.: Левитов Н. Д. Указ. соч. С. 127.

⁴ См.: там же. С. 134–135.

⁵ См.: Лукьянов В. С. Эмоции и здоровье. М., 1966. С. 17.

⁶ См.: Молчанов Н. И., Сорокин В. А. Профилактика нервных и психических заболеваний. Л., 1969. С. 13; Пулатов А. М., Никифоров А. С. Эмоции и здоровье. Душанбе, 1969. С. 53–57.

⁷ См.: Психические травмы и их последствия. Кишинев, 1964. С. 6–7.

¹ См.: Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М., 1964. С. 20; Ковалев А. Г. Психология личности. М., 1965. С. 33–38.

² См.: Общая психология: Учеб. М., 1996. С. 277–283.

того, патологию жизненно важных органов или тканей (сердца, головного мозга), более подвержен физическому вреду в результате психотравмирования, нежели человек, обладающий противоположными психофизиологическими свойствами¹.

Таким образом, можно заключить, что угрозе как одному из способов посягательства на психическую неприкосновенность личности свойственно то, что она почти всегда негативно влияет на сознание и волю человека, вызывает у него отрицательные эмоции (переживания)², которые могут повлечь расстройство его психической деятельности или даже причинить вред здоровью, а иногда и жизни. При этом угроза нередко играет роль побудительного мотива выполнения потерпевшим определенных действий, требуемых виновным. Она также обуславливает состояние стресса, который иногда может достигать силы аффекта (панический страх, ужас)

Н. А. Сатарова,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЫРАБОТКИ ПОНЯТИЯ «ПРАВОНАРУШЕНИЕ»

С развитием общества, изменением общественной нравственности, традиций, ценностей права понятие правонарушения может подвергаться существенным изменениям. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо рассмотреть некоторые признаки понятия «правонарушение» в современных условиях, что позволит сформулировать его определение и проследить динамику изменений научных подходов к рассматриваемому понятию.

В настоящее время в юридической литературе существует большое количество определений правонарушения. Различные авторы определяют его как юридический факт, представляющий собой виновное противоправное деяние деликтоспособного лица³; виновное противоправное деяние участников

и в таком случае полностью парализовать сознание и волю потерпевшего⁴. В результате этого деформируется процесс принятия решений, иная психическая деятельность человека, подавляется его способность к оценке фактов окружающей действительности, появляются нежелательные психофизиологические состояния.

Библиографический список

1. Бунева, И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2000.
2. Сердюк, Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1979.
3. Чернявский, А. Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.

общественных отношений⁵; антисоциальное, общественно опасное, противоправное деяние, влекущее юридическую ответственность⁶; виновное, противоправное деяние вменяемого лица, причиняющего вред другим лицам и обществу, влекущее юридическую ответственность⁷; общественно вредное (общественно опасное) противоправное деяние дееспособного субъекта, влекущее юридическую ответственность⁸, и т. д.

Достаточно часто определения правонарушения сводятся к перечислению его основных признаков. Например, оно определяется как противоправное виновное деяние деликтоспособного лица, причиняющее вред другим лицам, обществу в целом и влекущее установленные меры государственного принуждения⁹.

⁴ См.: Панов Н. И. Квалификация насильственных преступлений: Учеб. пособие. Харьков, 1986. С. 28.

⁵ См.: Самощенко И. С. Правонарушение и юридическая ответственность. М., 1966. С. 7.

⁶ См.: Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 18.

⁷ См.: Теория государства и права: Учеб. / Под ред. В. Н. Хропанюка. М., 1995.

⁸ См.: Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.

⁹ См.: Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатюк, В. А. Кучинский. Минск, 1999. С. 417.

¹ См.: Шаратов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 48–49.

² См.: Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984. С. 31.

³ См.: Котляревский Г. С., Назаров Б. Л. Проблемы общей теории права. М., 1973. С. 30.

По мнению Р. Х. Макуева, «правонарушение – это виновное противоправное действие или бездействие деликтоспособного лица, причинившего вред обществу, государству или отдельным лицам, влекущее юридическую ответственность»¹. А. С. Шабуров полагает, что «правонарушение – это общественно вредное виновное деяние деликтоспособного субъекта, противоречащее требованиям правовых норм»². Для всех указанных определений понятия правонарушения характерен описательный характер.

Другие ученые используют несколько иную методологию в определении понятия правонарушения, рассматривая его как юридический факт. Например, Г. С. Котляревский и Б. Л. Назаров отмечали, что правонарушением является юридический факт, представляющий собой виновное противоправное деяние деликтоспособного лица³. Определение правонарушения как юридического факта имеет право на существование, но не раскрывает сущности правонарушения. Приведенные определения правонарушений выявляют ряд противоречий. Так, одни ученые не указывают на признак общественной опасности или ставят общественную опасность в один ряд с понятием общественной вредности.

Следует отметить, что спор об общественной опасности как признаке правонарушения подвергался дискуссии не только в отечественной, но и в зарубежной литературе. А. Г. Карвелл и Е. Свифен Грин дают формальное определение преступления, считая, что «хорошим рабочим определением преступления является такое, которое обозначает как преступление действие или упущение, запрещенное законом под страхом наказания»⁴. Л. Инграхэм – сторонник формально-материального определения понятия преступления. Он отмечает, что «преступление – это поступок или упущение, или линия поведения, считающиеся противоправными и вредными для

общества в целом, запрещенное законом и заслуживающее наказания»⁵.

Существуют несколько точек зрения на данную проблему. Одни ученые указывают на общественную опасность как обязательный признак любого правонарушения, а не только преступления; другие считают, что любое правонарушение причиняет вред обществу, государству или отдельным лицам; третьи полагают, что такой признак правонарушения, как противоправность, включает в себя и общественную опасность.

В отраслевой юридической литературе неоднозначно рассматривается признак общественной опасности правонарушения. Специалисты в области административного и финансового права отвечают на данный вопрос по-разному. А. В. Куракин, А. В. Дроздов и А. В. Зубач полагают, что «сущностным признаком, присущим административному правонарушению, является его общественная опасность»⁶. Ю. Н. Белошапко не выделяет в понятии финансового правонарушения признак общественной опасности⁷.

Н. А. Громов и С. А. Полунина в понятие уголовно-процессуального правонарушения включают общественную вредность⁸, а по мнению С. Г. Олькова, уголовно-процессуальные правонарушения обладают общественной опасностью⁹.

Специалисты в области гражданского права отрицают в гражданско-правовых правонарушениях признак общественной опасности¹⁰. Л. А. Сыроватская полагает, что дисциплинарное правонарушение не является

¹ Макуев Р. Х. Правонарушение и юридическая ответственность. Орел, 1998. С. 29.

² Шабуров А. С. Правонарушение. Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1998. С. 409.

³ См.: Котляревский Г. С., Назаров Б. Л. Проблемы общей теории права. М., 1973. С. 40.

⁴ Carvell I., Green E., Swinfen. Criminal Law and Procedure. L., 1970. P. 3.

⁵ Ingraham Baton L. Political in Europe. A comparative study of France, Germany and England University of California, press. 1979. P. 13.

⁶ Куракин А. В., Дроздов А. В., Зубач А. В. и др. Квалификация административных правонарушений. М., 2001. С. 3. См. также: Мурзинов А. И. Преступление и административное правонарушение. М., 1985. С. 39; Иванова Л. В. Административное правонарушение: понятие и состав. Домодедово, 2000. С. 7.

⁷ См.: Белошапко Ю. Н. Правонарушение и ответственность в финансовом праве // Правоведение. 2001. № 5. С. 134.

⁸ См.: Громов Н. А., Полунина С. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М., 1998. С. 40.

⁹ См.: Ольков С. Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве: Автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 15.

¹⁰ См.: Слесарев В. А. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. С. 7.

общественно опасным¹. С. А. Шушпанов к признакам должностного проступка относит общественную опасность, противоправность, виновность и дисциплинарную наказуемость². В. А. Виноградов, определяя понятие конституционного деликта, не включает в него признак общественной опасности³.

Таким образом, споры об общественной опасности как признаке правонарушения ведутся как в общетеоретической, так и в отраслевой литературе.

По нашему мнению, правонарушения обладают общественной опасностью. Если деяние не представляет опасности для общества, т. е. не причиняет вред общественным отношениям и не ставит их под угрозу причинения вреда, его нельзя признать правонарушением. Ошибочно считать, что только преступления обладают общественной опасностью. Преступление отличается от иных правонарушений характером и степенью общественной опасности. Например, УК РФ предусмотрена ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей. Уголовная ответственность за данное преступление наступает только в том случае, если уклонение от уплаты совершено в крупном размере. Если уклонение было совершено не в крупном размере, то это означает, что в действиях лица нет состава преступления, а есть состав административного правонарушения. Однако общественная опасность имеется и у административного правонарушения, так как предусмотрена возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения. Согласно ст. 2.9 КоАП РФ «при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограни-

читься устным замечанием». Возможность освобождения от административной ответственности подчеркивает наличие у административного правонарушения общественной опасности, так как в случае ее отсутствия (малозначительности правонарушения) лицо освобождается от административной ответственности. Именно по степени общественной опасности преступления отличаются от иных правонарушений, но общественная опасность присутствует во всех правонарушениях. Так, В. М. Ведяхин и А. Ф. Галузин верно указывают, что уголовная контрабанда отличается от аналогичного таможенного правонарушения и по степени общественной опасности⁴.

Другим доводом в пользу того, что все правонарушения, а не только преступления, характеризуются общественной опасностью, является то, что за многие разновидности правонарушений предусмотрены меры ответственности более суровые по своим последствиям, чем за некоторые преступления. Так, предел имущественного штрафа в УК РФ вполне ясно ограничен. Верхний предел уголовного штрафа равен одному миллиону рублей. Возмещение убытков в случае совершения гражданско-правового правонарушения ограничено только размером самих убытков.

В связи с этим признаки, характеризующие общественную опасность, целесообразно разделить на две группы. К первой группе необходимо отнести объект преступления, а ко второй – общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и личность виновного. Вторую группу составляют элементы структуры общественной опасности преступления⁵. Поэтому мы не разделяем мнение ученых, считающих, что выражением общественной опасности выступает только вред, который наступил или мог наступить в результате совершения правонарушения⁶. Понятия «общественная опасность» и «вредность», «вредоносность» не являются тождественными. Вред, который причиняется правонарушением – только внешнее выражение общественной опасности. Наиболее содержательно

¹ См.: Сыроватская Л. А. Ответственность за нарушение трудового законодательства. М., 1990. С. 40.

² См.: Шушпанов С. А. Должностной проступок как основание дисциплинарной ответственности государственного служащего: Автореф. дис ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 16.

³ См.: Виноградов В. А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правового регулирования. М., 2002. С. 27.

⁴ См.: Ведяхин В. М., Галузин А. Ф. Рыночная экономика и правонарушения // Атриум: Межвуз. сб. науч. ст. Сер. «Юриспруденция». Тольятти, 1996. Вып. 4. С. 4–5.

⁵ См.: Мальцев В. В. Оценка следователем общественной опасности посягательства. Волгоград, 1986. С. 6.

⁶ См.: Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 1996. С. 343.

понятие общественной опасности раскрывается через структуру деяния, в которой выделяются следующие элементы: деятель (личность), действие, субъективная сторона, последствия (признак объективной стороны)¹. В этой связи в науке уголовного права различают характер и степень общественной опасности. Характер общественной опасности преступления определяется направленностью деяния против того или иного объекта, размером ущерба, формой вины. Характер – это отличительное свойство особенности, качество чего-либо; степень общественной опасности – это количественное выражение сравнительной общественной опасности. При определении степени общественной опасности необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств, при которых было совершено преступное деяние: форма вины, мотивы, способы, обстановка, тяжесть последствий². Таким образом, понятие вреда ни в коей мере не подменяет понятие общественной опасности, а является всего лишь одной из ее характеристик.

На наш взгляд, правонарушение представляет собой общественно опасное, виновное, противоправное деяние, причиняющее вред общественным отношениям или ставящее их под угрозу причинения, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность. Общественная опасность является обязательным признаком правонарушения. Все правонарушения (а не только преступления) обладают общественной опасностью.

Таким образом, ответственность обязательно должна быть указана в нормативном акте, который содержит понятие, признаки того или иного правонарушения. В этих целях необходимо постепенно отказаться от норм бланкетного типа, так как подобная практика нередко приводит к тому, что один государственный орган утверждает перечень правонарушений, а другой устанавливает санкции, в результате чего складываются ситуации, ко-

гда по решению одного государственного органа перечень правонарушений изменяется, а санкции остаются прежними, так как другой государственный орган и не думал их пересматривать. Такая практика часто наблюдается при установлении административной ответственности. Достаточно часто возникают ситуации, когда статьи, содержащие меры юридической ответственности, не расшифровывают понятие и признаки правонарушения, за которое установлена эта ответственность. В таких статьях обычно делаются лишь ссылки на нормы других нормативных актов. Подобная законодательная практика часто препятствует реализации санкции правовой нормы. Необходимо отметить, что правонарушения предполагают в ряде случаев использование не мер юридической ответственности, а иных определенных в законе мер.

В связи с этим можно сделать следующие выводы:

- категория «общественная опасность» является необходимой как для определения деяния правонарушением, так и для отличия проступков от преступлений, от тех малозначительных деяний, которые не влекут никакой юридической ответственности;
- критериями общественной опасности правонарушения должны признаваться: тяжесть причиненного вреда, форма вины, мотивация, способ совершения правонарушения и др.;
- степень общественной опасности необходимо учитывать как законодателю при формулировании составов правонарушения, так и правоприменителю;
- нормы об ответственности должны быть обязательно изложены в нормативном акте, который содержит понятие, признаки того или иного правонарушения;
- правонарушение характеризуется как наличием мер ответственности, санкций, так и мер защиты. Особо следует выделять процессуальные меры защиты как превентивные меры правового принуждения.

Библиографический список

1. *Котляревский, Г. С.* Проблемы общей теории права / Г. С. Котляревский, Б. Л. Назаров. – М., 1973.
2. *Малеин, Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н. С. Малеин. – М., 1985.
3. *Самощенко И. С.* Правонарушение и юридическая ответственность / И. С. Самощенко. – М., 1966.

¹ См.: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969; Фефелов П. А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности. М., 1972.

² См.: Гаверов Г. С. Преступление и наказание в России. Иркутск, 1993. С. 73; Уголовное право России: Общая часть / Отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 55; Малеин Н. С. О мерах ответственности // Теория права: новые идеи. М., 1993. Вып. 3. С. 46–47; Мальцев В. В. Категория «общественно опасное поведение» и ее уголовно-правовое значение // Государство и право. 1995. № 8. С. 45–50.

А. М. Скрычев,
начальник кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
С. Н. Рыбина,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат биологических наук

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время в связи с ухудшением социально-экономических условий в России особую актуальность приобрела проблема экологического неблагополучия, которая представляет реальную угрозу биологическим основам здоровья и жизнедеятельности населения страны.

Несмотря на предпринимаемые меры, экологическая безопасность граждан России постоянно снижается, что проявляется в ухудшении качества среды обитания человека, снижении продолжительности жизни, увеличении заболеваемости, смертности и ухудшении генофонда населения; образовании новых обширных по территории зон экологического бедствия; истощении невозобновимых природных ресурсов; возрастании риска крупных техногенных катастроф и т. д.

В связи с этим оздоровление окружающей среды является одной из актуальных проблем, требующей незамедлительных действий. Длительное развитие России в условиях целенаправленной плановой системы хозяйствования, обострение структурных противоречий данной системы привели ее к глубокому экологическому кризису. Радикальные рыночные реформы последних лет еще более разбалансировали экономические и экологические интересы общества.

Ситуацию усугубила непоследовательная реализация конституционного принципа «двойного» ведения (Федерации и ее субъектов) по вопросам права собственности и распоряжения природными ресурсами. Республики и области поспешили принять законодательные акты, объявившие исключительное право собственности на природные объекты своих территорий, что при низком уровне

экологической дисциплины только ускорило снижение качества природной среды.

Вышесказанное позволяет утверждать, что в настоящее время недостаточно сформирована правовая база охраны окружающей природной среды и рационального использования природных ресурсов. Она находится на стадии постоянного реформирования и бесконечного совершенствования.

Недостаточно разработано правовое регулирование отношений в сфере обеспечения экологической безопасности. Законодательством Российской Федерации на сегодняшний момент не определены основные требования, ограничения и запреты в этой области, виды правонарушений, влекущие за собой применение мер ответственности. Законодательством не урегулировано эффективное взаимодействие органов власти и управления по обеспечению экологической безопасности на всех уровнях. Отсутствует законодательная база, фундамент для формирования системы норм, предотвращающих возникновение и развитие ситуаций, имеющих опасные экологические последствия. Нанося окружающей среде огромный, часто непоправимый ущерб, общество не выработало необходимых превентивных и компенсационных механизмов¹.

Постановка вопроса о переходе России к модели устойчивого развития лишается смысла, если не будет обеспечен уровень экологической безопасности на национальном и региональном уровнях. Движение в этом направлении возможно только при наличии факторов снижения экологической опасности. Очевидно, что отсутствие действенных законодательно закрепленных требований в этой части ко всем субъектам хозяйственной и иной деятельности, всем органам управления является главным препятствием для решения проблем экологической безопасности.

В настоящее время, когда государство сокращает свое вмешательство в экономику, возрастает ответственность свободных предпринимателей и производителей в области обеспечения социальной, экономической и экологической безопасности и благосостояния страны. Входя в систему открытого рынка, нельзя победить в конкурентной борьбе, производя экологически

¹ См.: Тангиев Б. Б. Правовое регулирование отношений в области охраны окружающей среды // Гражданин и право. 2006. № 1. С. 13–22.

опасные товары и применяя технологии, последствия использования которых будут стоить производителю очень дорого.

С изменением условий, методов и способов ведения хозяйства должна меняться и законодательная база. Именно поэтому необходимо создавать и совершенствовать систему природоохранного законодательства России с помощью постоянных и понятных производителям и населению экологических требований, открытых и ясных финансовых и юридических систем: разрешений и запретов, лицензий и экологических экспертиз, а также эффективной системы управления¹.

Исходя из анализа проводимой государством политики, следует отметить дефицит воли в отношении необходимого решения экологических проблем. В области права эта причина проявилась, в частности, в отсутствии нормативных правовых актов в ряде значимых экологических сфер (обращение с отходами производства и потребления, опасными веществами и др.). Несмотря на то, что в России имеет место правотворчество в экологической сфере, государство не обеспечило их выполнения. Таким образом, остаются нереализованными все наиболее значимые нормативные предписания в данной сфере.

Наиболее ярким примером может служить факт принятия на общегосударственном уровне более десяти правительственных постановлений и программ, направленных на охрану уникального природного комплекса озера Байкал, ни одно из которых полностью не было осуществлено. Кроме того, не выполнено предписание, предусмотренное постановлением о перепрофилировании Байкальского целлюлозно-бумажного комбината – одного из наиболее серьезных источников нарушения экологической системы озера².

Опасение вызывает также то, что на базе значительного имущественного расслоения граждан в общественном правосознании, в том числе не без участия различных институтов государственной власти, утверждается феномен правового нигилизма, отторже-

ния законности все более значительной частью населения.

Анализ социально-правовой ситуации показал, что реформаторские акции последних лет привели к разрушению правовой системы социальных ценностей, деформации общественного сознания, в том числе профессионального правового сознания работников правоохранительной системы, нарастанию правового нигилизма в сознании и поведении лиц, ответственных за исполнение юридических предписаний. Массовый характер правонарушений, коррупция, сопровождающая реформы, крайне негативно отразились на отношении граждан, общества и государства к природным ценностям, фактически разрушили принципы нравственного поведения в экологической среде.

По линии государственной власти, призванной обеспечить экологическую безопасность своих граждан, ситуация с каждым годом все больше осложняется вследствие распада прежней системы охраны природы и отсутствия новой, а также постоянных реорганизаций природоохранных учреждений. Таким образом, анализируя законодательную базу в сфере управления природопользованием и охраной окружающей среды, за время действия института президентства в России система центральных органов федеральной исполнительной власти в области природопользования и охраны окружающей среды неоднократно изменялась, причем не в сторону совершенствования. Решения, принимаемые по вопросам развития системы таких органов, основывались не на идеях целесообразности, обеспечения последовательного решения задач рационального природопользования и охраны природы, а исходя преимущественно из интересов ведомств, руководствуясь политическими соображениями, вследствие чего структура федеральных органов исполнительной власти, которая призвана обеспечить реализацию экологического законодательства, к сожалению, преобразовывалась уже 5 раз (в 1993, 1996, 2000, 2004, 2006 гг.)³.

Таким образом, экономической и экологической безопасности угрожают одни и те же дефекты управления страной: законодатель-

¹ См.: Никишин В. В. Теоретические проблемы формирования экологического законодательства субъектов Российской Федерации // Государство и право. 2005. № 3. С. 41–48.

² Об охране озера Байкал: Федер. закон от 1 мая 1999 г. № 94 // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2220.

³ На основании Указа Президента РФ «О структуре Федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314 // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

ная неурегулированность новых экономических отношений, неэффективный контроль исполнения законов со стороны государства, излишняя вера исполнительных структур в силу рыночного саморегулирования, слабый механизм внедрения требований экологического законодательства в экономику.

В этих условиях важным сдерживающим фактором экологического баланса должна стать отлаженная система природоохранного контроля и ответственности на всех уровнях исполнительной власти.

Наличие и проведение экологической политики предусмотрены в Конституции РФ: ст. 71 относит к ведению России установление основ федеральной политики и федеральные программы в области экологического развития Российской Федерации; ст. 80 предусматривается определение Президентом РФ в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами основных направлений внутренней и внешней политики государства; согласно ст. 114 Правительство РФ обеспечивает проведение в Российской Федерации единой государственной политики в области экологии¹.

Право как главный регулятор общественных отношений является первым и важнейшим способом осуществления любой политики, в том числе экологической, выработанной государством и обществом.

Механизм правового регулирования включает три основных общепринятых стадии: правотворчество, правореализацию и применение мер ответственности.

По данным направлениям могут рассматриваться современные правовые проблемы выработки и реализации экологической политики России на пути к устойчивому экологическому развитию.

На сегодняшний день сложилась такая обстановка, где в общем количестве эколого-правовых актов блок собственного законодательства оказался наименьшим. При этом особый интерес вызывает такой феномен, как лоббирование законов, принятие актов, за которые предполагается получить материальные сиюминутные выгоды. Широко известна история с так называемым пакетом законов о ввозе радиоактивных отходов в Россию. Данные законы ак-

тивно подготавливали Министерство промышленности и энергетики РФ (Минпромэнерго) и Комитет по экологии Государственной Думы РФ. В качестве главного аргумента называлась сумма, которую Россия получит в результате ввоза тепловыделяющих сборок ядерных реакторов (20 млрд долларов). При этом в средствах массовой информации указывалось также на то, что существенная часть доходов должна быть израсходована на постройку предприятий по переработке радиоактивных отходов и оборудование мест их захоронения.

Правотворчество предполагает прежде всего принятие федеральных, региональных законов и подзаконных актов, направленных на охрану окружающей среды. В этой области сделано немало, и прежде чем вносить предложения о дальнейшем совершенствовании экологического законодательства, необходимо провести инвентаризацию имеющейся нормативно-правовой базы, ее анализ, а также обеспечить ее неуклонное исполнение и применение.

Конституция РФ определяет, что рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды находятся в совместном ведении федеральных и региональных органов власти. Федеральное правительство несет ответственность за исполнение основных законов, которыми управляется деятельность в сфере защиты окружающей среды и природных ресурсов. Органы власти субъектов РФ отвечают в равной степени за управление на региональном уровне и распределение финансовых ресурсов.

Вместе с тем различие интересов областных администраций, органов исполнительной власти природно-ресурсного блока, часто преследующих различные цели, приводит к низкой эффективности различных мероприятий, направленных на охрану окружающей среды и обеспечение рационального использования природных ресурсов. Поэтому выбор согласованных приоритетов по осуществлению политики охраны окружающей среды и природных ресурсов на федеральном и региональном уровнях является необходимой основой для оказания технической помощи и обеспечения ее эффективности².

¹ См.: Конституция (Основной закон) Российской Федерации. М., 2002.

² См.: Захаров М. В. Приоритеты национальной экологической политики. М., 1999. С. 53–65.

Основными направлениями экологической политики и регулирования являются: обоснование, разработка и реализация планов конкретных действий по улучшению качества окружающей среды в масштабе региона или отрасли; подготовка предложений по совершенствованию структуры и содержания национального плана действий по охране окружающей среды; отработка в рамках пилотных проектов отдельных инструментов и механизмов регулирования природопользования с целью последующего их распространения в масштабах Российской Федерации¹.

Работа строится на следующих основных принципах управления природоохранной деятельностью:

- необходимость обеспечения условий для перехода к устойчивому развитию. Экологическая политика должна быть направлена на формирование условий для удовлетворения потребностей современного поколения без ущерба для будущих поколений;

- системный подход к рационализации использования природных ресурсов и охране окружающей среды;

- превентивность в целях недопущения возникновения вредных последствий как для окружающей среды, так и здоровья человека;

- экономическая оправданность, техническая соразмерность и территориальная совместимость экологической политики;

- минимизация воздействия. Следует обеспечить как можно меньшее воздействие хозяйственной деятельности на природу. Критерием эффективности экологической политики в конечном счете служит уровень снижения экологического ущерба для населения и природных систем в пилотных регионах Российской Федерации.

Главным правовым направлением современной экологической политики в условиях устойчивого экологического развития является обеспечение исполнения законодательства².

Приоритетными могут быть следующие направления:

- доведение содержания принятых актов до сведения всех исполнителей, заинтересованных учреждений и граждан;

- экологическое обеспечение должностных лиц и граждан;

- установление и принятие у должностных лиц экзамена при занятии должностей на минимум экологических знаний;

- создание действенной системы государственного управления в области охраны окружающей среды, включающей координирующий экологический орган, специально уполномоченные государственные органы в области охраны окружающей среды, разделение надзора и природопользования;

- осуществление повседневного всеобщего систематического экологического контроля с соответствующими полномочиями, включающего и общественный контроль;

- обеспечение свободы экологической информации и гласности экологических мероприятий и др.

Следует отметить, что особую актуальность приобрела проблема правовой реформы в организации применения экологического законодательства в деятельности исполнительных органов. В обстоятельствах, когда уважение к закону и праву не является повседневной нормой поведения, а граждане систематически сталкиваются с безнаказанными грубыми нарушениями законных интересов, в том числе со стороны должностных лиц, принятие закона становится необходимой, но вовсе не главной стадией функционирования правового механизма, обеспечения устойчивого развития страны³.

По нашему мнению, правовая реформа исполнительной деятельности в области экологии должна строиться:

- на соблюдении исполнительными органами экологических требований законов, постановлений самой исполнительной власти;

- обеспечении заинтересованных должностных лиц текстами нормативных актов;

- ответственности деятельности лиц за исполнение требований экологического законодательства;

- обучении должностных лиц и граждан применению и соблюдению правовых актов в области экологии;

¹ См.: Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2756.

² См.: О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ от 1 апр. 1996 г. № 440 // СЗ РФ. 1996. № 15. Ст. 1572.

³ См.: Бринчук М. М. О понятийном аппарате экологического права // Государство и право. 1998. № 9. С. 28–40.

– стимулировании, награждении добросовестных природопользователей, равно как и соответствующее вине и нанесенному ущербу наказании правонарушителей;

– осуществлении повседневного и непрерывного контроля за применением экологического законодательства;

– правительственном субсидировании средств массовой информации, содействующих продвижению правовой реформы в экологии;

– массовом выпуске литературы по указанным вопросам для широкого читателя;

– реформировании природоохранных органов в сторону сосредоточения внимания на узловых вопросах, повышении компетентности, профессионализма и экологического правосознания сотрудников.

На наш взгляд, именно данные предложения в комплексе позволят достичь эффекта в продвижении правовой реформы в экологии.

Право становится таковым при возможности привлечения лиц, совершивших правонарушения, к соответствующим видам юридической ответственности. В области экологической политики это является наиболее слабым местом не только из-за недостаточных санкций, предусмотренных законодательством, но и их применения, а также реализации принципа неотвратимости наказания. Экологические правонарушения относятся в России к категории наиболее распространенных, однако при этом латентность экологических преступлений достигает 95–99 %.

Нуждается в существенном улучшении качество предварительного следствия по делам об экологических преступлениях. Каждое 4–5-е дело необоснованно прекращается. Значительная часть правовых санкций не используется (крупный штраф, налагаемый в уголовном порядке; приостановление агрегатов и цехов ввиду их экологической вредности; иски граждан и общественных объединений по возмещению экологического вреда)¹.

Следует отметить, что за последние годы произошли изменения в сфере деятельности судов. Однако именно в области экологии судебная реформа оказалась наименее эффективной: суды общей юрисдикции

и арбитражные суды рассматривают экологические дела по второстепенному принципу, не проводится их обобщений, не осуществляется должная экологическая специализация судей, экологические дела весьма неохотно принимаются к производству, редко рассматриваются по существу, экологические иски граждан годами задерживаются в судебных инстанциях. При назначении наказания суды часто не учитывают тяжесть экологических последствий.

По нашему мнению, объективными причинами являются: загруженность судей, отсутствие квалификации, актуальность других неэкологических дел (о коррупции, организованной преступности, выборах, чести и достоинстве), недостаточное общественное внимание к вопросам экологии, экономический кризис в стране.

Ликвидация указанных недостатков будет означать продвижение правовой реформы в экологии. Это может быть достигнуто следующим образом:

– путем дачи судам со стороны вышестоящих судов новых руководящих разъяснений по вопросам экологии (достаточно много накопившихся);

– организации специализации судей в сфере природопользования и охраны окружающей природной среды;

– привлечения общественного внимания к судебной практике, формирования общественного мнения вокруг этой категории дел и каждого дела в отдельности;

– организации показательных выездных судебных процессов по экологическим делам;

– усиления контактов и взаимодействия судебных и природоохранных органов в смысле обмена информацией, нормативными актами при сохранении независимости и самостоятельности властей.

Таким образом, в настоящее время принятие законодательства является первой, но не главной фазой правового обеспечения устойчивого развития; решающее значение имеет обеспечение применения и соблюдения законодательства, наложение взысканий за его нарушение; активизация усилий граждан по осуществлению своих экологических обязанностей и прав, требований к государству и обществу по соблюдению ими своих обязательств в области устойчивого развития; открытость информации о сделанном и проблемах.

¹ См.: Совершенствование законодательства: вчера, сегодня, завтра: Тез. докл. науч.-практ. конф. Курск, 2004.

Осуществление указанных целей позволит заложить основы природоохранного правового механизма и даст возможность держать экологическую ситуацию в России под эффективным контролем общества и государства, а также реально подготовить государство для перехода на модель устойчивого развития.

Все вышесказанное доказывает, что Россия нуждается в научно обоснованном, хорошо развитом экологическом законодательстве, скоординированных правовых действиях органов власти и управления в центре и на местах, упрочении взаимодействия правоохранительных и контролирующих экологических служб в мощном общественном движении за оздоровление природы и нравственно-правовом экологическом воспитании населения. Это возможно только при условии получения ка-

ждым гражданином необходимых знаний отечественного и зарубежного экологического законодательства и практики его применения.

Библиографический список

1. *Бринчук, М. М.* О понятийном аппарате экологического права / М. М. Бринчук // Государство и право. – 1998. – № 9.
2. *Захаров, М. В.* Приоритеты национальной экологической политики / М. В. Захаров. – М., 1999.
3. *Мышко, Ф. Г.* Развитие законодательства в сфере обеспечения экологической безопасности / Ф. Г. Мышко // Закон и право. – 2004. – № 1.
4. *Тангиев, Б. Б.* Правовое регулирование отношений в области охраны окружающей среды / Б. Б. Тангиев // Гражданин и право. – 2006. – № 1.

Н. В. Соловьев,

соискатель кафедры конституционного и муниципального права

Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Право на благоприятную окружающую среду является одним из основных конституционных прав граждан. Для выработки оптимальных путей реализации данного права необходимо рассматривать его не в качестве единого неделимого правового института, а как совокупность следующих составляющих: 1) право граждан на организацию рационального природопользования со стороны государства; 2) право на отдых; 3) право граждан на обеспечение экологической безопасности.

Первая составляющая заключается в обязанности государства, его должностных лиц обеспечивать такое функционирование природопользования, которое предполагало бы неисчерпаемое использование природных богатств страны, равный доступ граждан к использованию природных ресурсов, расширенное воспроизводство возобновляемых составляющих окружающей

среды и бережное использование не возобновляемых составляющих.

Право на рациональное природопользование позволяет реализовать другое экологическое право, не нашедшее отражение в природоресурсном праве России, – право будущих поколений россиян на благоприятную среду обитания. Устойчивое сбалансированное развитие позволит сохранить природно-ресурсный потенциал России в целях удовлетворения потребностей будущих поколений. Формирование природных объектов представляет собой определенный исторический процесс, в котором одну из ведущих ролей играют не только биотические и абиотические, но и антропогенные факторы. Таким образом, процесс использования природных ресурсов, под влиянием которых происходит формирование природы, должен находиться под контролем общества и происходить исключительно в его интересах. Следует отметить, что поскольку правовой режим природных ресурсов отличается от правового режима иного имущества, нельзя регулировать природопользование нормами гражданского законодательства. Природные ресурсы независимо от видовой принадлежности должны быть объявлены собственностью Российской Федерации. Учитывая высокую социальную значимость окружающей природной среды, по нашему мнению, целесообразно внести данные изменения непосредственно в Конституцию РФ. Если земля мо-

жет находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности, то водные объекты, участки леса, недра, объекты животного мира, иные природные ресурсы, пока не имеющие юридической привязки (воздух, атмосферные осадки, энергия ветра, прибой, иные альтернативные источники), являются исключительно федеральной собственностью. На наш взгляд, регулирование земельных отношений можно осуществлять только в соответствии со ст. 36 Основного закона.

В рамках существующей Конституции РФ без внесения каких-либо изменений и дополнений можно отказаться от частной собственности на природные объекты. Часть 2 ст. 9 Основного закона имеет двойственную трактовку, поскольку земля и другие природные ресурсы могут, но не обязаны находиться в частной и иных формах собственности. Поэтому в отраслевых законодательных актах, прежде всего кодифицированных федеральных законах, следует предусмотреть введение федеральной собственности на природные богатства. При этом нельзя предусматривать даже незначительные изъятия из данного правового режима как нарушающие конституционное право граждан. Примером данных изъятий являются положения действующих Лесного кодекса РФ и Водного кодекса РФ, в соответствии с которыми в частной собственности могут находиться пруды, обводненные карьеры и участки леса, не входящие в лесной фонд.

Поскольку главным распорядителем природных ресурсов является государство (а также должностные лица, уполномоченные выступать от имени Российской Федерации), существует обоснованная необходимость в установлении специальной ответственности государственных органов и их должностных лиц перед многонациональным народом России.

Не исключая привлечения должностных лиц к уголовной, административной, дисциплинарной и имущественной ответственности, появляется возможность для реализации другого вида ответственности – конституционной. Данный вид ответственности в первую очередь должен выполнять превентивные и охранительные функции, а не сводиться к функциям чисто карательным.

В настоящее время практически отсутствует ответственность органов законодатель-

ной власти за их деятельность и принимаемые ими решения. Единственный вид ответственности – конституционный – предусмотрен для законодательных собраний в виде роспуска, а также для отдельных депутатов в виде отзыва. Случаи применения такой ответственности единичны, вследствие неразработанности критериев оценки деятельности законодателей. Однако именно представительные органы власти ответственны за принятие нормативных актов, устанавливающих наиболее важные нормы, регулирующие различные сферы общественной жизни, в том числе природопользование. Одним из критериев оценки эффективности работы законодательных собраний всех уровней может служить качество принимаемых нормативных правовых актов и прежде всего законов. Отслеживать экологическую обоснованность принимаемых актов можно с помощью независимых экологических экспертиз, назначаемых и проводимых непосредственно после принятия закона или по истечении определенного срока после его принятия, когда можно проследить последствия принятия нормативного акта. При отрицательном заключении общественной экологической экспертизы нормативный акт подлежит передаче в Конституционный суд РФ или соответствующий суд общей юрисдикции. Количество отмененных актов служит показателем эффективности работы законодательной власти. Предложения о проведении экологической экспертизы могут вносить Президент РФ, Правительство РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, депутаты Государственной Думы, специально уполномоченные органы исполнительной власти в области охраны окружающей среды, жители Российской Федерации в количестве не менее 100 тыс. человек для федеральных законодательных актов и 10 тыс. человек для региональных законодательных актов, органы представительной и исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления. В состав комиссии по проведению общественной экологической экспертизы необходимо включить: научные организации, научно-исследовательские институты, представителей общественных организаций и юридических лиц, осуществляющих пользование природными ресурсами, представителей органов законодательной власти, принявших данный нормативный акт, предста-

вителей специально уполномоченных органов по охране окружающей среды и правоохранительных органов.

В случае выявления явных злоупотреблений, сговора, нарушения антимонопольного законодательства орган представительной власти подлежит немедленному роспуску. Заключение о правомерности или неправомерности принятия нормативного акта дает Конституционный суд РФ либо соответствующий суд общей юрисдикции в рамках своей компетенции. По результатам рассмотрения и вынесенным заключениям судят о компетентности и объективности органа законодательной власти.

Многие из принимаемых негативных решений в сфере охраны окружающей среды вызваны не только личными корыстными мотивами, но и низкой экологической грамотностью должностных лиц, занимающих государственные должности в Российской Федерации и государственные должности субъектов РФ. Примером может служить проект постановления Правительства РФ «Об утверждении правил, сроков и перечней орудий и способов добывания объектов животного мира, разрешенных к применению».

В Приложении по Центральному федеральному округу в разделе «кабан» пункты *a* и *b* противоречат друг другу: с одной стороны, отстрел самок с приплодом запрещен до 31 октября, а с другой – разрешается охота на все половозрастные группы с 1 октября, включая самок и сеголетков кабана.

В Приложении 2 данного Постановления разрешена охота на бурого медведя в Белгородской, Курской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областях. Однако указанные регионы следует исключить, поскольку, например, в наиболее северной части Тамбовской области единичные особи медведя еще отмечались около 40 лет назад, а в Липецкой, Курской и Воронежской областях последние медведи обитали порядка 100 лет назад¹.

Большое количество подобных примеров свидетельствуют о низком уровне готовности специалистов, выполняющих функции по подготовке и принятию актов, содержа-

щих нормы права. Поэтому следует либо строже подходить к квалификации кадров при назначении на должность государственного служащего (например, принимать лиц, закончивших только очную дневную форму обучения высших учебных заведений, подтвердивших свое право на подготовку специалистов для государственной службы), либо проводить обязательное согласование принимаемых актов с государственными научно-исследовательскими институтами, имеющими соответствующий профиль.

Что касается организации выборных органов власти, то необходимо предусмотреть обязательность, хотя бы высшего юридического или экономического образования для кандидатов.

Вторая составляющая права граждан на благоприятную окружающую среду – право на отдых. Данное право плавно вытекает из рационального природопользования, поскольку отдых граждан – одна из форм природопользования. Именно так следует рассматривать это право в рамках права на благоприятную окружающую среду, отделяя его от конституционного права на отдых (ч. 2–5 ст. 37 Конституции РФ).

В России традиционно граждане могли использовать природные ресурсы для личного отдыха. Это выражалось в установлении публичных сервитутов, таких как право граждан на свободное пребывание в лесах (сбор грибов, ягод и т. д.), на водоемах (отдых, рыбная ловля и т. д.) и др.

Несмотря на то, что данное право сохранено в нормативных актах, принятых в последние годы (Лесной кодекс РФ и Водный кодекс РФ), фактически появились законные механизмы для создания преград, препятствующих гражданам в реализации своих прав. Классифицировать препятствия можно на две группы: 1) передача природных ресурсов в частную собственность; 2) установление государственных запретов и ограничений, связанных с проведением технологических процессов, установление зон особой охраны и т. д.

Если обоснованность запретов в связи с организацией особо охраняемых природных территорий практически не вызывает сомнений (за исключением отдельных моментов, например, передача части национальных парков в аренду), то изменение вида собственности с государственной на частную вряд ли обоснованно. В настоящее время разрешена

¹ См.: Лавов Н. П. Динамика ареала и численности бурого медведя в центральных и восточных областях Европейской части СССР за последние 40 лет. Киров, 1975. С. 110 (Тр. ВНИИОЗ; вып. 25).

приватизация части водоемов и части участков леса. В отношении водных объектов подобная практика имеет массовый характер. В соответствии с существующим законодательством практически все пруды и обводненные карьеры могут передаваться в частную собственность. Государство в обоснованности своих позиций упоминает о том, что большинство гидротехнических сооружений не имеют собственника, следовательно, невозможно установить ответственность за эксплуатацию и соблюдение правил безопасности гидротехнических сооружений (ГТС). Существующие проблемы можно решить путем закрепления бесхозных ГТС за органами местного самоуправления с последующей возможностью передачи их физическим и юридическим лицам на правах аренды с одновременным установлением жестких требований по предотвращению необоснованных запретов со стороны арендаторов к гражданам.

Другой важный объект рекреации – леса. Участки леса, не входящие в лесной фонд, могут находиться в муниципальной, государственной или частной формах собственности. По оценкам экспертов, площадь таких лесов в России составляет 5–10 % от общей площади лесных насаждений. Причем большинство из этих участков расположено в густонаселенных регионах. Например, в Липецкой области крайне низкий процент лесистости территории (менее 8 %). Больше половины из них составляют земли особо охраняемых природных территорий регионального и федерального значения, находиться на которых граждане могут лишь в ограниченном режиме. Передача даже части оставшегося леса в частные руки приведет к потере мест отдыха для тысяч липчан. Подобная ситуация характерна для всего Центрально-Черноземного региона и других малолесных областей. С другой стороны, отсутствие инвестиций в данный сектор экономики не позволяет благоустроить значительную часть лесных массивов, создать там условия для культурного отдыха населения. Выходом из сложившейся ситуации может стать не только долгосрочная аренда участков лесного фонда, но и создание сети государственных лесных хозяйств, ориентированных на удовлетворение потребностей граждан силами государственных учреждений. Так, в Липецкой области создана система культурных рыбных хозяйств, предназначенных для

удовлетворения потребностей граждан в отдыхе и рыбной ловле. Ответственным за эксплуатацию водоемов является специально созданное областное государственное учреждение. За символическую плату жителям области предоставляются водоемы с оборудованными автостоянками, подъездами, мостками для ловли рыбы, беседками и т. д. Установлены определенные категории граждан, имеющих льготы при оплате услуг, предоставляемых на таких водоемах.

По нашему мнению, необходимо также создать сеть государственных лесохозяйственных хозяйств.

Государственные охотничьи хозяйства предназначены для проведения всех видов охоты (весенняя охота на селезней уток с подсадной, гусей из укрытия, вальдшнепов, летне-осенняя охота на пернатую дичь на пролете, охота на пушных зверей с собаками борзых и гончих пород, лисиц и волков облавным методом и т. д.). Полученные денежные средства, а также бюджетные средства будут расходоваться на перспективные направления развития охотничьего хозяйства. Параллельно с организацией охоты будут проводиться благоустройство лесных массивов, мероприятия по уменьшению рекреационной нагрузки на природные объекты и т. д.

Другим способом реализации гражданами своего права на благоприятную окружающую среду, публичное природопользование в целях отдыха является образование общественных объединений экологической направленности. Статья 30 Конституции РФ гарантирует свободу деятельности общественных объединений. В России исторически сложилась благодатная почва для появления различных клубов, обществ совместного ведения хозяйства. Старейшими общероссийскими объединениями данной направленности являются Всероссийское общество охраны природы и Ассоциация «Росохотрыболовсоюз». В последние десятилетия к ним прибавились многочисленные клубы, такие как Липецкий рыболовный клуб, московский клуб «Сафари» и т. п. С помощью данных общественных объединений граждане России реализуют не только право на отдых, цивилизованное природопользование, но и право на управление государством. Современное российское право предоставляет множеству возможностей общественным объединениям участвовать в политической жизни

общества путем законодательной инициативы, устройства общественных слушаний, шествий, митингов и т. д. В последнее время усиливается роль общественности в проведении контроля и надзора за деятельностью органов власти. Общественные объединения вправе проводить общественную экологическую экспертизу, создавать общественные дружины по защите правопорядка и пресечению правонарушений в области природопользования. В соответствии с многочисленными выступлениями Президента РФ в России создается гражданское общество, одной из составляющих которого является всеобъемлющий контроль общества над государственной властью. Подобный контроль должен осуществляться также с помощью экологической общественной экспертизы.

Третья составляющая – право граждан на проживание в условиях экологической безопасности, является подсистемой института национальной безопасности и выступает в форме реализации права на благоприятную окружающую среду. Концепция национальной безопасности РФ предусматривает следующие способы обеспечения экологической безопасности: борьба с загрязнением природной среды за счет повышения степени безопасности технологий, связанных с захоронением и утилизацией токсических промышленных и бытовых отходов, борьба с радиационным загрязнением, создание экологически чистых технологий и рациональное использование природных ресурсов.

В экологической доктрине РФ обеспечение экологической безопасности страны определено как конечная цель государственной политики в области экологии. Приоритетными направлениями являются: обеспечение безопасности при осуществлении потенциально опасных видов деятельности, экологические приоритеты в здравоохранении, предотвращение и снижение экологических последствий чрезвычайных ситуаций, контроль за использованием и распространением генетически измененных организмов, предотвращение терроризма. Несмотря на то, что управление в области охраны окружающей среды и природопользования относится в политике Российского государства к числу основных задач, положение дел в обеспечении экологической безопасности явно неудовлетворительно.

Отношения по обеспечению экологической безопасности регулирует целый мас-

сив нормативных актов, важнейшим из которых является Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ. Так, согласно ст. 1 данного Закона экологическая безопасность – состояние защищенности природной среды и жизненно-важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий.

Однако ни в указанном Законе, ни в иных правовых актах не заложен механизм реализации вышеназванных целей, отсутствует единый подход в правопонимании и правоприменении данного термина. Экологическая безопасность отождествляется с экологическими преступлениями, природопользованием и т. д.

Таким образом, происходит простое декларирование цели экологической безопасности на уровне принципов (в частности, в федеральных законах «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ, «О газоснабжении в Российской Федерации» от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ)¹. Несмотря на то, что в преамбуле Федерального закона «Об экологической экспертизе» от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ провозглашена презумпция потенциальной экологической опасности всех объектов хозяйства, в других статьях данного Закона приведен перечень промышленных объектов, для которых производство экологической экспертизы обязательно, следовательно, имеется логическое и законодательное противоречие между принципами и статьями Закона. Кроме того, не обеспечивается надзор за исполнением законодательства, несмотря на то, что эффективный надзор за исполнением законодательства об охране экологических прав граждан – одна из гарантий обеспечения конституционного права².

Таким образом, существующая экологическая политика в Российском государстве не обеспечивает условий для безопасного устойчивого сосуществования природы и общества, а также не способствует стабильному социально-экономическому развитию нашей страны.

¹ См.: Лопатин В. М. Экологическая безопасность: проблемы конституционной законности // Государство и право. 2004. № 2. С. 25.

² См.: Аваков О. Правовое обеспечение экологических прав граждан // Законность. 2001. № 2. С. 20.

Библиографический список

1. Аваков, О. Правовое обеспечение экологических прав граждан / О. Аваков // Законность. – 2001. – № 2.

С. В. Солоухина,

*адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

В. В. Мамчун,

*начальник факультета подготовки
научно-педагогических кадров
кандидат юридических наук, доцент*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ КАК ОСНОВНОЕ ТРЕБОВАНИЕ К ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛЕКСИКОНУ

Необходимым условием реализации правовой нормы и соответственно эффективности правового регулирования выступает понятийная определенность. Для того чтобы реализоваться, воплотиться в правомерном поведении субъекта права, государственно-властное предписание, содержащееся в норме, должно быть воспринято и понято субъектом права. Следовательно, понятийная определенность – это необходимое условие право-реализации и свойство государственно-властного предписания, содержащееся в нормативных правовых или иных (интерпретационных, правоприменительных) правовых актах. Ее антиподом выступает понятийная неопределенность. Это объективно существующее явление, выступающее в качестве одного из факторов, отрицательно воздействующих на качество правового регулирования. В русском языке определенный – твердо установленный; ясный, не допускающий сомнений; явный, безусловный, несомненный¹, неопределенный – точно не установленный; неотчетливый, неясный; ничего не выражающий².

Вместе с тем необходимо учитывать, что понятие «неопределенность в праве» может нести не только отрицательную смысловую нагрузку, ибо неопределенность – объективное свойство права³. Так, часто законо-

2. Лопатин, В. М. Экологическая безопасность : проблемы конституционной законности / В. М. Лопатин // Государство и право. – 2004. – № 2.

датель намеренно использует позитивную неопределенность в праве, включая в текст правовых актов оценочные понятия, в которых закрепляются наиболее общие свойства, признаки, связи, качества и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов (например, темное время суток, хищение в особо крупном размере, малозначительность, исключительный цинизм, невозможность совместного проживания, большой ущерб и др.). Данные понятия детально не разъясняются с тем, чтобы они конкретизировались путем оценки в процессе применения права и позволили осуществлять в пределах зафиксированной в них общности индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений⁴. В связи с этим закономерно возникает вопрос о том, является ли позитивная неопределенность результатом понятийной неопределенности, который не имеет однозначного ответа.

Проблема понятийной определенности связана с тем, что правовое регулирование – процесс передачи управленческой информации. Его эффективность напрямую связана с качеством этой информации. Точность передачи воли законодателя во многом зависит от того, насколько им адекватно подобраны средства для ее объективации и доведения до адресата. Иными словами, речь идет о терминологической адекватности, т. е. способности языковой конструкции предельно точно, ясно выразить волю законодателя относительно того, как субъекту права следует поступать в конкретной правовой ситуации. Все аспекты так или иначе связаны с языком, поскольку право – явление идеального порядка, объективируемое посредством знаково-символической системы, именуемой языком права. При этом следует учитывать важное обстоятельство: часто язык права ассоциируется только с вербальными формами передачи воли законодателя. Вместе с тем

¹ См.: Лопатин В. В., Лопатин Л. Е. Малый толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 329.

² См.: там же. С. 293.

³ См.: Власенко Н. А., Назаренко Т. Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. 2007. № 6. С. 9.

⁴ См.: Справочник по теории государства и права: Основные категории и понятия / Авт.-сост. А. А. Иванов. М., 2006. С. 208.

вряд ли это верно, поскольку значительная часть правовой информации объективируется в конклюдентной (знаково-символической) форме. Проблема понятийной неопределенности возникает при восприятии информации как в вербальной, так и конклюдентной формах. По нашему мнению, в большей мере понятийная неопределенность появляется в связи с восприятием именно вербальных языковых конструкций, которые составляют юридический лексикон, следовательно, анализировать проблему понятийной неопределенности и терминологической адекватности нужно непосредственно в рамках юридического лексикона.

Если признать язык права профессиональным языком, возникает вопрос о его особенностях. «Профессиональный язык, — замечает Ю. Ю. Кулакова, — образует особое поле, в котором реализуется специальное *терминологическое значение лексики*, ключевой для него, отраслевой *словарь* (курсив наш — С. С.), а также функциональная грамматика связей»¹. Юридический лексикон подчиняется требованиям, одновременно выступающим выражением государственно-правовых закономерностей, ибо он обслуживает процесс правового регулирования, и закономерностей развития и функционирования языка. Состояние юридического лексикона детерминировано сложным комплексом факторов. Если исходить из того, что лексикон — это функциональная система, то она должна отвечать определенным требованиям, одно из которых — терминологическая адекватность, поскольку именно она выступает необходимым условием, обеспечивающим понятийную определенность в процессе правореализации. Представляется, что терминологическая адекватность нормативного правового акта — это показатель его оптимального состояния юридического лексикона, включающего юридические и специализированные термины и слова общепотребительной лексики.

Исследователи сходятся во мнении, что для того, чтобы эффективно выполнять функцию волеизъявления, правовые акты должны быть безупречными по содержанию. Соответственно главная черта юриди-

ческого лексикона — предельная точность. В частности, необходимой составной частью юридического мира, выработавшего собственный юридический язык и собственную систему юридических понятий, является собственная терминология, отражающая характерные особенности и свойства предмета познания и регулирования.

Юридический термин (от лат. *terminus* — граница, предел) — слово или словосочетание, которые, обеспечивая определенность и четкость языка права, являются в обобщенном виде точным наименованием используемых в нем понятий и категорий. Терминами в праве обычно пользуются для словесного обозначения понятий, применяемых при изложении содержания нормативного или иного правового акта². Добиться максимальной точности изложения законодательной мысли без терминов, т. е. слов, имеющих один четко очерченный смысл, невозможно. Они делают законодательство более компактным, избавляют его от пространных описаний и определений.

Однако само понятие юридического термина достаточно противоречиво, поскольку для передачи информации используются также нейтральные в стилистическом отношении пласты лексики, имеющие свою функциональную специфику в рамках языка для профессионального общения. «Вопрос разграничения термина и слова общего употребления, — пишет Е. Е. Шпаковская, — представляет особую сложность для юридической терминологии. Во-первых, лексика общего употребления и юридическая терминология очень близки. Во-вторых, проблема осложняется тем, что юридическая терминология включает в себя терминологию права (прикладной области знания) и терминологию науки — правоведения (юриспруденции)»³. Следует отметить, что соотношение терминов и общепотребительной лексики в разных текстах будет неодинаково. Юридическая терминология, которая, несмотря на свою специфику, востребована повсеместно и повседневно. Однако нередко она весьма

² См.: Оксамытный В. В. Теория государства и права: Учеб. для студентов высш. учеб. заведений. М., 2004. С. 60.

³ Шпаковская Е. Е. Нормативный аспект юридического текста // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2002.

¹ Кулакова Ю. Ю. Язык права // Юрид. техника. 2007. № 1. С. 218.

сложна и трудно объяснима для непосвященных лиц.

Проблема терминологии приобретает большее значение, когда законодательство более совершенно, а также четко и глубоко регулирует общественные отношения. «Человек, не имеющий юридического образования, в случае интерпретации любого закона, представляющего для него определенную сложность, например, регулирующего правоотношения в сфере исполнения наказаний, гражданского процесса, не увидит этого смысла вне применения к конкретной ситуации, которая должна быть описана в знакомой этому человеку терминологии»¹. Кроме того, с точки зрения Е. А. Крюковой, должна использоваться унифицированная, литературная, устоявшаяся лексика, недопустимы злоупотребления «техническими и иными узкоспециальными терминами», целесообразнее использовать термины, «имеющие строго определенное значение»². По мнению других авторов³, юридические и технические термины весьма удобны: они однозначно обозначают нужное понятие, содействуют более четкому изложению нормативных предписаний, способствуя тем самым адекватному пониманию и правильному применению последних.

Разрешение части проблем юридического лексикона во многом зависит от окончания «вечного» спора о противопоставлении «доступности и точности закона», который, по мнению Д. А. Керимова, носит искусственный характер, поскольку «законы создаются отнюдь не только для судей или государственных чиновников, а для всех людей»⁴. Юридический лексикон, с одной стороны, используется всеми членами общества; с другой – специалистами в области права, поэтому внутренне противоречив и неоднороден.

Нормативно-правовой текст, независимо от его функциональных и прагматических особенностей, имеет лексическую (языко-

вую), логическую и графическую основы. Уровень определенности зависит от качества каждого составляющего и совершенства связи между ними. Условием качества правового регулирования является максимальное совпадение формы права с волей нормоустановителя. Неопределенность в системе законодательства мыслится как неясность, неконкретность предписаний в нормативных правовых актах, представляющая собой логико-языковые деформации в выражении и построении правовых норм⁵.

Вместе с тем норма права рассчитана на типичную, повторяемую ситуацию, в то время как конкретная социально-правовая ситуация далеко не всегда может укладываться в эту типовую нормативную схему. Таким образом, при реализации правовой нормы возникает ситуация понятийной неопределенности, которая снимается посредством толкования.

Для того чтобы понять смысл правовой нормы, необходимо соотнесение ее с какой-либо конкретной ситуацией. По мнению А. Ф. Черданцева, цель толкования – не просто уяснение смысла нормы, а перевод ее смысла на язык более конкретных высказываний, раскрытие, развертывание содержания нормы права в более детальных положениях, настолько приближенных к конкретным ситуациям, что они не вызвали бы сомнения в относимости этих ситуаций к толкуемой норме права и облегчали ее применение⁶.

Одним из наиболее серьезных дефектов права является противоречивость норм. Правовая неопределенность может выступать как дефект системы права, системы законодательства и правоприменительных актов. Мы разделяем мнение Е. В. Васьковского, утверждавшего, что для понимания нормы прежде всего необходимо выяснить смысл отдельных слов, из которых она состоит, ибо, не «зная, какие понятия и отношения обозначаются отдельными элементами речи, мы не могли бы понять идею, выражаемую их сочетанием». Смысл слов определяется словоупотреблением, которое представляет собой господствующую

¹ Овчинников А. И. Правовое мышление в правоприменительном процессе: опыт герменевтической методологии // <http://metodologlab.narod.ru/pravo/st5.htm>.

² См.: Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14.

³ См.: Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 74.

⁴ См.: Керимов Д. А. Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пособие. М., 1998. С. 56.

⁵ См.: Власенко Н. А., Назаренко Т. Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. 2007. № 6. С. 11.

⁶ См.: Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 117.

щий и общепринятый способ обозначения словами понятий и представлений. По его мнению, словесная оболочка норм служит единственным материалом, над которым работает форма словесного толкования, и единственным средством, с помощью которого она стремится к достижению своей цели. Кроме того, каждый автор может в том или другом случае отступить от установившегося словоупотребления и создавать свое собственное, индивидуальное¹.

Формирование прочных правовых норм является актуальным в условиях создания правового государства. По данным Председателя Совета Федерации С. Миронова, в год принимается около 300 законов². Безусловно, расширение и усложнение сфер жизнедеятельности определяет необходимость принятия законов для регулирования новых общественных отношений. Однако при этом существует «оборотная сторона». Справедливо обращается внимание на то, что в настоящее время в России «количественное увеличение законов привело к поспешности в их принятии, к снижению качества»³.

По нашему мнению, формирование юридических норм затрагивает глубокие и обширные пласты правового знания: его языковую, личностную, профессиональную и историко-культурную обусловленность, феноменологию практической деятельности и т. д. Поскольку вопрос о терминологической адекватности стоит достаточно остро, требуется детальная проработка каждого законопроекта, что в настоящее время из-за огромного количества рассматриваемых законопроектов не представляется возможным. На наш взгляд, необходимо стремиться к тому, чтобы каждый самостоятельно мог прочесть, узнать, понять содержание закона и ясно представить себе

права, обязанности и последствия, вытекающие из него⁴.

Следует заметить, что существует смысловая разобщенность между правоприменителем и законодателем. Даже если законный акт изложен ясно, это не означает, что он недвусмысленный. Юрист всегда руководствуется законом, нормативное содержание которого должно быть определено с учетом того случая, к которому его следует приложить. А. А. Ушаков обратил внимание на то, что юрист при формулировке и кодификации закона сталкивается с объективными трудностями. Среди них он отметил, что, например, статьи Уголовного кодекса часто отражают сложные жизненные ситуации, поэтому о них невозможно говорить простым доступным языком. «Жизнь развивается и усложняется, юристам тоже приходится делать добавления к уже готовым статьям закона. Это еще один источник объективной сложности. И критерий точности языка закона соотносим с этой объективной сложностью»⁵. Правоприменитель, осознавая историческую ситуацию, в которой был принят закон, и произошедшие с тех пор изменения в общественной жизни, заново определяет нормативную функцию закона. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой правового мышления как правоприменителя, так и законодателя.

Понятийная неопределенность возникает в процессе понимания текста нормативного правового акта и в силу индивидуальных особенностей интерпретатора, адресата. Во многом это зависит от субъективного восприятия правового текста, избрания определенного пути его толкования. «Целью толкования законов, – писал Е. В. Васьковский, – является раскрытие истинного смысла законодательных норм. Каждая такая норма представляет собою выраженную в словах мысль законодателя. Следовательно, искусство толкования законов сводится к умению понимать человеческую речь. Но обладать этим умением нужно вообще всякому, кто имеет дело с произведениями человеческого ума, облеченными в форму слова»⁶.

¹ См.: Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 100.

² Источник: Поленина С. В., Баранов В. М. Формирование правового пространства России в условиях глобализации: состояние и технико-юридические проблемы совершенствования законодательства (вместо предисловия) // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: Сб. ст. / Под общ. ред. С. В. Полениной, В. М. Баранова, Е. В. Скурко. М.; Н. Новгород, 2007. С. 9.

³ Марченко М. Н. Источники права: Учеб. пособие. М., 2006. С. 127.

⁴ См. об этом подробнее: Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 152.

⁵ Ушаков А. А. Язык советского закона // Русская речь. 1968. № 1. С. 41.

⁶ Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 60.

В настоящей работе под основной проблемой терминологической адекватности понимается не только проблема создания ясного текста нормативного правового акта, но и проблема постижения смысла его позитивно-правовых установлений, интерпретации, а также осмысления индивидом всей правовой действительности в целом. На эту сторону обращает внимание А. И. Овчинников, который рассматривает правовое мышление как особую схему смыслопорождения, предполагающую существование особой смысловой константы правового мышления. Эта константа и есть юридический смысл нормы, закона, правоприменительного акта¹.

При установлении терминологической адекватности текста необходимо учитывать разные типы его понимания. Понимание на знаковом уровне означает, что лицо понимает, как соотносятся между собой использованные знаки. На данном уровне, устранив семантические несоответствия и противоречия, можно достичь однозначности в понимании текста. Достичь понимания на когнитивном уровне намного сложнее, поскольку ясность текста в данном аспекте — это не характеристика текста, а характеристика соотносимости текста с реальностью.

Обрисовав основные параметры проблемы терминологической адекватности, мы предлагаем рассматривать ее в двух взаимосвязанных аспектах: технико-юридическом и культурологическом. Техничко-юридический аспект проблемы связан с использованием при объективации государственно-властных предписаний приемов, средств и правил юридической техники. Здесь важно учитывать, что терминологическая адекватность может быть связана как с игнорированием правил юридической техники, технико-юридическими ошибками, так и с особенностями самой юридической техники в процессе правотворчества. «С формальной точки зрения, правила законодательной техники есть выработанные теорией права принципы для построения отрасли, института, нормы права таким образом, чтобы они наилучшим образом соответствовали своему целевому назначению»². В связи с этим в нормативных документах фиксируется система требований социальных институтов, выраженных в законе.

¹ См.: Овчинников А. И. Указ. соч.

² Ковалев М. И. Роль правосознания и юридической техники в развитии уголовного законодательства // Сов. государство и право. 1985. № 8. С. 76.

Культурологический аспект выражается в особой культуре мышления, сформированной многими поколениями людей со специальным юридическим мышлением³. Культурная значимость норм, как справедливо отмечает Н. Д. Голев, заключается в том, что они аккумулируют в себе (с ними ассоциируется) многовековой коммуникативный и духовно-социальный опыт народа и не призваны обслуживать логические умопостроения современных политиков с их сиюминутными интересами.

Таким образом, основными факторами терминологической неадекватности выступают проблема взаимодействия юридического и естественного языка (приобретение юридической значимости слов, выражений, конструкций, связок естественного языка в правовых документах, которые не становятся терминами, но включенность в систему задает им в определенной мере юридический смысл), специфический жесткий модус юридических текстов, в котором доминирует предписательный императив, «жесткая семантизация» языковых единиц, используемых в юридической речи, противоречивость норм, невозможность охвата юридическими текстами всего разнообразия реалий, степень (типы) понимания юридических терминов (правовых текстов), уровень правосознания, юридической образованности рядовых граждан (и присяжных заседателей, в частности).

Преодоление понятийной неопределенности, вызванной терминологической неадекватностью, и достижение терминологической адекватности возможно только в результате гармонизации юридического лексикона. Одним из направлений такой гармонизации может служить лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов, которая предполагает оценку соответствия текста представленного законопроекта нормам современного литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей текстов законов⁴. Другим направлением является повышение уровня лингвистического образования специалистов в области права, достижения понима-

³ См.: Голев Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2004.

⁴ См.: Нормография: Теория и методология нормотворчества: Учеб.-метод. пособие / Под ред. Ю. Г. Арзамасова. М., 2007. С. 203.

ния ими глубинных закономерностей устройства и функционирования естественного языка – источника многих конфликтов в правоприменительной деятельности.

В заключение следует отметить, что ограниченные рамки работы не позволяют детально охарактеризовать все многочисленные факторы терминологической адекватности, ее задача – очертить контуры проблемы и привлечь к ней внимание научной общественности.

Библиографический список

1. Васьковский, Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и при-

менении гражданских законов / Е. В. Васьковский. – М., 2002.

2. Власенко, Н. А. Неопределенность в праве: понятие и формы / Н. А. Власенко, Т. Н. Назаренко // Государство и право. – 2007. – № 6.

3. Голев, Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-5 : Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права : межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул, 2004.

4. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 1990.

Ф. С. Сосенков,

преподаватель кафедры

государственно-правовых дисциплин

Волжской государственной академии

водного транспорта

кандидат юридических наук

УЧАСТИЕ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ

Качество правовой нормы, ее обоснованность, соответствие основным социальным целям, степень ее воздействия на поведение субъектов правового регулирования и эффективность во многом зависят, особенно на стадии выявления потребностей в правовом регулировании, от качества правотворческого процесса¹.

Вопрос о качестве закона является актуальным, вызывал и вызывает в юридической литературе различные суждения². К

нему неоднократно обращался Президент Российской Федерации. Например, анализируя качество законодательства, В. В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 г. указал на то, что позитивные результаты в законотворчестве не могут оправдать законов, часто противоречащих друг другу. В речи на заседании коллегии Министерства юстиции Российской Федерации 17 марта 2006 г. Президент отметил, что, несмотря на обилие законопроектов, разрабатываемых при непосредственном участии и под непосредственным контролем Минюста России, «количество не всегда соответствует качеству»³.

В русском языке слово «качество» определяется следующим образом: «то или иное свойство, признак, определяющий достоинство чего-либо»⁴. Применительно к правотворческому процессу субъектов федерации качество будет означать степень годности регионального закона к регулированию общественных отношений.

В юридической литературе под качеством закона понимается совокупность юридических свойств, обуславливающих пригодность закона удовлетворять определенные потребности общества, государства, личности соответственно природе права⁵. Итак, создание качественного закона должно служить одной из основных на сего-

¹ См.: Научные основы советского правотворчества. М., 1981. С. 7.

² См.: Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: Моногр. Иркутск, 1998; *он же*. Концептуальные основы теории правового качества закона // Сибир. юрид. вестн. 2005. № 2; Магомедов С. К. Техникo-правовые аспекты законотворчества // Адвокат. 2003. № 7; Талянин В. В. Качество закона как фактор повышения «социальной престижности» правовой законности // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Право. Н. Новгород, 2001. Вып. 1(3): Государство и право: итоги XX века; Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993 и др.

³ Бюл. Минюста России. 2006. № 4. С. 4.

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 270.

⁵ См.: Теория государства и права (определения и схемы). Н. Новгород, 2002. С. 20.

дняшний момент задач – наведению и поддержанию в стране правового порядка.

Региональные нормативные правовые акты отличаются значительным своеобразием. Они отражают политические, географические, экономические, социально-духовные, демографические и иные специфические черты субъектов Федерации и способствуют наиболее полному удовлетворению потребностей конкретного региона. В этой связи критерии качества закона проявляются и оцениваются на региональном уровне по-разному.

Особый интерес представляет возможность общественных структур, институтов гражданского общества, наряду с государственными органами, участвовать в обеспечении качества региональных законов. Однако в юридической науке данный вопрос не нашел пока должного отражения, поэтому в рамках нашей статьи подробно остановимся на возможностях региональных общественных палат, в частности, Общественной палаты Нижегородской области.

В п. 3 ст. 2 Закона Нижегородской области «Об Общественной палате Нижегородской области» от 31 октября 2006 г. №132-З¹ (далее: Закон) среди функций Общественной палаты Нижегородской области (далее: Общественная палата) названо проведение общественной экспертизы проектов законов области. Следовательно, Общественной палате предоставлены определенные полномочия по воздействию на качество регионального закона. В Законе напрямую не сказано о возможности проведения со стороны Общественной палаты экспертизы действующих законов области. Вместе с тем согласно п. 2 ст. 2 Закона Общественная палата осуществляет открытое и гласное обсуждение общественно важных проблем, доводит общественное мнение жителей Нижегородской области до органов государственной власти и местного самоуправления. В круг таких общественно важных проблем, безусловно, могут попасть и дефекты того или иного действующего закона области.

Региональные общественные палаты относятся к субъектам неофициальной оценки качества закона (законопроекта). В эту группу также входят ученые, специалисты, представители общественных объединений,

средств массовой информации и др. Оценочные суждения этих субъектов носят неофициальный инициативный характер и не имеют для законодателя обязательного юридического значения. Вместе с тем отмечено, что в определенных случаях неофициальные оценки качества законов и законопроектов могут повлиять на принятие правотворческих решений. Такого рода оценки являются одним из средств осуществления гражданского контроля за деятельностью законодателя². В этой связи представляется, что региональные общественные палаты могут стать своеобразным связующим звеном между населением региона и законодательным органом субъекта Российской Федерации в обеспечении качества наиболее важных региональных законов.

Полагаем, что к основным критериям качества регионального закона необходимо отнести следующие.

1. *Соответствие региональных нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации, федеральным законам, конституции (уставу) субъекта Российской Федерации.*

В период формирования правовых систем субъектов Федерации, завершившегося к 2000 г., накопилось большое количество нормативных правовых актов субъектов Федерации, не соответствующих федеральному законодательству³.

Эта проблема открыто обсуждалась и на государственном уровне. Так, в Послании Президента Российской Федерации «Россия на рубеже эпох» было признано необходимым решать проблемы государственно-правовой ответственности в случае грубого нарушения Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, разрабатывая конституционные гарантии ответственности⁴.

Качественно новый этап развития правотворческой деятельности субъектов Российской Федерации начался в 2000 г. и продолжается по настоящее время. Деятельность государственных органов по приведению за-

² См.: Игнатенко В. В. Концептуальные основы теории правового качества закона.

³ См.: Контарев М. В. Об обеспечении единства правового пространства России и задачах территориальных органов Министерства юстиции Российской Федерации // Бюл. Минюста России. 2005. № 11. С. 8.

⁴ См.: Рос. газ. 1999. 27 марта. С. 4–5.

¹ См.: Нижегород. новости. 2006. 11 нояб.

конодательства субъектов Федерации в соответствии с положениями Основного закона страны и федеральных законов приобрела целенаправленный и систематический характер. Данный период с полным правом можно назвать этапом борьбы за единое правовое пространство России.

Проблема несоответствия нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральному законодательству является в настоящий момент не такой острой, как в 1990-е гг., однако не решена полностью. В этой связи представляется, что региональные общественные палаты могли бы внести свой вклад в обеспечение единого правового пространства Российской Федерации.

В случае обнаружения в ходе общественной экспертизы несоответствия проекта закона области федеральному законодательству, а также уставу области, данный факт может быть доведен до Законодательного собрания области. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 14 Закона заключения Общественной палаты по результатам общественной экспертизы проектов законов области подлежат обязательному рассмотрению на заседании Законодательного собрания Нижегородской области с участием членов Общественной палаты.

В ситуации, когда в ходе деятельности Общественной палаты становится ясно положение о несоответствии федеральному законодательству действующего закона области, Общественная палата может напрямую обратиться в соответствующий государственный орган, в частности, в прокуратуру (п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона).

2. Адекватное отражение происходящих в субъекте Федерации процессов, точное проецирование этих процессов на будущее, прогнозирование возможных путей развития региона.

В случае нарушения этого правила возможен ошибочный выбор направления перспективного развития и политико-правовой трансформации.

Так, например, Правительство Российской Федерации, осуществляя свою социальную функцию, приступило к реализации четырех приоритетных национальных проектов: 1) повышение качества и доступности здравоохранения; 2) модернизация и поддержка образования; 3) обеспечение прав граждан России на доступное и ком-

фортное жилье; 4) возрождение агропромышленного комплекса страны.

В соответствии со ст. 72 Конституции Российской Федерации все перечисленные направления государственного воздействия на общество находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В таком совместном ведении находятся:

а) вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами;

б) общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта;

в) координация вопросов здравоохранения; защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение;

г) административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды.

В плане совместного ведения субъекты Российской Федерации могут осуществлять правотворчество в рамках Конституции Российской Федерации и федеральных законов. Очевидно, для того чтобы эффективно реализовывать приоритетные национальные проекты, необходимо провести значительную правотворческую работу на новом качественном уровне, в большей части именно в субъектах Российской Федерации.

В свете рассматриваемого критерия качества необходимо адекватно отразить в законопроекте происходящие в регионе государственно-политические, экономические, социально-духовные процессы. Это позволит спрогнозировать возможные пути реализации приоритетных национальных проектов в субъекте Федерации.

Только уяснив региональную специфику, возможно более глубоко выявить потребности субъекта Федерации, что принципиально важно для подключения средств их удовлетворения. Различные правотворческие средства могут понадобиться для решения проблемы развития здравоохранения в городах федерального значения, например, в районах Крайнего Севера. Кроме того, в силу экономической специализации регионов для некоторых из них приоритетный национальный проект развития агро-

промышленного комплекса является наиболее важным. Следовательно, в них должны приниматься в первую очередь глубоко проработанные нормативные правовые акты в области сельского хозяйства.

Только квалифицированные специалисты могут понять специфику важных общественных процессов, найти наиболее приемлемые правовые решения, учитывающие интересы различных социальных групп, интересы региона в целом. Постичь глубину такой сложной деятельности, как правотворчество, могут только специалисты высшего теоретического и практического уровня (юристы, экономисты, психологи, социологи и др.). Поэтому повышать качество регионального закона нужно посредством привлечения грамотных специалистов в аппарат правотворческих органов субъектов Российской Федерации. Немаловажное значение имеют мониторинг и анкетирование, позволяющие выявлять потребности, «держать руку на пульсе» той или иной региональной сферы: образования, здравоохранения, бизнеса и т. д.

В юридической литературе отмечена необходимость научной проработки концепций наиболее важных законопроектов. В этой связи отметим, что Общественной палате согласно п. 1 ч. 3 ст. 13 Закона предоставлена возможность привлекать при производстве экспертизы экспертов из числа ученых и специалистов. Они могут указать Законодательному собранию на те изъяны содержательной части законопроектов, которые имеют место в их деятельности.

3. Четкое определение цели закона и ее нормативное закрепление.

Одним из важнейших элементов правотворческой деятельности является целеполагание. Оно обуславливает переход к выбору средств и к конкретным действиям. От этого напрямую зависит эффективность правового регулирования. При этом постановка слишком узких, второстепенных целей (так называемое мелкотемье) приводит к тому, что правотворческий процесс завершается некачественным результатом в виде несовершенного законодательства¹.

Так, например, слишком узкими являются вопросы, регулируемые Законом Нижегород-

ской области «О ставках платы за древесину, отпускаемую на корню, на территории Нижегородской области» от 5 апреля 2004 г. № 24-З² или Законом Нижегородской области «О порядке использования на территории Нижегородской области некоторых видов моторного топлива» от 28 декабря 2001 г. № 241-З³. Подобные вопросы вполне могли быть урегулированы подзаконными актами в форме постановлений губернатора или актами соответствующих областных министерств.

По-видимому, быстрые изменения, связанные с содержательной стороной законов и методов правовой регламентации общественных отношений могут представлять собой значительные препятствия на пути эффективности правотворчества субъектов Российской Федерации. По существу, если значимость и стабильность регулируемых отношений не учитываются, то исчезает и соответствующий нормативно-юридический критерий. В этой связи регионам Российской Федерации можно воспринять опыт Владимирской области: в ч. 2 ст. 13 Устава Владимирской области определен круг вопросов, для урегулирования которых необходимо принимать именно законы, а не иные нормативные правовые акты⁴.

4. Наличие механизма реализации регионального закона. Данный критерий характеризует его качество, оптимальную возможность реализации его предписаний.

Существенным дефектом законодательства субъектов Российской Федерации является декларативность значительного числа актов. Специфика подобных законов с правовой точки зрения состоит в том, что они не снабжены механизмом их реализации. Более того, значительная часть декларативных норм вообще не обладает регулятивными свойствами, так как они представляют собой лишь переложенные на язык закона политические лозунги и программы. Такие нормы получили в правовой литературе специальное название «нормы-цели», поскольку в них выражается лишь политико-нормативная ориентация в происходящих процессах и явлениях, содержится нормативное требование к будущему состоянию развития общества и государства⁵.

² См.: <http://www.kodeks.ru>.

³ См.: там же.

⁴ См.: Владим. ведомости. 2001. 23 авг.

⁵ См.: Таланин В. В. Указ. соч. С. 198.

¹ См.: Шувалов И. И. Цели и средства в правотворческой деятельности // Закон. 2005. № 5. С. 110.

Законотворческая практика свидетельствует о том, что закон может содержать разнообразие описания, но не решать основных проблем той или иной сферы общественных отношений. В качестве примера можно назвать Закон Республики Башкортостан «О товарных биржах» от 15 июня 1992 г.¹, отличающийся, по сути, декларативным характером.

В научной литературе отмечено, что причиной декларативности регионального закона может быть изначальная фиктивность положений федерального законодательства². Так, например, было в 1990-е гг. с вопросом частной собственности на землю, закрепленным ст. 9 Конституции Российской Федерации. В условиях нерешенности основных положений на федеральном уровне определение процедуры решения вопроса было отнесено на уровень субъектов Российской Федерации. В результате многие региональные законы отличаются декларативностью, неэффективностью (например, Закон Саратовской области «О земле» от 21 мая 2004 г. № 23-ЗСО³).

В декларативных законах субъективные права часто не сопровождаются обязанностями, отсутствуют значимые стимулы правомерного поведения или устанавливаются малоэффективные санкции.

Повысить эффективность правового регулирования в данном случае можно, используя так называемый пакетный принцип регламентации общественных отношений. Речь идет о ситуации, когда принятие закона и конкретизирующих его положения подзаконных актов максимально сближены во времени, что приводит к скорейшей реализации положений закона.

5. Наличие или отсутствие в законах пробелов.

Пробел в праве – это частичное или полное отсутствие в действующей системе законодательства нормы права, в соответст-

вии с которой должен решаться вопрос в процессе правоприменения⁴.

Пробельность в региональном законодательстве – явление достаточно частое. Например, анализ сельскохозяйственного законодательства регионов Уральского федерального округа, проведенный Министерством юстиции Российской Федерации, дал следующие результаты. В Курганской области законодательно не установлены минимальный размер образуемых новых земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, максимальный размер общей площади земельных участков сельскохозяйственных угодий и др. К тому же в области отсутствуют специальные акты в сфере обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения. В Тюменской области не приняты подзаконные акты, обеспечивающие реализацию Закона Тюменской области «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Тюменской области» от 28 декабря 2004 г. № 305⁵. Практика проведения экспертиз изобилует подобными примерами.

Наличие пробелов в праве объясняется, в частности, тем, что ни одно законодательство не в состоянии учесть всего многообразия общественных отношений, которые нуждаются в правовом регулировании. Так, в региональном законодательстве пробелы могут возникать по причине того, что вопрос, относящийся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъекта, не регламентирован ни на федеральном, ни на региональном уровнях.

Пробелы в законодательстве устраняются в процессе правотворчества путем внесения изменений и дополнений в законы, издания новых, более совершенных нормативных правовых актов. Поэтому законодательным органам власти необходимо постоянно отслеживать динамику важнейших

¹ См.: <http://www.bashedu.ru>.

² См.: Зражевская Т. Д. Закономерности развития юридической техники в правотворческом процессе субъектов Российской Федерации // Проблемы юридической техники: сб. ст. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. акад. РАЕН и ПАНИ, засл. деят. науки РФ В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 138.

³ См.: Саратов – столица Поволжья. 2004. № 99 (1050).

⁴ См.: Кожевников С. Н. Реализация права, юридическое толкование, законность: Учеб.-метод. пособие по курсу «Общая теория права». 3-е изд., испр. и доп. Н. Новгород, 2005. С. 35.

⁵ См.: Мельник И. Н. Состояние и перспективы развития федерального и регионального законодательства в сфере сельскохозяйственного производства (на материале регионального законодательства в Уральском федеральном округе) // Бюл. Минюста России. 2006. № 6. С. 57–58.

сфер жизни региона. Это позволяет своевременно выявлять общественные отношения, требующие правовой регламентации.

Что касается общественной палаты, то она может в рамках своих полномочий рекомендовать Законодательному собранию области восполнить те или иные пробелы в законодательстве.

6. *Соответствие правилам законодательной техники.*

Законодательная техника – это совокупность правил и приемов разработки и формулирования законов, т. е. наиболее совершенных и целесообразных по форме, структуре и стилю нормативных правовых актов¹.

В юридической литературе в обобщающем плане называются следующие основные правила, которые должны учитываться при построении текста закона:

- логическая последовательность и завершенность изложения (построения) текста;
- непротиворечивость отдельных частей закона в рамках его структуры и по отношению к иным законам;
- точность в изложении, ясность и понятность правовых предписаний;
- официальный деловой стиль изложения;
- соблюдение правил грамматики и синтаксиса, недопустимость использования устаревших слов, выражений, употребления штампов бюрократического стиля и др.²

Следует отметить, что приемы и правила законодательной техники, обладая общими закономерностями, на региональном уровне проявляются по-иному, чем в процессе формирования федерального законодательства. Данные специфические черты и их закономерности пока недостаточно исследованы в юридической науке.

Низкий технико-юридический уровень законодательства субъектов Российской Федерации можно объяснить как неболь-

шим опытом законопроектных работ, так и отсутствием сложившихся традиций использования приемов юридической техники. Подготовка законопроектов в основном осуществляется с опорой на интуицию, а не на единые правила или четкие, научно обоснованные разработки.

К сожалению, практика подтверждает образное выражения Г. Спенсера о том, что «...единственное дело, которое не требует никакой подготовки, – это искусство создавать законы для целого народа»³. Такой подход не гарантирует от просчетов, несовершенства, которые полностью не удастся исправить на стадии принятия закона.

Важным реквизитом регионального закона выступает наименование. Оно играет первостепенную роль в оценочном восприятии, понимании законодательного текста, что определяет правильное, эффективное применение закона в конкретной ситуации. В этой связи необходимо отметить, что в законотворческой практике субъектов Российской Федерации имеет место принятие законов со сложными и неоправданно длинными заголовками.

В качестве примера приведем Закон Нижегородской области «Об освобождении предприятий хлебопекарной, мукомольной промышленности и предприятий потребительской кооперации, производящих хлеб и хлебобулочные изделия, от уплаты налога на имущество предприятий и земельного налога в части, зачисляемой в областной бюджет» от 21 августа 2000 г. № 122-З⁴. Подобные наименования мешают пониманию акта и его систематизации.

В наименовании закона о внесении изменений в иные законы необходимо называть конкретную норму, в которую вносятся изменения, а в случае неоднократного изменения следует дополнительно указывать, в какой именно части она изменяется⁵. Примером нарушения этого требования служит Закон Нижегородской области «О выборах депутатов Законодательного собрания Нижегородской области» от 25 ноября 2005 г. № 187-З (в ред. от 12 апреля

¹ См.: Булаков О. Актуальные вопросы законодательства и законодательной техники // Право и жизнь. 2003. № 11. С. 1–4; Законодательная техника: Науч.-практ. пособие / Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. С. 8–9; Юридическая техника (обзор материалов науч.-метод. семинара) // Государство и право. 2000. № 3. С. 108–109.

² См.: Лазарев В. В. Нормотворчество. Юридическая техника // Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М., 2002. С. 180; Жинкин С. А. Теория государства и права: Конспект лекций. Ростов н/Д, 2002. С. 126.

³ Спенсер Г. Грехи законодателя // Социол. исслед. 1992. № 2. С. 136.

⁴ См.: <http://www.infogarant.park.ru>.

⁵ См.: Савченко Л. В. Юридическая техника в правотворчестве субъекта Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 119.

2007 г.)¹. Поиск статей, в которые вносились изменения, отнимает время у правоприменителя, создает дополнительные трудности.

В правотворческом процессе на региональном уровне постоянно нарушается принцип единства юридической терминологии. В законах субъектов Федерации применяются разные термины, обозначающие одни и те же понятия, например, «незаконная охота – браконьерство», «пахотные земли – пахотные угодья» и др.² Создается впечатление, что региональный законодатель заботится о стилистическом разнообразии и приносит ему в жертву единство терминологии.

Между тем терминологические различия могут вызывать правовые конфликты или как минимум служить основанием для возникновения спорных вопросов. В связи с этим целесообразно провести унификацию нормативно-правовой терминологии субъектов Российской Федерации. Очевидно, региональному законодателю не хватает профессионализма и опыта для должного соблюдения правил юридической техники. Поэтому повышать качество регионального законодательства необходимо, совершенствуя профессиональную подготовку лиц, причастных к правотворчеству, путем введения спецкурса по законодательной технике в юридических вузах.

Однако данная мера является стратегической. На современном же этапе повышать уровень юридической техники возможно через усиление правовых управлений законодательных собраний соответствующими кадрами. При этом не следует экономить на технико-юридическом качестве закона, поскольку трудно назвать какую-либо сферу, где алогично построенная фраза, разрыв между мыслью и ее текстуальным выражением, неверно или неуместно использованное слово способны повлечь за собой такие тяжелые последствия, как в области законотворчества³.

Члены общественной палаты, если они обладают соответствующими знаниями в

области документоведения, лингвистики, юриспруденции, а также привлеченные к общественной экспертизе ученые могут контролировать исполнение требований законодательной техники как на стадии законопроекта в ходе проведения общественной экспертизы, так и проверять качество уже принятых законов.

Интересен опыт Воронежской области, где с целью создания качественных законопроектов, сближения интересов науки и практики совместным постановлением администрации области и областной думы был создан государственный институт регионального законодательства. Его основной целью стало совершенствование регионального законодательства посредством проведения научных исследований и выполнения разработок модельных законов и иных нормативных актов в сфере законотворческого и правоприменительного процесса субъекта Федерации⁴. Подобные учреждения могли бы быть созданы и в других субъектах Федерации.

В исследованиях последних лет указывается, что при разработке и составлении проектов законов субъектов Российской Федерации целесообразно учитывать опыт других субъектов Российской Федерации с целью сокращения случаев, не обусловленных спецификой того или иного региона, различий в правовом регулировании общественных отношений⁵. Причем особо следует отметить, что учитываться должен не только положительный, но и отрицательный опыт. В этой связи правильным было бы создание федерального банка законотворческих ошибок с открытым доступом к нему в целях предотвращения аналогичных изъянов в будущих региональных законах.

Нормативно-правовое закрепление требований законодательной техники интенсивнее происходит в субъектах Российской Федерации, чем на федеральном уровне. На уровне Российской Федерации требования законодательной техники регламентируются в основном в подзаконных нормативных правовых актах. Во многих же субъектах Федерации приняты специальные законы о

¹ См.: Нижегород. новости. 2005. 29 нояб.

² Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. 1993. № 1–2. Ст. 406.

³ См.: Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 2000. С. 55.

⁴ См.: Зражевская Т. Д. Указ. соч. С. 141.

⁵ См.: Картухин В. Ю. Технико-юридическое качество законов субъектов Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 151.

нормативных правовых актах и правотворчестве, в которых сформулированы основные технические требования к законам, например, Закон Астраханской области «О нормативных и иных правовых актах органов государственной власти Астраханской области» от 20 июня 2003 г. № 17/2003-ОЗ¹, Закон Липецкой области «О нормативных правовых актах Липецкой области» от 27 марта 1997 г. № 64-ОЗ², Закон Нижегородской области «О нормативных правовых актах в Нижегородской области» от 10 февраля 2005 г. № 8-З³.

Мы солидарны с существующим в юридической литературе мнением о необходимости принятия Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», в котором бы были определены такие термины, как «нормативный правовой акт», «закон субъекта Российской Федерации», перечислены виды нормативных правовых актов, которые могут издавать органы государственной власти (в том числе законодательные органы субъектов Российской Федерации), их юридическая сила, основные требования к законодательной технике.

Основываясь на вышеизложенном, мы предлагаем следующее определение качества регионального закона: качество закона субъекта Российской Федерации – это целостная совокупность правовых свойств регионального закона (адекватное отражение происходящих в субъекте РФ процессов, соответствие федеральному законодательству, отсутствие пробелов и др.), которая является одной из предпосылок эффективного действия закона в целях удовлетворения специфических потребностей региона.

Правотворческий орган обладает тем большей свободой и тем больше способствует повышению качества своих актов, чем больше он имеет перед собой альтернативных проектов⁴. В этой связи общественная палата могла бы повышать качество региональных законов путем разработки (самостоятельно или совместно с привлекаемыми специалистами) законопроектов по наиболее актуальным проблемам. Однако, на-

пример, в соответствии со ст. 27 Закона Нижегородской области «О нормативных правовых актах в Нижегородской области» Общественная палата не названа среди субъектов права законодательной инициативы. Тем не менее она может вносить законопроекты в Законодательное собрание области через органы или лица, обладающие таким правом, к которым относятся: депутаты Законодательного собрания области, губернатор области, члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания от Нижегородской области, представительные органы местного самоуправления, имеющие активное избирательное право жители области в количестве не менее десяти тысяч человек и другие субъекты. Сравнение официальных законопроектов с разработанными Общественной палатой позволит увидеть слабые и сильные стороны различных подходов.

Естественно, что Общественная палата не имеет возможности проводить экспертизы всех законопроектов и разрабатывать большое количество альтернативных законопроектов. Здесь речь идет о том, чтобы сконцентрировать общественное внимание на наиболее важных вопросах, требующих правовой регламентации в пределах региона.

В заключение отметим, что законы субъектов Российской Федерации не должны восприниматься как нечто некачественное, второсортное. Предложенные меры должны способствовать устранению дефектов в основном на стадии подготовки и принятия региональных законов, что в конечном счете приведет к уменьшению степени правового нигилизма в регионах.

Библиографический список

1. Зражевская, Т. Д. Закономерности развития юридической техники в правотворческом процессе субъектов Российской Федерации / Т. Д. Зражевская // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. акад. РАЕН и ПНИ, засл. деят. науки РФ В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.

2. Игнатенко, В. В. Концептуальные основы теории правового качества закона / В. В. Игнатенко // Сибир. юрид. вестн. – 2005. – № 2.

¹ См.: Астрах. изв. 2003. 3 июля.

² См.: Липец. газ. 1997. 5 апр.

³ См.: Нижегород. новости. 2005. 26 февр.

⁴ См.: Шувалов И. И. Указ. соч. С. 111.

М. А. Трухин,
адъюнкт кафедры
оперативно-розыскной деятельности
Барнаульского юридического института
МВД России

И. Н. Бобровничай,
доцент кафедры психологии,
педагогике и управления в ОВД
Барнаульского юридического института
МВД России
кандидат педагогических наук, доцент

**ПРОБЛЕМЫ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННОГО
ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ
И КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

Результаты работы по раскрытию взяточничества и коммерческого подкупа во многом зависят от слаженности работы следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Сотрудник оперативного подразделения выявляет преступления, а следователь возбуждает уголовные дела по выявленным преступлениям и направляет их в суд для рассмотрения по существу. Однако на практике часто получается, что оперуполномоченный выявляет, на его взгляд, признаки состава преступления, сообщает их следователю для принятия решения о возбуждении уголовного дела, но следователь, исходя из своего правосознания, не усматривает признаки состава преступления со стороны определенного субъекта. На практике также распространена ситуация, когда следователь возбуждает уголовное дело, но во время совместной работы с сотрудником оперативного подразделения не видит перспективного его направления в суд. В связи с этим возникают конфликтные ситуации, которые в дальнейшем заканчиваются взаимными обвинениями между службами, которые по действующему законодательству должны активно взаимодействовать между собой.

Взаимоотношения следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, определяются термином «взаимодействие». Известные ученые-криминалисты определяют его по-разному. Так, по мнению Н. П. Яблокова, взаимодействие следователей с оперативно-розыскными органами –

это основанная на законе и согласованная по всем принципиальным условиям деятельность указанных лиц и органов, направленная на раскрытие преступлений и решение всех остальных задач их расследования и предупреждения¹.

И. Ф. Герасимовым и Е. В. Цыпленковой высказана точка зрения, согласно которой взаимодействие органов предварительного следствия и дознания представляет собой основанное на законе правильное сочетание и эффективное использование полномочий и методов работы, присущих каждому из этих органов, направленное на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений².

Р. С. Белкин определяет взаимодействие субъектов доказывания следующим образом: «это одна из форм организации расследований преступлений, заключающаяся в основном на законе сотрудничества следователя с органом дознания, согласованном по цели, месту и времени. Осуществляется в пределах их компетенции в целях полного и быстрого раскрытия преступлений, всестороннего расследования уголовного дела и розыска скрывшихся преступников, похищенных ценностей и иных объектов, существенных для дела»³.

В. И. Даль определил рассматриваемое понятие как взаимное действие: «взаимничать – соблюдать обоюдность, равные, взаимные действия и отношения»⁴.

Приведенные определения отличаются между собой по смыслу и содержанию. Объединяются данные определения в том, что взаимодействие осуществляется:

- в соответствии с законодательством;
- в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений;
- на основе равного, взаимного действия;
- согласованно по цели, месту и времени.

Отличием каждого из авторских определений является различное отношение к субъектам взаимодействия. Так, Н. П. Яблоковым

¹ См.: Криминалистика: Учеб. / Отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1999. С. 363.

² См.: Криминалистика: Учеб. для вузов / И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко и др.; Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., 1994. С. 72.

³ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 31.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 1. С. 190.

названы только следователь и оперативно-розыскной орган. И. Ф. Герасимов и Е. В. Цыпленкова определили участников как «органы предварительного следствия и дознания». Р. С. Белкин помимо следователя и органа дознания называет иных субъектов (специалисты, эксперты и т. д.)¹.

Следует рассмотреть основные формы и этапы взаимодействия. В некоторых учебных пособиях к формам взаимодействия отнесены:

- совместное планирование;
- обмен информацией;
- производство следственных и розыскных действий по поручению следователя либо участие оперативных работников в следственных действиях;
- совместное обсуждение следственных и оперативно-розыскных действий;
- отчеты оперативных работников и др.

Деление взаимодействия на этапы носит условный характер. Первый этап – этап оперативных и доследственных проверок. По результатам данных проверок, осмотра места происшествия принимается решение о возбуждении уголовного дела либо о передаче материалов по подследственности. Второй этап – производство первоначальных следственных действий. Третий этап – предъявление обвинения и начало производства последующих следственных действий. Четвертый этап – производство следственных действий, связанных с окончанием предварительного расследования.

По нашему мнению, необходимо подробнее рассмотреть первый этап, так как его важность и значимость применительно ко взяточничеству и коммерческому подкупу в сфере образования трудно переоценить. Основная масса преступлений данной категории выявляется в результате проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативный эксперимент. После получения лицом вознаграждения особую важность приобретает проведение процессуально грамотного осмотра места происшествия. В большинстве случаев его проводят сотрудники оперативных подразделений, которые в силу специфики своей деятельности не всегда могут провести его процессуально каче-

ственно. А как показывает практика, многие трудности и неудачи предварительного следствия и судебного разбирательства по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе в сфере образования возникают вследствие допущенных упущений на начальной стадии производства уголовного дела, в частности, при осмотре места происшествия. То, что не было сделано в первые дни и часы, иногда невозможно наверстать, восполнить, несмотря на долгие месяцы напряженной кропотливой работы². Поэтому, на наш взгляд, является очевидным присутствие следователя при осмотре места происшествия по делам о взяточничестве в целях закрепления результатов оперативного эксперимента. В связи с этим необходимо внести изменения в Инструкцию по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений, утвержденной приказом МВД России от 20 июня 1996 г. № 334, предусмотрев обязательное участие следователя в осмотре места происшествия по преступлениям, относящимся к категории тяжких и особо тяжких.

С точки зрения психологии взаимодействие также может порождать острые конфликты. Иными словами, конфликты это и есть взаимодействие. С конфликтами связаны большие потери разнообразного характера. Атмосфера конфликта порождает у его участников состояние эмоционального напряжения, недоверия, что часто наблюдается в работе по взаимодействию между следователем и сотрудником оперативного подразделения.

В данном случае, когда субъекты взаимодействия обвиняют друг друга в профессиональной непригодности, взяточничестве, излишней осторожности, нежелании брать на себя ответственность, это свидетельствует об остром конфликте. В большинстве случаев данные конфликты порождают и поддерживают руководители субъектов взаимодействия, на которых возложена особая роль в формировании благоприятного психологического климата в коллективе. Руководителям оперативных и следственных подразделений необходимо

¹ См.: Белкин Р. С. Указ. соч.

² См.: Корневский Ю. В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. М., 1974. С. 67.

думать не о том, как избежать конфликтов, а о том, как управлять ими, превращать их в деловые. На практике стремятся либо подавлять все конфликты, возникающие между субъектами взаимодействия, либо занять позицию выжидания. По мнению Н. В. Филимонова, названные позиции ошибочны, так как в первом случае избавляются от нужных и полезных для дела конфликтов, а во втором – способствуют развитию таких разногласий, которые дезорганизуют коллектив и работающих в нем людей¹. В связи с этим возникает вопрос о способах выхода из конфликтной ситуации между оперативными и следственными подразделениями. Огромная роль в урегулировании данных проблем принадлежит руководителю. Для того чтобы дать конкретные рекомендации по устранению конфликтов и улучшению эффективности взаимодействия, необходимо выделить типы работников как в оперативных, так и в следственных подразделениях. Всех взаимодействующих субъектов в основном можно подразделить на следующие типы:

- стремящиеся к эффективной работе и взаимодействию по раскрытию и расследованию уголовных дел;

- показывающие активную деятельность в работе (однако на самом деле это только прикрытие). Результаты деятельности данной категории минимальны. В основном названные субъекты извлекают от взаимодействия блага, действуя вопреки интересам службы. Активно распространяют слухи о невозможности и неэффективности взаимодействия;

- пассивная категория работников, которая не будет взаимодействовать для раскрытия и расследования преступлений.

Это примерная типизация субъектов взаимодействия, которая может иметь определенные корректировки и дополнения. На наш взгляд, рекомендации руководителям оперативных и следственных подразделений по преодолению ситуации взаимной вражды и чрезмерной подозрительности друг к другу сводятся к следующему:

- не поддерживать взаимные обвинения и слухи, которые наносят вред взаимодействию;

- не инициировать взаимодействие своих подчиненных, относящихся ко второму и третьему типу с субъектами взаимодействия (например, не следует руководителю следственного подразделения передавать проверочный материал, который поступил из оперативного подразделения для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, следовательно, относящемуся ко второму и третьему типам. Или, наоборот, не стоит руководителю оперативного подразделения поручать выполнять отдельные поручения следователя оперуполномоченному, относящемуся ко второму и третьему типам и т. д.);

- сотрудников, относящихся ко второму и третьему типам, привлекать к работе, не связанной со взаимодействием, тем самым максимально разгрузив первый тип от второстепенных вопросов в целях достижения результата по раскрытию и расследованию уголовных дел;

- совершенствовать обучение профессиональной этике, эстетике, оперативно-розыскной психологии;

- улучшать профессиональный отбор кадров.

Сотрудникам оперативных и следственных подразделений, отнесенных нами к первому типу, необходимо стараться найти психологическую совместимость друг с другом. Нельзя ждать и думать, что взаимодействие, о котором так много написано и регламентировано ведомственными приказами, осуществится само по себе. Взаимодействие возможно только тогда, когда оперуполномоченный и следователь находятся в обстановке равенства, взаимного доверия в целях достижения эффективного раскрытия и расследования уголовного дела.

Библиографический список

1. Криминалистика : учеб. для вузов / И. Ф. Герасимов [и др.] ; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. – М., 1994.
2. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. – М., 1999.
3. Филимонов, Н. В. Конфликтные ситуации в деятельности оперуполномоченных аппаратов уголовного розыска / Н. В. Филимонов. – Омск, 1985.

¹ См.: Филимонов Н. В. Конфликтные ситуации в деятельности оперуполномоченных аппаратов уголовного розыска. Омск, 1985. С. 6.

А. В. Анисимов,
*преподаватель кафедры
физической подготовки
ВЮИ ФСИН России*

ПРЕВЕНТИВНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДЕЗАДАПТИРОВАННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ XVIII СТОЛЕТИЯ

Превентивная политика представляет собой продуманную и последовательную систему государственного воздействия на субъекты, объекты профилактики и социокультурную среду с целью предупреждения ненормативного поведения и нейтрализации его причин.

Начало XVIII в. ознаменовалось усилением вмешательства государства в дело призрения, которое постепенно становится неотъемлемой частью социальной политики в отношении маргинальных слоев населения. В 1706 г. близ Новгорода, в Холмово-Успенском монастыре, митрополитом Иовом был учрежден первый в России приют для отверженных детей («сиротопитательница») – подкидышей и незаконно рожденных (так называемых зазорных младенцев), содержащийся за счет доходов с монастырских вотчин¹.

Планомерная же государственная деятельность в области призрения началась в эпоху Петра I. Так, 31 января 1712 г. он издает указ «Об учреждении во всех губерниях гошпиталей» для увечных, престарелых, а также незаконно рожденных детей по примеру Иова. Важно отметить, что уже в этом указе, кроме задачи спасения детей, ставилась цель пресечения с их стороны преступлений: «...дабы вящего греха не делали, сиречь убийства...». Последующие указы царя («Об устройстве при церквях гошпиталей для незаконно-

рожденных детей» 1714 г., «О гошпиталях» 1715 г.) конкретизировали следующие вопросы: возможная дислокация таких «гошпиталей» (на территории церквей, монастырей); кадровая обеспеченность (в основном женский персонал); характер содержания детей («3 деньги на день»); оплата труда воспитательниц (3 рубля в год); форма приема младенцев (тайный и беспрепятственный)².

В целях предупреждения беспризорности, уменьшения количества детей-подкидышей Петр I считал необходимым привлекать к воспитанию незаконного ребенка его отца. В Воинском артикуле и Морском уставе имелись соответствующие статьи по этому вопросу³.

Регламентируя прием младенцев в государственные воспитательные учреждения – «гошпитали», данные указы не содержали перечня источников их финансирования. В первые годы существования «гошпитали» содержались за счет городских доходов, пожертвований церкви и частных лиц. С 1721 г. на их нужды направлялись доходы от продажи свеч, ищцовые пошлины, а также штрафы за ношение одежды неустановленного образца⁴. Тем не менее средств на их содержание не хватало, поэтому количество открытых «гошпиталей» было невелико – около 10, в которых находились 3000 воспитанников⁵.

Двадцатого января 1724 г. Петр I издал последний указ относительно «зазорных детей» (о приюте девочек в виде прислуги), где определил возможную сферу их профессиональной деятельности – занятия ремеслами, чему способствовало бы своевременное поступление таких детей в ученики к различным мастерам⁶.

² См.: Термен С. Э. Призрение несчастнорожденных в России. СПб., 1912. С. 8.

³ См.: там же.

⁴ См.: там же. С. 9.

⁵ См.: Ошанин М. Указ. соч. С. 13.

⁶ См.: Термен С. Э. Указ. соч. С. 13; Об общественном призрении в России. СПб., 1818. С. 55.

¹ См.: Селиванов А. Ф. Учреждения по призрению детей // Энциклопедия семейного воспитания и обучения / Под ред. П. Каптерева. СПб., 1900. С. 10; Ошанин М. О призрении покинутых детей. Ярославль, 1912. С. 12.

Наряду с организацией государственных учреждений по призрению детей Петр I, ориентируясь на опыт западноевропейских государств, развернул решительную борьбу с нищенством и бродяжничеством среди малолетних, так как эти социальные отклонения являлись питательной почвой для других асоциальных форм поведения: детской проституции, преступности.

Согласно вышеназванному указу 1712 г., а также указу «Об устройстве в Москве и прочих городах гошпиталей для незаконнорожденных детей» 1717 г., Регламенту, или Уставу Духовной Коллегии о борьбе с нищенством и определении действительно нуждающихся в общественном призрении 1721 г. и указу «О препровождении бродячих нищих в Полицмейстерскую канцелярию» 1722 г. малолетние лица, замеченные в бродяжничестве и нищенстве, подвергались телесным наказаниям и посылались для работы на фабрики и заводы, где навсегда превращались в крепостных вместе со взрослыми рабочими¹. Тенденция к использованию дешевого труда маргинальных групп подростков отвечала потребностям нарождающейся отечественной торгово-промышленной буржуазии и одновременно была одной из форм государственной социальной политики в сфере обездоленного детства, направленной на ограждение бездомных несовершеннолетних от гибели и порока.

Что касается положения малолетних преступников в Петровскую эпоху, то оно мало, чем отличалось от предшествующего периода, т. е. они отбывали наказания в тюрьмах и несли уголовную ответственность по всей строгости законодательства, как и взрослые. Только в Воинском уставе 1716 г. имелось отдельное постановление (артикул 195) по данному вопросу в статьях о воровстве, где отмечалось, что наказание за воровство обычно уменьшается или весьма ограничивается, если вором окажется «младенец», которого, чтобы

отучить совершать подобные поступки, родители должны наказывать розгами. При этом к «младенцам» относились дети до 15-летнего возраста. Они освобождались от пыток, кроме тех случаев, когда обвинялись в убийстве или государственных преступлениях².

Таким образом, профилактика отклоняющегося поведения детей и подростков постепенно приобретала институциональные очертания. Петр I связывал этот вопрос с организацией государственной социальной помощи малолетним, лишенным родительского попечительства, через систему особых воспитательных домов и устройство беспризорных детей на производство. Подобная политика под непосредственным контролем Петра I приносила реальные результаты. Однако в целом правовой статус разных групп обездоленных малолетних, механизмы оказания им социальной поддержки носили неопределенный характер, что не позволило петровским начинаниям в этой сфере прочно укорениться и принять необратимую направленность. Это выразилось в том, что после смерти Петра I большинство из созданных «гошпиталей» очень быстро прекратили свое существование. Последователи Петровских реформ в области призрения столкнулись с проблемой определения дальнейшего жизненного пути детей, принятых в первые специальные учреждения. В связи с этим Сенатом были приняты постановления (1729, 1730, 1731, 1744, 1746, 1758 гг.), согласно которым юношей должны быть отдавать в солдаты, а девушек – в услужение в семьи или на мануфактуры. Те безродные дети, которые воспитывались у помещиков и в церковном ведомстве, закреплялись у них как крепостные³.

² См.: Таганцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе. Спб., 1871. С. 20; Альбицкий Е., Ширген А. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей брошенных в связи с законодательством о принудительном воспитании. Саратов, 1893. С. 36.

³ См.: Термен С. Э. Указ. соч. С. 10–11.

¹ Гессен В. Ю. Труд детей и подростков в фабрично-заводской промышленности России (от XVII века до Октябрьской революции). М.; Л., 1927. Т. 1. С. 18–19; Об общественном призрении в России. С. 44.

В период правления Елизаветы остро встал вопрос о законодательном установлении ответственности малолетних преступников, количество которых с каждым годом заметно возрастало. Двадцать третьего августа 1742 г. последовал специальный Указ Сената, который на основании рассмотрения конкретных уголовных дел пришел к заключению, что период малолетства в делах уголовных продолжается до 17-летнего возраста и что лиц этой возрастной группы нельзя подвергать тем же наказаниям, что и взрослых¹. Исходя из этого все преступления подразделялись на пять групп, с установлением соответствующих поправок на малолетство как на признак, смягчающий ответственность. Лица данного возраста не могли подвергаться ни смертной казни, ни пытке, ни кнуту. Для них такие наказания заменялись сечением плетью и направлением в монастырь на исправление, где малолетние преступники должны были использоваться на самых тяжелых работах. В случае совершения мелких правонарушений они или совсем освобождались от наказаний, или мера ответственности значительно снижалась (хотя возраст полной невменяемости так и не был установлен).

Следует заметить, что в Указе от 23 августа 1742 г. впервые в законодательном порядке не только устанавливалась особая юрисдикция малолетства, но в нем впервые был обозначен превентивный потенциал. Об этом свидетельствует достаточно гуманное для того времени отношение к подростку, впервые нарушившему закон, и жесткое – к юному рецидивисту: «...буде и затем паки явятся в таких же продерзостях, то с ними поступлено будет по государевым правилам безо всякие пощады»². Таким образом, законодатель при составлении данного акта преследовал, хотя и в примитивном виде, тройную цель: наказательную, исправительную и предупредительную, что явилось несомненным достижением отечественного права середины XVIII столетия. Однако через два года, в 1744 г., возвратившись опять к этому во-

просу, Сенат под влиянием Святейшего синода снизил рубеж малолетства как обстоятельства, смягчающего вину, до 12 лет, с лицами же старше этого возраста предписывалось поступать, как со взрослыми преступниками³. К сожалению, вышеназванные указы мало повлияли на реальную судебную практику, для которой возраст наказуемого малолетства не превышал в лучшем случае семи лет.

Между тем потребность в законодательном регулировании порядка производства дел о малолетних преступниках не уменьшалась. Так, в 1753 г. Сыскной приказ спрашивал у Сената, как с ними поступать⁴. Для решения данной проблемы была создана специальная комиссия, в задачи которой входила разработка особого Положения о малолетних преступниках. Уже после смерти Елизаветы после неоднократной доработки оно приняло форму проекта указа, который Сенат 11 марта 1765 г. представил на утверждение новой императрице Екатерине II. Полное его название выглядело следующим образом: «Указ о производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними и о различии наказания по степени возраста преступников». Указ был подписан и секретно разослан в соответствующие государственные учреждения, выступая в качестве первого отечественного закона о малолетних преступниках. Он устанавливал возраст совершеннолетия с 17 лет. Лица, не достигшие данного возраста, но обвиняемые в преступлениях, за которые предусматривалась смертная казнь или наказание кнутом, должны были представляться Сенату для окончательного определения степени их виновности. Для малолетних лиц, совершивших преступления, за которые предусматривалась смертная казнь, в зависимости от возраста была разработана следующая система наказаний: до 10 лет – передача для наказания родителям или помещику, от 10 до 15 лет – розга-

³ См.: там же; Гуревич С. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники / Под ред. М. Н. Гернета. М., 1912. С. 10.

⁴ См.: Хлопов Г. Указ о малолетних преступниках от 26 июня 1765 г. // Журн. М-ва юстиции. 1915. № 6. С. 250.

¹ См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 20.

² Там же.

ми, от 15 до 17 лет – плетью. При этом преступления, совершенные в малолетнем возрасте, не должны были учитываться в их дальнейшей жизни. Следовательно, этот закон устанавливал до 10 лет полную невменяемость, а от 10 до 17 лет – серьезное смягчение наказания¹. Однако его значение заключалось не только в этом. По оценкам некоторых юристов начала XX столетия, в нем в зачаточном состоянии содержались некоторые принципы современного им законодательства о суде над малолетними. Так, в замечании, касающемся необходимости узнать прошлое подозреваемых малолетних, предугадывался научный подход к изучению социально-психологических особенностей личности несовершеннолетнего преступника. Кроме того, наметилась тенденция к выделению этого рода дел из общей подсудности в специальное ведение Сената, предвосхищалась идея организации особых судов для малолетних².

Попытка создать их была предпринята в 1775 г., когда Екатерина II учредила суды, получившие название «совестные». В них передавались все дела о преступлениях малолетних лиц. Эти суды должны были рассматривать дела не только на основании законов, но и с позиций естественной справедливости, т. е. принципов человеколюбия, терпимости, милосердия, отвращения от угнетения и притеснения. При определении меры ответственности малолетнего преступника совестные суды должны были учитывать ряд обстоятельств, свидетельствующих о степени понимания малолетними лицами опасности совершенного преступного деяния, например, грамотен ли он, или нет.

Однако совестные суды не получили широкого распространения, их приговоры не отличались особой гуманностью, а профилактический эффект от их деятельности оценивался весьма скромно. Поэтому в 1828 г. они были ликвидированы³.

В екатерининскую эпоху усиление предупредительного начала в государствен-

ной социальной политике выражалось как в отношении малолетних преступников, так и детей, которые стояли на пороге тюрьмы, – сирот, внебрачных, бездомных, покинутых родителями. Их стали не только пытаться спасти от нужды и порока, но и целенаправленно воспитывать, создавать из них совершенно «новую породу людей», свободных граждан, готовых служить отечеству «делами рук своих в различных искусствах и ремеслах»⁴. По сути, речь шла о грандиозном социально-педагогическом эксперименте, в процессе которого путем целенаправленного воспитания следовало подготовить так называемое третье сословие – отсутствующее звено в тогдашней российской социальной стратификации. Его рассматривали как буфер между дворянством и крестьянством, способный существенно оздоровить экономику, стимулировать развитие науки, просвещения, культуры, стать надежной опорой государственности и законности.

Подобную концепцию выдвинул известный педагог и общественный деятель того времени И. И. Бецкой. Она разрабатывалась под влиянием просветительских идей Ж. Ж. Руссо и его последователей в Европе, где господствовали тогда две модели призрения: государственная (через воспитание сирот в открытых для них заведениях, попечительствах) и семейная (путем помещения их в отдельные семьи). И. И. Бецкой выбрал первую, полагая, что она наиболее подходит к российским условиям. Его активно поддержала императрица, которая 1 сентября 1763 г. издала манифест «Об учреждении в Москве Воспитательного дома с особым гошпиталем для неимущих родильниц»⁵. Такой дом был торжественно открыт 21 апреля 1764 г. Через шесть лет подобные учреждения начинают функционировать в Петербурге, а впоследствии – в некоторых губернских городах (Архангельске, Смоленске, Воронеже, Оренбурге и др.).

¹ См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 20; Гуревич С. Указ. соч. С. 11–12.

² См.: Хлопов Г. Указ. соч. С. 252.

³ См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 55.

⁴ Яблоков Н. В. Призрение детей в воспитательных домах. СПб., 1901. С. 24.

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. XVI. Ст. 1198.

Основными педагогическими принципами в воспитательных домах признавались следующие: гуманное отношение к любому призреваемому ребенку, независимо от его социального происхождения, конституциональных особенностей, выражаемых наклонностей и т. д.; нравственное воздействие на воспитанников через пример педагогов, их честное отношение к делу; формирование у детей трудолюбия, необходимых профессиональных умений и навыков, воспитание независимости, чувства собственного достоинства; организация процесса обучения и воспитания с учетом интересов и способностей малолетних. Безусловно, данные принципы несли в себе мощный воспитательно-превентивный импульс, способствуя формированию свободных и в то же время правопослушных граждан. Однако в реальной педагогической деятельности воспитательных домов они практически не осуществлялись. Организаторы и учредители столкнулись с рядом проблем, которые в конечном итоге помешали им реализовать задуманную концепцию. Среди них самыми трудноразрешимыми оказались следующие задачи: размещение постоянно увеличивающегося количества детей, их чрезмерное скопление (как следствие системы «тайного приноса» младенцев); нехватка кормилиц, квалифицированных педагогов, способных учитывать специфику воспитания отверженных и брошенных детей, многие из которых имели серьезные отклонения в физическом и психоэмоциональном развитии; материальные затруднения, острая нехватка стабильных источников финансирования. В результате многие воспитательные дома, просуществовав совсем недолго, пришли в упадок, а смертность воспитанников достигла 75 % и более¹. Специальная следственная комиссия, учрежденная для рассмотрения дел и происшествий в воспитательных домах, установила, что из 40 600 принесенных детей в начале 1797 г. осталось всего

4711 человек, остальные умерли или пропали без вести².

Убедившись в неэффективности проводимой социальной политики по отношению к обездоленным детям, основанной на доктрине государственного монополизма, Екатерина II попыталась внести в нее существенные коррективы. Седьмого ноября 1775 г. она издает указ «Учреждения для управления губерний», где в ст. 385 Приказу неимущих сирот предписывалось отдавать их добродетельным людям для содержания и воспитания с условием предоставления этих детей в любое время Приказу³.

Следовательно, часть полномочий по признанию сирот передавалась, пусть благонадежным, но частным лицам, однако рычаги общего контроля и управления этим делом оставались у государства, полномочными представителями которого с 1775 г. стали Приказы общественного призрения, образуемые при губернских властных структурах. Таким образом, к концу екатерининского правления государственный протекционизм в сфере признания отверженных детей принял более гибкие и более результативные формы. Господствующей стала смешанная, государственно-семейная, модель признания.

Библиографический список

1. *Гуревич, С.* Ответственность юных преступников по русскому законодательству / С. Гуревич // Дети-преступники / под ред. М. Н. Гернета. – М., 1912.
2. *Ошанин, М.* О признании покинутых детей / М. Ошанин. – Ярославль, 1912.
3. *Таганцев, Н. С.* Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе / Н. С. Таганцев. – СПб., 1871.
4. *Термен, С. Э.* Признание несчастно-рожденных в России / С. Э. Термен. – СПб., 1912.
5. *Яблоков, Н. В.* Признание детей в воспитательных домах / Н. В. Яблоков. – СПб., 1901.

¹ См.: Залесский В. Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916. С. 54; Ошанин М. Указ. соч. С. 14.

² См.: Михайлов А. Наши дети. Очерки. СПб., 1883. С. 116.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1987. Т. 5. С. 262–263.

В. А. Глухов,
начальник кафедры государственно-
правовых дисциплин
Псковского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
кандидат философских наук

А. В. Глухова,
делопроизводитель отдела кадров
Псковского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В XVI–XVII ВВ.

Изоляция преступников от общества с древнейших времен находила применение в правовом пространстве Российского государства. При этом лишение свободы применялось как по решению великокняжеского, так и церковного суда. Е. Ф. Грекулов, ссылаясь на Никоновскую летопись, отмечал, что еще в начале XI в. еретики заключались в погреба архиерейских домов¹. Однако никакой нормативно-правовой базы, регулирующей и порядок содержания под стражей, и сам процесс функционирования уголовно-исполнительной системы, не существовало.

С образованием Московского централизованного государства произошли изменения во взглядах на сущность преступления и цель наказания, в результате которых законодатель все чаще начинает санкционировать наказание, предполагая предварительное (до исполнения судебного решения) содержание преступников. В Судебник 1550 г. уже был включен целый ряд статей, предусматривающих в качестве наказания тюремное заключение. Однако с полной уверенностью о существовании законодательства, которое регламентировало бы порядок функционирования российских тюрем до середины XVI в., говорить не приходится. Тем не менее нельзя заявлять и о его отсутствии, так как вполне допустимо, что была определенная пенитенциарная нормативно-правовая база, которую уничтожил пожар, охвативший в 1547 г. царский архив. Так, по мнению С. О. Шмидта, в ходе пожара «погибло много документов и правительственного делопроизводства, и

архивов светских феодалов, духовных корпораций и иных»². А в Приговоре о разбойных делах от 18 января 1555 г., вошедшем в Уставную книгу Разбойного приказа 1555–1556 гг., уже содержится правовая норма, санкционирующая формирование тюремного штата г. Москвы: «А велети выбрати земли людей добрых, которые люди к тому делу пригожи, 16 человек, да росписати их по месяцом на год. А как те люди у тюрем год поживут, ино их отменить, а выбрати иных людей 16 человек да росписати их по тому ж по месяцом на год»³. Таким образом, согласно приведенному фрагменту должность тюремщика становилась выборной и имела ограничение по времени – один год. Кроме того, рассматриваемая норма четко определяла число тюремных работников (16 человек), а также содержала требования к кандидатам: во-первых, быть добрым человеком, во-вторых, быть пригожим (т. е. подходящим) для выполнения этого дела. Первое означало как безупречность перед законом, так и принадлежность к сравнительно зажиточному социальному слою; второе – наличие личностных качеств, необходимых для выполнения возложенных функций.

Эта же норма Приговора Боярской думы содержала информацию и об организации охраны тюрем в то время: «Сидят в тюрьмах здесь на Москве многие люди в татбах и в разбоех, а приставы живут у тюрем, тиуновы люди, ино тиуновых людей, которые у тюрем в приствах тюремщики, бьют челом, что тиуновы люди на них поминки емлют, а с иных платья снимают, а на иных людей на тиуновы в том и доводы бывали и кнутом их в том бивали, – и тиуновым людям впредь у тюрем в приствах не бытии» (выделено нами. – В. Г., А. Г.)⁴.

В XVII столетии работа в России по законодательной регламентации пенитенциарного вопроса была продолжена. Так, А. Г. Маньков, комментируя Соборное уложение 1649 г., обращает внимание на Указ от 7 июля 1637 г., утверждающий сбор денег на строительство тюрем и содержание тюремного персонала с посадов и со всех видов земле-

¹ См.: Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964. С. 71.

² Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 31.

³ Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. С. 359.

⁴ Там же.

владений, не исключая владельцев тархан-ных грамот¹. В Указе отмечалось, что «во-преки давней практике содержания тюрем и младшего губного штата за счет пососных сборов со всего тяглого населения, не ис-ключая церковных и монастырских вотчин, последние отказываются вносить плату, ссы-лаясь на тарханные грамоты. Указ подтвер-ждал прежнюю практику пососных сборов со всех тяглых людей без исключения, «по розвытке на всех поровну по прежнему», от-меняя действие тарханных грамот в данном случае»². Этот Указ стал основой для созда-ния норм пенитенциарного характера, со-державшихся в Соборном уложении 1649 г. Особый интерес вызывает гл. XXI данного сборника законов, ст. 94 которой устанавли-вает, что «тюрьмы на Москве строить из Разбойного приказу государевою казною»³. Согласно ст. 95 «в целовальниках и в сторо-жах у московских тюрем бытии москов-ских черных сотен и слобод тяглым людям ис подмоги, а на подмогу деньги тем цело-вальником и сторожем иметь с тех же со-тен и с слобод по годом, и выборы на них имати у сотенных людей за их руками»⁴. За-конодатель не оставляет без внимания и во-просы, связанные с лицами, осуществляю-щими казни, которые также, по-видимому, относились к тюремному штату. Статья 96 гласит: «А в палачи на Москве прибирати из вольных людей, и быть им в палачах с пору-ками, а государево им жалованье давать из государевы казны из Разбойного приказу»⁵.

Если приведенные выше статьи посвя-щены уголовно-исполнительной системе Москвы и определенным образом отлича-ются от Указа 1637 г. в вопросах выбора источника финансирования реализации пе-нитенциарной политики, то ст. 97, касаю-щаяся других городов государства в целом, подтверждает ранее установленное: «А в городех тюрьмы строить, и целовальников, и подъячих, и тюремных сторожей, и па-лачей выбирать с посадов и с уездов с сох, з дворовых сел, и с черных волостей, и со

всяких соиных людей, и с патриарших, и с митрополичьих, и с архиепископлих, и епи-скопных, и с монастырских, и со всяких по-местных и с вотчинных земель. А быть тем целовальником и сторожам с подмогою же, а подмогу тем целовальником и сторожем и в губные избы на всякие расходы забирати деньги с тех же посадских и соиных людей ... по их договору, а лишних денег не заби-рать, и тем соиным людям убытков не чи-нить, а выборы на целовальников и на тю-ремных сторожей у выборных людей имать за руками выборных людей»⁶.

Таким образом, Соборное уложение 1649 г. устанавливает, что уголовно-испол-нительные функции в московских тюрьмах должны выполнять целовальники и сторожа, выбранные из тяглого населения московских черных сотен и слобод и содержащиеся за счет этих же социально-территориальных единиц (сотен и слобод). Палачи в Москве должны были набираться из вольных людей и получать жалованье из государственной казны в Разбойном приказе. Что касается тюрем остальных городов России, то их штат (целовальники, подъячие, сторожа и палачи) должен был комплектоваться из населения городов и сельской местности независимо от формы землевладения, а содержаться за счет посадских и соиных людей.

Однако уже в конце 60-х гг. XVII в., т. е. спустя двадцать лет после принятия Соборно-го уложения, в Новоуказных статьях «О та-тебных, разбойных и убийственных делах» 1669 г. говорится: «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Вели-кия и Малыя и Белья России самодержец, слушав Соборного Уложенья 21 и 22 глав статей, указал и бояре приговорили: <...> Да у тюрем же быть для стражи стрельцом, а сторожам быть по два человека с поруками из найму; а поруки имать по них добрые, кому бы мочно в том верить, и приводить их к ве-ре сыщиком же. А деньги им давать по уго-вору из государевы казны из тамошних дохо-дов, которые собираются в губную избу»⁷.

Мы предполагаем, что существовало не-сколько причинно-обуславливающих факто-ров, которые привели к замене целовальни-ков на стрельцов, повышению цензовых тре-

¹ Тарханные грамоты давали право не быть су-димым никем, кроме государя, и свободу от повин-ностей.

² Соборное уложение 1649 года: Текст. Коммен-тарии. Л., 1987. С. 379.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Памятники русского права. М., 1963. Вып. 7. С. 396–397.

бований к тюремным сторожам и выделению им государственного жалованья. Во-первых, профнепригодность целовальников, выбранных из гражданского посадского и сельского населения, для выполнения должностных обязанностей; во-вторых, возможность их содействия лицам, находящимся в заключении, и совершению побегов из тюрем; в-третьих, большее доверие со стороны царя и Боярской думы стрельцам, чем представителям посадов и волостей.

Помимо определения круга лиц, исполняющих пенитенциарные функции, и источника их финансирования, Новоуказные статьи 1669 г. регламентировали и порядок ведения учетной документации. Так, ст. 126 требовала переписи заключенных, совершивших тяжкие преступления: «*А старых тюремных сидельцов татей и розбойников и смертных убийцов, переписать на роспись именно, кто имены и какого чину люди, и кто в скольких татьбах, и в розбоех, в смертных убийствах, или в пожоге, или в ведовствах на себя в роспросех и в скольких пыток говорили, и в которых городех татьбы и розбои и смертные убийства они чинили*»; ст. 127 регламентировала учет лиц, совершивших менее тяжкие преступления и находящихся в тюрьме до передаче на поруки: «*В городех же, которые тюрем-*

ные сидельцы сидят в тюрьмах за поруками, что по них порук нет, и тех тюремных сидельцев переписать себе статьею именно ж, сколько человек, и в которых городех и в уездех живали, и каких они отцев дети; а переписав тех тюремных сидельцов, и те росписи прислать к Москве в Розбойной приказ»¹.

Санкционируют Новоуказные статьи и возможность тюремного освобождения досрочно. Так, ст. 128 гласит: «*А которые тюремные сидельцы сидят в каких расправных делех, а не в татьбах, и не в розбоех, и не в смертных убийствах, и не в пожогах, и не в ведовствах, и им указ учинить по рассмотренью тотчас, чтоб в тюрьмах напрасно не сидели*»².

Таким образом, можно заключить, что в XVI–XVII вв. в России начинает формироваться ряд институтов уголовно-исполнительного права, которые в дальнейшем расширяются и совершенствуются.

Библиографический список

1. Памятники русского права. Вып. 4. – 1956; вып. 7. – 1963.
2. Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. – Л., 1987.
3. Шмидт, С. О. Российское государство в середине XVI столетия / С. О. Шмидт. – М., 1984.

И. Г. Домрачев,
судья суда Ямало-Ненецкого
автономного округа (г. Салехард)

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г. в РОССИИ

Судебная реформа 1864 г. является важнейшей составляющей эпохи Великих реформ 60-х гг. XIX в., которая не только создала совершенную систему судопроизводства, но и способствовала экономическому развитию страны, стиранию сословных рамок, повышению уровня правовой культуры населения. Ее проведение в 60–80-е гг. XIX столетия представляет уникальный опыт реформирования судебной системы, изучение которого очень актуально для современной России. Однако данная реформа не была лишена и некоторых не-

достатков. В этой связи выявление не только положительных, но и отрицательных сторон судебной реформы 1864 г. имеет особую практическую значимость для решения аналогичных проблем в процессе формирования реальной и эффективной судебной власти в России XXI в.

Судебные уставы 1864 г. предполагали реформирование всей системы судостроительства и судопроизводства. Отказавшись от хаотичной системы сословных судов, судебные уставы ввели стройную систему судебных органов со строго определенной компетенцией. Параллельно действовала система мировых судов для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел, замыкавшаяся на уровне уезда, и

¹ Памятники русского права. С. 434.

² Там же.

система общих судебных установлений (окружные суды, охватывавшие территорию нескольких уездов, и судебные палаты, юрисдикция которых распространялась в пределах нескольких губерний). Высшей судебной инстанцией, объединявшей систему мировых и общих судов, был Сенат.

19 октября 1865 г. высочайшим указом было утверждено Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.¹, в соответствии с которым в России были созданы два судебных округа (Московский и Санкт-Петербургский), куда вошли десять губерний: в первый – Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тверская, Тульская и Ярославская; во второй – Санкт-Петербургская, Псковская и Новгородская. В остальных губерниях, управляющихся по общему губернскому учреждению, Судебные уставы должны были вводиться в течение четырех лет, начиная с 1866 г. Однако практическая реализация реформы затянулась, в результате сложилась такая ситуация, когда новые судебные порядки так и не достигли окраин России или внедрялись в отдаленных губерниях в искаженном виде. В этом, на наш взгляд, проявился первый негативный момент изучаемой судебной реформы.

Сравнительный анализ нормативных правовых и делопроизводительных материалов, касающихся судебной реформы, свидетельствует о том, что в ходе ее реализации в сложившейся к концу XIX в. судебной системе условно следует выделить четыре типа судебного устройства:

1) 37 внутренних губерний России представляли так называемый классический вариант судебной реформы и последующего ее ограничения;

2) в западных губерниях, на Северном Кавказе и в Прибалтийском крае мировые судьи назначались от правительства; на Кавказе и в Прибалтике так и не был введен суд присяжных, кроме того, в Прибалтике съездам мировых судей принадлежал надзор за сословными крестьянскими судами;

3) в губерниях царства Польского мировой юстиции был подсуден меньший круг

дел, а представлена она была в городах назначаемыми от правительства мировыми судьями, в сельской местности – коллегияльными гминными судами, вышестоящей по отношению к ним инстанцией были мировые съезды; не было суда присяжных и суда с участием сословных представителей;

4) в Закавказье, Архангельской губернии, Сибири, Туркестане, Закаспийской и Катунской областях мировые судьи были также назначаемы от правительства, однако пределы их компетенции были расширены: на них возлагалось производство предварительного следствия, нотариальное производство; апелляционной инстанцией для мировых судей являлся окружной суд, рассматривающий дела высшей подсудности без участия присяжных заседателей; кассационной (кроме Архангельской губернии) – судебная палата; в обозначенных губерниях не было суда с участием сословных представителей².

Таким образом, только в 37 губерниях России замыслы реформаторов были реализованы полностью. В остальных регионах, где Судебные уставы были введены позднее, они действовали не в полном объеме. О несовершенстве судебной реформы свидетельствует тот факт, что в 1894 г., т. е. через 30 лет после издания Судебных уставов, дореформенный суд сохранялся в 23 губерниях и областях на севере, востоке и юго-востоке страны.

Затянувшееся на неопределенный срок проведение судебной реформы сопровождалось и другими негативными моментами. Так, несмотря на бесспорный успех, вновь созданные судебные институты уже вскоре после их введения стали подвергаться множеству коррективов. Целая серия законодательных актов об изменении судостроительства и судопроизводства последовала в период 70–80-х гг. XIX в. Их издание было вызвано двумя причинами: во-первых, технико-юридического характера, т. е. шло преодоление уже обнаруженных пробелов в законе, вызванных его несовершенством;

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ РИ). Собр. 2-е. Спб., 1830–1884. Т. XL. № 42587.

² См.: Корнева М. Н. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881–1905 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 59–60; Немытина М. В. Суд в России второй половины XIX – начала XX вв. Саратов, 1999. С. 63–64.

во-вторых, политического характера, что было связано с ограничением демократических начал и институтов реформы, в целях соотнесения нового судебного строя с общими началами российской государственности.

Следовательно, не стоит идеализировать судебную реформу второй половины XIX в. Действительно, текстам Судебных уставов свойственна определенная ограниченность, непоследовательность, незавершенность. Кроме того, они были введены в стране, только что освободившейся от крепостного права, пережитки которого сохранялись и в экономике, и в сознании людей, в стране, где оставался сословный строй с его привилегиями и ограничениями, где формой правления была абсолютная монархия. В этой связи в ходе практической реализации выявилось несоответствие нового суда основам российской государственности. Нормы и принципы Судебных уставов 1864 г., выглядевшие в теории почти идеально, столкнувшись с российской действительностью, применялись не так, как задумывалось, а то и не действовали вообще.

Составители Судебных уставов 1864 г. понимали обособление судебной власти в соответствии с принципом разделения властей как непререкаемую истину. В этом плане независимость суда от администрации признавалась как необходимое условие совершенного судебного строя, гарантировавшего отправление правосудия. Обособление и независимость судебной власти, несменяемость судей были проведены в Судебных уставах 1864 г. настолько последовательно, насколько позволяли условия времени. Судьи же стремились не менее строго руководствоваться этими началами на практике. В то же время неким отступлением от общей концепции самостоятельности судебной власти, провозглашенной Судебными уставами, и недостатком судебной системы явилось соединение в одном лице функций министра юстиции и генерал-прокурора Сената. Министр юстиции осуществлял организационное руководство судами и судьями, при них состоявшими, которые были призваны соблюдать в процессе нейтралитет. Он же, как и генерал-

прокурор, получая информацию о прохождении дел в судах через подчиненных ему прокуроров, являвшихся стороной обвинения в процессе, вольно или невольно мог занять позицию последних¹.

Независимость и несменяемость судей, подчинение их только закону противоречили абсолютистской форме правления, где царь являлся первым чиновником в государстве, располагая при этом неограниченной законодательной, исполнительной и судебной властью, где каждый министр был всевластен в своей сфере, а губернатор находился на положении хозяина губернии.

Законом от 10 мая 1877 г. было реорганизовано Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов Сената². К его ведению было отнесено предание суду чинов судебного ведомства, которое получило право делать замечания дисциплинарного характера всем судебным учреждениям в тех случаях, когда признает их решения неправильными. В этой связи опять же наблюдался некоторый отход от провозглашенного Судебными уставами 1864 г. принципа судейской несменяемости и независимости суда от администрации, поскольку первый департамент Сената являлся административным органом и не был связан с судебными установлениями.

В период правления Александра III пересмотр Судебных уставов начался именно с ограничения несменяемости судей и независимости суда от администрации. Принятый по этому поводу 20 мая 1885 г. закон «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» выражал стремление правительства покончить с обособленностью судебной власти, вернуть монарху хоть отчасти утраченные прерогативы в судебной сфере, ввести суды в общий строй государственных учреждений, поставить судей на одну ступень с другими чиновниками в государстве.

Принцип равенства всех перед судом противоречил сословному строю с его при-

¹ См.: Учреждение судебных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. № 41475. Ст. 187, 254–255.

² См.: Немытина М. В. Указ. соч. С. 105.

вилегиями и ограничениями. Такое издание, например, как «Московские ведомости» неоднократно обращало внимание на судебные процессы, свидетельствовавшие о противоречии между провозглашенным Судебными уставами и применявшимся на практике принципом формального равенства и пережитками крепостничества в общественном, политическом строе России в сознании людей¹.

В соответствии с Судебными уставами 1864 г. к участию в отправлении судопроизводства были допущены представители различных слоев общества – присяжные заседатели. Данная мера, несомненно, была революционна, так как в других сферах государственной деятельности России того времени представительные учреждения или элементы представительства отсутствовали. Однако огромное количество оправдательных вердиктов присяжных при доказанности вины или наличии признания вины подсудимым также свидетельствовало о том, что в организации данного института были допущены ошибки.

Провозглашенным в Судебных уставах 1864 г. принципам всеобщности и равенства всех перед судом противоречил также факт сохранения юрисдикции волостного суда по крестьянским делам. Введенный в 1838 г. для государственных крестьян волостной суд после реформы 1861 г. распространил свои полномочия на всех крестьян, вышедших из крепостной зависимости и в силу этого освобожденных от помещичьей юрисдикции. Предполагалось, что сословный суд по крестьянским делам будет действовать до судебной реформы. Однако Судебные уставы 1864 г. его не ликвидировали. Действие волостного суда неразрывно было связано с применением в крестьянской среде обычного права. При наследовании и разделах имущества, по делам об опеке и попечительстве над малолетними, в спорах о земельных наделах крестьяне руководствовались не положениями X тома Свода законов, а обычаями.

Судебные уставы закрепили принципы устности, гласности и состязательности судопроизводства. Однако, на наш взгляд, со-

ставители судебных уставов возвели данные принципы, обеспечивавшие отказ от инквизиционного процесса, в абсолюте. Сохранявшийся в Судебных уставах перечень причин неявки свидетеля, дававших основание для оглашения его показаний в суде, нельзя оценить однозначно позитивно². Это нередко служило поводом к откладыванию дел, порождая волокиту в судах и нарушая права и интересы участвовавших в деле лиц. Следует заметить, что практика шла по пути расширения пределов данной статьи Устава уголовного судопроизводства, закреплявшей этот перечень.

Демократические принципы и институты судостроительства и судопроизводства – всеобщность характера суда, независимость суда от администрации, несменяемость судей, равенство всех перед законом и судом, гласность, состязательность, право на защиту – утвердились в обществе с сословным строем, внедрились в государственность с абсолютистской формой правления, политической властью, сосредоточенной в руках дворян-помещиков, иерархической подчиненностью бюрократического аппарата. С введением Судебных уставов 1864 г. сложилась ситуация, когда суд, опережая в своем развитии основные политические институты самодержавия, вступил с ними в противоречие. В этом проявился несвоевременный характер судебной реформы XIX в.

Таким образом, в судебной реформе 1864 г. можно отметить целый ряд негативных моментов, обусловленных технико-юридическими и политическими причинами, которые повлияли на ее реализацию.

Библиографический список

1. *Демичев, А. А.* История российского суда присяжных (1864–1917 гг.) : монография / А. А. Демичев. – Н. Новгород, 2002.
2. *Немытина, М. В.* Суд в России второй половины XIX – начала XX вв. / М. В. Немытина. – Саратов, 1999.
3. *Трофимова, Н. Н.* Мировая юстиция в России в 1864–1889 гг.: региональные аспекты : монография / Н. Н. Трофимова. – Владимир, 2006.

¹ См.: Моск. ведомости. 1873. 18 дек.; 1875. 25 сент.

² См.: Устав уголовного судопроизводства // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. № 41476. Ст. 626.

Н. И. Нарышкина,
*старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОНАСТЫРСКИХ ТЮРЕМ В РОССИИ В XVI–XIX ВВ.

Социальное назначение тюрем представляет собой функционально-ролевой механизм, реализуемый тюрьмами в обществе и регулируемый нормами права, отношение общественности к институту тюрем и тюремному заключению, понимание их роли и необходимости сохранения и развития тюрем с учетом направлений реформирования уголовно-исполнительной системы¹.

Говоря об эволюции социального назначения тюрем, нельзя не рассмотреть такой их специфический вид, как монастырские тюрьмы. В России параллельно со светскими судами заключение в тюрьму могло назначаться и церковными, что являлось особенностью отечественной карательной системы.

Первые свидетельства о существовании монастырских тюрем относятся еще к периоду расцвета Древнерусского государства. Церковными судами кроме епитимьи – церковного покаяния назначались также членовредительские наказания и тюремное заключение².

Несмотря на это, по мнению С. М. Соловьева, активно функционировать монастырские тюрьмы начали только с середины XVI в., когда рост преступности в общегосударственном масштабе привел к тому, что монастырям было разрешено самостоятельно вершить суд, назначать и исполнять наказания³.

В монастырские тюрьмы заключались лица, совершившие преступления, пося-

гающие на церковную власть, христианскую религию, а также подрывающие государственный строй.

Социальное значение монастырских тюрем в XVI–XVIII вв. проявляется в исследованиях А. С. Пругавина: «многие из наших монастырей играли роль государственных тюрем для заключения в них наиболее важных государственных преступников не только против церкви и религии, но и против государства, правительства, общественной нравственности»⁴. Таким образом, некоторые монастырские тюрьмы по сути являлись государственными.

Подобной точки зрения придерживался М. Н. Гернет, который не отделял заключение в монастырь от заключения в государственную тюрьму, однако отводил монастырским тюрьмам особое место в системе наказаний России⁵.

В. А. Рогов, наоборот, предлагал отличать монастырское тюремное заключение от помещения в государственную тюрьму, выделяя частные, местные, государственные и монастырские тюрьмы⁶. И. А. Исаев дополнительно выделял опальные тюрьмы для содержания политических заключенных⁷.

Поскольку право назначения наказания в виде помещения в монастырскую тюрьму принадлежало и светским, и церковным судам, то соответственно правовое регулирование монастырского тюремного заключения осуществлялось как светскими нормативными актами, так и церковными, в частности, Духовным регламентом 1721 г.

Важнейшим документом, принятым светской властью и регулировавшим заключение в монастырские тюрьмы, являлся Артикул воинский 1715 г. Заключение в тюрьму нередко сопровождалось церковным покаянием⁸. Это происходило тогда, когда преступ-

¹ См.: Нарышкина Н. И. Функционирование тюрем в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (организационный и правовой аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 14.

² См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. Т. 1. С. 492; История отечественного государства и права: Учеб. / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1996. Ч. 1. С. 49.

³ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 3. Т. 5. С. 322–323.

⁴ Источник: Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости. М., 1905. С. 34.

⁵ См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 5 т. Т. 2: (1825–1870). М., 1961. С. 455–478.

⁶ См.: Рогов В. А. Уголовные наказания и репрессии в России середины XV – середины XVII в. М., 1992. С. 81.

⁷ См.: Исаев И. А. История государства и права России. М., 1999. С. 188.

⁸ См.: Артикул воинский 1715 г. Артикулы 1, 6, 157 // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма.

ление подрывало нравственные устои или государственную религию, нарушало основные христианские заповеди, например, «не убий», «не прелюбодействуй».

Артикул воинский не предусматривал непосредственно помещение виновного в монастырскую тюрьму, но, назначая церковное покаяние «купно» к «тюрьме», законодатель, очевидно, имел в виду именно монастырское тюремное заключение.

При Петре I в монастырские тюрьмы заключали государственных и религиозных преступников. В 1735 г. Тайная канцелярия была наделена правом помещения в монастыри умалишенных преступников. Кроме того, монастырские тюрьмы являлись местом заключения раскольников, квакеров¹.

Целями заключения в монастырские тюрьмы были изоляция виновных от общества, лишение возможности распространять «свои заблуждения», а также раскаяние и нравственное исправление преступника².

По мнению А. С. Пругавина, необходимым условием освобождения из монастыря было полное раскаяние – «чистосердечное отречение от всех заблуждений и еретических мнений»³. Так, в XVIII в. наряду с целью наказания – устрашением – использовалась другая, восстанавливающая социальную справедливость путем изоляции преступника от общества и его исправления через раскаяние. Цель изоляции, раскаяния и исправления преступников (а не их физического уничтожения и устрашения) являлась определяющей в назначении и исполнении уголовных наказаний и во времена правления Екатерины II, во всяком случае, на законодательном уровне.

В годы царствования Николая I заключение в монастырские тюрьмы также имело целью изоляцию преступников и их духовное исправление. В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее: Уложение 1845 г.) монастырское заключение могло назначаться несовершеннолетним преступникам в возрасте от 10 до 14 лет за совершение преступлений различной степени тяжести,

а также за преступления против христианской православной веры⁴.

Уложение 1845 г. отводило большую роль в назначении монастырского тюремного заключения светским судам, уточняя, что «действие постановлений сего Уложения не распространяется на дела, подлежащие суду по законам церковным...»⁵. Компетенция церковных судов при определении наказания в виде заключения в монастырские тюрьмы ограничивалась преступлениями, за которые назначалось только церковное покаяние в отношении монашествующих и священнослужителей⁶.

Противоположную точку зрения высказал М. Н. Гернет, указывая, что до 1885 г., т. е. до принятия новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, заключение в монастырские тюрьмы назначалось без судебных приговоров «по высочайшему повелению» и по определению Синода⁷. Возможно, это положение имело место на практике, так как на основании анализа статей Уложения 1845 г. ясно прослеживается ограниченная компетенция церковных судов в назначении заключения в монастырские тюрьмы.

Необходимо отметить, что до принятия Уложения 1845 г. сроки заключения в монастырские тюрьмы, как правило, конкретно не определялись, и пожизненное лишение свободы было не редкостью⁸.

Редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (далее: Уложение 1885 г.) значительно сузила круг преступлений, за которые назначалось монастырское тюремное заключение церковными судами, оставив в их компетенции только нарушения духовенством церковного устава. Несмотря на это, духовное исправление осужденных осталось прерогативой церкви⁹.

⁴ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. Ст. 144, 191, 196.

⁵ Там же. Ст. 174.

⁶ См.: там же. Ст. 91.

⁷ См.: Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 455.

⁸ См.: там же. С. 476.

⁹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. // Свод законов Российской империи: В 16 т. СПб., 1885. Т. 15. Ст. 156.

¹ См.: Павлушков А. Р. Правовые основы и практика монастырской ссылки в XVIII–XIX вв.: Моногр. Вологда, 2002. С. 42–44.

² См.: Пругавин А. С. Указ. соч. С. 23.

³ Там же. С. 16.

В соответствии с Уложением 1885 г. монастырское заключение назначалось: монашествующим и священнослужителям, если совершение ими преступления не влекло лишения духовного сана; несовершеннолетним, совершившим преступления «по неразумению или осознанно»; гражданским лицам, совершившим следующие уголовные преступления: прелюбодеяние, кровосмешение с близкими родственниками, вступление в брак без разрешения родителей¹.

Наиболее известными, используемыми для тюремного заключения преступников, были Соловецкий и Спасо-Евфимьевский монастыри. Соловецкий монастырь, построенный в 1437 г., использовался для содержания лиц за пьянство, развратную жизнь, лжедоносы, протестанство, клевету². Спасо-Евфимьевский монастырь, основанный в первой половине XIV в., с 1766 г. по Указу Екатерины II использовался для заключения только душевнобольных преступников, а в XIX в. в нем также содержались: православное духовенство за ненадлежащее поведение, лица, совершившие уголовные преступления, старообрядцы³.

По нашему мнению, организационно-правовые основы деятельности тюрем – совокупность законов и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих процесс управления тюрьмами, составным элементом которого является построение функционально-организационной структуры, обеспечивающей достижение целей посредством эффективной реализации задач на основе функций управления: анализа, прогнозирования, планирования, контроля⁴.

Монастырские тюрьмы, действовавшие параллельно с тюрьмами гражданского ведомства, также отличались от последних некоторыми особенностями организации своей деятельности.

Во-первых, заключенных размещали в разных частях монастыря, что вызывало большие неудобства при осуществлении

охраны и надзора. Во-вторых, управление монастырскими тюрьмами и осуществление контроля за их деятельностью возлагалось как на представителей светской, так и церковной власти. В связи с этим необходимо обратиться к особенностям назначения наказания в виде заключения в монастырскую тюрьму.

В допетровские времена заточить в монастырь могли царь, патриарх, митрополит, архиерей⁵.

Резолюция Петра I от 12 апреля 1722 г. законодательно закрепила разграничение компетенции светских и церковных судов при назначении монастырского тюремного заключения⁶. Поэтому в XVIII в. высший контроль за деятельностью монастырских тюрем осуществляли Синод и Тайная канцелярия, а с ее упразднением в 1762 г.⁷ – Правительствующий Сенат.

В начале XIX в. монастырская тюрьма применялась без судебных приговоров – по «высочайшему повелению» и по определению Синода⁸. Следовательно, на высшем уровне контроль за деятельностью монастырских тюрем осуществляли Император и Синод. С 1835 г. заточение в монастырь применялось только по «высочайшему повелению», а в начале XX в. обер-прокурор Святейшего Синода должен был ходатайствовать перед Императором о заключении в тюрьму монастыря⁹.

Проверка состояния монастырских тюрем светской властью возлагалась также на генерал-губернаторов. В частности, в 1826 г. по поручению Николая I архангельский генерал-губернатор должен был осмотреть тюрьму Соловецкого монастыря и доложить Императору о ее состоянии и возможности строительства новой специальной тюрьмы¹⁰.

Церковная власть предписывала осуществление контроля за монастырскими тюрьмами благочинному, который наблюдал за поведением заключенных и режимом

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Ст. 86, 137, 1566, 1585, 1594.

² См.: *Гернет М. Н.* Указ. соч. М., 1960. Т. 1. С. 267, 273.

³ См.: *Пругавин А. С.* Указ. соч. С. 11; он же. Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости: Очерк из истории раскола по архивным данным. СПб., 1903. С. 11–31.

⁴ См.: *Нарышкина Н. И.* Указ. соч. С. 56.

⁵ См.: *Пругавин А. С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости. С. 21.

⁶ См.: *Павлушков А. Р.* Указ. соч. С. 97, 99.

⁷ См.: Законодательство Екатерины II: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 214–218.

⁸ См.: *Гернет М. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 455.

⁹ См.: *Пругавин А. С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости. С. 22.

¹⁰ См.: *Гернет М. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 458–459.

их содержания и один раз в год составлял отчет по осмотру монастырей¹.

Непосредственно монастырские тюрьмы управлялись начальником монастырской тюрьмы. Им являлся настоятель монастыря – архимандрит, который наблюдал за всем, что происходит в обители, а подчиненные ему монахи несли обязанности помощников при обеспечении режима содержания заключенных².

В 1850 г. настоятель Спасо-Евфимьевского монастыря предложил возложить обязанности по руководству тюрьмой в административной и хозяйственной области на особое лицо военного или гражданского ведомства, а за настоятелем оставить «нравственное воздействие» на заключенных, отметив, что «за управление тюрьмой особой прибавки к жалованью не получал и не приличествует духовному лицу стоять во главе такого дела». Однако Святейший Синод в проекте Инструкции Спасо-Евфимьевского монастыря 1855 г. в ст. 1 оставил без изменения замещение должности начальника монастырской тюрьмы настоятелем монастыря, подтверждая в ст. 2 всю полноту его власти: «в совершенном подчинении архимандриту состоят смотритель арестантского отделения, военная стража и служители»³.

Синод возложил на настоятелей Соловецкого и Спасо-Евфимьевского монастырей обязанности начальников военной охраны: «а как де в оном монастыре первенствующая власть вы, архимандрит, то оную команду поручать в твое ведомство»⁴.

Поскольку одной из основных целей монастырского тюремного заключения было перевоспитание и исправление преступника, в штате монастырской тюрьмы существовала должность духовника, который наблюдал за поведением заключенных в течение дня и обо всем докладывал настоятелю. Духовник контролировал не только образ действий заключенного, но и его мысли, выступая в роли «вразумителя»⁵, «увещателя», исповедника⁶.

¹ См.: Павлушков А. Р. Указ. соч. С. 144.

² См.: Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 266.

³ См.: там же. Т. 2. С. 471–472.

⁴ Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости. С. 11.

⁵ См.: Павлушков А. Р. Указ. соч. С. 142, 144.

⁶ См.: Об увещании и исповедовании колодников и об обозначении в присылаемых ведомостях, сколько в который пост исповедано: Указ Правительствующего Сената от 17 янв. 1765 г. // Полное собрание законов Российской империи: В 42 т. СПб., 1830–1916. Т. XVII. № 12312.

Кроме того, в штате монастырской тюрьмы была введена должность тюремного смотрителя, который подчинялся настоятелю монастыря и не имел права отлучаться из тюрьмы⁷. На тюремного смотрителя возлагалась обязанность осуществления постоянного надзора за поведением заключенных, их материально-бытового обеспечения.

Другой основной целью была изоляция преступника от общества, следовательно, штаты монастыря комплектовались подразделениями, обеспечивающими охрану заключенных и постоянный надзор за их поведением.

Охрану монастырских узников осуществляли монахи, если для этой цели не было прислано специальной воинской стражи⁸.

Во времена правления Петра I для решения внутренних проблем государства, в том числе для охраны заключенных в монастырских тюрьмах, стала широко применяться армия. Военная стража чаще всего использовалась при обеспечении безопасности монастырских тюрем с особым режимом изоляции, исполнявших наказание в виде лишения свободы в отношении важных государственных, политических преступников⁹.

Однако использование регулярной армии в охране тюрем было нецелесообразным и поэтому охрана монастырских заключенных была возложена на «инвалидные команды».

Подразделения охраны обеспечивались жилыми, коммунально-бытовыми помещениями, а также питанием за счет средств монастыря. Личный состав нес службу как на внутренних постах, т. е. в местах непосредственного размещения заключенных, так и на внешних, например на входе в монастырь. Кроме того, на территории монастыря могли устанавливаться сторожевые солдатские будки¹⁰.

В штате тюрьмы существовала должность контролера переписки – цензора¹¹, так как мысли многих заключенных были опасны для духовных и светских властей.

⁷ См.: Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 473.

⁸ См.: там же. Т. 1. С. 266.

⁹ См.: Павлушков А. Р. Указ. соч. С. 124.

¹⁰ См.: Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 292; Т. 2. С. 463.

¹¹ См.: Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости. С. 61.

Таким образом, рассмотрев особенности социального назначения и организации деятельности монастырских тюрем XVI–XIX вв., можно сделать следующие выводы:

Во-первых, монастыри играли роль государственных тюрем для заключения в них наиболее опасных преступников, посягавших на интересы церкви и государства, принципы общественной нравственности.

Во-вторых, поскольку в практике деятельности монастырских тюрем пересекались интересы государства и церкви, то и наказание назначалось в виде монастырского заключения как церковными, так и светскими судами, причем с XVIII–XIX вв. и вплоть до начала XX в. прерогатива в назначении монастырского тюремного заключения отводилась светским судам¹, что следует из содержания правовых документов, регулировавших данную сферу карательной политики Российского государства: Артикула воинского 1715 г., уложений о наказаниях уголовных и исправительных 1845, 1885 гг.

В-третьих, цель наказания в виде заключения в монастырские тюрьмы определялась не только как изоляция, но и как нравственное, духовное исправление преступников, и в ее реализации главная роль принадлежала уже не светской, а церковной власти. Однако на практике духовное исправление сводилось в основном к покая-

нию, религиозным увещеваниям, наставлениям на путь истинный², так как другие средства исправления не предусматривались. Несмотря на это, внедрение монастырскими тюрьмами в карательную практику Российского государства цели исправления преступников можно, безусловно, считать прогрессивным шагом в развитии отечественной системы исполнения уголовных наказаний.

В-четвертых, монастырским тюрьмам была присуща сложная двойственная система управления с подчинением их как церковной, так и светской власти, что не способствовало созданию единой нормативной правовой базы, регламентировавшей единообразную организацию деятельности тюрем, оставляя данный вопрос на рассмотрение администрации.

Библиографический список

1. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2: (1825–1870) / М. Н. Гернет. – М., 1961.
2. Павлушков, А. Р. Правовые основы и практика монастырской ссылки в XVIII–XIX вв. : монография / А. Р. Павлушков. – Вологда, 2002.
3. Пругавин, А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости / А. С. Пругавин. – М., 1905.

А. В. Непотенко,
*аспирант Московского
гуманитарно-экономического института*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НРАВСТВЕННОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XI–XVIII вв.

Семейные отношения во все времена были той стороной российской действительности, которая вызывала многочисленные жизненные драмы. В связи с этим преступления против семьи и нравственности, их особенности и субъектный состав имели весьма показательное значение для понимания причин и условий совершения данного вида преступлений.

Развитие брачно-семейных отношений находится в непосредственной связи с политической историей России, религиозными воззрениями и общественными нравами. Сведения о семье, а следовательно, и о нарушении семейных устоев до принятия христианства очень немногочисленны и отрывочны. Даже такой древнейший памятник русского права, как «Русская Правда» практически не содержал норм, посвященных преступлениям против семьи.

С принятием христианства на Руси регулирование рассматриваемых отношений стало осуществляться по модели византийского брачно-семейного законодательства: семейные дела были отнесены к компетен-

¹ См.: Павлушков А. Р. Указ. соч. С. 58.

² См.: Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. М., 1908. С. 3.

ции церкви. Именно в церковных книгах велись записи о браке, рождении, смерти, поэтому и ответственность за преступления против интересов семьи устанавливалась преимущественно церковным законодательством¹.

Учитывая данное обстоятельство, первыми документами, которые рассматривают брачно-семейные отношения с уголовно-правовых позиций, являлись уставы князей Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных (далее: Устав князя Владимира) и Ярослава Владимировича о церковных судах (далее: Устав князя Ярослава)².

Устав князя Владимира, основанный на соглашении между светской и церковной властями, определил место церковной организации в государстве. Нормы, регламентирующие ответственность за преступления против семьи и нравственности, занимали в данном Уставе значительное место. Так, ст. 9 Устава князя Владимира содержала перечень проступков, которые с точки зрения церковного права стали расцениваться как преступления: распуст (развод супругов без разрешения церковного суда), смилное (внебрачная связь мужчины и женщины), заставанье (прелюбодеяние), пошибание (изнасилование), умычка, убийство родителей, детей и других родственников³.

Устав князя Ярослава в целом развивал основные идеи, заложенные в документе отца, несколько расширяя круг преступлений против семьи и нравственности. В данном Уставе предусматривались следующие виды преступлений указанной группы: похищение женщины (ст. 2), из-

насилование (ст. 3), в том числе групповое (ст. 7), внебрачные связи мужа (ст. 8), двоеженство (ст. 9, 17), половые сношения в кругу кровных родственников, духовных родственников и свойственников (ст. 13, 15, 16, 22–28), детоубийство (ст. 6), оскорбление замужней женщины (ст. 30), воровство (ст. 32–34), в том числе жены у мужа (ст. 36–37) и др.⁴ Преобладающим видом наказаний за данные преступления был денежный штраф (вира), размер которого возрастал при совершении преступления в отношении лица привилегированного сословия.

Главной особенностью Устава князя Ярослава стало то обстоятельство, что санкция нормы за большинство преступлений против семьи и нравственности предусматривала наряду с уголовной ответственностью гражданско-правовую, а нередко и церковно-правовую. Например, согласно ст. 2 Устава князя Ярослава умычка чьей-либо дочери влекла не только уголовное наказание, но и ответственность как перед церковной властью (митрополитом или епископом), так и перед князем.

Анализируя статьи Устава князя Ярослава, можно отметить его сословный характер. Так, наказания за оскорбление замужней женщины различались в зависимости от сословной принадлежности пострадавшей. Если Устав князя Владимира только перечислял противоправные деяния, не определяя размеров платежей, то Устав князя Ярослава фиксировал точные суммы судебных штрафов: если потерпевшая «боярская жена великих бояр», то штраф составлял 5 гривен золотом; если «будеть меньших бояр», то – 3 гривны золотом; если «городских людей», то – 1 гривна золотом; а «селенце (сельчанке) – 60 резан»⁵.

Таким образом, церковная юрисдикция в Древнерусском государстве представлялась достаточно широкой; церковному суду

¹ См.: Неволин К. А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 282.

² Следует отметить, что историко-правовой науке известны несколько редакций обоих уставов, причем каждая редакция может быть представлена одним или несколькими списками. Ниже приводятся сведения из Синодальной редакции Устава князя Владимира (XIII в.) и Краткой редакции князя Ярослава, сохранившей ранний текст XI в.

³ См.: Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. С. 149.

⁴ Несмотря на то, что многие нормы о преступлениях против семьи и нравственности были заимствованы из византийского права, Устав князя Ярослава включил также новые составы преступлений данной группы, например групповое изнасилование.

⁵ См.: Устав князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 168–170.

подлежали дела, вытекающие из внутрисемейных конфликтов, необузданных проявлений природных влечений, обращения к нецерковным силам (волхвам, чародеям и др.). Осуществляя производство по значительному кругу дел, церковь в рассматриваемый период становилась важнейшим судебным органом государства.

Основным источником регулирования брачно-семейных отношений в XV–XVI вв., в том числе и в части, касающейся преступлений против семейных устоев, являлись обычаи и нормы церковного права. Церковные правоотношения нашли наиболее полное отражение в принятом в 1551 г. Сборнике постановлений церковного собора (далее: Стоглав), в котором регламентации указанных преступлений посвящено 7 глав. По мнению некоторых исследователей, Стоглав рассматривал институт семьи и брака как средство предупреждения половой распущенности населения, а следовательно, и совершения на этой почве противоправных деяний¹.

Стоглав повторил норму церковного права, запрещавшую вступать в брак свыше 3 раз. В главах 23 и 24 рассматриваемого документа содержались ссылки на известных деятелей церкви (патриархи Николай и Ефимий), определявших и третий брак преступлением, но в крайних случаях допускавших его.

Поскольку вступление в брак во второй и третий раз рассматривалось церковью как явление нежелательное, она наказывала таких супругов. На лиц, вступивших в брак во второй раз, накладывалась епитимья² на 2 года, а в третий раз – на 5 лет. Вступившие в брак в четвертый раз вообще не допускались в церковь в течение 4 лет, а затем 10 лет не допускались к обряду причастия. Столь пристальное внимание Стоглава к нормам брачно-семейного права было

вызвано тем, что среди населения данные правила практически не соблюдались³.

Большое значение имело отношение самого виновного к своему проступку. Стоглав значительно смягчал наказание лицам, глубоко раскаявшимся и переживающим происшествие. При назначении наказания учитывались возраст, отсутствие детей от предыдущих браков, иные объективные и субъективные обстоятельства⁴.

Среди преступлений против семьи и нравственности следует выделить также мужеложство и скотоложство, борьба с которыми должна была осуществляться представителями духовенства. В главе 33 Стоглава определялись наказания за данные преступления: в случае покаяния провинившегося на него налагалась епитимья, а нераскаявшихся не допускали в церковь. По свидетельству И. Н. Жданова, мужеложство среди мирян было распространено «в кругу богатых людей»⁵. Причем косвенным подтверждением этого мнения являлась норма Стоглава, согласно которой «от таких людей приносу не принимали», т. е. запрещалось принимать от таких людей подарки и приношения, которые могли делать только состоятельные люди. Мужеложство признавалось особо опасным деянием, поскольку считалось, что за преступление отдельных людей Бог наказывает весь народ.

Таким образом, Стоглав стал в Русском государстве первым документом, детально регламентировавшим преступления против семьи и нравственности и ответственность за них. Отсутствие в светских источниках права рассматриваемого периода – Судебниках 1497 и 1550 гг. – норм о преступлениях против семьи и нравственности во многом объясняется тем обстоятельством, что брачно-семейные отношения долгое время оставались главным образом в сфере ведения православной церкви.

¹ См.: Бочкарев В. Стоглав и история собора 1551 г.: Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906. С. 18.

² Епитимья (от греч. *epitimia* – наказание) представляла собой молитвы, чтение Святого Писания, публичное покаяние и иные наказания, налагаемые священником с целью исправления грешника в зависимости от тяжести греха и личности преступника.

³ Были случаи, когда люди вступали в брак по 6–7 раз, а царь Иван IV после смерти в 1560 г. жены Анастасии женился 6 раз.

⁴ См.: Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 289, 290.

⁵ См.: Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. СПб., 1904. С. 199.

Переплетение канонических и светских норм в области регулирования семейных отношений станет важнейшей особенностью развития русского права в последующие периоды; совершение наиболее тяжких преступлений против семьи и нравственности будет подвергаться наказанию как со стороны государства, так и со стороны церкви¹.

Следующим нормативным актом, содержащим нормы о преступлениях против семейных устоев, стало Соборное уложение 1649 г. (далее: Уложение) – документ, в немалой степени определивший правовую систему Российского государства, в том числе в области брака и семьи, на многие последующие десятилетия.

Несмотря на то, что четкое разграничение по объекту преступления между деяниями в Уложении не всегда выдерживалось, следует отметить, что преступления против семьи и нравственности представляют собой самостоятельную группу преступлений, имеющую свои особенности. Не случайно законодатель посвящает им большинство статей главы 22 Уложения, хотя упоминаются такие преступления и в других главах документа. Согласно Уложению к преступлениям против семьи и нравственности относились: прелюбодеяние и блуд жены (но не мужа), изнасилование, кровосмешение, непочитание детей родителями, сводничество, убийство детей, родителей и других родственников, мужеложство, скотоложство².

Основной тенденцией развития преступлений данной группы стало признание уголовно наказуемой наряду с частной общественной безнравственности. Так, в эпоху великокняжеского и царского Судебников законодательно были запрещены азартные игры и содержание притонов, а в Уложении – сводничество. Уставные грамоты XV–XVI вв. устанавливали ответственность также за скоморошество как с целью охра-

ны общественной нравственности, так и соблюдения полицейского порядка.

Отражая принципы феодального права, Уложение закрепляло неограниченное право отца и матери по отношению к детям, а также мужа в отношении жены. Так, убийство отца влекло как для непосредственного исполнителя, так и для его пособников смертную казнь (ст. 1, 2 Уложения), и, наоборот, за убийство ребенка родители наказывались лишь тюремным заключением сроком на один год, по отбытии – церковным покаянием (ст. 3 Уложения). Смертная казнь устанавливалась также за убийство сестер и братьев.

Развивая положения Устава князя Ярослава, относившиеся к преступлениям детей против родителей, Уложение вводило торговую казнь за грубость или нанесение побоев родителям, самовольное завладение их имуществом, непочитание и отказ кормить и ссужать престарелых родителей, а также за обращение в суд с челобитными на родителей (ст. 4–6). По мнению многих исследователей, доносы детей на родителей допускались только при обвинении в государственных преступлениях, так как доношительство о них влекло смертную казнь.

Подобно убийству близких родственников Уложение расценивало убийство женой мужа как квалифицированное, что объясняло непомерно суровый вид наказания за данное деяние: женщину закапывали в землю по плечи, не давали еды и воды (ст. 14 гл. 22). Законодатель запрещал освобождение убийцы даже в том случае, если об этом просили дети или родственники убитого³. Примечательно, что о наказании мужа за убийство жены в Уложении не упоминалось. На практике оно назначалось каждый раз по усмотрению суда, а совершение этого преступления каралось значительно мягче – телесными наказаниями или тюремным заключением⁴.

³ Несмотря на подтверждение данного вида казни Указом от 11 мая 1663 г. и Новоуказными статьями 1669 г., на практике смертная казнь часто заменялась пострижением в монастырь (см.: *Лешков В.* Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858. С. 443).

⁴ См.: *Архангельский М.* О Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. (7156) в отношении к православной церкви // *Христианские чтения.* 1881. № 9, 10. С. 68–71.

¹ См.: *Литценбергер О. А.* Применение норм семейного права Римско-католической церкви в Российской империи // *Религия и право.* 2003. № 1. С. 11–18.

² См.: *Соборное Уложение 1649 г.* // *Российское законодательство X–XX веков.* М., 1985. Т. 3. С. 248–251.

В рассматриваемый период одним из самых распространенных преступлений против семьи и нравственности было сводничество, которым, по свидетельству архивных данных, занимались не только женщины, но и мужчины. Согласно ст. 25 Уложения в качестве наказаний за данные деяния предусматривалась торговая казнь – битье кнутом, которое производилось палачом на торгах, площадях и иных местах с большим количеством народа с целью устрашения последнего. Кроме того, на практике обычно наказывались не только сводники, но и лица, вершившие блуд.

В соответствии с Уложением чистота семейной морали зависела прежде всего от морального поведения женщины (жены). Так, смертная казнь предусматривалась в случае блуда жены, если она приживет ребенка и погубит его (ст. 26 Уложения), несмотря на сравнительно мягкое, как уже указывалось, наказание за убийство ребенка, рожденного в законном браке.

Тяжесть наказания за изнасилование определялась социальным положением субъекта преступления и потерпевшей. Согласно Уложению даже недостаточная активность феодално-зависимых лиц в защите чести своей госпожи или тем более пособничество в насилии влекло для них вместе с главными виновниками смертную казнь. Насилие, совершенное не в отношении представителей господствующего класса, каралось торговой казнью и уплатой штрафа за бесчестье¹. Устанавливая ответственность за изнасилование, Уложение в некоторых случаях предусматривало специальный субъект данного преступления – военнослужащего, совершившего его во время следования на службу или при возвращении с нее (ст. 30 гл. 7)².

Эпоха царствования Ивана Грозного и Смутное время существенно пошатнули бытовые и религиозно-нравственные устои русского общества, что объясняло стремление государства сохранить в неприкосновенности правила домостроя и семейного повиновения.

¹ См.: Цатурова М. К. Русское семейное право (XVI–XVIII вв.). М., 1991. С. 39.

² См.: Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 97.

Наибольший интерес из уголовно-правовых документов петровской эпохи представляет Артикул Воинский 1715 г. (далее: Артикул), ставший первым светским законодательным актом, выделившим в отдельную главу рассматриваемую группу преступлений под названием «О содомском грехе, о насилии и блуде» (ст. 165–177)³. Глава 20 Артикула регламентировала половые преступления, рассмотрение которых ранее практически полностью относилось к компетенции церкви.

Следует отметить, что церковная юрисдикция по делам о преступлениях против семьи и нравственности была существенно сокращена именно при Петре I: дела, ранее подсудные церковному суду, перешли к государственным судам. В связи с этим Артикул значительно расширил круг преступлений указанной группы: наряду с изнасилованием устанавливалось наказание за блуд, скотоложство, мужеложство, прелюбодеяние, многобрачие, кровосмешение и произнесение позорных речей. Наказания за данные преступления, кроме последнего, отличались крайней жестокостью – смертная казнь и каторжные работы.

По сравнению с ранее действовавшим церковным законодательством Артикул в значительной степени изменил ответственность за многие составы преступлений. В частности, умышленное убийство детей и жены также каралось смертной казнью (арт. 163 Артикула). Смягчающим обстоятельством при убийстве жены являлось совершение с ее стороны прелюбодеяния, а убийство детей подразделялось на умышленное убийство законнорожденного, непредумышленное убийство, вытравление плода, оставление незаконнорожденного в опасном месте. Применение к жене или ребенку телесного наказания – побоев, повлекших смерть, считалось смягчающим обстоятельством и влекло меньшее наказание в виде тюремного заключения сроком на один год и церковного покаяния⁴.

³ См.: Артикул Воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 358–360.

⁴ См.: Липинский М. К. К истории русского уголовного права XVIII века // Журн. гражд. и уголов. права. 1885. № 10. С. 16.

Подтверждая норму Уложения об ответственности за изнасилование «ратным человеком», Артикул более четко определил объект преступления, включив в него весь «женский пол, старую или молодую, замужнюю или холостую, в неприятельской или дружеской земле, честную женщину или блудницу» (арт. 167). Объективная сторона проявлялась в виде насилия, что подтверждалось экспертизой («ежели платье от обороны разодрано, или синева или кровавые знаки найдутся»), и жалобы потерпевшей. Не подлежало наказанию изнасилование невесты.

Отягчающим обстоятельством, влекущим смертную казнь через отсечение головы, являлось похищение женщины с последующим изнасилованием, что рассматривалось как преступление с заранее обдуманным намерением (арт. 168 Артикула). Предусматривалось покушение на изнасилование, наказание за которое назначалось судом в зависимости от причин, помешавших завершению преступления (арт. 167 Артикула). Наравне с изнасилованием карался «насильный увоз жен и девок для развратных целей», близкое по составу к сводничеству. Последнее должно было быть умышленным и каралось торговой казнью и ссылкой «в дальние города».

Артикул впервые относил к компетенции светского суда такие составы, как скотоложство, влекущее жестокое телесное наказание (арт. 165), и мужеложство, подлежащее тому же наказанию, а если оно сопряжено с насилием, то смертной казни или вечной ссылке на галеры (арт. 166)¹.

Считалось преступлением склонение девушки к половой связи путем обещания будущего замужества: «Если кто с девкой пребудет, или очреватит ее, под уговором, чтоб на ней женитца, то он сие содержать и на чреватой женитца весьма обязан» (арт. 176). Наказанием за совершение данного преступления была обязательная женитьба на этой девушке.

¹ См.: Артикул Воинский 1715 года // Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 358–359.

Дальнейшее развитие ответственности за преступления против семьи и нравственности характеризовалось постепенным смягчением наказания (в частности, за совершение некоторых сексуальных преступлений отменялась смертная казнь) и расширением круга преступлений данной группы. Необходимо отметить, что по сравнению с западноевропейским уголовным законодательством ответственность за данные преступления в России была достаточно мягкой².

Однако, несмотря на это обстоятельство, совершение преступлений против семьи и нравственности в Русском государстве рассматриваемого периода не только каралось наказанием, но и вызывало достаточно тяжелые материальные последствия, оставляя женщину необеспеченной, а детей – бесправными. Положение женщины осложнялось также и общественным порицанием, которое часто имело более сильное значение, чем материальные лишения.

В связи с этим супруги часто вынуждены были решать свои семейные проблемы в обход закона, а иногда и прямо становясь на путь преступления. Согласно статистическим данным преступления, совершенные на семейно-бытовой почве, занимали одно из ведущих мест в структуре преступности в России XVI–XVIII вв.³

Библиографический список

1. Литценберг, О. А. Применение норм семейного права Римско-католической церкви в Российской империи / О. А. Литценберг // Религия и право. – 2003. – № 1.
2. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. – М., 1984–1994.
3. Цатурова, М. К. Русское семейное право (XVI–XVIII вв.) / М. К. Цатурова. – М., 1991.

² Например, в Германии за совершение половых преступлений предусматривалось наказание в виде смертной казни, совершаемой мучительным способом (см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1904. С. 209).

³ Подробнее об этом см.: Попов А. В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 122.

П. И. Остапенко,
начальник Краснодарского филиала
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор

**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ
В ТЮРЬМАХ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ
2-й ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Согласно уголовно-исполнительному законодательству Российской Федерации каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений (ст. 103 УИК РФ). Идея привлечения к труду осужденных в силу своей значимости всегда имела и до сих пор имеет особое значение. Как правило, за счет привлечения к труду осужденных решались сугубо экономические задачи. В связи с этим ретроспективный анализ использования труда осужденных к лишению свободы позволяет составить более полное представление об уровне развития народного хозяйства страны, приоритетах в экономической политике в тот или иной исторический период.

В настоящей статье мы более подробно рассмотрим, как осуществлялось привлечение к труду осужденных в царской России 2-й половины XIX в., и в частности, в тюрьмах Кубанской области.

Тюремные власти Российской империи в конце XIX в. особое внимание уделяли обеспечению заключенных работой. Циркуляр Главного тюремного управления (далее: ГТУ) Министерства юстиции от 1895 г. № 1836 определял, что «это благотворно влияет на физическое состояние арестантов и в значительной степени служит увеличению средств тюрем»¹.

В середине 1860-х гг. при Екатеринодарской войсковой тюрьме существовала арестантская мастерская по пошиву одежды и обуви. Однако ввиду отсутствия площадей там работал только каждый десятый арестант. В этой связи 16 июня 1865 г. войсковой прокурор сообщал наказному атаману Кубанского казачьего войска, что «по не-

имению удобного и даже достаточного помещения для мастеровых никакого улучшения сделать нельзя, сейчас с удобствами могут быть размещены только 5 портных и 30 сапожников, для остальных ремесел нет помещений»².

Сама организация работ также требовала совершенства. Так, многие арестанты тайком выполняли частные заказы. При этом осматривающему мастерскую офицеру для поручений при начальнике штаба заключенные заявили, что у них «хорошо сходит» только частная работа из материала заказчика. В том случае, когда сырье покупал на рынке заведующий работами офицер, оно оказывалось слишком дорогим, и вещь, сшитую из него, продать было практически невозможно.

В начале 1880-х гг. заключенные Екатеринодарской войсковой тюрьмы (с 1894 г. — областной), помимо шитья одежды и обуви, стали заниматься «школьным обучением грамотности и счетоводству», а в Усть-Лабинской тюрьме к этим занятиям добавилось еще обучение церковному пению. Заключенные в Ейской тюрьме вырезали из бумаги скатерти и платки «исключительно для своих семейств»³. В большинстве же войсковых тюрем Кубанской области арестантов привлекали только к хозяйственным работам, так как тюрьмы располагались в станицах, где трудоустроить заключенных было очень трудно. Кроме того, многие тюрьмы просто не располагали помещениями для мастерских.

Всего в 1895 г. арестанты Кубанской области отработали 34209 суток. Вырученные деньги (2873 руб. 97 коп.) были израсходованы на оплату инструментов и отчисления в казну⁴. Причем надо отметить, что большая часть этих работ была выполнена заключенными Екатеринодарской областной тюрьмы.

С целью организации внутренних арестантских работ Кубанский областной тюремный комитет выкупил у крестьян Лубянниковых кирпичный завод за 500 руб. Надо отметить, что эти деньги были сэко-

¹ Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг.: В 2 ч. СПб., 1911. Ч. 1: 1879–1895.

² Государственный архив Краснодарского края (далее: ГАКК), ф. 249, оп. 1, д. 2389, л. 43.

³ ГАКК, ф. 45, оп. 2, д. 28, л. 3, 5, 7.

⁴ См.: Отчет по Главному тюремному управлению за 1895 г. СПб., 1897. С. 96.

номлены смотрителем Екатеринодарской областной тюрьмы Д. С. Скочко из средств, выделявшихся на освещение и отопление тюремных помещений.

На кирпичном заводе постоянно работали 8 человек: шесть формовщиков и два заготовителя сырья для кирпичей. Восемь заключенных назначались для загрузки и выгрузки кирпичей из печей. Кроме того, по мере надобности ежедневно на завод направлялись дополнительно еще от 20 до 30 арестантов. Завод начал работать с 1 июня 1892 г., а к сентябрю уже было изготовлено до 200 тыс. штук кирпича. При этом получаемая заключенными зарплата арестантов доходила до 1,5 руб. за 1 тыс. кирпичей.

Производимый кирпич шел как на продажу, так и на обеспечение внутренних потребностей самой тюрьмы, что было, безусловно, выгодно для нее. Так, в 1894 г. доход составил уже 2105 руб., из которых поступило в пользу: заключенных – 792 руб., казны – 650, тюрьмы – 661 руб.¹ В дальнейшем, кроме изготовления кирпича, было решено наладить гончарное производство². Кстати, отметим, что и по сей день в бывшем здании Екатеринодарской областной тюрьмы находится СИЗО № 1, сохранился и кирпичный завод.

В июне 1894 г. смотритель Екатеринодарской областной тюрьмы Д. С. Скочко на одном из заседаний Кубанского областного тюремного комитета с участием инспектора ГТУ Васильева выдвинул предложение о постройке при тюрьме мельницы. Суть данного предложения заключалась в том, чтобы обеспечить тюрьму собственной мукой. Для этого предполагалось закупить 1 тыс. четвертей³ зерна, помол которого на собственной мельнице сэкономил бы тюремному комитету 2 тыс. руб. В январе 1895 г. ГТУ из специального фонда на развитие арестантских работ выделило безвозвратную ссуду для постройки мельницы в размере 3 тыс. руб. Однако, предоставив такую большую сумму денег на строительство мельницы, тюремные власти сэконо-

мили в другом: вместо коня на каждое дышло четырехконного привода мельничного постава было выделено по пять арестантов. Заключенные, работавшие на мельнице, в счет оплаты получали льготы в «питании и дисциплине»⁴ (надо полагать, речь шла о послаблении режима содержания).

В заключение несколько подробнее остановимся на инициаторе этих работ при Екатеринодарской областной тюрьме – ее смотрителе Д. С. Скочко. Он начинал станичным писарем в станице Уманской, затем служил в Ейском окружном дежурстве. В составе 2-го Уманского конного полка Скочко участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., имел награды. В 1879 г. он начал службу в полиции помощником пристава Ейского городского полицейского управления. В 1881–1889 гг. Скочко – смотритель сначала Уманской, затем Усть-Лабинской войсковых тюрем. С апреля 1889 г. он возглавил главную тюрьму Кубанской области, причем здесь «проявил самое высокое исполнение своего служебного долга»⁵, как говорилось в его наградном представлении. За свою службу Скочко был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и различными чинами.

По всей видимости, на Кубани Д. С. Скочко был первым, кто понял и оценил важность организации работ для заключенных как в экономическом аспекте, так и в морально-воспитательном.

Подводя итог небольшого исторического экскурса, можно заключить следующее: творческое использование опыта прошлого в современных условиях необходимо, так как цель и значение общественно полезного труда осужденных, независимо от изменяющейся пенитенциарной политики государства, в целом носят постоянный характер и сохранили свою важность до настоящего времени.

Библиографический список

1. Отчет по Главному тюремному управлению за 1895 г. – Спб., 1897.
2. Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. В 2 ч. Ч. 1. 1879–1895. – Спб., 1911.

¹ См.: ГАКК, ф. 461, оп. 1, д. 28, л. 7.

² См.: Кубанские областные ведомости. 1894. № 17.

³ Четверть – русская мера емкости сыпучих тел, равная 209,9 л.

⁴ ГАКК, ф. 461, оп. 1, д. 998, л. 15.

⁵ Там же, д. 22, л. 67.

Д. В. Фетищев,
заместитель проректора
Дипломатической академии МИД России
кандидат политических наук

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX в.

К середине XIX в. в России, которая в политическом и правовом отношении продолжала оставаться страной полуфеодальной, назрели все основные предпосылки для буржуазных реформ. Крепостное право сдерживало развитие рынка и крестьянского предпринимательства. Помещичьи хозяйства все активнее включались в рыночный оборот и те из помещиков, кто не мог приспособиться к новым экономическим условиям, теряли свои земли, попадавшие в заклад. Довольно быстрыми темпами развивалась промышленность. Этот процесс особенно сильно стимулировала Крымская война (1853–1856 гг.). Она же продемонстрировала неэффективность экономической, социальной и правовой системы России. Кризисная ситуация наиболее ярко проявилась в нарастании числа крестьянских бунтов и развитии революционного движения, пик которого пришелся на 1859–1861 гг.¹ К середине XIX в. система общественного управления в России практически полностью не соответствовала уровню социально-экономического развития страны. Недостатки судопроизводства и организации уголовного процесса, сложившихся, начиная с эпохи Петра I, и носивших, по сути, феодальный характер, стали осознаваться как либеральной общественностью, так и правящими верхами.

Шестидесятые годы XIX в. в истории России стали временем перехода от общества внеэкономического принуждения к обществу экономических методов управления социальными процессами, вычленения личности из сословных структур, начала формирования гражданского общества, трансформации государственно-правовых институтов в соответствии с новыми общественно-экономическими реалиями. Переход общества из одного качественного состояния в другое был оформлен многочис-

ленными реформами, самой последовательной и прогрессивной из которых была судебная реформа 1864 г. К середине XIX в. развитие экономических отношений достигало уровня, когда отсутствие полноценной судебной власти становилось преградой для дальнейшего развития экономики.

Юристы прошлого неоднократно отмечали неудовлетворительность системы судов в XVIII – первой половине XIX вв., в которой сельские и волостные расправы, уездные суды, магистраты, ратуши, надворные суды, палаты и т. д. «стояли в большом смещении, с плохо отграниченной подсудностью, сословным строем и по делам гражданским с многообразными (свыше 20) видами судопроизводства, часто переходящими друг в друга». Порядок суда по маловажным делам в «земском суде» нарушал самые элементарные требования правосудия. При производстве следствия по более серьезным делам стремление добиться сознания обвиняемого, несмотря на категорическое воспреещение закона, находило свое осуществление в самых уродливых и бесчеловечных формах. Юридически отмененная в 1801 г. попытка фактически практиковалась². Розыскное начало судопроизводства, соединявшее в руках судьи несовместимые функции обвинения, защиты и самого суда, создавало психологическую невозможность спокойного и беспристрастного правосудия. В то же время приговор суда выносился не на основании свободного внутреннего убеждения, строящегося на обсуждении всех обстоятельств дела в их совокупности, а с учетом формальных, предусмотренных доказательств, в силу чего приговоры суда нередко противоречили явной очевидности. Огромный процент судебных приговоров (87,5 %) приходился на «оставление в подозрении», которое, в силу соединявшихся с ним правовых и бытовых последствий, на деле превращалось в жестокое наказание. Решались все дела не в условиях непосредственного общения суда с обвиняемым и свидетелями, а канцелярским способом, на основании предварительных выписок и докла-

¹ См.: Исаев И. А. История государства и права России. М., 1994. С. 189–192.

² См.: Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 757.

дов. Судебные действия сопровождала глубокая тайна, и судебные приговоры, естественно, не вызывали к себе доверия населения и не пользовались внутренним авторитетом. Этому способствовал как порядок доказывания и стремления добиться сознания подсудимого, так и ревизионный порядок пересмотра дел высшими судебными инстанциями в силу закона. Правительственные мероприятия, направленные на борьбу с этим явлением, не достигали положительных результатов¹.

Подготовка судебной реформы проводилась параллельно с крестьянской². Реформы, открывшие путь для развития рыночной капиталистической экономики в России и частичной демократизации системы государственного управления, начались с выходом Манифеста от 19 февраля 1861 г. В нем было объявлено об освобождении 22 млн населения России от крепостной зависимости. Россия была и продолжала оставаться по преимуществу аграрной, а следовательно, крестьянской страной. Поэтому от экономического и социального положения крестьянства прямо или косвенно зависели все стороны общественной и экономической жизни страны³.

На первом этапе (1837–1861 гг.) работы по подготовке судебной реформы проводились под руководством графа Д. Н. Блудова, который был сторонником постепенного введения прогрессивных принципов в существовавшее законодательство. Подготовленные под руководством Д. Н. Блудова умеренные проекты не могли быть реализованы в рамках существовавшего законодательства без полного его изменения. Работы из 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии были переданы в комиссию при канцелярии Государственного Совета, где проводились под руководством С. И. Зарудного (1861–1864 гг. – второй этап подготовки реформ).

Двадцатого ноября 1864 г. были утверждены Судебные уставы. Одновременно был

подписан указ об опубликовании Судебных уставов для всеобщего сведения. В нем говорилось, что задача судебной реформы – «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе... уважение к закону»⁴.

Судебные уставы состояли из четырех законодательных актов – Учреждения судебных установлений, Устава уголовного судопроизводства, Устава гражданского судопроизводства и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Разработчики Судебных уставов 20 ноября 1864 г. стали на путь значительного сокращения числа судебных инстанций, значительного упрощения судебной системы. Вместо сложной и громоздкой структуры сословных дореформенных судов создавались следующие судебные органы: мировой суд в составе единоличного мирового судьи, а в качестве второй, апелляционной, инстанции для всех дел, рассмотренных в мировых судах данного мирового округа, создавался съезд мировых судей (разд. 1 Учреждения судебных установлений). К общим судебным местам относились окружные суды и судебные палаты (разд. 2 Учреждения судебных установлений); единой кассационной инстанцией для всех судов империи учреждались два департамента сената – уголовно-кассационный и гражданско-кассационный (разд. 2, гл. IV Учреждения судебных установлений).

Реализация Судебных уставов позволяла впервые в России создать самостоятельную судебную власть, вычленив из системы исполнительных судебные органы: сделать суд центральным звеном юстиции, обеспечить его независимость, ограничить полномочия прокуратуры поддержанием обвинения в процессе, создать независимую самоуправляющуюся адвокатуру⁵. Судебные уставы 1864 г. провозгласили ряд демократических принципов судопроизводства: гласность, устность и состязательность, в

¹ См.: Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Рига, 1924. С. 56–57.

² О судебной реформе см.: Заводюк С. Ю. Судебная реформа 1864 г. и особенности ее проведения в российской провинции. Самара, 1998.

³ См.: Корнилов А. А. Крестьянская реформа. Спб., 1905. С. 16.

⁴ Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах // Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1864. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41473. Здесь и далее анализ Судебных уставов осуществляется по этому изданию.

⁵ См., напр.: Фойницкий И. Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. Спб., 1885.

связи с чем была реорганизована прокуратура и учреждена адвокатура¹, введен институт судебных следователей. Часть судебных органов была сделана выборной. Судебная реформа создала более четкую систему судебных инстанций. Формально суд был отделен от администрации, но фактически через Министерство юстиции, которое по-прежнему заведовало личным составом суда и прокуратуры и осуществляло надзор за деятельностью суда, он до некоторой степени подчинялся администрации. Это подчеркивалось и тем обстоятельством, что сохранялось совмещение одним лицом должности министра юстиции и генерал-прокурора, который имел право давать отдельные распоряжения по дознанию и следствию о государственных преступлениях, а также контролировал совместно с министром внутренних дел назначаемого им лично прокурора судебных палат по этим делам. Сохранялись некоторые черты сословно-феодалского суда. Так, например, крестьянство и инородцы, т. е. подавляющая масса населения, по мало-важным гражданским делам и уголовным преступлениям судилась в крестьянских и «инородческих» судах, в которых применялись обычаи, сложившиеся еще в предшествующий период. Особому суду подлежало и духовенство. Для него был сохранен суд духовной консистории. Это, несомненно, являлось отступлением от демократического принципа равенства всех перед законом.

История создания Судебных уставов свидетельствует, что в обстановке обострения социального противостояния в стране, в условиях революционной ситуации правительство было вынуждено провести судебную реформу, пойдя на определенные уступки: были введены гласный и состязательный процесс, институт присяжных заседателей, судебная власть отделена от обвинительной и административной. Однако правительство создало и такие судебно-процессуальные институты, которые предоставляли ему возможность контролировать своих политических оппонентов, бороться с возрастанием революционного движения: суд сословных представителей

для рассмотрения политических, должностных преступлений и недопущение по этим делам суда присяжных; утверждение императором приговоров по обвинению дворян в совершении преступлений, влекущих за собой лишение прав и состояния, увеличило число изъятий из общего порядка судопроизводства; высокий имущественный и образовательный цензы для занятия должностей по судебному ведомству и контроль администрации над порядком избрания присяжных заседателей. Эти отступления от формально провозглашенных демократических принципов судопроизводства как бы предвосхищали отказ от ряда основных институтов судебной реформы, который был осуществлен в 80–90-е гг. XIX в.²

Отход от провозглашенных принципов судебной реформы начался по двум основным направлениям. Прежде всего чаще стали практиковаться изъятия из общего судебного порядка с передачей дел на рассмотрение специальных и чрезвычайных судов. Важную роль сыграло также примечание к ст. 1 Устава уголовного судопроизводства, допускавшее ситуации, при которых «административная власть принимает в установленном законном порядке меры для предупреждения и пресечения преступлений и проступков». В 1871 г. дознание по государственным преступлениям было официально поручено корпусу жандармов. Собранные материалы передавались министру юстиции на его дальнейшее рассмотрение. В 1872 г. наиболее важные дела по государственным преступлениям были переданы на рассмотрение Особого присутствия Сената с участием сословных представителей. В 1874 г. из ведения общих судов изымаются дела о «противозаконных сообществах» и участии в них, в 1878 г. – дела о противодействии или сопротивлении властям и о покушениях на должностных лиц. Обвиняемые в этих преступлениях предавались военному суду³.

В 1881 г., после покушения на Александра II, было принято специальное Положение о мерах к ограждению государственного порядка и общественного спокойствия, закрепившее и приведшее в систему все ранее

¹ См., напр.: История русской адвокатуры. М., 1914–1916. Т. 1.

² См.: Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 799–809.

³ См.: Розин Н. Н. Указ. соч. С. 86–89.

сделанные изъятия из общего судебного порядка. В 1886 г. у суда присяжных были изъятия дела о печати. Административные органы понуждали прокуроров возбуждать дела против наиболее смелых публицистов и редакторов, через год суду предоставлялось право закрывать двери заседаний, объявляя слушающееся дело «конфиденциальным» или «секретным». В 1889 г. вступает в действие Положение о земских участковых начальниках, разрушившее раздельность судебной и административной властей¹. Этим актом прежде всего был нанесен серьезный удар по системе мировых судов, их число существенно сократилось, а затем, к 1914 г., они полностью исчезают².

В уездах вместо мировых судей вводился институт земских начальников, наделенных широкими судебными и административными правами в отношении крестьян. Параллельно с ними в уезде стали действовать уездные члены окружного суда, которые рассматривали дела, изъятые у мировых судей, но не перешедшие к земским начальникам. Второй инстанцией для этих судов стал уездный съезд. Кассационной инстанцией для вновь возникшей системы судов стали губернские присутствия, находившиеся под руководством губернатора и в основном состоявшие из государственных чиновников.

Таким образом, Судебные уставы изменили структуру судебных органов. Местную судебную систему составили мировые судьи, съезды мировых судей, волостные суды и «инородческие» суды. Мировой судья должен был иметь свой участок, охватывающий одну или несколько волостей в зависимости от их размеров. Несколько мировых участков в пределах одного или нескольких уездов составляли мировой округ.

Мировые судьи делились на две категории – участковые и почетные. Все мировые судьи подлежали избранию уездными земскими собраниями или городскими думами и

утверждению первым департаментом Сената (ст. 37 Учреждения судебных установлений).

Чтобы быть избранным мировым судьей, следовало соответствовать возрастному цензу (не младше 25 лет), не состоять под следствием или судом, а также отвечать имущественному цензу в размере не менее 400 десятин земли (приложение к ст. 19 Учреждения судебных установлений). В некоторых губерниях этот ценз достигал 950 и 1300 десятин. При отсутствии земли лицо, претендующее на избрание мировым судьей, должно было иметь другую недвижимость на сумму не ниже 15 тыс. руб., а в городах обладать недвижимой собственностью, оцененной для взимания налога в столице – 6000 руб., а в прочих городах – 3000 руб. Образовательный ценз требовал высшего или среднего образования либо не менее чем трехлетнего стажа работы, «преимущественно по судебной части».

Список лиц для баллотировки должен был составляться в каждом судебном округе, а затем представляться на проверку и утверждение губернатора. Только после этого список передавался в уездное земское собрание (или городскую думу) для голосования. В национальных районах мировые судьи и председатели съездов назначались министром юстиции. Надзор за деятельностью мировой юстиции осуществляло Министерство юстиции совместно с Сенатом, его кассационными департаментами.

Учреждение судебных установлений указывало, что почетные мировые судьи пользовались теми же правами, что и судьи участковые, и должны были рассматривать отнесенные к подсудности мирового суда уголовные и гражданские дела в тех случаях, когда стороны будут об этом просить почетного мирового судью (ст. 23). Кроме того, почетные мировые судьи осуществляли судебские функции в случае отсутствия, болезни или отъезда участкового мирового судьи. Участковые мировые судьи получали жалованье и определенные суммы на наем писмоводителя, рассыльного и прогоны, а почетные мировые судьи не получали жалованья, все расходы по выполнению судебных функций должны были оплачивать из собственных средств.

Все мировые судьи каждого мирового судебного округа собирались в назначенные

¹ См., напр.: Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках. С приложением и объяснением узаконений, на которые сделаны ссылки, и постановлений, которыми волостные судьи обязаны руководствоваться при разбирательстве дел лиц некрестьянского сословья. М., 1890.

² Подробнее см.: Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 767–769.

сроки для окончательного решения дел, подлежащих мировому разбирательству, а также для рассмотрения в кассационном порядке просьб и протестов об отмене окончательных решений мировых судей (ст. 51 Учреждения судебных установлений).

Устанавливалось, что время и место открытия съездов мировых судей определяли уездные земские собрания, а в столицах – городские думы. Съезды мировых судей избирали одного из мировых судей в качестве председателя на три года (ст. 53 Учреждения судебных установлений).

Общие судебные места были предназначены вести наиболее важные и сложные дела, выходившие за пределы компетенции мировых судов. Основной инстанцией был окружной суд, который учреждался для нескольких уездов, причем его округ не обязательно совпадал с губернией, а являлся самостоятельной судебной единицей. Суд состоял из председателя и членов. В зависимости от разряда он делился на шесть, три, два отделения или вообще не имел отделений. Если окружной суд действовал в «коронном составе», то его приговоры не носили окончательного характера. Апелляции на них могли поступать в судебную палату, организованную для нескольких губерний. Если суд осуществлялся с участием присяжных заседателей (по наиболее важным делам), то согласно российскому законодательству на их приговоры была возможна только кассационная жалоба в Сенат.

Введение новой судебной системы шло поэтапно и окончательно завершилось к 1 июля 1899 г., причем на окраинах – с существенными отступлениями.

Правительство постепенно ограничивало действия Судебных уставов: был установлен особый порядок расследования и рассмотрения политических преступлений. В 1871 г. дознание по государственным преступлениям было передано в ведение жандармских органов; в 1872 г. было создано Особое присутствие Правительствующего Сената для их рассмотрения; в 1878 г. рассмотрение ряда таких дел было передано военно-окружным судам; был несколько ограничен принцип независимости и несменяемости судей – в 1885 г. создано Высшее дисциплинарное присутствие для суждения о неблагоприятных поступках судей; ограничена гласность суда; повышен ценз для присяжных заседателей;

сужена сфера деятельности присяжного суда и соответственно расширена компетенция судов с сословными представителями¹. В 1889 г. во всех городах была ликвидирована мировая юстиция, за исключением столиц и Одессы, и передано ведение ранее подсудных ей дел в руки местных административных органов – земским начальникам, а в городах – назначаемым городским судьям². Во второй половине 90-х гг. XIX в. были сделаны попытки существенно пересмотреть Судебные уставы 1864 г., но подъем общественного движения помешал этому.

Судебные уставы значительно расширили круг обязанностей Министерства юстиции в области судебного управления. В сфере управления личным составом судебного ведомства Министерство юстиции получило право назначения и увольнения следователей по важнейшим делам в их окружных судах, городских судей, уездных членов окружных судов (а с 1912 г. и представителей уездных съездов мировых судей), мировых судей и председателей съездов мировых судей в прибалтийских губерниях, на Северном Кавказе и в некоторых других местностях (с 1912 г. они стали назначаться императором по представлению министра юстиции). Министр юстиции утверждал в должности обер-секретарей кассационных департаментов Сената, назначал товарищей прокуроров окружных судов. По представлению министра указами императора назначались обер-прокуроры судебных палат, обер-прокурор общего собрания кассационных департаментов, товарищи обер-прокуроров и прокуроров судебных палат. В сфере контроля за деятельностью судебных учреждений права Министерства юстиции были также расширены: ему был поручен надзор за деятельностью мировых судей, суть которого – давление правительства на мировую юстицию. Министр юстиции, как генерал-прокурор, осуществлял надзор за деятельностью прокуратуры, на которую была воз-

¹ В 1887 г. дела о должностных преступлениях и против должностных лиц были изъяты из ведения суда присяжных заседателей и переданы суду коронных судей с сословными представителями.

² См., напр.: *Карабегов А.* Реформа судебных уставов в связи с современным состоянием правосудия. СПб., 1989.

ложена обязанность возбуждения уголовного преследования, наблюдения за расследованием преступлений и за точным соблюдением закона при производстве судебных дел. Вследствие этого Министерству юстиции была предоставлена возможность руководить деятельностью прокурорского надзора с момента возбуждения уголовного дела до окончательного его решения, благодаря донесениям и рапортам прокуроров, поступающим в министерство. По 19 мая 1871 г., когда правительству было дано право решать дела по государственным преступлениям внесудебным порядком, министр юстиции имел возможность рассматривать и разрешать дела по этим преступлениям по согласованию с шефом жандармов в административном порядке.

Совместно с кассационными департаментами Сената, которому было поручено осуществление надзора, Министерство юстиции осуществляло общий надзор за деятельностью подведомственных ему судебных учреждений (с 1877 г. совместно с особым соединенным присутствием первого и кассационных департаментов Сената). Для осуществления надзора Судебные уставы предоставили министерству право наблюдения за безостановочным течением дела, соблюдением правил внутреннего устройства судебных органов и соблюдением в них правил делопроизводства. В порядке общего надзора министерству было предоставлено право ведения судебной отчетности, производства ревизий судебных учреждений, принятия мер к сокращению сроков прохождения дел в судах путем рассылки частных и циркулярных предписаний, а также наблюдения за личными действиями чиновников судебного ведомства.

Создание новых судов в различных местностях проводилось по-разному и не одновременно, причем допускались существенные отступления от уставов 1864 г. Уже первый этап применения Судебных уставов показал, как отмечал М. Н. Катков, «несоответствие между отдельными узаконениями и общими основаниями государственного строя России»¹. Вследствие этого правительством и были разработаны законопроекты по приспособлению новых судебноправовых институтов к существующему го-

сударственному строю. Многие законопроекты были утверждены императором, а введение их в действие означало значительное изменение основ судостроительства и судопроизводства, провозглашенных Судебными уставами 1864 г. Эти мероприятия принято называть в правовой литературе судебной контрреформой. Не вдаваясь в неоконченную до сих пор дискуссию исследователей по поводу того, была ли на самом деле осуществлена судебная контрреформа в России, мы хотим коротко остановиться на нескольких законах, особенно противоречащих принципам и духу Судебных уставов в сфере судостроительства². Это, в частности, Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г., ликвидировавшее на большей части территории России (в 37 губерниях) мировую юстицию. Выборные мировые судьи сохранились в Москве, Петербурге и еще 6 крупных городах. В остальных же вместо мировых судей вводились должности земских участковых начальников (совмещавших выполнение административных и судебных функций) либо городских судей, назначавшихся министром юстиции. Дела, ранее относившиеся к компетенции мировых судей, но выходившие за пределы компетенции земских начальников и городских судей, подлежали решению уездных членов окружных судов. Введение должности земских начальников означало, по сути, нарушение и даже отказ от принципа независимости судебной власти от административной как основы в строительстве реформированной судебной системы. Мировая юстиция будет восстановлена в 1912 г.

Другим ярким примером отступления от принципов Судебных уставов является создание по закону 20 мая 1885 г. Высшего дисциплинарного присутствия Сената, также направленного против принципа несменяемости судей. Правда, по мнению А. Кони, этот закон можно только с определенной натяжкой оценивать таким образом, поскольку он был призван прежде всего усилить дисциплинарную ответственность судей.

Таким образом, следует отметить, что Судебные уставы предусматривали созда-

¹ Моск. ведомости. 1884. 23 янв. С. 1.

² Подробнее см.: *Немытина М. В.* Пореформенный суд в России: деформация основных институтов уставов 1864 г. // Правоведение. 1991. № 2. С. 101.

ние новой прогрессивной судебной организации. Вместе с тем история применения Судебных уставов, растянувшаяся на несколько десятилетий, показывает их изначальное несоответствие основным политическим институтам: независимость суда от администрации лишала царя части прерогатив в сфере правосудия; несменяемость судей принципиально отличала статус судей от положения других государственных чиновников, что не могло не раздражать царскую бюрократию; равенство всех перед судом не соответствовало сохранявшемуся в стране сословному строю.

В. А. Чирикин,
*заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин
Владимирского филиала Российской
академии государственной службы
при Президенте РФ
кандидат юридических наук, доцент*

Порядок и последствия выдачи преступников в соответствии с международными соглашениями: исторический опыт

Преступность как отрицательное социальное явление всегда препятствовала нормальному развитию и функционированию человеческого общества, а со второй половины XIX в. стала явлением, наносящим существенный ущерб установившимся международным связям.

В соответствии с международным правом все отношения между государствами по вопросам выдачи преступников происходили дипломатическим путем. Судебные органы заинтересованных государств не могли входить в непосредственные отношения между собой по таким делам¹.

¹ До середины XIX в. переговоры о выдаче происходили непосредственно между пограничными властями. Такой порядок был установлен, например, между Россией и Пруссией Договором 1804 г. и между Россией и Австрией на основании Договора 1808 г. Кроме того, обе стороны предоставляли друг другу право преследовать дезертиров даже на соседних территориях до первого местного военного или таможенного поста (см.: *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1880. Т. 3. № 61; 1885; Т. 6. № 242).

Библиографический список

1. *Карабегов, А.* Реформа судебных уставов в связи с современным состоянием правосудия / А. Карабегов. – СПб., 1989.
2. *Немытина, М. В.* Пореформенный суд в России: деформация основных институтов уставов 1864 г. / М. В. Немытина // Правоведение. – 1991. – № 2.
3. *Чельцов-Бебутов, М. А.* Курс уголовного-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб., 1995.

Исключение из правила предъявления требований о выдаче преступников допускалось в том случае, когда ввиду особых обстоятельств необходимо было немедленное задержание бежавшего преступника. Для достижения указанной цели разрешалась непосредственная связь между судебными органами обоих государств по почте или телеграфу.

По требованию, сообщенному дипломатическим путем, обвиняемое лицо, как правило, подвергалось предварительному аресту на основании распоряжения местных властей. Порядок рассмотрения требований о выдаче в разных государствах был различен. В рассматриваемый период действовали три системы: 1) французская (административная); 2) английская (исключительно судебная); 3) германо-бельгийская (судебно-административная)².

Сроки предварительного содержания под стражей были различны. Так, в 1875 г. германский поверенный в делах в г. Санкт-Петербурге заявил, что его правительство полагало бы определить двухмесячный срок для предварительного содержания под стражей лиц, совершивших преступление в России и бежавших в Пруссию, предоставляя себе право выпускать их по истечении этого срока на свободу, если в это время ему не будет доставлено судебное постановление об аресте.

Принимая во внимание, что в заключенных Россией с другими державами конвенциях о выдаче преступников срок предварительного ареста до получения необходимых документов гораздо меньше: со Швей-

² См.: *Шостак Е. Я.* О выдаче преступников по договорам с иностранными державами. Киев, 1882. С. 28–30; *Hetzer.* Deutsche Auslieferungsverträge. Berlin, 1883. P. 24.

царией и Бельгией – 3 недели; с Баварией – 20 дней Российское правительство признало этот срок вполне достаточным¹.

Предварительный арест давал возможность государству, в отношении которого было совершено преступление, обсудить требование о выдаче преступника и подкрепить это требование необходимыми сведениями и документами.

Однако для того чтобы акт выдачи состоялся, недостаточно было одного предъявления требования. Важно, чтобы оно сопровождалось необходимыми доказательствами, другими документами, подтверждающими его основательность. Все российские конвенции, подобно иностранным, требовали для осуществления выдачи преступников соответствующего судебного постановления (подлинника или копии постановления об аресте); должно было быть квалифицировано преступление, в котором обвинялся выдаваемый, и наказание, которому оно подлежало.

Когда требование об экстрадиции было рассмотрено, следовало или согласие на выдачу, или отказ. В случае согласия требуемое лицо выдавалось сотруднику правоохранительных или пограничных органов на границе. Если же договаривающиеся стороны не имели общей границы, то транзит преступника осуществлялся через территорию третьей страны, на который она, как правило, давала согласие.

Расходы, связанные с экстрадицией, до 60-х гг. XIX в. возмещались правительствами, которые ее требовали. В рассматриваемый период они осуществлялись за счет выдающего государства, которые имели место в пределах его территории. Расходы за границей, т. е. на территории третьей державы, а также расходы по транспортировке ложились на страну, требующую выдачи преступников².

¹ См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 155, оп. 277, д. 35 (1875 г.), л. 1.

² Между Россией и рядом стран Европы были заключены конвенции о взаимной выдаче преступников (см.: Российско-гессенская конвенция 1869 г. Ст. 16 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1869 г. № 1; Российско-швейцарская конвенция 1873 г. Ст. 18 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1874 г. № 11; Российско-испанская конвенция 1874 г. Ст. 12 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1877 г. № 89; Российско-голландская конвенция 1880 г. Ст. 15 и 16 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1881 г. № 45 и т. д.).

В конвенциях, заключенных Россией с иностранными державами, говорится о двух основаниях невыдачи: об уголовном преследовании в запрашиваемой стране по идентичному преступлению и о давности. Так, в соответствии со ст. 4 Российско-швейцарской конвенции 1873 г. «Выдача не последует:

1. Когда она требуется по поводу того же преступления или проступка, за которое требуемое лицо несет или уже понесло наказание, или по которому оно было оправдано или освобождено от суда в той стране, от которой требуется выдача.

2. Если для начала дела или для наказания прошел срок давности по законам той страны, от которой требуется выдача»³.

Ввиду установленного международными обычаями и принятого во всех заключенных Россией картельных конвенциях правила, исчисление сроков давности, освобождающих от выдачи преступников, производились согласно законам того государства, от которого требовалась выдача. На основании ст. 158 Уложения о наказаниях 1885 г. при разрешении вопросов об экстрадиции преступников давность должна была исчисляться с момента совершения преступления в иностранном государстве, требующем выдачи, до момента предъявления требования о выдаче, причем время, которое неизбежно проходило от этого последнего момента до самой выдачи, в расчет не принималось.

Однако следует учитывать некоторую особенность российских постановлений о давности в сравнении с иностранными. Российские уголовные законы практически не знали института давности наказания, и после того, как дело было рассмотрено судом, сколько бы ни прошло времени с момента осуждения преступника, он в России не мог подлежать освобождению от наказания, вынесенного ему по судебному приговору. Поэтому в установленных конвенциями случаях отсрочки экстрадиции требуемых от России преступников погашение наказания давностью практически никогда не могло являться для Российского государства поводом к отклонению просьбы о

³ См.: Конвенция о взаимной выдаче преступников, заключенная между Россией и Швейцарией от 5 (17) нояб. 1873 г. Спб., 1874. С. 5.

выдаче лица, которое не привлекалось к суду, но уже было осуждено за преступление, совершенное им за границей¹.

Кроме выдачи преступников в договорах имелись также положения о других видах взаимной правовой помощи государств:

- поручение о проведении следственных действий;
- явка свидетелей;
- сообщение документов, актов и сведений по уголовным делам;
- очные ставки;
- арест вещей и их выдача.

Поручение о проведении следственных действий. В некоторых российских конвенциях упоминалось только об одном следственном действии – допросе свидетелей. В соответствии с Российско-датским соглашением 1866 г. свидетели допрашивались по возможности с соблюдением правил, указанных в ходатайстве как желательных в силу постановлений законов той страны, где должно иметь место применение свидетельского показания².

В других российских договорах отмечалось, что допрос свидетелей производится с соблюдением законов той страны, где свидетель привлекался к допросу. Просьба о допросе свидетелей по всем российским конвенциям передавалась дипломатическим путем. Данное следственное действие не допускалось по политическим преступлениям в Российско-бельгийском, Российско-австрийском, Российско-испанском и Российско-швейцарском договорах.

Явка свидетелей. В рассматриваемый период международное договорное право выработало общие правила о явке свидетелей: явка необязательна для свидетеля; в случае согласия все его расходы оплачивались заранее государством, где проживал свидетель; окончательно издержки оплачивались государством, ходатайствующим о явке; свидетель защищался от уголовного и гражданско-го преследования, которое предшествовало его вызову; ходатайство о явке делалось дипломатическим путем (окончательно свидетель вызывался судебной властью). Некото-

рые международные юристы высказывали предположение об установлении обязательности явки вследствие усиления сотрудничества между государствами³.

В российских конвенциях по вопросам о явке не были отражены некоторые из вышеперечисленных положений: в Российско-датской – правило о выдаче издержек заранее, непреследовании свидетелей, исключении по политическим преступлениям; Российско-голландской, Российско-баварской и Российско-гессенской – о непреследовании свидетелей и политических преступлениях; Российско-итальянской и Российско-бельгийской – политические преступления; Российско-швейцарской – о непреследовании свидетелей. Исключение составляли только Российско-австрийское и Российско-испанское соглашения.

Кроме того, в ст. 14 Российско-бельгийской конвенции особо отмечалось, что свидетели не могли быть арестованы за раскрытое на следствии их соучастие в рассматриваемом преступлении⁴.

По нашему мнению, данные пробелы наносили вред интересам уголовного правосудия, так как свидетели, неохотно соглашавшиеся на явку вообще, несмотря на довольно щедрое вознаграждение за издержки, еще неохотнее решались ехать, рискуя подвергнуться преследованию в вызывающей стране.

Сообщение документов, актов и сведений по уголовным делам. Все российские конвенции включали положение по указанному вопросу и разрешали его следующим образом: правительство заинтересованного государства обязано было доставить все следственные материалы с вещественными доказательствами, а также сведения и документы, необходимые для дела. Кроме того, Российско-бельгийская, Российско-швейцарская, Российско-австрийская и Российско-испанская конвенции указывали на то, что данное требование не распространяется на политические преступления.

Очные ставки. При расследовании того или иного уголовного дела часто возникала необходимость в очных ставках обвиняемого с другим лицом, находящимся в за-

¹ См.: АВПРИ, ф. 155, оп. 353 (1894 г.), д. 4, л. 1–8.

² См.: Полное собрание законов Российской империи: В 42 т. СПб., 1830–1916. Собр. 1. 1867. № 43737.

³ См.: Шостак Е. Я. Указ. соч. С. 38.

⁴ См.: АВПРИ, ф. 155, оп. 272, д. 19 (1872 г.), л. 162.

ключении в иностранном государстве. Достигнуть этого можно было с помощью ходатайства к другому государству о направлении заключенного в суд, рассматривающий данное дело. Для определения и урегулирования взаимных юридических отношений по данной проблеме в конвенцию о выдаче преступников вносились соответствующие постановления.

В них особо отмечалось, что если при производстве в одном государстве следствия по какому-нибудь уголовному делу понадобится очная ставка подсудимого с лицами, содержащимися под арестом в другом государстве, то о пересылке таковых должно быть послано ходатайство дипломатическим путем. Оно должно быть исполнено, если этому не препятствовали какие-нибудь «особые соображения» и под условием скорейшего обратного возвращения арестованных¹.

Арест вещей и их выдача. В договорах, заключенных между различными государствами, было выработано следующее правило: выдаются все вещи, добытые как в результате преступления, так и могущие служить доказательством; выдача их производится независимо от выдачи преступника; права третьих лиц должны быть гарантированы².

В связи с этим считаем необходимым рассмотреть способы отражения данных положений в соглашениях России с другими державами.

В Российско-датской конвенции 1866 г. отсутствуют упоминания о вещах. В Российско-голландской конвенции 1880 г., Российско-гессенской конвенции 1869 г., Российско-швейцарской конвенции 1873 г.

¹ См.: Российско-гессенская конвенция 1869 г. Ст. 13, 16 // Собрание узаконений за 1870 г. № 14; Российско-баварская конвенция 1869 г. Ст. 13, 16 // Собрание узаконений за 1869 г. № 51; Российско-итальянская конвенция 1871 г. Ст. 15 // Собрание узаконений за 1871 г. № 92; Российско-австрийская конвенция 1874 г. Ст. 15 // Собрание узаконений за 1875 г. № 107; Российско-голландская конвенция 1880 г. ст. 14, 16 // Собрание узаконений за 1881 г. № 45; Российско-монакская конвенция 1883 г. Ст. 15 // Собрание узаконений за 1884 г. № 25; Российско-испанская конвенция 1888 г. Ст. 15 // Собрание узаконений за 1888 г. № 65.

В иных конвенциях о выдаче преступников между Россией и другими державами отсутствуют постановления об очных ставках.

² См.: Шостак Е. Я. Указ. соч. С. 36.

отмечается о всех вещах, изъятых у выдаваемого лица и возвращении их в момент выдачи государству-истцу.

Более подробно об аресте и выдаче вещей говорится в ст. 11 Российско-итальянской конвенции 1871 г.: «вещи, добытые преступлением, принадлежащие обвиняемому или служащие уликами, выдаются независимо от выдачи лица; вещи, принадлежавшие третьим лицам, должны быть возвращены безвозмездно по окончании дела; выдающее государство может на время удержать указанные вещи, если они нужны ему для уголовного следствия по тому же или другому делу»³.

Акт выдачи повлек за собой определенные юридические последствия, касающиеся как государства, которому был выдан субъект, так и самого преступника.

Государство, в пользу которого следовала выдача, могло судить выданное лицо только за преступление, указанное в договоре о выдаче.

Данное правило нашло отражение только в одной статье каждой из заключенных Россией конвенций. Так, например, в ст. 5 Российско-австрийского соглашения 1874 г. отмечалось, что выданный за общеуголовное преступление не мог быть судим за деяние политическое, совершенное до выдачи; аналогично выданный не мог быть судим за преступление, не упомянутое в требовании⁴.

Последствия выдачи по отношению к выданному преступнику заключались в том, что это лицо вследствие акта выдачи не лишалось никаких судебных прав, которые принадлежали по закону каждому подсудимому. Выдаваемый имел право на беспристрастный и справедливый суд и не мог быть судим в отступление от установленного соглашения.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи : в 42 т. – СПб., 1830–1916.

2. Шостак, Е. Я. О выдаче преступников по договорам с иностранными державами / Е. Я. Шостак. – Киев, 1882.

³ АВПРИ, ф. 155, оп. 272, д. 17 (1871 г.), л. 240.

⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи. 1875. № 55416.

В. А. Шагаев,
*доцент кафедры теории
и истории государства и права
Военно-технического университета
при Федеральном агентстве
специального строительства*

СОСТОЯНИЕ ВОЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМ 60–70-х гг. XIX в.

К середине XIX в. военно-судебная система русской армии была организована и функционировала на основе принципов средневекового права. В таком виде она сложилась в начале XVIII в. при создании регулярной армии Петром I. Ее правовыми основами было «Краткое изображение процессов и судебных тяжб»¹, которое можно считать первым военно-судебным (процессуальным) законом, применявшимся во всей российской армии и в отношении всех военнослужащих, без каких-либо изъятий и ограничений, получившим распространение на всей территории централизованного государства и заключившим в себе подробное изложение правил судопроизводства, близких к европейским.

За полтора века в обществе, государстве и армии произошли большие изменения: резче обозначился кризис феодального способа производства, все активнее заявляли о себе новые капиталистические отношения, формы и способы военного судопроизводства требовали изменения. Однако предпринимавшиеся со стороны правительства попытки усовершенствовать ту или другую часть военного судопроизводства, не изменяя его принципиальных основ, не приносили положительных результатов².

Современники в первую очередь отмечали три наиболее существенных недостатка действовавшей тогда системы военно-уголовного судопроизводства:

– отсутствие какой-либо самостоятельности военных судов, поскольку фактически вся судебная власть была сосредоточена в руках военных начальников;

– розыскной характер военно-уголовного процесса обусловил его основную цель – преследование и обвинение нарушителей закона, отвергая начало справедливости;

– письменная и тайная процедура судопроизводства являлась главной причиной медлительности производства военно-уголовных дел, а господство теории формальных доказательств не обеспечивало решения главной задачи судопроизводства – установление истины перед судом³.

Изучение и анализ источников позволили нам уточнить и конкретизировать этот перечень. По нашему мнению, к недостаткам военно-судебной системы русской армии середины XIX в. также относились:

– сложность и запутанность системы военных судов, являвшихся в большинстве своем временными органами, которые были созданы командованием для производства следствия и принятия решения по конкретному делу;

– чрезмерно широкая подсудность военным судам лиц как военного, так и гражданского ведомств, а также ее противоречивость;

– низкий уровень теоретических знаний и практических навыков в области юриспруденции у лиц, привлекаемых к проведению следствия и осуществления судопроизводства в военно-судебных комиссиях.

Отсутствие самостоятельности военных судов (чаще всего они носили название военно-судных комиссий. – В. Ш.) того периода было обусловлено процедурой формирования их состава и порядком деятельности. Фактически вся судебная власть была сосредоточена в руках военных начальников, которые возбуждали обвинение, распоряжались производством следствия, назначением состава суда над обвиняемым и сами же утверждали приговоры этих судов.

Постоянных органов военной юстиции почти не было. Как правило, они назначались для расследования конкретных дел по мере их возникновения.

Для производства следствия военным начальством обычно назначались заслуживающие особого доверия строевые офицеры или чиновники военного ведомства. В отдельных

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 314–392.

² См.: Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. Спб., 1867. С. 137.

³ См.: Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. С. X–XI; Военный сборник. 1867. № 8.

случаях могли создаваться специальные следственные комиссии или назначаться следователи особым повелением монарха.

Если в деле вместе с военными участвовали лица гражданского или духовного ведомств, то следствие производилось с участием депутатов от этих ведомств. На них возлагалась обязанность наблюдать за правильным производством следствия и удостоверить его материалы своей подписью.

Самостоятельно военные могли вести расследование только в местах, находящихся в исключительном ведении военного начальства, за их пределами следствие велось с ведома и при участии местной полиции, а некоторые дела расследовались городской полицией с участием представителей (депутатов) от военных.

Затрудненным было взаимодействие по расследованию отдельных категорий дел между военным начальством, полицией и корпусом жандармов, особенно в Финляндии и на Кавказе¹.

Система военных судов была сложной и многоступенчатой.

К судам первой инстанции можно было отнести: временные военные суды для рассмотрения обычных дел в мирное время; полевые военные суды; особые военные суды над лицами военного ведомства и особые военные суды над лицами гражданского ведомства.

Судами второй инстанции являлись ревизионные суды: генерал-аудиториат, полевые генерал-аудиториаты, аудиториатский департамент военного министерства, которые осуществляли ревизию всех дел нижестоящих судов.

Временные военно-судные комиссии, как правило, создавались при тех полках, батальонах и командах, в которых проходил службу подсудимый, а в некоторых случаях – при ордонансгаузах (комендатурах) или при местных батальонах внутренней стражи, если военный совершал преступление вдали от своей части.

Временные военные суды подразделялись на генеральные и обычные. Генеральные учреждались для рассмотрения наибо-

лее важных дел: а) о государственных преступлениях; б) преступлениях целых воинских команд (полков, батальонов, рот и т. п.); в) преступлениях высших воинских чинов (генералов и штаб-офицеров²) против чести и жизни; г) об оскорблении или убийстве высших военных чинов.

Обычные военные суды рассматривали все прочие преступления, совершенные нижними чинами³ и обер-офицерами⁴.

Состав обоих судов был коллегиальным. Председателем (презус) в генеральном суде назначали полного генерала, в обычном – полковника или подполковника. В качестве членов (ассесоры) в состав генерального суда входили два генерал-лейтенанта, два генерал-майора и два полковника, в исключительных случаях – два младших штаб-офицера; в состав обычного суда – два капитана, два поручика, два прапорщика, чаще всего имеющих заболевание или ранение⁵.

В судебном заседании обязательно присутствовал аудитор⁶, который обязан был следить за соблюдением закона, а также непосредственно руководил ходом заседания.

Лица, входящие в состав судов, от исполнения служебных обязанностей не освобождались, поэтому заседания назначались в свободное от службы время, как правило, после полудня⁷.

Современник так оценивал дореформенный военный суд: «Неоспоримо, что военно-судные комиссии, состоя из офицеров без всякой юридической подготовки, являлись слепым исполнителем воли состоящих при этих комиссиях обер-аудиторов, которые, в

² Штаб-офицерами согласно Табели о рангах считались капитаны, майоры, подполковники и полковники.

³ К нижним чинам относились рядовые и унтер-офицеры.

⁴ Обер-офицеры – офицеры в званиях от подпоручика до штабс-капитана.

⁵ См.: Хитрово Н. П. Русский военно-уголовный процесс. Его возможная реорганизация и возможная реорганизация военной юстиции и Военно-юридической академии. М., 1900. С. 87.

⁶ Гражданский чиновник Военного министерства, обязанный надзирать за соблюдением законных процедур в ходе следствия и суда в войсках, вел переписку и документацию по судопроизводству под контролем военных начальников. Данный институт был учрежден Петром I.

⁷ См.: СВП. Ст. 275–281, 287–290.

¹ См.: Свод военных постановлений (далее: СВП) 1859 г. СПб., 1859. Кн. II. Ч. V. Ст. 89–90, 93–94, 96–102.

свою очередь, находились в зависимости не только от генерал-аудитора, но и военно-административной власти, а поэтому и военно-судные комиссии по отношению к достижению правосудия едва ли могли быть признаны вполне компетентными...»¹.

Однако и наличие в судебных заседаниях аудиторов не гарантировало требуемого уровня юридического обеспечения. За тридцать лет существования (до 1862 г.) аудиторская школа, а затем аудиторское училище подготовили 369 аудиторов, т. е. примерно по 30 специалистов в области юриспруденции в год на все сухопутные войска и флот, что было явно недостаточно. В связи с этим большинство аудиторов в войсках было из числа бывших писарей, не имевших не только юридического, но и общего образования.

К середине XIX в. серьезной проблемой для власти стали слабая дисциплина и высокий уровень преступности в войсках, о чем свидетельствуют данные о росте числа подсудимых в военном ведомстве².

По данным М. И. Баишева, который основывался на статистических показателях Всеподданнейших отчетов Военного министерства, с 1827 по 1867 г. количество судившихся военными судами нижних чинов увеличилось в 6–7 раз, а гражданских лиц – в 4–5 раз³. Если в 1858 г. под судом было около 1 % нижних чинов от числа состоявших на военной службе, то к 1865–1867 гг. этот показатель вырос до 2,5 % в основном за счет следующих правонарушений: «дерзость» против начальства, неповиновение и побег⁴.

Рост числа судебных дел требовал все более частого привлечения строевых офицеров для проведения следствия и судебного разбирательства, что отрицательно влияло на выполнение ими прямых служебных обязанностей. Многие командиры стали просто отказываться от назначения своих подчиненных членами военно-судных комиссий.

¹ Хитрово Н. П. Указ. соч. С. 88.

² См.: Шильдер, Хорошин. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.). Спб., 1880. Т. IV. Прил. № 74.

³ См.: Баишев М. И. Военно-судебная реформа в царской армии (60-е – 70-е годы XIX в.): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 78.

⁴ См.: там же. С. 54.

С середины 30-х гг. XIX в. начали создаваться постоянные комиссии военных судов. В первую очередь это касалось иррегулярных войск. К середине 1850-х гг. они действовали в Донском, Черноморском, Уральском, Оренбургском, Новороссийском, Астраханском и Забайкальском казачьих войсках, а также в крепости Новые Закаталы (территория Азербайджана), где рассматривались дела о лицах, принадлежавших к горским племенам, которые в тот период находились под управлением военного ведомства⁵.

С марта 1836 г. по решению Николая I была начата постепенная организация постоянных военно-судных комиссий и в регулярных войсках. При некоторых ордонансгаузах назначались постоянные председатели из числа штаб-офицеров, преимущественно раненых. Предварительно их прикомандировывали к аудиторiatскому департаменту для приобретения знаний и навыков и прохождения испытания. Всего были назначены постоянные презусы в военно-судные комиссии при 13 ордонансгаузах.

С 1854 по 1857 г. в военно-судные комиссии при шести имеющихся членах были назначены по 4 постоянных члена из числа благонадежных штаб- и обер-офицеров, которые предварительно прошли стажировку и испытания при аудиторiatском департаменте или ближайшем полевом аудиторiatе или ордонансгаузе⁶.

Для отдельных категорий дел, субъектов и местностей существовали специальные военные суды и особый порядок производства в них. Например, в Финляндии режим взаимоотношений между военнослужащими и местными жителями регулировался как законами империи, так и местными законами. При совершении военнослужащими преступлений против местных жителей в судопроизводстве участвовали местные гражданские суды и органы управления⁷.

Отличался от обычного порядок производства суда над нижними чинами не из дворян, совершившими первый побег, первую кражу или мошенничество на сумму не свыше шести рублей серебром. В этом случае комиссия вообще не назначалась. Виновный допраши-

⁵ См.: СВП. Прил. к ст. 275.

⁶ См.: там же. Прил. к ст. 280.

⁷ См.: там же. Ст. 651–671.

вался аудитором в присутствии одного штаб-и двух обер-офицеров, либо трех обер-офицеров, либо старшим писарем полка, а затем бригадный командир назначал наказание. Приговор считался окончательным и приводился в исполнение незамедлительно¹.

Специальные военные суды могли создаваться и для лиц гражданского ведомства. В первую очередь это касалось крестьян, возмущившихся против помещиков. Они учреждались в уездах, где случались крестьянские волнения, в составе наличных офицеров воинской команды, посланной для подавления бунта, и такого же количества членов местных уездных судов.

Кроме крепостных крестьян, особыми военными судами судились: 1) виновные в противозаконном изготовлении, перевозке и продаже алкогольной продукции, подлежащей питейному сбору и акцизу; 2) порубщики корабельных и казенных лесов; 3) нарушители карантинных постановлений и другие категории гражданских лиц². К концу 50-х гг. XIX в. до 20 % обвиняемых в военных судах не принадлежали военному ведомству, а в 1863–1865 гг. их число увеличилось в связи с введением военного положения в трех западных округах до 2/3 всех дел (примерно 55 тыс. дел)³.

В военное и мирное время для рассмотрения наиболее опасных с точки зрения государственной власти преступлений, совершенных лицами, как военного, так и гражданского ведомств, могли создаваться военно-полевые суды. Производство дел в них осуществлялось особым порядком и в сокращенные сроки.

Розыскной характер военно-уголовного процесса характеризовался отсутствием равенства правового положения обвинения и защиты. Последняя как таковая отсутствовала, обвиняемый должен был лично, без защитника или советника, отвечать за себя, чаще всего не только не зная законов, но даже не будучи ознакомленным с ходом своего дела, в условиях ограничения свободы лишенный возможности приводить все, что могло бы служить к его оправданию или смягчению ожидающей его ответ-

ственности. Суд же, вооруженный всеми средствами розыска, соединял в своем лице несовместимые обязанности обвинителя, следователя, защитника и судьи.

Теория формальных доказательств⁴, введенная в свое время для защиты сословных привилегий и обуздания сил, противодействовавших центральной власти, перестала соответствовать требованиям времени. Часто она приводила к осуждению невиновных (из каждых четырех дел по одному привлекались невиновные⁵) или позволяла избежать наказания настоящему виновнику.

18 октября 1865 г. великий князь Константин Николаевич, военный министр Д. А. Милютин и управляющий Морским министерством Н. К. Краббе писали царю: «Теория доказательств, ныне существующая в наших уголовных законах, долговременным опытом доказала свою несостоятельность, так как во многих случаях подсудимые при совершенно явных уликах потому только, что они не соответствуют теории доказательств, оставля-

⁴ Сущность теории формальных доказательств заключалась в том, что судьи при оценке тех или иных доказательств должны были руководствоваться определенными в законе правилами. Закон определял силу каждого доказательства, причем представление о доказательной силе выражалось очень конкретно, в цифрах. Доказательства делились на полные (совершенные) и неполные (несовершенные). Наиболее совершенным доказательством считалось собственное признание. Если его добиться не удавалось, то принимались во внимание свидетельские показания, причем полным доказательством считались показания двух свидетелей. Показание одного свидетеля равнялось половине доказательства, а иногда и одной трети (в зависимости от социального положения и пола свидетеля). Не могли быть свидетелями лица, изгнанные из государства, проклятые церковью, не бывшие у причастия, осужденные за преступления, клятвопреступники, дети моложе 15 лет и др. Судья обязан был отдавать предпочтение показаниям мужчин перед показаниями женщин, показаниям знатных людей перед показаниями незнатных, показаниям духовных лиц перед показаниями светских и пр. Если сумма доказательств не соответствовала требованиям закона для вынесения обвинительного или оправдательного приговора, то обвиняемый оставался под подозрением. Это ставило подсудимого в крайне стеснительное положение, так как достаточно было какого-либо факта или доноса, чтобы прекращенное уголовное преследование было снова начато по тому же делу (см.: Юшков С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.). Ростов н/Д, 2003).

⁵ См.: Шильдер, Хорошин. Указ. соч. С. 509.

¹ См.: СВП. Ст. 622–638.

² См.: Баишев М. И. Указ. соч. С. 75–76.

³ См.: Шильдер, Хорошин. Указ. соч. С. 509.

ются в подозрении и избегают заслуженного наказания»¹.

Так, например, дворянин Евгений Урванов в течение пяти лет содержался под арестом на основании оговора, несмотря на то, что оговоривший признался в ложном оговоре во время следствия и суда².

Порой теория формальных доказательств мешала борьбе с революционным движением в армии, так как не хватало совершенных доказательств, без которых нельзя было вынести обвинительного приговора.

В частности, в деле офицеров Постникова, Еллинского и Энгеля, обвинявшихся в содействии студенту-революционеру Яковлеву, свидетелем был лишь фельдфебель Миних. Показания одного свидетеля не являлись совершенным доказательством, тем более что исходили от представителя низшего сословия и были направлены против офицеров-дворян. Суду пришлось в течение длительного времени добиваться от офицеров признания своей вины, чтобы получить самое совершенное доказательство³.

С теорией формальных доказательств была тесно связана письменная форма судопроизводства. Причиной ее введения было стремление центральной власти усилить контроль над местной администрацией. С увеличением числа военно-судебных дел жесткие требования к фиксации на бумаге всех следственных и судебных действий, необходимость составления обширных справок по делу вели к затягиванию их рассмотрения и решения.

В аналогичном положении оказался ревизионный порядок судопроизводства, заключающийся в конфирмации⁴ приговоров военно-судных комиссий, также служивший средством ограничения самоуправления местных властей. Однако при наличии множества ревизионных инстанций это стало еще одним

фактором, задерживающим на длительное время окончательное решение дел.

Расследование и рассмотрение дел тянулось годами. В 1862 г. примерно 9 % дел находилось в производстве более года, а 6 % – более двух лет⁵. Например, следствие по делу о злоупотреблениях в Балтской комиссариатской комиссии шло почти тринадцать лет, в суде рассматривалось в течение пятнадцати с половиной лет и более трех лет находилось в генерал-аудиториате, а дело поручика Бабашинского, привлеченного к суду за незначительный проступок и в итоге освобожденного от ответственности, находилось в производстве четырнадцать лет⁶.

Очень часто подследственные еще до признания судом их вины отбывали наказание, порой более суровое, чем то, к которому их приговаривал суд. В 1862 г. до 5 % подследственных содержались под стражей от восьми до двенадцати месяцев, более 2 % – до двух лет и около 1 % находились под арестом более двух лет⁷. Так, штаб-ротмистр Малиновский, обвиненный в насмешках над начальником за злоупотребления по службе, был приговорен к шести месяцам ареста на гауптвахте, но во время следствия и суда содержался под арестом в течение десяти лет. Случай оказался настолько неординарным, что император повелел зачесть Малиновскому это время в счет действительной службы, возратить ему половину причитавшегося жалования и назначить пенсию по увольнении⁸.

Таким образом, выше рассмотренные недостатки военно-судебной системы России в совокупности с происходящими в стране социально-политическими событиями и послужили предпосылками ее реформирования в 60–70-е гг. XIX в.

Библиографический список

1. Баишев, М. И. Военно-судебная реформа в царской армии (60-е – 70-е годы XIX в.) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1952.
2. Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. – СПб., 1867.

¹ Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. С. 923–924.

² См.: Баишев М. И. Указ. соч. С. 82.

³ См.: Михайлова А. Революционное движение в царской армии (1862 г.) // Военно-ист. журн. 1940. № 12.

⁴ Конфирмация – процесс утверждения приговора суда высшими судебными или административными инстанциями. Эта система существовала в до-реформенном судебном процессе. В армии это осуществлялось военными начальниками в порядке подчиненности в зависимости от рода преступления и служебного положения подсудимого (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1894. Т. XVI. С. 141).

⁵ См.: Шильдер, Хорошин. Указ. соч. С. 509.

⁶ См.: Столетие Военного министерства. СПб., 1914. Т. XII. Кн. I. Ч. II. С. 280–281.

⁷ См.: Шильдер, Хорошин. Указ. соч. С. 509.

⁸ См.: Столетие Военного министерства. С. 283.

В. В. Виноградов,
*начальник факультета очного обучения
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

**ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ И СОЦИАЛЬНАЯ
РАБОТА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
ШВЕЙЦАРИИ**

Швейцария является одной из европейских стран, где достаточно эффективно осуществляется исполнение уголовных наказаний. В течение более десяти лет в данной стране проводится государственная реформа уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Главные ее направления: гуманизация и дифференциация исполнения наказаний в зависимости от тяжести совершенного преступления. Новым Уголовным кодексом Швейцарии не предусмотрено заключение до 6 месяцев, оно заменяется альтернативными видами наказания, например, полусловное наказание (общественные работы), денежный штраф и др. Осужденному за нетяжкие преступления предъявляется план исполнения наказания, который предусматривает после отбытия половины наказания (при соответствующем поведении) облегчение условий исполнения наказания, а после 2/3 срока – условно-досрочное освобождение.

В связи с этим необходимо прежде всего обратиться к вопросу о государственном и общественном устройстве Швейцарии, а также рассмотреть взаимоотношения между государством и пенитенциарной системой. По форме государственного устройства Швейцария представляет собой конфедерацию. В ее состав входят 26 кантонов, имеющих значительную государственную самостоятельность: экономическую, законодательную, административную. В свою очередь, кантоны структурно подразделяются на 29 956 общин, оказывающих серьезное влияние на политику.

Между конфедерацией и кантонами четко разграничены сферы компетенции. Так,

например, принятие уголовного законодательства относится к компетенции конфедерации. Единое же законодательство об исполнении уголовных наказаний в Швейцарии отсутствует. В Уголовном кодексе Швейцарии имеются лишь отдельные нормы, устанавливающие общие, принципиальные положения, относящиеся к сфере исполнения уголовных наказаний. Во всем остальном кантоны самостоятельно устанавливают правила исполнения наказаний.

Государственное устройство Швейцарии и разграничение компетенции между конфедерацией и кантонами предопределило то обстоятельство, что в каждом кантоне существуют свои правительство, суды, прокуратура, полиция и система уголовных наказаний.

Каждый кантон самостоятельно решает вопросы о системе тюрем, их количестве, порядке и условиях исполнения и отбывания наказания. Взаимоотношения государства и системы исполнения наказаний в целом строятся на том, что государство оказывает финансовую помощь учреждениям, исполняющим наказания. При этом система исполнения наказаний финансируется на основе специального Закона Швейцарии «Об инвестициях государства в систему исполнения наказаний». Данный закон не только предоставляет государству право на инвестиции, но и устанавливает их размер. Так, 40 % расходов на содержание тюрем поступает из государственного бюджета; 60 % вкладывают кантоны. Таким образом, система исполнения наказаний в Швейцарии полностью финансируется из государственного бюджета (конфедерация и кантоны) и освобождается от каких-либо налогов. Это во многом решает проблемы системы исполнения наказаний, связанные с расходами на содержание заключенных (стоимость содержания одного заключенного составляет около 200 франков в день), деятельностью предприятий тюрем, оплатой труда персонала системы исполнения наказаний.

По нашему мнению, следует отметить одну общую для всех пенитенциарных учреждений Швейцарии проблему – проблему языка. Во-первых, в Швейцарии имеются четыре официальных государственных языка: немецкий, французский, итальянский и реттороманский. Во-вторых, в тюрьмах Швейцарии отбывают наказания значительное число иностранцев. В различных тюрьмах доля граждан Швейцарии неравнозначна, в среднем составляет немногим более 20 % от общей массы заключенных. Поэтому актуальна проблема языкового обучения в швейцарских тюрьмах.

В Швейцарии существует следующая система уголовных наказаний: штраф, лишение свободы, превентивные меры. Лишение свободы исполняется в тюрьмах. Срок тюремного заключения может составлять от срока более полугода до пожизненного заключения. Тюремные учреждения подразделяются на тюрьмы и так называемые «каторжные тюрьмы». Первые представляют собой тюрьмы открытого типа и предназначены для содержания впервые осужденных. Вторые являются тюрьмами закрытого типа. В них содержатся рецидивисты, доля которых в отдельных тюрьмах составляет более 20 %. Однако условия содержания осужденных в тюрьмах одинаковые. Отличие заключается лишь в степени обеспечения безопасности. В тюрьмах открытого типа отсутствуют внешние ограждения, территория обозначена условно, с разрешения руководства тюрьмы осужденные могут работать и за ее пределами. В тюрьмах закрытого типа осужденные находятся под охраной и не могут выйти за пределы данной территории. Кроме того, в них предусмотрены инженерно-технические средства охраны.

На вид режима тюрьмы влияет тяжесть совершенного преступления, а не срок назначенного лишения свободы. Поэтому в тюрьме открытого типа могут совместно содержаться заключенные с кратким и длительным сроком лишения свободы, совершившие тяжкое преступление, например по неосторожности.

Тюрьмы Швейцарии представляют собой небольшие учреждения со средним лимитом наполнения в 100–300 человек. Не-

редко они используются в качестве следственных изоляторов (в этом случае в них обеспечивается раздельное содержание осужденных и подследственных), однако существуют и отдельные следственные изоляторы. Всего в стране насчитывается 145 тюрем. Их средняя наполняемость составляет 80–100 %. Всего в тюрьмах Швейцарии имеется 6 800 мест для содержания заключенных. В настоящее время в них содержится около 6 тыс. человек. Женщины составляют 6 % от общего числа спецконтингента и, как правило, содержатся в одном учреждении с мужчинами (однако имеются два учреждения специально для женщин).

Осужденные содержатся в отдельных камерах, размеры которых в разных тюрьмах не одинаковы и составляют от 6 до 16 м². Как правило, в камере находится один заключенный.

Все осужденные в Швейцарии обязаны трудиться, даже те, которые достигли пенсионного возраста; отказ от работы считается нарушением режима содержания и влечет применение мер дисциплинарного воздействия. За свою работу заключенные получают заработную плату, однако система оплаты труда направлена на то, чтобы значительная ее часть шла на нужды тюрьмы.

При хорошем поведении и отношении к труду заключенные могут пользоваться отпусками. Отпуска в зависимости от типа тюрьмы предоставляются до половины, четверти или шестой части назначенного срока. В тюрьмах закрытого типа отпуск предоставляется 2 раза в месяц на 58 ч, а в тюрьмах открытого типа – с вечера пятницы на 54 ч. При этом следует отметить, что доля не возвратившихся из отпуска колеблется в пределах 5 % от доли заключенных, пользующихся отпуском. Заключенные также имеют право на свидания, которые предоставляются им 2 раза в месяц продолжительностью более 4 ч. Вместе с тем законом не предусмотрены длительные свидания.

За нарушение режима отбывания наказания заключенный может быть подвергнут различного рода правоограничениям, в том числе помещению в дисциплинарный изолятор на срок до 10 суток.

При хорошем поведении заключенный может быть условно-досрочно освобожден от

отбывания наказания. Данный институт применяется по отбытии 2/3 назначенного срока наказания. При этом решение об условно-досрочном освобождении принимают департаменты юстиции и полиции того кантона, на территории которого находится тюрьма.

Несовершеннолетние преступники (от 10 до 18 лет) содержатся в воспитательных молодежных домах, где на каждого несовершеннолетнего приходится один воспитатель.

В отношении лиц, больных алкоголизмом и наркоманией, а также страдающих психическими заболеваниями, в случае совершения ими преступления применяются превентивные меры, назначаемые судом. Они исполняются в учреждениях, аналогичных тюрьмам закрытого типа. Отличие заключается в более широком применении медицинских, психологических и психиатрических средств с целью реабилитации заключенного.

В Швейцарии осужденные, отбывающие наказания, имеют возможность обращаться к службам социальной работы. Крупные исправительные учреждения располагают собственной службой социальной работы. В данном случае социальные работники являются штатными сотрудниками исправительных учреждений. В соответствии с организационной структурой исправительного учреждения они отнесены к отделению внутренней службы, в которое также входят медицинская и психологическая службы. Небольшие и маленькие исправительные учреждения прибегают к услугам внешних организаций, осуществляющих социальную работу. Это могут быть организации широкого профиля, в сферу деятельности которых входит выполнение всех актуальных социальных задач, или узкопрофильные организации, решающие специфические проблемы (ликвидация долгов, миграция).

Третью группу образуют организации, специализирующиеся на оказании помощи осужденным, отбывающим наказания, и в первую очередь лицам, уже отбывшим наказания. Такие организации, с одной стороны, занимаются осужденными с начала отбывания ими наказания и до истечения этого срока; с другой – они оказывают помощь осужденным, отбывшим наказания, на этапе реабилитации и адаптации к повседневной жизни в обществе.

Социальные службы тесно взаимодействуют со всеми остальными сотрудниками системы исполнения наказаний. Прежде всего это проявляется в отношении осуществления взаимодействия психологических, психиатрических и медицинских служб.

Для социальной работы в швейцарской системе исполнения наказаний характерен так называемый «сквозной» метод проведения консультаций. Это означает, что социальный работник «сопровождает» осужденного с первого дня отбывания наказания до момента его освобождения. Что касается служб, оказывающих помощь осужденным, то обеспечиваемое ими «сопровождение» длится еще больше. Цель состоит в том, чтобы осужденный, отбывающий наказание, понял, что происходит с ним и вокруг него, занял активную жизненную позицию в тяжелых условиях лишения свободы и не относился ко всему происходящему пассивно.

Как правило, осужденные, отбывающие наказания, добровольно обращаются в социальную службу, однако в особых ситуациях их могут обязать обратиться к социальному работнику.

Деятельность социального работника заключается в следующем. При поступлении в тюрьму осужденного для отбывания наказания социальный работник вместе с ним составляет социальный анамнез, на основании чего совместно разрабатывается план на весь период отбывания наказания. Принцип совместной работы состоит в том, что осужденный сам выполняет работу, а социальный работник лишь оказывает ему в этом помощь.

Регулярные контакты социального работника с осужденными способствуют их активизации, преодолению инертности и пассивности, приобретаемой ими во время отбывания наказания в исправительных учреждениях закрытого типа.

Вместе с осужденным, отбывающим наказание, составляются заявления и ходатайства. Так, например, для перевода в лечебное учреждение или для его посещения необходимо составить биографию или заполнить бланки.

Социальный работник вместе с осужденным, отбывающим наказание, определяет его профессиональную пригодность к

работе в пределах исправительного учреждения или за его пределами (если это допускается условиями отбывания наказания), или к получению профессии непосредственно в самом исправительном учреждении. Решение данных вопросов оказывает влияние на жизнь осужденного после освобождения.

Социальный работник и заключенный вместе оценивают предложения по обучению, в некоторых случаях даже заочному, которое мог бы получить последний.

Важным вопросом также является планирование отпуска в целях рационального использования ограниченного периода времени.

Социальный работник оказывает осужденному помощь в решении следующих практических вопросов: освобождение жилой площади или аренда нового жилья после выхода из исправительного учреждения, поиск рабочего места, урегулирование вопросов страхования, ликвидация долгов или помощь в управлении финансами осужденного, в некоторых случаях с привлечением ведомств, оказывающих материальную поддержку.

Кроме того, он обращает внимание осужденных, отбывающих наказание, на подходящие предложения по проведению групповых мероприятий, организованных им самим или другими сотрудниками.

Особую важность приобретает обеспечение связи осужденного, отбывающего наказание, с лицами вне тюрьмы. При этом на передний план может выйти психологический фактор; очень часто лица, находящиеся за пределами исправительного учреждения, нуждаются в профессиональной поддержке для преодоления тяжелой ситуации, например, женщины, которые из-за ареста мужей вынуждены заниматься воспитанием своих детей одни. Речь может идти и о таких правовых вопросах, как предоставление семье, находящейся за пределами исправительного учреждения, кредитования для возмещения издержек.

По желанию осужденных, отбывающих наказание, социальные работники способствуют установлению контакта с жертвами преступления и обеспечивают профессиональную поддержку таких контактов.

Социальный работник подготавливает отчеты по оценке поведения осужденного, отбывающего наказание, для последующего возможного условного освобождения.

При освобождении заключенного из исправительного учреждения социальный работник передает все необходимые дела организации, курирующей освобожденное лицо и предоставляющей помощь ему или иному учреждению, оказывающему поддержку таким лицам.

Кроме того, социальный работник принимает участие в различных конфиденциальных заседаниях, посвященных обсуждению отдельных осужденных, отбывающих наказание, и вопросам всего учреждения.

Таким образом, работа, проводимая социальными службами, подразделяется на оказание помощи осужденным, отбывающим наказание, с учетом их личностных особенностей, организационную деятельность и решение административных задач.

Социальные работники подготавливаются в швейцарской конфедерации в высшем учебном заведении. Существуют два вида высших учебных заведений: университеты и специальные высшие учебные заведения. Первые ориентированы на подготовку научных кадров, в то время как вторые дают конкретное профессионально ориентированное образование. Подготовка по специальности «Социальный работник» проводится в специальном высшем учебном заведении, которое в той или иной степени соответствует российскому институту.

Срок обучения составляет 3 года (при полном учебном дне); в России – 5 лет. Два семестра отводятся для проведения практики по социальной работе. Приобретение навыков и знаний происходит, с одной стороны, в ходе непосредственной работы практиканта, а с другой – за счет одновременного теоретического закрепления знаний, приобретенных в ходе работы.

В отличие от существующей в России системы подготовки социальных работников в специальных высших учебных заведениях Швейцарии обучение не носит узкоспециализированный характер, т. е. выпускники российских вузов по окончании учебы смогут освоить любую специализа-

цию социальной работы и довольно быстро приобрести необходимые для этого специальные знания. Такой подход обусловлен целым рядом причин. Швейцария располагает приблизительно 3 тыс. учебными местами. Кроме того, очень быстро устаревают именно специализированные знания, в связи с чем необходимо обеспечивать подготовку по ключевым направлениям, которые не подвержены столь быстрой девальвации. По нашему мнению, о специалисте нельзя сказать, что он окончательно обучен и подготовлен, так как сразу после окончания учебного заведения для него вновь начинается учеба, которая длится всю жизнь. Кроме того, такая система обучения, отказавшись от узкой специализации, обеспечивает повышенную профессиональную мобильность выпускников.

Формально перечень предлагаемых для изучения предметов идентичен перечню, принятому в соответствующих институтах России: элементы психологии, педагогики, социологии, философии и этики, история социальной работы, теория организационной работы, а также различные технологии и методы социальной работы.

Структурные схемы обучения различны. Оно может проводиться в соответствии с фиксированным почасовым планом, при этом курсы образуют однородные группы, сохраняющиеся во время всего процесса обучения. Кроме того, система обучения может быть построена в виде конструктора или модульной системы. В последнем случае учащиеся имеют определенную свободу выбора. В свою очередь, модули могут быть ориентированы на традиционные дисциплины или изучаемые междисциплинарные темы, вследствие чего модуль становится междисциплинарным. Обучение в рамках модуля завершается контролем усвоения материала или экзаменом.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что воздействие системы исполнения наказаний на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, заключается в ограничении свобод. Педагогически создаются условия постоянной скрытой угрозы для человеческого достоинства осужденных, отбывающих наказа-

ние. По этой причине система исполнения наказаний должна решать сложную задачу обеспечения свободы для людей во второй раз, уже непосредственно на территории исправительного учреждения. Сложность, или парадокс, заключается в том, что в условиях лишения свободы необходимо создать условия свободы. Именно они должны определить границы, в которых протекает ресоциализация осужденных, отбывающих наказание. Под ресоциализацией следует понимать проведение подходящих для этой цели мероприятий, которые помогли бы осужденным стать вновь социально совместимыми с другими людьми и группами людей, жить без насилия, поддерживать отношения с окружающими и быть работоспособными.

Швейцарские социальные работники, которые являются членами различных международных объединений, поддерживают точку зрения, согласно которой социальная работа – это деятельность по обеспечению соблюдения прав человека. Сказанное также справедливо в отношении социальных работников, занятых в сфере исполнения наказаний. Они следят за соблюдением прав человека при взаимодействии с полицией, иммиграционными органами, сотрудниками или руководством тюрем и исправительных учреждений. Речь идет о предоставлении поддержки всем указанным лицам при решении общей задачи гарантированного сохранения человеческого достоинства, в том числе в условиях учреждений исполнения наказаний.

Библиографический список

1. *Казанцев, В. Н.* Социальная работа в пенитенциарных учреждениях (на примере Германии и Швейцарии) / В. Н. Казанцев // Вопросы социологии и социальной педагогики : сб. науч. тр. – Рязань, 2001.
2. *Кузнецов, М.* Социальная работа в пенитенциарных системах зарубежных стран : учеб. пособие / М. Кузнецов, В. Казанцев, Д. Ивашин. – Рязань, 2003.
3. Социальная работа в УИС: концепции и перспективы развития : материалы международного. науч.-практ. конф. 19–20 нояб. 2002 г. – Рязань, 2003.

Н. В. Маринчев,

*аспирант Международного независимого
эколого-политологического университета*

А. С. Тимошук,

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

доктор философских наук

ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Роль идей права весьма значительна при формировании общественного правосознания. Данные вопросы актуальны и для российской правовой науки, так как в настоящий момент перед Россией как перед многонациональным государством особенно остро стоит вопрос поддержания идеологического единства, связанного с формулировкой и трансляцией в общество фундаментальных, всеобщих ценностей и идей¹. В связи с этим важен опыт традиционной правовой системы Древней Индии, в которой социальная система отражает чаяния создания общества, гармонично объединяющего различные этнические группы, расы, образы жизни и верования. Данная система стабильно функционировала значительный промежуток времени². Это является свидетельством того, что идеологическая основа выполнила свою задачу: с одной стороны, предложив социуму консолидирующую идею, систему ценностей, объединяющую всех членов общества, вне зависимости от существующих различий, а с другой стороны, успешно актуализировала их для каждого члена общества.

Аксиологические ориентации, морально-этические доминанты, представления о путях и конечных целях развития общества составляют идеологию, которые трансформируются в правовые нормы, установленные и охраняемые государством. Поэтому государственную идеологию можно рассматривать как основу, формирующую право (протоправо)³. Дополнив это определение, можно указать, что идеология имеет

две составляющие: ценностную деятельно-установочную составляющую, имеющую иерархичное построение, и механизм ее интерпретации и трансляции в общественное сознание⁴. Идеология объясняет изменения и тенденции, происходящие в обществе на основе высших, самодовлеющих принципов. Формируя и актуализируя совокупность ценностей для конкретного индивида или группы, идеология соотносит человека с определенной группой, общностью, что влияет на его поведение и направление приложения усилий⁵. Таким образом, просматривается связь между идеологией и социальным устройством общества. В различных обществах один и тот же человек может занимать разное положение вследствие дифференциации идеологий. Например, в 20-е гг. прошлого века пролетарий в Англии мог считаться представителем «угнетенного класса», тогда как в Советской России он становился частью «элитного правящего класса, установившего диктатуру».

На основе философского базиса и авторитета Вед была сформулирована концепция идеального, с точки зрения традиции, социального устройства – *варнаширама дхарма*. Гитопанишад указывает на два главных направления развития, которые *варнаширама дхарма* предлагает человеку: 1) создание условий для цивилизованной жизни и исполнения желаний в материальном мире (*прасавишийадхвам* – материальное процветание) и 2) духовный прогресс, приводящий к освобождению от страданий (*мокша*)⁶. Для развития в данных направлениях ставятся четыре цели: правильное выполнение долга (*дхарма*), экономическое процветание (*артха*), реализация желаний (*кама*) и освобождение от страданий (*мокша*). Данная система возвышала сознание членов общества через психологические и социальные стимулы⁷.

Общая концепция *варнаширамы* состоит в разделении общества на четыре *варны* (социальные группы) и четыре *ашрама* (уклада жизни). В соответствии с данной градацией у каждого человека есть две задачи. Как индивид он должен выполнить свое духовное

¹ См.: Клименко А. И. Идеология как неотъемлемый признак государства // Науч. тр. Рос. акад. юрид. наук. М., 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 212–215.

² См.: Danielou Alain. India. A Civilization of Differences. Inner Traditions. Rochester, Vermont, 2005. P. 2.

³ См.: Хабибуллин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С. 11–20.

⁴ См.: Клименко А. И. Указ. соч. С. 212–215.

⁵ См.: Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И. К. Духовный кризис в России: есть ли выход? // Октябрь. 1996. № 6. С. 129.

⁶ См.: Бхагавад-гита. 3.10.

⁷ См.: Culture India. Delhi, 2006. P. 120.

предназначение, пройдя череду *ашрамов* (*ашрам* – уклад жизни, в центре которого стоит исполнение духовных обязанностей), тогда как в качестве члена определенной социальной группы (*варны*) он принимает обязанность сотрудничества на благо общества¹.

«Мы все обладаем различными способностями, склонностями, талантами. Следовательно, практически невозможно выработать единый свод правил поведения и линию руководства не только для всех людей, но даже для двух личностей»². Поэтому персонализм является одним из принципов *варнашрамы*, в соответствии с которым каждому человеку предписываются индивидуальная *дхарма* с учетом его психофизических и половозрастных особенностей.

Стоит отметить, что концепция *варнашрамы* не основана на этнической принадлежности, слово «*арья*» указывает на благородство человека, понимающего истинную ценность человеческой жизни, чья культура основана на принципах духовного самосознания. Поэтому когда в Бхагават-гите Кришна укоряет Арджуну, он называет его «*анарйа*», т. е. тем, кто забыл высшую цель жизни³. Из этого следует, что человек, даже родившись за пределами «*бхарата-варши*» (т. е. Индии), но, обладая необходимой квалификацией, являлся *арием* и полноценным членом ведического общества.

Принцип жертвы, дара (*йаджны*) является объединяющей концепцией для всего ведического социума, главной аксиологической доминантой. Этот же принцип высказывался одним из основателей и лидеров евразийцев Н. Трубецким: «...идея-правительница должна быть такова, чтобы, во-первых, ради нее стоило жертвовать собой, во-вторых, чтобы жертва расценивалась бы всеми гражданами как морально ценный поступок»⁴. Принцип *йаджны* последовательно проявляется во всех сферах жизни: в ведийской культуре ученичество – это жертва, труд – жертва, свадьба – жертва, зачатие ребенка – это также жертва.

«Правовой модус «правомочия» имеет место лишь там, где имеется противовес в

модусе «обязанности»⁵. Это принцип закрепляется *варнашрамой*, которая определяет *дхарму* (предписанный долг) для каждого члена общества, но не закрепляет права. Таким образом, обязанности одной социальной группы являются правами другой⁶, что является самой надежной гарантией их исполнения. Так, формальное право не имеет ценности до тех пор, пока реализация этого права не стала чьей-то обязанностью.

Подведем итог и сформулируем некоторые принципы, лежащие в основе правовой идеологии традиционной правовой системы Древней Индии:

1. Существует два направления развития (материальное и духовное), в связи с этим ставится четыре цели: исполнение долга (*дхарма*), экономическое процветание (*артха*), реализация желаний (*кама*) и освобождение от страданий (*мокша*).

2. Общество имеет иерархичную стратификацию.

3. Политэкономика традиционного общества основана на дарении.

4. Персонализация правового статуса в соответствии с психофизическими и половозрастными особенностями.

5. Социум объединяется на основе ценностно-смысловой доминанты, а не этнической принадлежности.

6. Консолидирующей идеей общества является принцип жертвы (*йаджны*).

Таким образом, исследование правовой культуры Древней Индии, которая является неотъемлемой частью единой истории правового развития человечества, обогащает правовую науку ценным опытом построения принципов права.

Библиографический список

1. Тимошук, А. С. Традиционная культура: сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. – Н. Новгород, 2007.
2. Проблемы общей теории права и государства / Н. В. Варламова [и др.] ; под ред. В. С. Нерсисянца. – М., 2006.
3. Danielou, A. India. A Civilization of Differences. Inner Traditions / Alain Danielou. – Rochester, Vermont, 2005.

⁵ См.: Философия права / О. Г. Данильян и др.; Под ред. О. Г. Данильяна. М., 2006. С. 240.

⁶ См.: Danielou Alain. Op. cit. P. 18.

¹ См.: Danielou Alain. Op. cit. P. 8.

² Ibid. P. 9.

³ См.: Бхагавад-гита. 2.2.

⁴ Цит. по: Ахматов А. В. Государственно-правовые идеи евразийцев // Науч. тр. Рос. акад. юрид. наук. М., 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 38.

С. С. Новиков,
начальник факультета заочного обучения
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук, доцент

ИБРАГИМ РУГОВА: ИНТЕЛЛИГЕНТ И ПОЛИТИК

Более десяти лет Ибрагим Ругова являлся лидером албанского населения в Косово. Многих исследователей интересует вопрос о том, как это ему удалось в таком проблемном регионе Европы. Кто он, И. Ругова, – человек, политик и интеллигент?

И. Ругова родился 2 декабря 1944 г. в местечке Црнце (Косово). В то время Косово было объединено с Албанией (контролируемой с 1941 г. фашистской Италией, а с 1943 г. – Германией). Югославский контроль над указанной провинцией был восстановлен в конце Второй мировой войны, после того, как партизанская армия И. Б. Тито разбила отряды албанских националистов. Отца И. Руговы Уке Ругова и его деда Русте Ругова казнили югославские коммунисты в январе 1945 г. за коллаборационистскую деятельность с немцами в годы войны, хотя И. Ругова всегда считал их партизанами¹.

И. Ругова закончил начальную школу в с. Исток, затем в 1967 г. среднюю школу в г. Печ. В 16 лет выпустил первый сборник своих стихов. Поступив в Приштинский университет на факультет философии албанских наук, И. Ругова в 1968 г. участвовал в протестных выступлениях косовских студентов. По окончании обучения в 1971 г. он был оставлен в университете в качестве аспиранта. Предметом его исследования стала литературная теория. В качестве практиканта его направили в Высшую школу социальных исследований (École Pratique des Hautes Études) в Парижском университете, где в течение двух лет (1976–1977 гг.) он проводил свои исследования под руководством Р. Барто. В 1984 г. И. Ругове присвоили степень доктора наук после защиты диссертации «Основные направления и развитие албанского литературного критицизма (1504–1983)»².

В 1970-е гг. И. Ругова вел активную журналистскую деятельность, редактировал сту-

денческую газету «Bota e Re»³ и журнал «Dituria»⁴. Кроме того, он работал в Институте албанологии в г. Приштина, где занимал должность главного редактора периодического издания этого института «Gjurmime albanologjike»⁵. В это время И. Ругова вступил в Союз коммунистов Югославии (СКЮ). Как и во многих других социалистических государствах того времени, членство в партии играло важнейшую роль в продвижении по карьерной лестнице. Имя И. Руговы стало знаменитым благодаря выходу в свет большого количества работ по литературной теории, литературной критике и истории, а также поэтических произведений. Его литературный вклад был оценен косовской албанской интеллигенцией, в результате чего он стал ее лидером и в 1988 г. был избран председателем Союза писателей края Косово, который возглавлял до 1989 г.

В марте 1989 г. парламент Сербии принял новую конституцию, ограничивавшую широкие права автономии Косово, данные ей конституцией СФРЮ 1974 г. В соответствии с данным документом в Косово упразднили законодательные и исполнительные органы власти. Действия руководства страны вызвали волну недовольства не только среди политической элиты Косово (включая местную коммунистическую партийную организацию), но и среди простого населения. Депутаты распущенного косовского парламента заявили о создании независимой Республики Косово, которая не была признана в мире. В связи с этим сербское правительство ответило арестами 112 из 120 депутатов и 6 членов правительства края, инкриминировав им контрреволюционную деятельность. Журналисты, комментировавшие декларацию депутатов, также были арестованы.

Интеллигенция Косово выступила против решений Белграда: И. Ругова был одним из 215 подписавших «Призыв косовских интеллектуалов», в котором осуждалось решение С. Милошевича изменить статус края. За это И. Ругова был немедленно исключен из рядов СКЮ.

В декабре 1989 г. косовские диссиденты, в том числе и И. Ругова, создали Демократическую лигу Косово (ДЛК) как движение

¹ См.: *Didanović V. Ibrahim Rugova: Umeren političar, ekstremancilj // Vrijeme. 2004. № 4.*

² *Didanović V. Op. cit.*

³ «Новый мир».

⁴ «Знание».

⁵ «Албанские исследования».

протеста против решения властей. После того как первый кандидат на пост лидера ДЛК Р. Косья, известный писатель-националист, отказался от него, движение возглавил И. Ругова. Новая политическая партия имела огромный успех: в течение нескольких месяцев 700 тыс. человек (практически все взрослое албанское население края) стали членами этой партии. Демократическая лига Косово создала в крае подпольное албанское руководство. Его задачи заключались в продвижении албанского языка в учебных заведениях и улучшении медицинского обслуживания для албанской общины. Во главе подпольного парламента Косово стоял Б. Букоши, который находился в Германии. Деятельность «теневое правительство» была направлена в основном на косовскую албанскую диаспору, проживающую в Германии и США. «Правительство» Косово было официально признано лишь Албанией.

Косовские албанцы бойкотировали югославские и сербские выборы. В крае стали создаваться параллельные албанские структуры власти. Первым президентом непризнанной Республики Косово в мае 1992 г. стал И. Ругова.

Выход из СФРЮ Словении и Хорватии в 1991 г. послужил началом югославского кризиса. Летом 1992 г. руководство Югославии задействовало все войска на территории Словении и Хорватии, поэтому у правительства С. Милошевича не было свободных вооруженных сил, чтобы направить их на предотвращение других внутренних конфликтов. И. Ругова поддерживал косовскую независимость, осуждая при этом использование силы, так как опасался повторения боснийского сценария. Он был сторонником методов М. Ганди, а именно ненасильственного сопротивления. Во время своего визита в Лондон И. Ругова заявил: «Убийство не является единственной формой сопротивления. В Косово нет массового нарушения прав человека. Мы организовались и действуем как государство. Легко взять под свой контроль улицы и послать людей на самоубийство, но истина лежит в предотвращении катастрофы»¹.

Сербское и югославское правительства рассматривали «теневой кабинет» косов-

ских албанцев как незаконную организацию. Однако они не пытались полностью прекратить их деятельность и даже разрешали активистам ДЛК выезжать за рубеж. На наш взгляд, С. Милошевич видел в И. Ругове политика, который мог бы остановить волну недовольства в крае. Для правительства Милошевича было бы затруднительно действовать адекватно в Боснии и Герцеговине, Хорватии и Косово.

В течение 1990-х гг. И. Ругова вел переговоры с властями Сербии только о предоставлении Косово независимости. Компромисс, или уступка в глазах его критиков, наступил в 1996 г., когда он достиг соглашения с Сербией в отношении образовательных учреждений и системы подготовки кадров в Косово.

Стратегия ненасильственного сопротивления И. Руговы нашла широкую поддержку албанского населения Косово, наблюдавшего трагические последствия военного противостояния в Хорватии и Боснии. Однако Дейтонское соглашение 1995 г.², положившее конец боснийской войне, серьезно ослабило позицию И. Руговы. В данном Соглашении косовская проблема не упоминалась, и международное сообщество не сделало никаких шагов по ее разрешению. Более того, была достигнута договоренность о том, что никакие другие территориальные изменения в пределах Югославии впредь санкционированы не будут. Радикально настроенные косовские албанцы начали призывать население к вооруженному восстанию, считая это единственным способом привлечь внимание внешнего мира. Они заявляли, что политика ненасильственного сопротивления оказалась неудачной и не позволила добиться независимости.

Относительно пассивные действия албанских националистов сменились террористическими акциями Освободительной армии Косово (УЧК), организованной в 1996 г. Боевики УЧК в целях дестабилиза-

² Мирные переговоры начались 1 ноября 1995 г. на базе ВВС США (Райт-Паттерсон, штат Огайо) между президентами С. Милошевичем, И. Изетбеговичем и Ф. Туджманом. На встрече присутствовали представители Контактной группы. Президент США Билл Клинтон объявил 21 ноября 1995 г., что президенты Сербии, Хорватии и Боснии достигли консенсуса на мирных переговорах.

¹ *Didanović V. Op. cit.*

ции ситуации проводили массовые убийства сербов в лагерях для беженцев, совершали нападения на полицейские патрули. Реакция руководства Югославии последовала незамедлительно – подразделения сербской армии были введены в Косово. В начале 1998 г. Германией, Францией, Россией, Великобританией и США была создана Контактная группа по Косово. В этом же году И. Ругова был переизбран президентом Косово и получил премию Европарламента имени Андрея Сахарова за свободу мысли. Однако он стал во многом зависим от УЧК. Это особенно проявилось в феврале 1999 г., когда он назначил предложенного подпольным парламентом Косово политического лидера УЧК Х. Тачи руководителем делегации косовских албанцев на переговорах в Рамбуйе (Франция).

На конференции в Рамбуйе обсуждались пути прекращения конфликта в Косово. В результате руководству Югославии было предложено подписать пакет мирных соглашений, в соответствии с которыми Косово приобретало независимость, а сама Югославия подпадала под протекторат НАТО. Президент Югославии С. Милошевич категорически заявил о своем отказе подписывать такое соглашение, и уже через месяц, 24 марта 1999 г., началась агрессия НАТО против Югославии.

В начале апреля 1999 г. И. Ругова прибыл в Белград, и сербское телевидение показало его встречу со С. Милошевичем, на которой И. Ругова призывал прекратить столкновения. Несколько недель спустя сербские средства массовой информации объявили о том, что И. Ругова подписал мирное соглашение с сербским президентом М. Милутиновичем. В результате И. Ругова потерял доверие в своем крае и за рубежом.

В мае 1999 г. И. Ругова выехал в Италию (фактически это было изгнание политика из края). Однако в июле 1999 г. он возвратился в Косово, по мнению аналитиков, лишь благодаря влиянию итальянского правительства. Несмотря на это, в крае ему был оказан прием как национальному герою и он вернулся в политическую жизнь.

В октябре 2000 г. возглавляемая им партия Демократический Союз Косово победила на выборах, получив 58 % голосов избирателей. На втором месте оказалась тес-

но связанная с УЧК Демократическая партия Косово (лидер Х. Тачи)¹.

Четвертого марта 2002 г. парламент Косово на пленарном заседании избрал И. Ругову президентом провинции. И. Ругова стал безусловным политическим лидером после того, как его партия создала коалицию с более мелкими партиями и начались сложные переговоры между основными политическими партиями Косово. Албанские лидеры края нашли компромисс по вопросу о разделе власти. Таким образом завершился длившийся с ноября 2001 г. политический кризис в крае.

Глава администрации ООН в Косово М. Штайнер приветствовал достижение соглашения между албанскими партиями. Он подчеркнул, что приоритетом косовских институтов власти должно стать «справедливое и равное отношение ко всем гражданам Косово, работа ради достижения примирения и воспитания терпимости между различными этническими общинами, консолидация демократических сил»².

И. Ругова на посту президента провинции продолжил кампанию по обретению независимости от Сербии, причем исключительно мирными средствами. Кроме того, он проводил политику сохранения тесного сотрудничества с США и Европейским Союзом, за что его резко критиковали националисты. Вместе с тем он находил сторонников среди бывших руководителей УЧК. Так, в ноябре 2004 г. он назначил Р. Харадиная, бывшего командира УЧК и лидера албанской партии «Альянс за будущее Косово», премьер-министром края. Несмотря на это, оппозиция была сильна и агрессивна. Пятнадцатого марта 2005 г. по счастливой случайности И. Ругова избежал смерти во время покушения на его кортеж.

Библиографический список

1. На службе мира / под ред. А. А. Стрельникова. Воронеж, 2002.
2. Рыжков, Н. И. Распятая Югославия / Н. И. Рыжков, В. Н. Тетекин. – М., 2003.
3. *Didanović, V. Ibrahim Rugova: Umeren političar, ekstremen cilj* / V. Didanović // *Vrtjeme*. – 2004. – № 4.

¹ В ноябре 2007 г. на выборах в парламент Косово партия Х. Тачи одержала победу и он получил право сформировать правительство.

² На службе мира / Под ред. А. А. Стрельникова. Воронеж, 2002. С. 44.

А. Н. Краснов,
*консультант аппарата комитета
по экологии и природопользованию
Законодательного Собрания
Нижегородской области*

ДЕФЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В российском законодательстве происходят крупные изменения, обусловленные внутренними и внешними процессами интеграции и дифференциации сфер социального бытия, расширением либо сужением объема их правового пространства.

В современных условиях практика социального бытия ставит перед юридической наукой широкий спектр нетрадиционных вопросов, требующих глубокого теоретического обоснования и действенных форм оперативного юридического вмешательства. Отсюда в числе актуальных задач – выявление и последующее устранение дефектов законодательства, в частности, экологического, в первую очередь его технико-юридического инструментария.

Экологическое законодательство – одно из наиболее «молодых» отраслевых направлений современной правовой системы России. К сожалению, данной отрасли не удалось избежать как традиционных, типичных для иных отраслей законодательства, технико-юридических изъянов, так и специфических, можно сказать, идентификационных, собственных дефектов.

Последние пронизывают весь арсенал юридической техники экологического законодательства. В то же время каждый из них несет в себе различный негативный заряд и имеет различный объем распространности. Поэтому сконцентрируем внимание на наиболее значимых (вредоносных) дефектах, а также проанализируем причины их появления.

Итак, одним из факторов дефектности юридической техники экологического законодательства выступает безынициативность государства в вопросах законодательной регламентации экологических правоотношений.

Косвенным подтверждением тому служат содержательные интонации ежегодных посланий Президента РФ.

В частности, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» отмечалось: «Вступая в новую эпоху, мы должны расстаться со старым взглядом на природу, как на свою «мастерскую». Ее ресурсы не бесконечны. *Нужны новые правила* (здесь и далее курсивы наш. – А. К.) поведения человека на Земле: защищать природную среду – значит *защитить саму жизнь на Земле*. Ключевая роль в этой сфере принадлежит государству, которое через систему образования, средства массовой информации и законодательную базу обязано сформировать своеобразный кодекс «экологического поведения». *Экономическая политика государства* должна, наконец, всерьез считаться с экологическими ограничителями»¹.

Более умеренно о проблемах экологии сказано в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 3 апреля 2001 г. «Не будет ни революций, ни контрреволюций»: «Развитие страны определяется не одним лишь экономическим успехом, но – не в последнюю очередь – духовным и физическим здоровьем нации, хотя, разумеется, это все взаимосвязано. Здоровье народа сегодня напрямую связано не только с состоянием общественного здравоохранения, но и с самим образом жизни людей, с *экологией*, развитием медицинской науки. В современных условиях охрана здоровья – это проблема государственного масштаба»². А в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 г. говорится лишь об утилизации ядерного оружия: «Утилизация этого оружия поможет нам оздоровить экологию некоторых регионов России»³. Последующие послания Президента России упоминаний о состоянии и перспективах развития системы экологической безопасности не содержат.

Следует отметить, что число федеральных законов в сфере охраны окружающей среды и природопользования, принятых Государственной Думой IV созыва, крайне незначительно: в 2004 г. – 4; 2005 г. – 3; 2006 г. – 9; 2007 г. – 4. Фактически к новым норматив-

¹ Рос. газ. 1999. 31 марта.

² Там же. 2001. 4 апр.

³ Там же. 2003. 17 мая.

ным правовым актам можно отнести лишь Водный и Лесной кодексы Российской Федерации, принятые в 2006 г. в новой редакции.

Вместе с тем дефектность экологического законодательства образуется не только ввиду нормотворческих инноваций, но и вследствие вносимых в действующие законы изменений, которые порой приводят к парадоксальным с точки зрения юридической техники результатам. Так, Федеральный закон «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 29 ноября 2004 г. № 141-ФЗ (с изменениями от 31 декабря 2005 г.)¹ в части второй установил: «Признать утратившими силу с 1 января 2006 года:

1) Закон Российской Федерации от 11 октября 1991 года № 1738-1 «О плате за землю» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 44, ст. 1424), за исключением статьи 25».

В итоге в правовом массиве России действует закон, состоящий из одной статьи и имеющий следующий вид: «Закон Российской Федерации от 11 октября 1991 года № 1738-1 «О плате за землю» (с изменениями от 14 февраля, 16 июля 1992 года, 14 мая 1993 года, 9 августа 1994 года, 22 августа, 27 декабря 1995 года, 28 июня, 18 ноября, 31 декабря 1997 года, 21, 25 июля, 29 декабря 1998 года, 22 февраля, 31 декабря 1999 года, 30 декабря 2001 года, 24, 25 июля, 24 декабря 2002 года, 23 декабря 2003 года, 29 июня, 20, 22 августа, 29 ноября 2004 года, 7 марта 2005 года).

Статья 25. Нормативная цена земли – показатель, характеризующий стоимость участка определенного качества и местоположения, исходя из потенциального дохода за расчетный срок окупаемости.

Порядок определения нормативной цены земли устанавливается Правительством Российской Федерации»².

Кроме того, среди дефектов юридической техники российского экологического

законодательства особого внимания требуют технико-юридические дефекты языкового свойства.

Следует отметить, что язык экологического законодательства, как и язык права в целом, является одним из ведущих элементов юридической техники.

Он должен быть кратким, концентрированным, однозначным и простым в понимании.

Вместе с тем строгого соблюдения языковые (грамматические, лексические, синтаксические) каноны в экологическом законодательстве удастся не всегда. К числу наиболее заметных изъянов относятся: употребление метафор и образных выражений; использование архаизмов, диалектизмов, иностранных слов и терминов; упрощение словосочетаний; тавтология и др.

К числу распространенных логико-смысловых дефектов экологического законодательства относится двусмысленность нормативных формулировок.

Так, в преамбуле Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха» от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ указывается: «Атмосферный воздух является жизненно важным компонентом окружающей природной среды, неотъемлемой частью среды обитания человека, растений и животных. Настоящий Федеральный закон устанавливает правовые основы охраны атмосферного воздуха и направлен на реализацию конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии»³.

При этом ст. 1 этого Закона определяет, что атмосферный воздух – это «жизненно важный компонент окружающей природной среды, представляющий собой естественную смесь газов атмосферы, находящуюся за пределами жилых, производственных и иных помещений». Таким образом, логично заключить, что в жилых помещениях правовой режим охраны прав граждан на благоприятную окружающую среду не гарантируется.

Пункт 4 ст. 10.1 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. «О недрах» устанавливает, что основанием возникновения права пользования участками недр, в частности, в целях геологического изучения участков недр,

¹ См.: СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4840.

² Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1991. № 44. Ст. 1424.

³ СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2222.

является решение комиссии, которая создается федеральным органом управления государственным фондом недр и в состав которой включаются также представители органа исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации¹. Таким образом, установлен достаточно понятный характер взаимодействия федеральной и региональной ветвей власти.

Однако, если обратиться к п. 7 этой же статьи, то определенность исчезает. Согласно данному пункту основанием возникновения права пользования участками недр, в том числе и в целях геологического изучения участков недр, является «решение уполномоченных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации о предоставлении права пользования участками недр, содержащими месторождения общераспространенных полезных ископаемых, или участками недр местного значения, а также участками недр местного значения, используемыми для целей строительства и эксплуатации подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых».

Попутно заметим, что создание и ведение территориальных фондов геологической информации о недрах, распоряжение информацией, полученной за счет государственных средств, относится к полномочиям и федеральных органов государственной власти, и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере регулирования отношений недропользования (ст. 3 и 4 Закона РФ «О недрах»). При этом в соответствии со ст. 41 рассматриваемого Закона плата за геологическую информацию поступает в доход федерального бюджета независимо от того, за чей счет она получена: за счет федеральных средств, средств бюджетов субъектов Федерации или за счет средств местных бюджетов.

Другой разновидностью рассматриваемой категории дефектов выступает взаимная противоречивость, коллизионность дефинитивных формулировок.

Подобные примеры обнаруживаются при сопоставлении положений ст. 40 и 43 Федерального закона «О животном мире» от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (в редакции от 6 де-

кабря 2007 г.)². В частности, ст. 40 данного Закона устанавливает, что правила, сроки и перечни орудий и способов добывания объектов животного мира, разрешенных к применению, утверждаются Правительством Российской Федерации. А ст. 43 этого Закона фиксирует порядок добывания объектов животного мира, не отнесенных к объектам охоты и рыболовства законодательными органами власти. В чем заключаются отличия предмета правового регулирования правил добывания объектов животного мира и порядка добывания объектов животного мира разобраться весьма затруднительно.

В качестве дефекта следует квалифицировать и указание в законах понятий, которые в последующем тексте фактически не используются. Так, в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ зафиксировано понятие «экологический аудит»: «независимая, комплексная, документированная оценка соблюдения субъектом хозяйственной и иной деятельности требований, в том числе нормативов и нормативных документов, в области охраны окружающей среды, требований международных стандартов и подготовка рекомендаций по улучшению такой деятельности»³. Между тем далее в тексте закона данное понятие не упоминается.

Негативной представляется и обратная ситуация, когда в тексте закона активно применяется (особенно при установлении норм прямого действия, важных для четкого применения) конкретное понятие, а его дефинитивное определение отсутствует. Еще более ситуация осложняется, если дефиниции нет и в подзаконных актах. Примером служит отсутствие в Водном кодексе Российской Федерации определений понятий «пруд» и «обводненный карьер», ввиду чего неясно, чем они отличаются друг от друга или, например, от озер, каналов и иных водных объектов⁴. При этом именно пруды и обводненные карьеры могут находиться в собственности субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, физических и юридических лиц.

Дефектом является также использование в законодательстве неточных дефиниций. В

¹ См.: Рос. газ. 1992. 5 мая.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

³ Там же. 2002. № 2. Ст. 133.

⁴ См.: там же. 2006. № 23. Ст. 2381.

качестве примера можно привести определение понятия рыболовства в Федеральном законе «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ. В соответствии со ст. 1 данного Закона рыболовство определяется как «деятельность по добыче (вылову) водных биоресурсов, а также по их переработке, транспортировке и хранению». При этом водными биологическими ресурсами согласно этой же статье являются рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы¹.

Таким образом, как это ни выглядит странно, деятельность по добыче (вылову) водных млекопитающих и других водных животных, в том числе отнесенных к объектам охоты, выступает рыболовством и должна регулироваться как правоотношения по осуществлению рыболовства, а не охоты.

Отдельная категория – дефекты юридической техники, возникающие в связи с заключением международных договоров.

Будучи составной частью правовой системы Российской Федерации, международные договоры не должны противоречить, прежде всего, Конституции РФ как нормативному правовому акту, имеющему высшую юридическую силу на территории России, другим международным договорам Российской Федерации, а также общепризнанным принципам и нормам международного права.

Тексты международных договоров Российской Федерации, подлежащие ратификации, должны абсолютно точно соответствовать тем текстам, которые были приняты уполномоченными субъектами. Идеальной является ситуация, когда имеются аутентичные тексты на русском языке. Однако и в этом случае встречаются существенные расхождения.

Кроме того, мониторинг законодательства в сфере технического регулирования выявил неудовлетворительные темпы совершенствования экологического законодательства в связи с реализацией реформы технического регулирования.

Так, например, правительственная программа разработки технических регламентов на 2004–2006 гг., за исключением об-

щего технического регламента «Экологическая безопасность», не содержала разработки ни одного специального технического регламента, направленного на решение экологических проблем, гармонизированного с международными документами, включая директивы Совета Европы и документы ООН, в том числе в области управления отходами².

Таким образом, дефекты юридической техники служат причиной возникновения других дефектов, в частности, в правоприменительной сфере, в связи с чем снижается в целом эффективность правового регулирования экологических правоотношений. Подобное выражается в дезориентации граждан, нарушении принципа законности, нередко приводит к возникновению трудноразрешимых конфликтов.

Преодоление отмеченных и многих иных разновидностей дефектов юридической техники экологического законодательства возможно только при учете комплексности решаемой проблемы. Недостаточно устранять пробелы и изъяны формально-юридического характера (объективный срез), следует также искоренять недостатки субъективного, социального, политического, экономического и иного плана. Не менее очевидно и то, что механическая «ликвидация» дефектов юридической техники экологического законодательства не приведет к скорому и желаемому позитивному результату. Необходим выход на концептуальный уровень решения проблемы, ориентированный не только на реальность создавшегося положения, но и работающий на перспективу развития, в том числе в федеральном и международно-правовом контекстах.

Библиографический список

1. Бондарев, А. Язык закона – дело нешуточное / А. Бондарев // Рос. газ. – 1998. – 16 дек.
2. Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
3. Саидов, А. Х. Юридический язык и юридическая речь / А. Х. Саидов, Г. П. Саркисянц. – Ташкент, 1992.

² См. подробнее: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 февр. 2006 г. № 36-СФ // СЗ РФ. 2006. № 7. Ст. 746.

¹ См.: Рос. газ. 2004. 23 дек.

